ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 1 / 2015
ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсоцинбанк»

Главный редактор
Сергей ДОНБАЙ

Редколлегия:
Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Виктор КОВРИЖНЫХ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Владимир МАЗАЕВ,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

Содержание

ПОЭЗИЯ

Леонид Гержидович. Кузнечик рядом спит со мной.....
Елена Пиетиляйнен. Земная соль и звездный блеск.....
Дмитрий Мурзин. Как бы резвяся и играя... .....
Виктор Бровиков. Лети, печаль моя, лети... .....
Александр Цыганков. Ветер носит потерянный голос.....

ПРОЗА

Юлия Лавряшина. Серебряный ключ. Роман. Журнальный вариант .....
Елена Тулушева. Два рассказа. Предисловие А. Казинцева .....
Галина Золотаина. Былинки детства .....
Лидия Сычева. В гостях у «золотого миллиарда». Р а с с к а з .....
Дмитрий Хоботнев. Клуб неухоженных могил. Р а с с к а з .....
Сергей Трахименок. Была весна. Рассказ о любви.....
Вячеслав Рукосуев. Два рассказа.....
Антон Лукин. Первое апреля. Р а с с к а з .....

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Митрополит Аристарх. Слово на церемонии вручения литературной премии в честь
святителя Павла Тобольского.....
Владимир Еременко. Благославенны все пути твои.....

ПУБЛИЦИСТИКА

Евгений Титков. Историю мы выбрасывать не можем.
(К вопросу о сталинском повороте к Церкви).....
Сергей Чепров. Матушка-земля (Размышления по прочтении очерков Анатолий Байбородина) .....

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Владимир Крюков. Томская классика.....

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Виктор Арнаутов. Десять дней январского лета. (Из тайской записной книжки).....

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

Виктор Коврижных. Поднялось мое сердце в небесную синь.....
Марина Тараненко. Я становлюсь малюсенькой.....

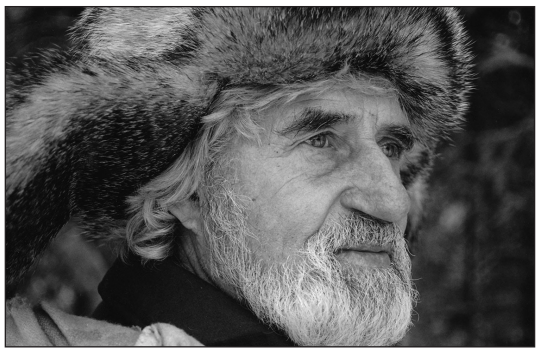
КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий Михайлов. Семя зрелое высеют кедры... (к 80-летию Леонида Гержидовича).....
Елена Елистратова. Из вечности с любовью (о книгах серии «Молодые поэты Кузбасса») .....

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Материалы XV конференции ассоциации писателей Урала и Сибири. **Нина Ягодинцева.**
Перевод: мосты и скрепы. **Арсен Титов.** Что читать тунгусу и калмыку... .....
Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин**.....

От души поздравляем дорогого друга со славным юбилеем – 80-летием!
Город Березовский, Кузбасс и многие края России знают Леонида Михайловича Гержидовича как замечательного певца Сибири, ее необъятной тайги, искренних людей, души которых вот уже много десятилетий он оберегает своими лирическими стихами.



Леонид ГЕРЖИДОВИЧ

КУЗНЕЧИК РЯДОМ СПИТ СО МНОЙ

ДУША

Уйду – душа останется.
У речки поутру
Присядет вечной странницей
К рыбачьему костру.
И рыбаков по случаю
На росном берегу
Я страстью неминучею
Незримо обожгу.
Им с сущим пониманием
Вселю благую мысль –
Чем дышит Мироздание
И как струится Высь.
Чтоб им в злобе нечаянной,
В сердцах не замутить
Речушки нескончаемой
Божественную нить.
Не заболеть под кущами
От зги и нищеты
На жизни срок отпущенный
Нехваткой доброты.
В забои и на пахоту
Нести благую весть
И жизнь любить распахнуто
Такой, какая есть.

БУРЕНКА

Во дворе мычит корова,
Квохчут куры у стрехи,
Приобщаюсь к жизни новой,
Забываю про стихи.
Был я тощий, словно спичка,
Как гулаговский скелет,
А теперь жена яичко
Мне изжарит на обед,
Из подойничка парного
Мне нацедит молочка,
Скажет ласковое слово
И напоит, как бычка.
Отвернулся быт суровый,
В теле немощи тая…
Ой вы, куры, ой корова,
Ой кормилица моя!
Стал я с Музою неловкой
По другим законам жить:
Строки длинные литовкой
В росном поле выводить.
Чтоб в подойник струи пели,
Чтоб петух хохлатил кур,
Чтобы щеки пламенели,
Как в куплете каламбур.

ГЕРЖИДОВИЧ Леонид Михайлович *родился 25 января 1935 года в селе Панфилово Кемеровской области. Окончил Новосибирский техникум физической культуры и спортивный факультет Кемеровского педагогического института, служил в армии, работал грузчиком в Магаданском порту, литсотрудником в газете, учителем физкультуры, пасечником, лесником, охотником-профессионалом.*

Автор многих книг стихов. Лауреат премии им. В. Федорова, член Союза писателей России.

Живет в деревне Юго-Александровка Кемеровского района.

А чтоб радость и надежда
Не загинули в лесу,
Я с утра Буренку нежно,
Как жену свою, пасу.
Ей рефрен и ей эпитет,
Ей окрестный колорит,
А она, знай, травку щиплет,
Рифму «му» мне говорит.
Насыщайся! И к обеду
Молочко домой неси,
Чтобы с голоду поэту
Не зачахнуть на Руси.

КОЛЮ ДРОВА

Любо похозяйничать!
В глубине двора
Силою играючи
Я колю дрова.
На года – за семьдесят –
Сердцем не ропщу.
Чурбаки, как семечки,
Колуном лущу.
Внучек тож не ленится –
Малый любит труд.
И дрова в поленнице
К небесам растут.
Вечер серой горлицей
Кружит у жилья.
Будет жаром полниться
Горница моя.
Думает соседушка,
Глядя через тын:
«Мне б такого дедушку,
Жару б дали, блин!»

* * *

Светлые дни отблистали,
Темных ночей не избыть…
Ноги отказывать стали –
Буду помногу ходить.
Вышибу недуг клин клином,
Сброшу свою маету
И по дороге за тыном
Вновь сам себя обрету.
Эй вы, Светило в зените,
Ель и Лопух у плетня,
Силы свои проявите
И выручайте меня!
В помощи буду стараться
Я у беды на краю.
Вы мне поможете, братцы,
Немощь осилить мою.
Выбежит внучка к дороге
И не узнает меня.
Скажет: «У путника ноги
Резвые, как у коня!»

* * *

Вдоль по улице пристойненько,
Обживая примитив,
Где-то пликает гармоника
Сверхлирический мотив.
А со мной, как света зарево,
Рядом девица идет,
На меня, такого старого,
Все глядит, разинув рот.
Как с картиночки лебедушка,
На таких глядеть бы век.
Говорит:
– Какой ты, дедушка,
Необычный человек.
Как твоя мне поступь нравится!
Восторгаясь и любя,
Даже солнце улыбается,
Сверху глядя на тебя.
А меня вот несусветная
Жизнь согнула пополам.
Я тебе, такому светлому,
Все что вздумаешь отдам.
Наша встреча ненапрасная,
Повстречались мы не зря.
Я идти с тобой согласная
Хоть за синие моря…
А загривок мой сутулится
И безрадостен мой вид.
И плетусь я долгой улицей,
Как отпетый инвалид.
Пусть девчонка рядом прыгает,
Пусть красива, как в раю.
Только ей, увы, не выгорит
Слямзить пенсию мою!

* * *

Мне мил неприхотливый быт
И вольный дух родного края.
Душа нисколько не скорбит
О каменно-бетонном рае.

Когда край неба над бугром
На соснах поостудит ветки,
Земля, угретая костром,
Мне дарит сон благой и крепкий.
Сливаюсь накрепко с землей.

И эта связь не оборвется.
Кузнечик рядом спит со мной,
А утром нас поднимет солнце,

Чтоб всем нам вместе осязать
Великолепие земное:
Березу добрую, как мать,
И птичью радость над собою.

КОТ

От мира отгороженный,
Познав тоску и страх,
Я жил в сторожке брошенной
На четырех ветрах.

Однажды из урочища,
Как чародей из вне,
Без имени, без прозвища
Явился кот ко мне.

Он лешим неухоженным
Обшаривал мой дом,
И уши обморожено
Топорщились на нем.

Я принял это чудище
И накормил, чем мог.
И он, довольный участью,
Прибился мне под бок.

Там где-то воры шастали,
Чтоб сесть потом в тюрьму,
По улицам – глазастые
Машины шли во тьму…

А здесь, в углу заброшенном,
На ветхом топчане,
Мурлыча, плоть звереныша
Рассказывала мне

О том, что в мире деется,
Где трудно жить, любя;
Где можно понадеяться
Лишь только на себя,

О том, как кушать хочется,
Когда съестного нет,
И то, что одиночество
Труднейшее из бед.

Студеною поземкою
Стучала в дверь метель.
Но грела нас убогая
И жесткая постель.

И слушал я участливо,
Что пел мне кот в тиши…
И были, были счастливы
Две сирые души.

УЛИЦА

Детство безотрадное, в суете дорог
Выветрить из памяти я тебя не мог.
По знакомой улице вот иду опять:
«Выходи, товарищи, гостя привечать!»
Отвечает улица: «Обвенчал их крест.
Сгинули товарищи. Ты один, как перст.
Ермолай зарезан был в драке, а с Петром…
Не вернулся в лайнере на аэродром.
Гитариста Зямина за стакан вина
Зарубила сонного глупая жена.
Ярослав Копеечкин – вовсе не бандит –
При побеге (лагерник) наповал убит.
Митя умер в тягости, был с рожденья квел.
Ваньку с Витькой Уткиных алкоголь извел.
Артамон повесился. Утонул Гришак…».
Как же это, Господи! получилось так?
Не изведав старости, не познав детей,
Убрались друзья мои под посев дождей…
Я без вас, ребятушки, без колоды – туз.
Ой какой навесили на меня вы груз!
Я бреду по улице, и за вас за всех
Изогнул мне спинушку непомерный грех.

ЛЕСОСЕКА

От кровавых мозолей
Пламенела рука.
Говорил Анатолий:
– Что, кишка, брат, тонка?
Ты для бодрости гикни
Или крикни: «Ура!»,
Вникни,
Разумом вникни
В механизм топора.
И в сердцах, что есть силы,
Я вникал сгоряча
В сердцевину осины
Топором от плеча.
А напарник лукаво
Хохотал на весь лес.
Мне казалось,
Сам дьявол
В его глотку залез.
А на завтра мы лесом
Загружали вагон.
«Слабаком» и «балбесом»
Костерил меня он.

Роба пухла от пота.
И вагон – словно пасть,
Бревнам не было счета…
Только б мне не упасть.
Продержаться бы только,
Но слабела рука.
И с ухмылочкой Толька:
– Что, кишка, брат, тонка?
В чащах новые всходы
Поднялись от земли.
И не бревна, а годы
Мне на плечи легли.
И, когда было трудно,
Цель была далека,
Слышал я из-под спуда:
– Что, кишка, брат, тонка?

* * *

В преднеминуемой остуде,
Пока есть отзвуки словам,
Хотел бы выдохнуть я людям:
– Спасибо вам!
Спасибо вам!
За то, что на ночь приютили,
За то, что не впустили в дом,
За то, что добрыми вы были
И душу брали на излом.
Спасибо вам за смех и слезы,
За тьму душевную и свет,
За похвалу и за угрозу,
За нелюбовь и за привет,
За горевание на тризне,
За первый выкрик малыша –
За все,
Чем радовалась в жизни
И чем печалилась
Душа.

Юлия ЛАВРЯШИНА

СЕРЕБРЯНЫЙ КЛЮЧ

Журнальный вариант

* * *

Его разбудил дождь. Насквозь промочив старый плед, в который неумело завернули младенца, вода холодом растеклась по коже, заставила едва слышно захныкать. Но мать не торопилась на его зов, и ребенок заплакал обиженно, громко, пытаясь высвободиться из мокрых пут. Он не догадывался, что никто и не мог прийти к нему на помощь, ведь люди не появлялись ночами в железнодорожном тупике.

Можно было плакать всю ночь и к утру затихнуть навсегда от переохлаждения, если б в Новосибирске не было «Кобры» – отряда юных волшебников.

– Вот ты где!

Ромка Филиппов осторожно поднял с земли мокрый сверток с новорожденным. Потом сделал сердитую гримасу, положил ребенка обратно и рывком стянул с себя куртку. Стараясь не суетиться, чтобы не уронить малыша, Ромка торопливо извлек его из мокрого пледа и завернул в куртку, нагретую собственным телом.

– Теперь хорошо? – шепнул он.

Ребенок выгибался внутри, требуя чего-то еще и сдавленно хныча. Вдали раздавался привычный перестук колес, отрывистые гудки, составлявшие музыку его детства, которое сам Рома уже считал законченным. Хотя дело было не в возрасте. Детство кончается, когда человек узнает, как болит сердце. А сегодня оно ныло до того, что Ромка едва распознал неслышный обычным людям зов малыша, попавшего в беду. Ведь утром Настя Ильина уезжала в Кемерово. Похоже, навсегда…

– Ромка?!

Он так и онемел от звука ее голоса: «Волшебство?!». Но никакого чуда не произошло – Настя возникла из темноты, шагнув из долгих струй. Ее длинные волосы стекали по желтой куртке, слабо светившейся в ночи. И робко протянула руку к ребенку:

– Вот кто звал! Ты первым успел.

Озябшие губы с трудом шевельнулись:

– Ты тоже уловила?

– Я не спала. Ну? Побежали?

– Может, тебе вернуться домой? – засомневался Ромка. – Простынешь еще…

Она упрямо мотнула головой. Чуть вытянутые карие глаза, которые Ромка про себя называл «оленьими», превратились в черные стрелки.

– Еще чего! Я тебя не брошу.

Спорить с ней бесполезно. Характер у этой маленькой ростиком девочки был что надо, иначе бы ее не приняли в «КОманду доБРА», спасающую детей, попавших в беду. И сейчас Настя тоже первой бросилась вперед, ведь на руках у Ромки был младенец, и нужно было выбирать безопасный путь. Вскидывая растопыренную пятерню, она предупреждала о размытых ямах, раздвигала свисавшие ветви и отбрасывала опавшие, чтобы Ромке не приходилось прыгать через них. Он сразу оценил, насколько легче действовать с Настеной заодно. Сильно мешало только одно: назойливая мысль о том, что вместе они в последний раз.

До детской больницы добрались бегом, опасаясь, что младенец мог переохладиться на земле под дождем. Но это заняло больше времени, чем Рома предполагал, ведь бежать с ребенком на руках оказалось тяжеловато. Несколько раз Настя предлагала передать малыша ей, но вряд ли она смогла бы долго нести его. И Ромка держался из последних сил. Запыхался он так, что еле смог выдавить в приемном покое несколько слов:

– Я тут… Мы нашли… Он лежал…

– Это новорожденный. Его бросили в тупике на «железке», – выступив вперед, связно объяс-

ЛАВРЯШИНА Юлия Александровна *родилась в 1965 году в Кемерове. Окончила Кемеровский институт культуры, затем работала в библиотеке КузПИ, в школе № 89. Автор многих книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Королеве.*

нила Настя заспанной медсестре. – Мать, наверное. Ну, то есть та, что родила его. Какая она мать…

Ее мокрое лицо так и кривилось от злости на неизвестную женщину, которая пыталась избавиться от своего ребенка, поручив холоду убить его. Объяснять, каким образом им, обычным на вид подросткам, удалось среди ночи уловить незримый сигнал беды, исходивший от новорожденного, ни Настя, ни Ромка не собирались. Нельзя было допустить, чтобы взрослые даже заподозрили, что в стране есть организация подростков «Волнорез», одним из отрядов которой стала новосибирская «Кобра». Уж взрослые не оставили бы в покое ребят, обладающих волшебной силой!

Выругавшись под нос, медсестра приняла младенца в свои пухлые руки, и Ромка почувствовал, что она не даст пропасть ни этому малышу, ни какому другому. Он уже потянул Настю к выходу, когда сестра окликнула его:

– Эй, пацан! Куртку-то забери.

Она ловко обернула красное тельце найденыша больничной простыней и прижала его к груди.

– Далеко живете?

Они переглянулись:

– Да не очень.

– Брат с сестрой, что ли? Чаю горячего с лимоном дома напейтесь, – велела она строго. – Чего ночью-то шляетесь?

– Да так, – замялся мальчик. – Мы пойдем.

На ходу натягивая куртку, Рома бросился к двери, до которой уже добралась Настя, но медсестра опять поймала их окриком:

– Стойте!

И улыбнулась всем круглым лицом:

– А вы – молодцы, ребятки! Он бы окочурился без вас… Такими и оставайтесь, слышите?

Дружно кивнув несколько раз, они выскочили на улицу. Холодная влага сразу поползла за шиворот, заставив передернуться. Пока Ромка бежал с ребенком на руках, озноб не донимал его, а сейчас решил отыграться. Сунув руки под мышки, мальчик сбежал с высокого крыльца:

– Пойдем, я тебя провожу. Твои не заметили, когда ты ушла?

Пристроившись рядом, Настя вздохнула:

– Надеюсь. Главное, чтоб Анька не сдала, если проснется. Ее вечно ночами пить тянет. – Она усмехнулась: – С чего эта медсестра взяла, что мы с тобой – брат с сестрой? Разве мы похожи? У тебя глаза голубые, у меня – карие. И волосы у тебя намного светлее.

– С Аней вы тоже нисколько не похожи, – напомнил он и вздохнул. – Жалко, что ты мне не сестра.

– Почему это – жалко?

– Ну, тогда тебе не пришлось бы уезжать.

– Тогда все вообще было бы по-другому, – возразила Настя. – Может, ты и не горел бы желанием, чтоб я все время крутилась рядом.

Ненадолго задумавшись, Ромка согласился:

– Вообще-то да. Хорошо, что ты мне не сестра. Но жалко, что тебя увозят в Кемерово.

– Никто меня не увозит! Мы просто переезжаем. Там квартира большая и работа у папы. Там мы снова будем все вместе. Это же важно, понимаешь?

Но вдруг, остановившись, со злостью топнула по луже:

– Да кому я вру?! Я тоже не хочу никуда уезжать! Но я же так мечтала, чтоб родители помирились… Вот и домечталась.

Больше всего Ромке хотелось сказать сейчас: «Останься! Пусть они едут, куда хотят. А ты оставайся здесь». Но он понимал, что Насте всего двенадцать и она не может жить одна, а предложить своих родителей в качестве замены Ромка не мог. Не только потому, что вряд ли они пришли бы в восторг, если б он привел к ним в дом девочку… Главное, Настя любила своих ненормальных маму и папу и ни за что не согласилась бы предать их. Даже ради него. Не было в ней склонности к предательству, и это Ромка очень ценил в своей маленькой подружке.

– Давай как будто мы – рыбы! – вдруг крикнула она, вытянула руки над головой, соединив ладони, и, согнувшись, заскользила между струями, точно плыла.

Сразу повеселев, Ромка «поплыл» за ней следом, потом догнал и пристроился сбоку.

– Ты кто? Я – дельфин!

– Хитрый какой! Это я хотела дельфином… Ну ладно, я тогда… акула!

Он шарахнулся в сторону:

– Э! Ты меня не съешь?

– Я добрая акула.

– Таких не бывает, – Ромка подумал, что это подходит и к самой Насте, и на мгновение затосковал.

Заглянув ему в лицо, она оскалилась:

– Видишь, какие у меня маленькие зубы? Я – акула-вегетарианка!

Она остановилась:

– Правда-правда, бывают такие хищники! Я както по телевизору видела медведя-вегетарианца.

– Из зоопарка, наверное? – скептически уточнил Ромка. И когда она кивнула, добавил: – Ему просто западло было есть мясо, которое не сам поймал.

Шлепнув его по плечу плавником, Настя расхохоталась:

– Ну, конечно! Медведь с принципами? Это еще круче, чем вегетарианец! – и вдруг смущенно заморгала. – Что? Что ты так смотришь?

Ему пришлось переждать, пока перестанут дрожать губы и он сможет проговорить:

– Ты… В этой куртке… с мокрыми волосами… Ты похожа на девочку с Луны.

Она спросила шепотом:

– А ты когда-нибудь видел девочку с Луны?

Мотнув головой, Ромка уверенно произнес:

– Но если б существовала лунная девочка, она была бы в точности такой.

Несколько секунд Настя смотрела на него молча, потом переплела свои холодные пальцы с его, и потянула к дому.

…Тихонько пробравшись в Настин подъезд, они остановились в темном углу под деревянной лестницей. Ромка набрал в грудь воздуха, чтобы сказать наконец те важные слова, которые готовил для прощания. Но не успел он произнести и звука, как наверху скрипнула дверь, Настина мама перегнулась через перила и сердито прошипела:

– А ну, марш домой! Это еще что такое?!

Отшатнувшись от него, Настя бросилась вверх по лестнице, а Ромка выскочил под дождь и опять пустился бежать, на ходу пытаясь сообразить, как объясняться с отцом. Если тот не проснулся, когда Ромка уходил, может, все и обойдется, но на всякий случай необходимо придумать легенду… Что могло убедить родителей в том, что ему необходимо было выйти ночью из дома? Есть ли вообще в мире что-то такое?

«Настя», – он подумал о ней, и сразу сделалось чуть теплее, хотя дождь только усиливался. Отец должен понять, как невозможно усидеть дома, когда твоя девочка живет в одном городе с тобой последние часы. Было, конечно, стыдно использовать Настин отъезд в качестве отмазки, ведь на самом деле Ромка вовсе не собирался проводить ночь у нее под окном, но ничего более убедительного в голову не приходило.

Вытащив телефон, он обнаружил, что уже второй час, а Настин отец назначил отправление на шесть утра. Они могли бы проговорить еще целых четыре часа! Как мама заметила ее исчезновение? Аня сдала? С Настиной сестрой приходится держать ухо востро! Не проследит, так сама придумает какую-нибудь пакость. Нужно иметь очень большое сердце, чтобы продолжать любить такого человека, после того как он обгадил твою жизнь не раз и не два. У Насти было именно такое…

Ромка остановился посреди пустого сквера: «Так я больше не увижу ее?! Я же ничего не успел сказать!» От этой мысли внутри стало так пусто и холодно, будто мгновенно образовалась гигантская воронка, вытянувшая все из души. Если сейчас он вернется домой, то наверняка уснет так крепко, что слабенький будильник телефона ни за что не разбудит его. А родители в последнюю неделю августа позволяют ему отсыпаться вволю и будить точно не станут. Когда он проснется, Настя уже будет на пути в Кемерово…

* * *

Дождь отсчитывал на жестяном козырьке подъезда последние минуты ее жизни в родном городе. Тягучим струям было все равно, где поселится семья Ильиных. Да и Кемерово не так уж далеко от Новосибирска, где останется этот дождь, этот дом, целых двенадцать прожитых Настей лет… А ей было страшно уснуть, ведь глупо же просто взять и проспать единственную оставшуюся ночь.

Конечно, она уже переживала похожее год назад, когда родители разводились, и Настя в первый раз уехала с отцом в Кемерово, а мама с Аней остались в Новосибирске. Но тогда все, казалось, было не взаправду, именно потому, что их раскидало по городам, и это выглядело чудовищно неправильным, и не могло остаться так навсегда. А вот теперь все выходило всерьез…

«Опять в тот же класс тащиться? К уродам этим? – Настя рывком перевернула подушку и уткнулась лицом в мягкую прохладу. – Может, в другую школу пойти? Там же есть на Весенней… Даже чуть ближе к дому. Ага, а папа решит, будто я струсила! Да ладно – папа… Я сама буду думать, что струсила».

Подзабытые физиономии кемеровских одноклассников выплывали из темноты, уродливо искажаясь, как будто это были отражения в выпуклом боку чайника. Хотелось прямо стукнуть в нос каждому, и Настя подергивалась под одеялом, но не разгоняла видения. Ведь за ними ма-

ячило лицо, в которое слишком больно было смотреть. Ромкины глаза светились во тьме голубыми звездочками, и Настя руку дала бы на отсечение, что ее лучший друг тоже не спит сейчас и также смотрит в темноту. Ведь и для него эта ночь была последней. Завтра они уже не увидятся. Папа решил, что им почему-то необходимо выехать в шесть утра. Ни один мальчишка не способен добровольно подняться в такую рань, чтобы попрощаться еще раз.

Ни один, кроме Ромки Филиппова. Она поняла это, когда выползла из подъезда с сумкой в одной руке и надкушенным бананом в другой. И увидела во влажной серости утра белесые перья его волос, отросших за лето. Самое волшебное лето ее жизни…

Выронив сумку прямо в лужу, Настя бросилась через двор, не обращая внимания на возмущенный оклик отца, усеянного брызгами.

– Ты пришел! – выдохнула она, замерев в метре от Ромки.

– А ты уезжаешь, – произнес он так потерянно, точно до последнего не верил, что это случится на самом деле.

– Не на другую планету же…

Ромка кивнул, но подбородок его едва заметно дернулся. Когда тебе всего тринадцать лет, триста километров до соседнего города так же не преодолимы, как триста парсеков. Кто отпустит его в Кемерово? А если удрать тайком, хоть на день, где взять деньги? Можно попробовать накопить, но родители почти не давали ему на карманные расходы. Отец считал, что это «западные заскоки» и деньги только портят детей. В чем-то Ромка был с ним согласен, ведь их команде волшебников уже сто раз приходилось возиться с пьяными или обкуренными пацанами. Да и девчонки попадались… Но сейчас пустые карманы так и жгли ему руки.

Правда, было кое-что пострашнее безденежья… Как пережить, если он все же примчится к Насте, а в ее глазах не увидит ничего, кроме удивления? Ромка обещал ей, что нить между ними не порвется никогда, но ведь он говорил за себя.

– Я сразу же напишу тебе «ВКонтакте», – она привычно заглянула снизу ему в глаза. – Мы не расстаемся, Ромка! Мы просто не будем видеться. Какое-то время… Может, мы приедем следующим летом!

– А если нет? Тогда уже… Пока тебе не исполнится шестнадцать – не увидимся.

– Это очень долго! – ее взгляд стал умоляющим, точно в Ромкиных силах было что-то изменить.

– Очень, – вздохнул он. – Но по-другому нельзя.

– Можно! – ее узкие ноздри строптиво дрогнули.

А у Ромки ответно дрогнуло сердце: «Ради меня она отказалась бы от своей волшебной силы?! Раньше на целый год? Ведь ей нельзя будет видеться со мной, когда мне стукнет шестнадцать! Неужели она пойдет на это?!»

Ему захотелось погладить ее гладкие светлые волосы, стекающие по плечам длинными прядями, но он не решился даже протянуть руку.

– Настя, пора!

Ее мама уже направлялась к ним, и Ромка на всякий случай отступил на шаг. Сердито оглянувшись, девочка бросила сквозь зубы:

– Иду!

Ее глаза, которые Ромка про себя называл «оленьими», страдальчески расширились. Ему показалось, что Настя, его Настена, чего-то ждет, наверное, каких-то особых слов. И он точно помнил, что заготовил их ночью, тщательно продумав каждое, но растерял по дороге, когда бежал к их старому дому, задыхаясь от страха, что опоздал.

– Ну?

Она ждала, а он молчал, оцепенев от собственной тупости. Сейчас Настена проклянет его со злости и увезет с собой одну только ненависть. И никогда больше не напишет и не позвонит. У Ромки даже сердце остановилось от ужаса, но слова по-прежнему кружились где-то рядом, не даваясь ему.

И вдруг она улыбнулась, показав знакомую щербинку между зубами. Ромка едва не присел, когда Настя легко опустила руки ему на плечи и коснулась губами щеки, обдав банановым ароматом. Ахнула ее мама, отец издал удивленное восклицание, громко хмыкнула младшая сестра, но Ромка ничего этого не услышал – в его ушах звенели цветочные колокольчики. До сих пор он и не подозревал, что цветы могут издавать такие чудные звуки!

А потом маленький двор наполнился тишиной… Внедорожник Ильиных повернул за угол дома, и только Настин взгляд остался в воздухе. Не шевелясь, Ромка смотрел на него и тянул к себе, чтобы вобрать и оставить навсегда. Детство – время подневольное. Что он мог сделать, чтобы удержать Настю в Новосибирске? Опять

рассорить ее родителей? Этого она не простила бы… Да Ромка и сам не простил бы себе, если б лишил Настену счастья, которое трепетало в ней, когда она сообщила, что ее мама с папой вновь решили пожениться.

– Как маленькие, честное слово! – добавила она тогда, но было заметно, что ей даже думается о них с нежностью.

Из подъезда вдруг выскочила Машка – взъерошенная, в заношенном халате. Дико озираясь, она метнулась в одну сторону, в другую, не замечая Ромки, пока он не крикнул:

– Она уехала.

– Блин! – завопила Машка, ничуть не заботясь о том, что перебудит весь дом. – Выброшу этот чертов будильник!

Ее голос сорвался, и девочка села на ступеньку, уткнувшись лицом в голые колени. А Ромке вспомнилось, как еще пару месяцев назад Машка с компанией измывались над Настей, появившейся в их дворе. Помнила ли она об этом? Наверное, старалась забыть, как не вспоминала о плохом сама Настя с тех пор, как они подружились.

– Вы ведь попрощались вчера, – напомнил он.

Маша подняла голову. Лицо у нее было красным и злым.

– Вы тоже, – буркнула она. – Я тебя засекла вечером. Чего ж ты примчался?

Не ответив, Ромка пожал плечами: «Это ты меня еще ночью не видела!» И небрежно спросил:

– У тебя мой номер есть? Звони, если что. Может, опять помощь потребуется. Хотя лучше бы – нет…

– Ты тут больше не появишься, – подтвердила она непрозвучавшее. – Ясное дело.

Он махнул рукой, прощаясь, и направился к своему дому, когда Машка крикнула вслед:

– Эй! Ты не смей ее забывать, понял? Лучше девчонки ты в жизни не найдешь. Увижу с другой – башку оторву!

Расхохотавшись, Ромка ускорил шаг, чувствуя, как полегчало от глупой Машкиной угрозы. Забыть Настю? О чем она?! За это лето они пережили вместе столько, что другим на целую жизнь хватит! Ромка быстро шел в сторону, противоположную той, куда увезли Настю, и видел, как уверенно натягивается между ними та самая нить, которой не мог разглядеть никто на свете. И был уверен: Настена тоже чувствует ее натяжение…

* * *

– Что ты там пишешь? – ревниво поинтересовалась Аня, внезапно проснувшись на ухабе, в который машина угодила колесом.

Настя отозвалась уклончиво:

– Да ерунду всякую.

И подвинулась на сиденье так, чтобы сестре не виден был экран нового ноутбука, который на днях подарил ей отец. У Ани-то свой появился еще раньше, когда она приходила в себя в больнице после взрыва, уничтожившего их подъезд. И Настя не могла завидовать, до того было жаль сестру, казавшуюся такой несчастной и совсем худенькой с маленькой забинтованной головой и темным личиком. Хотя, если разобраться, зачем ей ноутбук? Никаких историй Аня не сочиняет, а рисует только на бумаге. Конечно, рисует отлично, это признал даже Ромкин дед-художник, который целый свет терпеть не может, и начал заниматься с Аней.

А накануне вечером Настя обнаружила сестру сидящей прямо на полу среди своих новых рисунков, едва различимых в свете маленького бра на стене старого дома, куда их переселили после взрыва. Она не сразу догадалась, что Аня плачет. Но когда заметила блестящую дорожку на смуглой щеке, так и бухнулась рядом на колени.

– Эй, ты чего?!

– Он… – Аня судорожно втянула воздух и плечики ее затряслись.

– Он? Кто он?

– Он сказал: из меня выйдет толк.

– Ромкин дед? – догадалась Настя. – Ну ясное дело! Еще бы он по-другому сказал.

Аня качнула головой:

– Он же никого не хвалит… Взрослые художники к нему приходят, знаешь, как он их! Страшно слушать…

– А тебя похвалил! – Настя тряхнула ее за плечи. – Так чего ж ты ревешь?

В отчаянии стиснув кулачки, Аня выкрикнула со злостью, напомнившей Насте тот страшный день, когда сестра ненавидела ее из-за Ромки.

– Но я же уезжаю! Кто будет заниматься со мной в Кемерово?

– Да кто-нибудь уж найдется… Там же Союз художников есть. И художественное училище на Радуге. Не помнишь? Там подруга бабушкина рядом жила, мы в гости ездили…

Хмуро сдвинув брови, Аня начала собирать рисунки:

– Не помню.

– Ты Сергея Васильевича спроси, он посоветует какого-нибудь дядьку. Он-то знает!

– Я не хочу какого-нибудь! Я хочу самого лучшего учителя.

– Пусть лучшего посоветует. Чего ты истеришь? Думаешь, мне легко уезжать? У меня тут тоже… все! – не решившись перечислять, заключила Настя.

Аня хлюпнула носом:

– Ромка…

– И Ромка тоже.

О новосибирской «Кобре», как и о «Волнорезе» в целом, Аня ничего не знала. И о том, что сестру наделили волшебной силой, не догадывалась. Ребята не согласились принять Аню в команду, им казалось, она способна заботиться только о себе, а они были призваны спасать других детей. Насте было немного обидно за сестру, но она не могла не согласиться, что в чем-то мальчишки правы…

…Аня покосилась на пальцы сестры, бегающие по клавиатуре:

– Ромке пишешь?

– Можно подумать, кроме Ромки мне и думать не о чем! – огрызнулась Настя.

И уткнулась в ноутбук, чтобы сестра не заметила, как обожгло ей щеки стыдом: «Не успела уехать, а уже предала!» На ее счастье Аня уже вертела головой:

– Мы где, а? Я долго спала?

– Болотное проехали, – весело сообщил отец. – Половины пути как не бывало!

Большими пальцами он отстукивал на руле ритм песенки, звучавшей по радио, и в такт кивал головой. За окном была сплошная хмарь, а отец сиял так, будто отражал солнце. И верилось: он и вправду счастлив от того, что они вернулись к нему. Или он к ним – как посмотреть!

«А нас с Ромкой растащили по разным городам… Теперь между нами всегда будет это Болотное», – опустив крышку ноутбука, Настя уткнулась в окно, по которому стекали наискосок изломанные струйки дождя.

– Спортсмены выходят на финишную прямую! – следя за каплями, бегущими наперегонки, забормотала она. – Первым уверенно идет бегун по правой дорожке. Нет, смотрите! Его обгоняет сосед слева… О, нет! Они сливаются!!! Теперь они едины!

– И непобедимы! – вставил отец.

Мама откликнулась смехом, и Настя уже хотел продолжить, но вдруг знакомое ощущение тревоги нахлынуло с такой силой, что закололо пальцы. Еще не успев перевести взгляд на лобовое стекло, над которым упорно трудились «дворники», она увидела светловолосого, как Ромка, мальчика лет десяти. Он стоял на обочине трассы и вертел головой. «Не беги!» – едва не вырвалось у нее. А в мозг уже больно впилось: «Мы?!»

Внезапно время растянулось. Мальчишка в серой куртке, почти неразличимой из-за дождя, как в замедленной съемке подался вперед, выбросил ногу, разрезал телом косые струи. Пугаться было некогда. Волшебный фонарь, который Настя носила в себе втайне ото всех, уже включился сам. Его луч опоясал руль, крутанул вправо, вырвав из рук отца. Он был сильным человеком, их отец, но тягаться с внутренней силой старшей дочери не мог.

Ужас отразился в зеркале заднего вида… От многоголосого вопля у Насти помутилось в голове. А их «тойота» уже оторвалась от шоссе, которое перебегал мальчик с перекошенным от страха лицом. Стукнувшись головой, Настя выронила ноутбук, попыталась поймать его, но пальцы схватили пустоту. За секунду до того, как острая боль из правой руки метнулась в голову и погасила свет, будто бы разбив лампочку, девочка успела понять: «Добежал…»

Того, как приехала скорая и увезла ее назад в Болотное, Настя не помнила. Очнулась уже в травмпункте и обмерла, увидев перед собой белое пространство. «Это потолок!» – от простой мысли полегчало, но только на секунду. В следующую вопросы так и взорвались в голове: «Почему я лежу? Что случилось? Мальчишка… Он жив? А я?!»

– Не шевелись, малыш, – услышала она отцовский голос. – У тебя рука сломана. Надеюсь, только рука.

«Которая?» – хотела уточнить Настя, но боль уже дала о себе знать.

Мама заглянула ей в лицо:

– Как голова? Ты меня понимаешь?

– Э-э, – промычала Настя, вывалив язык на бок. – Вы кто, тетя?

Но тут же пожалела о дурацкой шутке, потому что мамино лицо побелело от ужаса. Протянув над Настей руку, отец сжал плечо жены:

– Да она придуривается! Значит, в полном порядке.

– Я – придурка, – девочка зашлепала губами и скосила глаза.

И довольно ухмыльнулась, услышав смешок сестры, устроившейся где-то в изголовье. Не видя, Настя почувствовала ее и улыбнулась: не навредила Ане, спасая другого ребенка.

– Видишь? Сейчас гипс наложим и дальше двинем, – наклонившись, он заговорщицки шепнул: – С гайцами я уже все решил.

Его губы быстро прижались к Настиной щеке, и она удивленно заморгала.

– Ты простишь меня?

– За что?

Но уже все вспомнилось. Только объяснить отцу, что это она отправила машину в кювет за секунду до того, как он мог сбить мальчика, было невозможно. У ее папы останется чувство вины перед ней…

«Ну и пускай, – решила Настя, левой рукой сжимая его ладонь. – Может, водить осторожней будет! Главное, все живы».

Но пока ей делали рентген и накладывали на правую руку гипс, она продолжала терзать себя: слишком велик был риск для ее семьи, имела ли она права подставлять их, спасая незнакомого мальчишку? А если бы руку сломала не она сама, а ее сестра? И не смогла рисовать… Ладно, если б какое-то время, а вдруг пальцы вообще перестали бы слушаться ее?

«Это уже не рука сломалась бы, а целая жизнь, – Настя кусала губы, хотя никакой боли после укола не чувствовала. – Но что было делать? Пацан точно выскочил бы прямо нам под колеса! И мог вообще погибнуть».

Узнать наперед, стоила ли Анина судьба жизни этого мальчика, было невозможно. Такие ситуации, когда нужно делать выбор, оказывались самыми мучительными для Насти и ее друзей, ведь никто из них не родился ясновидящим. И вообще размышления о том, что одним человеком можно пожертвовать ради другого, попахивали фашизмом…

Настя подумала с тоской: «Увидеть бы Ромку! Поговорить обо всем этом. Что он сказал бы? Я ведь еще начинающая волшебница, мне нужно советоваться с кем-то!»

Свое дело Ромка Филиппов знал хорошо и в то же время не был занудой. Да что там! Ромка был именно таким, как надо. И только он один в целом мире называл ее Настеной… Она догадывалась, как ей будет не хватать его, и, может быть, с каждым днем все больше. Странное это было чувство: семья Ильиных воссоединилась, а Настя сейчас как никогда остро ощущала свое сиротство.

* * *

Конечно, это опять был Ромкин прокол… Не успел разобрать пакеты с продуктами, которые притащил отец. Но кто мог подумать, что минутное промедление обернется катастрофой?! Не было же ничего необычного, что их кот Ланс, любопытничая, сунул голову в шуршащий пакет-майку. Он сто раз так делал и даже забирался внутрь, если продукты успевали убрать. Найдите кота, который не испытывает страсти к пакетам и пустым коробкам! Ромка не сомневался, что Ланс при желании упакуется даже в спичечный коробок…

Но на этот раз все пошло не так. Ромка освобождал место на полках холодильника и не заметил, как голова кота застряла в перекрутившейся петле, служившей пакету ручкой. Ланс рванулся изо всех сил, но освободиться не смог. Раздался леденящий душу вопль, и он бросился спасать свою маленькую кошачью жизнь от душившей «маечки», но та цепко держала его за горло. Заорав, Ромка кинулся следом, но страх нес животное со скоростью света, хотя на его шее висели две металлические упаковки с горошком и фасолью, несколько пачек печенья и стеклянная банка с маринованными огурчиками.

Именно она и оказалась слабым звеном – за котом стелился по квартире влажный след. И откровенно пахло мокрым делом…

– Стой, гад! – завопил Ромка, но поскользнулся и больно ударился на повороте о косяк.

Влетев в комнату, где переодевался отец, кот с размаху врубился в его ногу и был ухвачен за шкирку. Но ловкость опытного пожарного уже не особенно помогла делу – по ковру растеклась лужа маринада. Одним движением отец извлек обезумевшего Ланса из петли и отбросил в сторону, чем тот не преминул воспользоваться и, распластавшись камбалой, заполз под кровать.

– Какого черта ты делаешь?! Совсем сдурел? Как теперь оттирать эту вонь?

Ромка молча смотрел в багровое от гнева отцовское лицо и понимал: что бы он сейчас ни сказал, услышан не будет. Он молча собрал с пола разлетевшиеся, как гильзы, маленькие огурчики, скинул их в пакет, и с удивлением обнаружил, что стеклянная банка вовсе не разбилась, а только потеряла крышку. Если бы на фабрике ее

прикрутили более качественно, ни один сумасшедший кот не смог бы ее открыть. Но Ромка уже знал: когда случается несчастье – все сходится к одному.

Добрый час они с отцом на пару отстирывали маринад с ковра, потом заодно помыли и остальную часть квартиры, а Ромка, разгулявшись, и окна протер до блеска. Правда, отец еще долго с подозрением подергивал носом:

– Не пахнет? Мать не учует?

«Можно подумать, ты ее боишься!» – Ромка прятал усмешку. Хотя мама его работала тренером по лыжным гонкам и рука у нее была тяжелой, доставалось обычно только сыну. Главой семьи безоговорочно считался отец, и то, что он сейчас демонстрировал беспокойство, только веселило Ромку, которого подмывало с пафосом воскликнуть: «Не верю!» Но подставлять свою шею не хотелось нисколько, хватило и кошачьей. Тем более, отец уже отошел и даже посмеивался над организатором генеральной уборки, руководившим из-под кровати.

Ромка с отцом уже обедали, когда пришло сообщение от Насти: «Прикинь, я руку сломала! Маленькая авария. Так было надо. Левой набираю! Капец». Подавившись котлетой, Рома замычал, раскачиваясь взад-вперед, как дурачок из соседнего двора, шарахавшийся от автомобильных гудков.

– Что?! – испугался отец и на всякий случай хлопнул его по спине.

Изо рта вылетел кусочек фарша, и Ромка просипел:

– Настена в аварию попала!

– Жива?!

– Рука сломана. Правая. В самый раз – в новую школу с гипсом тащиться!

Отец оптимистично предположил:

– Зато никто не обидит.

«Не факт», – усомнился Ромка. О том, с какими ребятами Настя училась в кемеровской гимназии, он помнил по ее рассказам, и, если ей придется идти в тот же класс, гипс от насмешек не спасет. Им, конечно, можно здорово стукнуть по башке… Он еле удержался, чтоб не расхохотаться за столом, вообразив, как маленькая Настена размахивает своей костяной рукой и мочит противных одноклассников направо и налево. Но отец терпеть не мог смеха за столом, и пришлось сдержаться. Тем более, Ромка уже нарушил обеденную тишину, когда подавился котлетой.

Неожиданно отец опустил ему на плечо руку, отчего Ромка так и замер, скрючившись над тарелкой.

– Знаешь, сынок, – его голос прозвучал так мягко, что мальчик почувствовал себя неизлечимо больным, – сейчас мир перестал быть огромным. Расстояния сократились. А Кемерово вообще, считай, в двух шагах! Если вы оба захотите, то не потеряетесь… Хотя только где-то двоим из тысячи удается сохранить школьную… э-э… дружбу. Или даже из миллиона. Ничего не попишешь! Люди вырастают и меняются. Им становятся интересней новые знакомства.

Ромка упрямо раздул ноздри:

– Мы будем теми двоими из миллиона!

– Может, и будете, – на удивление легко согласился отец. – Она – хорошая девочка, ничего не скажу. А ты у нас – просто классный! Такие люди должны держаться друг друга.

– Как вы с мамой?

Он спросил это безо всякой задней мысли, но следом понял, что отцу понравится такое предположение, и это слегка огорчило: получалось, будто Ромка пытается отблагодарить его таким образом. Конечно, было за что… Не стал же ругать, обнаружив, что сын не ночевал дома! Влез в его шкуру и понял.

– Как мы с твоей мамой, – кивнул отец.

Но почему-то опустил взгляд на сцепленные руки, лежавшие на столе. Загоревшие за лето, они казались очень темными, трудовыми, хотя Ромкин отец работал в пожарке и, как казалось сыну, особо не напрягался.

– Наверное, стоит тебе рассказать, – с сомнением начал он. – Когда мне тоже было лет двенадцать-тринадцать… Ну, как бы это объяснить? Была одна девочка... И было одно лето. Всего одно – на даче. Я забирался ночами на сосну, чтобы просто смотреть на занавески на ее окне. Она спала в мансарде под крышей, а я сидел на сосне. И был страшно счастлив!

Кашлянув, отец почему-то отвел глаза:

– Я никому об этом не рассказывал до сих пор. Но, думаю, тебе пора понять, что некоторые люди остаются нашими лучшими воспоминаниями. И только.

У Ромки недобро заныло сердце:

– А что с ней случилось? С той девочкой?

– Не знаю. Осенью ее увезли в город, а на следующее лето их дачу заняли другие люди. Я никогда больше не видел эту девочку.

Вскочив, Ромка опрокинул табурет. Слезы обожгли ему веки и заслонили отцовское лицо.

– А я увижу Настю! Я… Я не позволю ей потеряться! Я найду ее где угодно!

Кажется, отец что-то еще говорил ему вслед, но он бросился в свою комнату и упал на диван, едва не раздавив кота Ланса, который был крайне обескуражен внезапным нападением.

* * *

Эта большая квартира казалась Ане чужой. Конечно, они с сестрой бывали здесь много раз, пока была жива бабушка, но только Настя прожила здесь когда-то почти год перед первым классом и уже недавно несколько месяцев с отцом. И потому чувствовала тут себя как дома, и с радостными воплями носилась по комнатам, размахивая загипсованной рукой, как белым бумерангом. Ане же хотелось забиться в уголок и по памяти нарисовать их новосибирский дворик, или Нарымский сквер, или берег Оби…

Мама тоже потерянно бродила по квартире, как будто примеряла себя к каждой комнате и не могла найти себе места. Ее никогда особенно не ждали в этом доме, и она не любила его.

«Зато отца с Наськой прямо от восторга распирает! Как они похожи – обалдеть можно! Как две капли воды», – Аню приводило это в бешенство. И страшно хотелось разбить что-нибудь из старых бабушкиных вазочек и пепельниц, до сих пор расставленных по квартире. Ведь это ей было жизненно необходимо быть похожей на отца, чтобы он чувствовал свое продолжение в младшей дочери, а не в старшей. Хотя наукой не интересовалась ни одна из них, и в этом, конечно, проявлялась кровь их матери.

Сестра налетала сзади горячим ветром:

– Помнишь? Вот тут под столом, помнишь? Это же был наш секретный шалаш! Мы залезали сюда, а бабушка притворялась, что нас не видит, помнишь?

– Ничего я не помню, – отзывалась Аня раздраженно.

Хотя отчетливо видела даже сквозь годы, как они сидят на пупырчатом линолеуме, обхватив голые коленки и хихикают, стукаясь головами. А бабушка ходит по гостиной, озабоченно приговаривая: «Где же мои девочки? Куда они подевались? А вдруг их волк утащил?!» Они хихикали все громче, веря, что она и в самом деле не видит их и не слышит. Потом бабушка продолжала поиски в другой комнате или на кухне, а они крались за ней на цыпочках и «пугали», набросившись сзади.

Неужели им действительно было здесь так весело? Аня растерянно оглядывала вытянутую «детскую», которая казалась раза в два больше той комнаты, что была у них в Новосибирске. Кажется, она стала другой… Или сама Аня изменилась?

– Иди сюда! – вопила Настя с балкона, выходившего на Театральную площадь, посреди которой еще вовсю работал музыкальный фонтан.

Хоть Ане и не хотелось видеть ни огромное здание драматического театра с высоченными колоннами, ни широкий проспект, заполненный машинами, ни уходящую к Томи нарядную улицу с радостным названием Весенняя, она все же поддалась на уговоры сестры и вышла на крохотный балкончик с нарядными балясинами. Насте никак не запоминалось это слово, и она называла балясины кеглями.

– Кегли и есть, – соглашался отец, который во всем поддерживал старшую дочь.

Иногда Ане казалось, будто он вообще не хотел второго ребенка и до сих пор сердился, что она родилась.

– Смотри! – Настя взмахнула рукой, будто дарила ей Кемерово.

Ане хотелось напомнить, что еще в начале лета Настя сама удрала отсюда в Новосибирск и не желала возвращаться. Но не стала портить сестре настроение, ведь тогда дело было совсем не в городе, а в том, что отец слишком бурно праздновал свою свободу. Но раз даже мама простила его, придется привыкать к этой новой реальности, в которой нет ни друзей, ни школы. И которую Аня никогда не рисовала.

«Вот! – вдруг поняла она. – Я должна нарисовать Кемерово. По-другому к нему не привыкну. Как Наське удается так легко привязываться ко всему новому?»

И Аня убежала в соседнюю комнату, которую отдали сестрам. Вид с балкончика здесь был тем же, что и из гостиной, где осталась Настя, а окна родительской спальни и кухни выходили в тихий, заросший старыми тополями двор. Схватив планшет, девочка устроилась перед окном и попыталась схватить движение струй фонтана, к которым по летней привычке еще тянулись дети, хотя было уже холодновато.

«Первого сентября придется тащиться в плаще, – думала Аня, делая набросок карандашом. – Надеюсь, здесь пятиклассников не заставляют

носить школьную форму? Терпеть не могу быть, как все!»

Ей послышалось, будто Настя с кем-то разговаривает, но не хотелось отрываться от рисунка. И Аня решила, что, скорее всего, сестра опять придуривается или «актерничает», как говорила мама. Была у нее привычка разыгрывать ею же придуманные сценки на разные голоса. И даже мама, которая знала толк в театре, признавала, что у старшей дочери это здорово получается! Правда, Настя в прошлом году твердила, будто станет фотографом, теперь объявила, что будет писателем, а еще режиссером и начнет снимать кино по своим книгам. Но скромно допускала, что сама и сыграет в своем фильме главную роль. Это было просто детство какое-то! В чем-то Аня казалась себе гораздо старше, чем сестра. Уж она-то точно знала, кем хочет стать.

Хотя… В воскресенье она проснулась раньше Насти, но решила еще поваляться в свое удовольствие. Повернув голову, Аня увидела пульсирующую на шее сестры жилку. Она билась так часто, будто Настя бежала куда-то, между тем дышала она ровно и снилось ей явно что-то хорошее – ее губы подрагивали улыбкой. Сразу вспомнилось, как мама гордилась тем, что ее старшая дочь начала улыбаться на третий день после рождения. «В ней зажглось солнышко», – мама рассказывала это по телефону, думая, будто никто из домашних ее не слышит, но Аня уловила ее слова и запомнила их на всю жизнь. Почему-то она считалась в семье маминой дочкой, а старшая сестра – папиной, но эти слова о солнышке, живущем внутри Насти, неуловимо меняли все.

«Почему у нее так быстро стучит сердце? Разве во сне пульс не замедляется? Надо почитать об этом…» – размышляла Аня, глядя на спящую сестру. И даже нашла на запястье отголосок своего сердца. Оно билось до того медленно, что ей стало стыдно. Как будто это доказывало то, как торопится жить Настя, как много хочется успеть ей… Аня отвернулась от сестры и закрыла глаза.

А теперь, наблюдая за девчонкой лет пяти, вскарабкавшейся на покатый бортик фонтана, она подумала, что Настя, если б оказалась рядом, уже подскочила бы – подстраховать. А не пыталась бы разглядеть выражение лица девочки, чтобы набросать его на листе. Портреты давались Ане с трудом и даже самой не особенно нравились, но она упорно училась передавать человеческие черты. И сейчас было так важно нарисовать эту девочку в клетчатом плащике, словно сам город открылся бы через ее образ.

Но устоять на мокром бортике было непросто, и девочка вовсю махала руками, балансируя. Разглядеть ее лицо было невозможно, и Аню это злило. Если б можно было усадить этого неугомонного ребенка на стул, тогда работа пошла бы бойчее. Но девочка не желала даже постоять минутку, не то что сесть!

– Где ее родители? – проворчала Аня, оторвав карандаш от листа. – Ни фига не следят за детьми…

И тут сердце ее так и оборвалось: поскользнувшись на лужице, девочка в клетчатом плащике отчаянно вскинула руки. Но это не помогло ей удержаться, и обе ноги ее в черных туфельках взлетели кверху. Аня вскрикнула и вскочила, уронив планшет. Еще секунда и малышка ударилась бы затылком о гранитный бортик! Но то ли мощный порыв ветра, пронесся над площадью, то ли… Нет, объяснить этого Аня не могла, хотя отчетливо видела: какая-то неведомая сила подхватила девочку и мягко опустила ее на землю рядом с фонтаном.

Тут же к ней кинулась женщина в джинсах и кожаной куртке и, упав на колени, принялась ощупывать дочь. Раскрыв рот, Аня смотрела из окна на это чудо и впервые не испытывала ни малейшего желания нарисовать увиденное. Как можно было передать это карандашом?

* * *

Вот странно! Именно здесь, в бывшей бабушкиной квартире, наполненной свежим воздухом, я по-настоящему пришла в себя. Точно все последние дни, пока мы готовились к отъезду, я не была собой, а наблюдала со стороны, как девочка с моим лицом, Настя Ильина, складывает вещи, прощается с друзьями, целует Ромку. Даже авария по дороге и перелом руки не заставили меня очнуться…

А в Кемерове я будто вернулась в свое тело. И меня охватил такой восторг, что даже маленькое волшебство у фонтана ничуть не утомило! Сил было хоть отбавляй. Разноцветные струи тянулись со всех сторон, даря энергию солнца, их породившего. Они стекали с угловатых скал, срывались с уступов и обрушивались на зелень луга, по которой я готова была кататься от восторга. Трава была такой прохладной и ласковой,

что не хотелось вставать. Я лежала, раскинувшись посреди этого чудного мира, широко открыв глаза, а радужные оттенки силы вливались в мое тело, приятно щекоча и заставляя смеяться от радости.

Аня не понимала, с чего я вдруг принялась, размахивая загипсованной рукой, носиться по комнатам, как маленькая, и даже подпрыгивать к высокому потолку, до которого было, конечно, не достать. И я не смогла бы объяснить ей всего, что со мной происходит… Да что там ей! Я и сама-то с трудом понимала, почему вдруг и тоска по Ромке, и страх перед новыми-бывшими одноклассниками отступили и мне стало на сто процентов ясно, что все будет хорошо! Вот будет – и все тут!

Это знание вскипало во мне таким ликованием, что вопли вырывались наружу, и мама не выдержала:

– Что ты с ума сходишь? Вторую руку хочешь сломать?

Можно было попытаться сказать ей:

– Это на автобусе четыре часа тащиться до Новосиба, а на машине-то за два с половиной долететь можно!

Но разве она поняла бы, о чем я? А у меня не возникало сомнений, что я не раз смогу уговорить папу съездить к нашим ребятам в гости. Ничего страшного не произошло. Зато здесь я оказалась единственной волшебницей на весь большой город! От этого меня просто распирала радость и даже гордость за себя, хотя нас обычно учат, что это не очень хорошее чувство. Но от ощущения, что детям Кемерова, кроме меня, просто не на кого положиться, даже голова кружилась, честное слово!

Правда, это здорово мешало мне писать сказку, которую я начала в дороге… По пути процесс шел вроде хорошо, я даже сама была довольна, хотя обычно, когда перечитываю то, что насочиняла, начинаю рычать от злости. Все оказывается совсем не таким, как представлялось, пока сердце колотилось от волнения, которое называют вдохновением.

А сейчас мне вообще никак не удавалось собраться с мыслями. Похоже, для того чтобы сочинять историю о других, необходимо освободиться от собственных переживаний. И плохих, и хороших. Одинаково отвлекают! Как друзья, например… Если б Ромка сейчас был рядом, я болтала бы с ним, а не придумывала приключения Атенаис. Никто в целом мире еще не знал этой девочки с собакой, а я видела их, как живых, и знала, о чем они думают и как чувствуют. Это такое классное чувство! Похожее на настоящее волшебство. Так что можно сказать, что я дважды стала волшебницей этим летом, ведь раньше мне не приходило в голову записывать истории, которые придумывались сами собой. Как та, которую любила моя сестра – про Элиота на зонтике…

То, что наше сказочное лето точно закончилось, я прочувствовала, когда мы отправились подавать документы в гимназию. На этот раз мама не доверила отцу знакомство с администрацией, которое не особо удалось ему и в прошлый раз, ведь меня сунули, как выяснилось, в самый отстойный класс. И еще мама даже слышать не захотела о школе на Весенней, куда я предложила отдать хотя бы меня. Спорить с мамой, когда она уже все решила, – легче застрелиться! Ей жизненно необходимо, чтобы ее дочери учились в «сильной» школе, а потянем мы или нет – наши проблемы.

А та школа, в которую я просилась, тоже красивая, с колоннами, хоть и не гимназия… Весь центр Кемерова, как рассказывала бабушка, строили после войны пленные немцы. Как проигравшим солдатам удалось сотворить такую солнечную красоту – уму непостижимо! Именно так и говорила бабушка: «Уму непостижимо!» Может, создавая в Сибири этот желто-розовый каменный цветок с белыми стеблями колонн, немцы пытались искупить свою вину за разрушенные и сожженные русские города? Или никакой вины они и не чувствовали? Забраться бы в мысли какого-нибудь из стариканов-фашистов, которых еще время от времени отлавливают то в Аргентине, то еще где-нибудь! Неужели они спят себе спокойно столько лет после того, как сжигали в печах людей и протыкали штыками младенцев? И кошмары их не мучают? Так и дала бы в нос каждому, чтоб хоть дышать не мог спокойно, если спит крепким сном! И не жалко, что старый… Если уж ты – мерзавец, так это на всю жизнь!

Такие мысли о фашистах сами собой одолевали меня, пока мы шли в гимназию по проспекту, засаженному липами. Стас Якушев, перебравшийся к нам в «Кобру» из Москвы, огорчался, что в Сибири липы какие-то низкорослые. Вроде тополя вырастают высоченными, а липам не хватает сил подняться во весь рост. Хотя мне они казались вполне нормальными деревьями – не карликовые же, как в тундре!

Может, когда-нибудь мне удастся побывать в его краях и своими глазами увидеть эти мощные деревья. А потом обнять, чтобы пропитаться их двухсотлетней живучестью. Обидно, что человеческая жизнь такая коротенькая… Когда ночами я задумываюсь о смерти, то вокруг разверзается черная бездна, в которую лечу, оцепенев от ужаса. И тогда я напоминаю себе, что это – детский страх. А мне уже нечего бояться, ведь где-то в глубине меня давно поселилось и живет знание о вечной жизни. Правда, как я понимаю, я удостоюсь ее лишь в том случае, если не натворю на земле ничего отвратительного. Пока я пыталась как раз с этим и бороться, но кто знает, какой мне предстоит стать в шестнадцать лет?

Об этом думать было страшновато, и сразу хотелось на что-то отвлечься. А тут как раз опавшие липовые листочки, подгоняемые ветром, помчались нам навстречу настоящей золотой ордой. И я, не удержавшись, тоненько заверещала, чтобы посмешить Аню с мамой:

– О, спасайся кто может! Армия осени возьмет нас в плен и засушит. Мои ножки превратятся в хрустящий черенок! А-а, спасите-помогите!

Аня захихикала, как я и надеялась, но мама дернула меня за здоровую руку:

– Прекрати! На тебя обращают внимание.

– А это плохо? – удивилась я. – Разве люди не об этом мечтают – чтобы на них обратили внимание?

– Не все, – коротко отозвалась она, так и не объяснив, почему это плохо?

Потом я вспоминала этот момент и думала, что мама, сама того не зная, здорово помогла мне. Если б я не перестала дурачиться, то не уловила бы опасности, грозившей младенцу в синей коляске. Везет же мне в последнее время на младенцев! Коляска стояла возле магазина, и в этом не было ничего особенно, ведь мамы часто забегают за покупками во время прогулки. Меня насторожило то, что молодая женщина вышла не из магазина, а наискосок пересекла широкий тротуар. Как будто направлялась по своим делам, забыв про малыша, а потом просто наткнулась на коляску… Или…

Замедлив шаг, я быстро просканировала ее: внутри был страх. Чего может бояться мать, гуляющая со своим ребенком? Многого, конечно, но это обычно размытые опасения, неопределенные: «Забыла взять запасной памперс, а вдруг пригодится?» – вроде этого. А в этой женщине жил самый настоящий, густой страх, который просто обжег меня. Она шла нам навстречу, ускоряя шаг, и глаза у нее были просто кричащие. Я чувствовала ее боль, но не могла понять, с чем она связана. А понять это было необходимо, ведь здесь явно было что-то не так…

Когда мы поравнялись, я непроизвольно шагнула в сторону и загородила ей дорогу.

– Постойте, пожалуйста.

Мама обернулась на меня, и я почувствовала, как на губах у нее закипает возмущение: «Ну, что еще?!».

– Отойди, девочка! – нервно выкрикнула женщина. – Я… Я тороплюсь.

– Это ведь не ваш ребенок! – вырвалось у меня. – Куда вы его везете?

И в этот момент из магазина вышла пожилая женщина, вскрикнула и выронила сумку. Схватившись за сердце, она заметалась по тротуару, выкрикивая:

– Где? Где он?

С силой толкнув меня коляской, похитительница младенцев попыталась прорваться, и мне пришлось отскочить в сторону. Еще раз стукнув меня углом, она рванулась вперед, не подозревая, с кем связалась… Направив луч своего внутреннего фонарика, я резко опустила металлическую планку тормоза, и коляска застопорилась. А страх женщины волшебным образом усилился до того, что она, вся дрожа, опустилась на бордюр и обхватила руками плечи. Я вцепилась в поручень коляски здоровой рукой и бросила маме:

– Позвони в полицию!

Но она смотрела на меня стеклянными от потрясения глазами и не шевелилась. Аня очнулась первой и быстро набрала номер. Правда, трубку сунула маме, чтобы дежурная не посчитала этот звонок розыгрышем. В полиции очень не любят разговаривать с подростками…

– Он здесь! – крикнула я во весь голос, чтобы бабушка ребенка услышала меня.

Между нами было уже метров тридцать, и прохожие, сгрудившиеся вокруг коляски, загородили ее. Пришлось подпрыгнуть и помахать гипсом. Сидевшая на бордюре женщина подняла голову и посмотрела на меня с ненавистью:

– Чего полезла? Эта старуха бросила его… Ей плевать. А я любила бы его больше всех на свете…

– Но это же не ваш ребенок, – пробормотала я.

Ее слова заставили меня засомневаться, хотя я знала, что поступила правильно. Малыша,

конечно, оставили без присмотра… Но бабушка ведь не желала ему зла! Может, она ему молоко покупала или что-то вроде этого… А его мама вообще с ума сошла бы, если б ребенок пропал!

«Нет, я все сделала правильно!» – убеждала я себя, стараясь не встречаться со жгучим взглядом безумной похитительницы. Не знаю, сколько я еще промучилась бы сомнениями, если б не мама. Пока мы ждали полицию, она, обняв, отвела меня в сторону и тихо проговорила:

– Знаешь, однажды, когда тебе было года два с небольшим, ты не могла уснуть ночью. Я услышала, как ты вертишься и вздыхаешь. Обычно ты сразу же засыпала, поэтому я испугалась. Присела к тебе на кроватку, спросила, что случилось… А ты ответила: «Лежу тут, мучаюсь… Крылышков у меня нет». Так и сказала – я на всю жизнь запомнила. Так смешно и трогательно это прозвучало! Но, знаешь что, детка, похоже, у тебя есть крылышки…

* * *

До гимназии мы все-таки добрались. А по пути я обнаружила вывеску, которой раньше не замечала, «Дом литераторов Кузбасса». И это както примирило меня с необходимостью ходить этой дорогой каждый день. Может, однажды я и решусь войти внутрь… Но не скоро, наверное. Это же просто жуть как страшно – показать написанное тобой настоящим писателям! Одно дело – Артур Кораблев, который сам пришел к нам в библиотеку, чтобы увезти ее заведующую, которую любил тысячу лет… Да и посылать рукопись я ему собиралась по электронке. Если его и будет выворачивать от отвращения во время чтения, я этого не увижу. А тут – живые люди, с глазу на глаз…

Именно в таком положении мы и оказались с директрисой гимназии – Тамарой Семеновной. В прошлом году никто меня с ней не знакомил, и я видела эту шикарную даму всего пару раз на школьных праздниках. А тут Ане приспичило в туалет (тоже от страха, наверное!), когда мы сидели в приемной, и мама потащила ее, чтобы не заблудилась по дороге. Хотя логичнее было бы отправить меня, ведь я тут все уже знала.

Но как раз я-то и осталась на стульчике у окна, когда Тамара Семеновна открыла дверь своего кабинета. И прилипла к нему от страха, хотя понимала, что надо встать и поздороваться. Мы смотрели с ней друг на друга, наверное, несколько веков… По крайней мере, мне так показалось.

Меня спас гипс на руке. От страха я прижала сломанную руку к груди, точно защищаясь ею, и это сработало. В голосе директора послышались нотки сочувствия:

– Что с тобой случилось, девочка?

А во мне сразу переключилось что-то, и я вошла в роль несчастной девочки, такой маленькой, такой беззащитной… Не зря же в Новосибе я с первого класса занималась в театральной студии при школе! И произнесла таким тонким, жалобным голоском, что у самой слезы навернулись:

– Я попала в аварию. Мальчик перебегал дорогу, и папе пришлось свернуть в кювет. Слава богу, все живы остались! Только я вот…

И я протянула загипсованную руку, будто надеялась, что директор поцелует ее, как обычно делают взрослые, чтобы у малыша быстрее заживало больное место. Целовать мой гипс она, конечно, не стала, но провела меня в свой кабинет и подвинула вазочку с конфетами:

– Угощайся. Из какого ты класса? Вроде бы, я тебя видела…

Пришлось нагрузить ее доброе сердце подробностями бурной жизни моих темпераментных родителей, которые за один год успели развестись, насладиться свободой, затосковать и снова пожениться. Папа провернул регистрацию брака буквально за неделю, пока мы собирали вещи. У него же половина Новосибирска ходит в знакомых, и он быстренько нашел связи в ЗАГСе. Правда, свадьбы устраивать не стали, чтобы не смешить людей, как заявила мама. Она решила, будто они вообще подают нам с Анькой дурной пример, и нас не взяли даже на регистрацию. Хотя мне было интересно там побывать, я же и на первой их свадьбе не присутствовала…

Тамара Семеновна слушала меня так внимательно, точно у нее других дел не было. А в приемной уже зазвучал мамин голос. Похоже, она потеряла меня и выясняла у секретарши, куда я делась. Пришлось признаваться, что я пришла не одна, и маму с Аней по селекторной связи пригласили войти в кабинет. Глаза у мамы, когда они с Аней возникли в дверях, были полны отчаяния. Она ни секунды не сомневалась: я уже специально все испортила, чтобы пойти в другую школу.

К счастью, она не успела ничего сказать… Опередив маму, директор сообщила, что готова принять меня в гуманитарный класс – мой бывший оказался переполнен.

– В районе закрылась на реконструкцию одна из старейших школ, и детей временно распределили в другие учебные заведения, – пояснила она. – В том числе и к нам…

Мама нервно кивала, слушая ее, и тискала ремешок сумки. Кажется, она больше нас волновалась о том, каково ее девочкам придется в новой школе. А я, после того как стало известно, что из гуманитарного кто-то выбыл, и меня берут на его место, вообще ничего не боялась. Правда, я не удержалась и проверила директрису: правду ли она говорит, будто разглядела во мне незаурядную личность? Оказалось, не врет – никакого жжения в горле я не почувствовала. Это было приятно! Смутило только то, что она как-то странно взглянула на меня в момент сканирования, словно ощутила мой луч. Никто до сих пор вообще не реагировал на такие проверки… Я заставила себя запомнить: с директрисой нужно быть настороже.

Хотя, если честно, я так обрадовалась, что не буду учиться с теми уродами, которые были моими одноклассниками в прошлом году, – чуть не бросилась ее целовать! Тем более даже учиться нам предстояло в разные смены. Но мама взглядом пригвоздила меня к стулу и очень вежливо поблагодарила директора.

– Но у нас еще одна дочь, – сообщила она, голосом извиняясь за то, что они с папой не удержались и родили Аню.

Можно было подумать, будто Тамара Семеновна только сейчас заметила мою сестру. Конечно, она у нас тоненькая, как удочка, но ростом уже с меня, и не трудно предположить, что ей тоже надо бы ходить в школу. Мама скороговоркой сообщила, какая Аня талантливая художница и вообще умница-красавица. Теперь пришла моя очередь кивать, как лошади, чтобы помочь маме убедить директора. Но это не помогло: в пятом гуманитарном не оказалось места, а математический Аня сама не потянула бы. Существовал еще класс естественно-научного направления, но и он был переполнен. Выходило, что Аню могли принять только в обычный класс – к тем ребятам, что пришли из другой школы.

Не нужно было обладать волшебной силой, чтобы почувствовать, как она испугалась. Локоток ее дернулся несколько раз, и я взяла сестру за руку, чтобы хоть как-то поддержать.

– Но если место вдруг освободиться… – умоляюще произнесла мама.

– Конечно. Мы будем иметь в виду вашу дочь.

Это утешало, но не очень. Мне, конечно, хватило бы силы ради Ани, уложить кого-то из пятиклашек гимназических классов на больничную койку на целый год, но о таком даже думать было страшно. Не только потому, что это было против правил «Волнореза»… Я и сама никогда не пошла бы на это. Придется справляться своими силами.

– Я на каждой перемене буду к тебе прибегать, – пообещала я, когда мы спустились с крыльца гимназии. – Хоть в одну смену оказались, уже плюс!

Аня кивнула, приняв мою поддержку, но настроение от этого у нее не улучшилось. Она брела впереди, пиная сухие листья, а мы с мамой шли за ней маленькой траурной процессией. Нужно было хоть как-то развеселить сестру, но ничего в голову не шло… И с горя я уцепилась за любимое развлечение нашего детства: схватив Аню за руку, затащила ее на солнечный ковер из тополиных листьев.

– Пошуршим?

Конечно, у нее было не то настроение, и я была готова к тому, что сестра оттолкнет меня и огрызнется. Но она только наспех утерла мокрые щеки и кивнула. Я сделала вид, будто не заметила ее слез.

* * *

После того как все неожиданно удачно решилось со школой, меня потянуло продолжать свою сказку. И я наловчилась набирать текст одной левой! Получалось, конечно, не так быстро, как обеими руками сразу, но выбора у меня не было. Только я так уставала от этого процесса, что не оставалось сил на переписку в сетях. Не отделываться же одной фразой, если я начну общаться с Ромкой! Ему надо рассказать о моих приключениях в деталях и у него выспросить все-все… Надо же в подробностях узнать, как там Стас, Федот с Соней и остальные ребята, а на это нужно много времени.

Поэтому я все откладывала момент, когда пообщаюсь с Ромкой как следует, ведь тропинка в сказку могла закрыться, если не воспользоваться ею. Я надеялась, Ромка поймет, как это пугает меня, и не обидится. Беспокоило лишь то, что стоило мне закрыть глаза, как он виделся почему-то запертым в избушке, спрятанной в чаще. Ее крыша была покрыта изумрудным мхом,

светившимся на солнце, наличники заменял вьющийся плющ. В общем, это был довольно симпатичный домик! Я не отказалась бы и сама пожить в таком. На рисунках в сказках жилище Бабы-яги изображали совсем не таким, поэтому оставалась надежда, что Ромка застрял у какого-то лесника.

Но как бы там ни было, ему никак не удавалось оттуда выбраться. Ссутулившись, Ромка сидел, свесив ноги с русской печи, и ждал, когда же я спасу его. А паутина тянулась к нему изо всех углов и незаметно опутывала серебристым коконом. Что это значило? Я засыпала с этой мыслью и давала себе слово завтра же написать Ромке, а утром опять начиналась такая круговерть, что ни минутки не оставалось. Например, выяснилось, что в гимназии ввели форму даже для средних классов, и мама потащила нас с Аней по магазинам.

– В Кемерово такие цены – просто ужас! – раз сто повторила она, пролистывая клетчатые юбки и синие жакеты. – Все, просто все дороже, чем у нас…

– Может, съездим в Новосиб? – уцепилась я.

Ее взгляд показался мне каким-то туманным и загадочным:

– Я уже сожгла все мосты.

Что это значит, интересно? Она вообще не собирается наведываться на родину?! Но это же невозможно!

Когда я заговорила об этом с Аней, сестра прямо огорошила меня:

– Ну и правильно! Нечего болтаться туда-сюда. Надо прибиться к одному берегу.

– Где это ты подцепила такую фразочку? – не удержалась я.

Меня просто бесило, когда Анька начинала выражаться, как взрослая. Она же на полтора года младше меня, хоть и училась всего на класс младше. До сих пор помню, какой концерт мне пришлось закатить, когда мама хотела оставить меня в детском саду еще на год, чтобы мы с сестрой вместе пошли в первый класс. Никогда в жизни я не чувствовала себя более униженной, чем тогда, хоть мне и было всего шесть лет. Взрослые воображают, будто в этом возрасте переживания не могут быть так глубоки, как у них, но это просто чушь! Я страдала так, словно мама сорвала с меня купальник на пляже, посчитав, что мне еще можно купаться голышом. Именно так я себя однажды чувствовала: все таращились на меня, а прикрыться было нечем. И маму это почему-то забавляло…

– Нигде я ничего не цепляла, – огрызнулась Аня.

Мы с ней обе здорово нервничали, ведь уже утром нам предстояло погружение в иную реальность. Гуманитарный класс казался мне спасением, но ведь я представления не имела, что за ребята там учатся. Конечно, мы пересекались с ними на переменах, но я ни с кем не успела познакомиться. А вдруг там гадючник похлеще, чем в бывшем классе? Ане было еще страшнее, она же вообще никого не знала в новой школе, кроме меня. А я физически не могла постоянно находиться рядом, вот она и корчилась от страха под одеялом, пытаясь убедить себя, что она – взрослая и очень, очень самостоятельная.

Я не стала донимать ее спорами и отвернулась к стене, надеясь поскорее уснуть. Унылые темно-синие юбки с жакетами и белые блузки уже висели на спинках стульев, дожидаясь утра. Мне больше нравится желтый цвет, но таких форм почему-то не выпускают. Улыбаясь в темноту, я представляла, как выглядел бы класс, заполненный учениками в солнечных одеждах… Разве не радостнее было бы учителю входить утром в кабинет? Даже если б оно выдалось пасмурным…

Но утро первого сентября выдалось отличным! Мой взгляд сразу уцепился за невесомые солнечные нити, и они вытянули меня из сна, в котором остался тоскующий на печи Ромка. Что значили эти повторяющиеся сны? Я как-то залезла в сонники, выложенные в Интернете, но там обнаружилась такая чушь, что было даже несмешно. Может, конечно, мои сны вообще ничего не значили, просто я скучала по Ромке, а он по мне, но это и без всяких дурацких сонников Фрейда или Миллера было понятно.

– А где тут мои ученицы? Кто сегодня идет в школу? – мама вдруг заговорила таким тоном, словно мы отправлялись в первый класс.

Аня повернула голову, которую еще не смогла оторвать от подушки, и я прочла в ее глазах ужас. Наши кровати разделял узкий проход, и стоило мне протянуть руку, как пальцы сестры уже переплелись с моими.

– Не бойся, – шепнула я. – Если что, Элиот на зонтике выцепит нас оттуда!

Про этого выдуманного мной уже сто лет назад маленького человечка не знал никто, кроме нас. Ну еще Ромке было известно это имя, но история оставалась только нашей. Я рассказывала ее Ане, когда атмосфера сгущалась до то-

го, что становилось больно дышать. Как в последний раз, когда она сбежала из дома, разозлившись на то, что Ромка не влюбился в нее, но пряталась почему-то у его деда. Может, их сближала не только любовь к рисованию, но и злость на Ромку – дед встречал внука, точно инопланетянина-захватчика. Мне казалось, они даже говорили на разных языках! И все из-за того, что Ромкин отец стал пожарным, а не художником, и старик требовал от внука, чтобы тот разделил его негодование по этому поводу.

Но Ромка упрямился и твердил, что каждый выбирает по себе… Хотя нет, кажется это строчка из каких-то стихов, а Ромка высказывался подругому. Но смысл точно был таким. Он ведь и сам собирался стать спасателем, чтобы продолжать помогать людям, даже когда его волшебная сила истощится. Знал бы дед о его планах! Вообще на порог не пустил бы…

С Аней я о Ромке старалась даже не заговаривать – вдруг она до сих пор переживает из-за него? И хотя я думала о нем всю дорогу до гимназии, потому что герберы в моих руках так напоминали ромашки, которые Ромка подарил мне однажды, болтали мы с сестрой о чем угодно, только не о Новосибирске.

Утро выдалось таким теплым, что я просто накинула на плечи свой красный плащ, чтобы не проталкивать загипсованную руку в узкий рукав. И всю дорогу украдкой поглядывала на свои черные туфельки на каблучке, купленные только вчера. Аня и раньше носила обувь на каблуке, ведь, по выражению нашего папы, она была вся такая «девочка-девочка». А я решилась надеть «взрослые» туфли впервые и страшно боялась подвернуть ногу – не хватало мне еще одного гипса! Представляю, как угорал бы весь класс...

Торжественную линейку по случаю хорошей погоды проводили прямо перед крыльцом гимназии, и нам с сестрой пришлось разделиться, потому что наши классы оказались далековато друг от друга. Сердце у меня колотилось прямо в голове, когда я приблизилась к табличке «6Б». Ни одного лица я не видела, кроме учительского: у нашей классной, которую звали Зоей Константиновной, были мягкие щеки и внимательные серые глаза. Хотя день только начинался, узел ее каштановых волос уже расползался на макушке, и выбившиеся пряди свешивались вдоль лица, но это меня даже обрадовало. Больше всего я боялась угодить в руки какой-нибудь высокомерной стервы, которая наверняка невзлюбила бы меня. Не знаю – за что, но почему-то я в этом не сомневалась.

– Ты же училась в «Г»? Она же «гэшкой» была в прошлом году! С чего вдруг к нам?

Я обернулась на голос. И увидела ту самую стерву, которою побаивалась. Только в подростковом варианте. Если б она уже не дернулась на меня и я просто встретилась бы с ней на улице, то первым делом подумала, какая же она красивая. Правда, очень похожая на всех участниц конкурсов красоты вместе взятых, в этаком уменьшенном варианте, но все равно даже у меня дыхание остановилось от того, до чего же эта длинноволосая блондинка была… обложечной! Она смотрела на меня свысока, что было обычным делом при моем росте, но я сразу почувствовала: ничего не изменилось бы, даже если б я оказалась выше нее. Такая красота давала право на всех глядеть, как на пигмеев – в этом она ни секунды не сомневалась.

– Ксения, – обратилась к ней Зоя Константиновна таким тоном, что девчонка сразу изменилась в лице, – а поприветливей нельзя? Гонор убавь. Остальных тоже касается.

И я мгновенно полюбила эту учительницу всем сердцем! Сдвинув бровки-стрелочки, Ксения притихла, а Зоя Константиновна сообщила всем, кто я такая и почему отныне буду учиться в гуманитарном классе: у меня незаурядные литературные способности. Я прямо онемела, услышав такое! В общем-то, возразить было нечего, но откуда нашей классной стало известно, что я пишу тайком?! Может, она владеет волшебством, которое не истощилось к шестнадцати годам, как у членов «Волнореза»? Или… Мне увиделось, как мама на минутку возвращается в кабинет директора, оставив нас с Аней в приемной… Неужели и обо мне она сказала доброе слово?

– Ну, супер, – блестящие Ксюшины губы дрогнули презрением. – Да пусть учится, мне-то что! Писака!

Если б в эту секунду я смолчала, противное прозвище прилипло бы ко мне насмерть. И, как ни боялась я разочаровать Зою Константиновну, мне нужно было постоять за себя. Я шагнула к долговязой красавице и так ткнула ее гипсом в ребро, что она охнула и скрючилась.

– Еще раз такое скажешь, нос сломаю.

Я произнесла это совсем тихо, но мне показалось, что Зоя Константиновна тоже уловила мои слова. Возражать она не стала. А осталь-

ные как-то попятились от меня, точно увидели гипсового терминатора, который сейчас начнет крушить все вокруг. Ни в одних глазах я не увидела улыбки… И стало понятно: легкой жизни не бывает нигде. Только бегать от трудностей я больше не собиралась.

* * *

– Куда летите, свербигузки?! Только полы намыла, а они тут как тут – натоптали… Вас на улице собрали, чего в школу притопали?

Уборщица со шваброй наперевес загородила нам с Аней дорогу. Но выглядела она совсем не страшно: маленькая, кругленькая, с широким, рыбьим ртом. И даже то, что она так накинулась на нас, ничуть не испугало.

– Нам справки из ЖЭКа надо для личных дел отдать, – выпалила я, прикрыв собой Аню, которая побаивалась всех на свете вахтеров, техничек и сторожей – рассредоточенный по свету отряд скрытых боевиков.

– Новенькие, что ль? – она оглядела нас с ног до головы. – Откуда пожаловали?

– Из Новосибирска. Теперь здесь будем жить.

Я старалась придерживаться нейтрального тона – вдруг она терпеть не могла наш город? Но, похоже, это было для нее всего лишь название.

– Как зовут-то вас, баламошки?

– А вы запомните? – не поверила я.

– Хо! Да я тут всех, считай, знаю. Кажный день вижу, так чего тут запоминать?

Я назвала наши имена, и она удивилась, что мы, такие непохожие, родные сестры. Аня вежливо пискнула из-за моего плеча:

– Извините, а как вас зовут?

– Клавдией Григорьевной, – отозвалась уборщица с таким достоинством, которое меня прямо восхитило. – Справки говорите? Это дело обязательное. Только нечего вам вдвоем шлындать, топтать…

И она ткнула в меня пальцем:

– Ты иди, Настасья. А ты, Нюрка, во дворе подожди. Минутное дело, считай…

Никто еще не называл мою сестру Нюркой, и я, не оборачиваясь, увидела, как у нее округлились глаза. Однако спорить с всесильной Клавдией Григорьевной мы не решились, и Аня быстренько выскользнула во двор. Но когда я, отдав наши бумаги, тоже спустилась вниз, то не обнаружила сестры на крыльце. Зато знакомое предчувствие надвигающейся беды захлестнуло меня с головой. «Аня?!» – но в ту же секунду раздался звонок от сестры, и ее счастливый голосок сообщил, что она пошла домой с новыми одноклассницами.

– Ну, супер! – отозвалась я и сама аж скривилась – это было Ксюшино словечко, мне не хотелось иметь с ней ничего общего.

Спрятав телефон, я огляделась, отыскивая источник тревоги, которая не отпускала. После линейки все уже разошлись, только парочка из старших классов зависала на перилах крыльца, прижавшись плечами. И четверо мальчишек из «началки» о чем-то шептались на крыльце, тихонько хихикая. Как они оказались тут, ведь их классы занимались в отдельном здании, чуть ли не в километре отсюда? Специально пришли? Но зачем? Что-то было не так с этими пацанами, я решила последить именно за ними, ведь парень с девушкой уже мало походили на детей. Да и опасность, их подстерегавшую, могла предупредить любая аптека, но никак не волшебная сила…

Когда мальчишки стайкой слетели с крыльца и скрылись за углом школы, я с безразличным видом направилась следом. Они явно шли в сторону «Парка Чудес», до которого было рукой подать, и я подумала, что угроза исходит от какого-нибудь из аттракционов. За это лето дети несколько раз травмировались на каруселях разных городов. А в такую хорошую погоду парк наверняка еще работал.

Но они удивили меня, свернув в сад при больнице, находившейся по соседству с парком. Что им там-то понадобилось?! На меня они не обращали никакого внимания: я была слишком большой, чтобы пробуждать в них интерес, и слишком маленькой, чтобы меня бояться. И это вполне устраивало. Оставаться невидимкой, не тратя на это волшебную силу, – именно то, что нужно!

Мальчишки казались самыми обычными на вид, и я никак не ожидала, что беда может не угрожать им, а исходить от них. И даже когда самый симпатичный из них, с модной стрижкой, начал подкрадываться к рыжему коту, мирно спавшему на крышке больничного погреба, я не подумала, что он способен ухватить свесившийся полосатый хвост и, резко вздернув животное, изо всей силы ударить его головой о жестяную поверхность.

Это произошло слишком быстро, я не успела переключиться! Ведь я пыталась уловить, откуда

исходит угроза для ребят. А зло заключалось в них самих – беззаботно хохочущих над тем, как сотрясается в агонии маленькое кошачье тельце. Красавчик передразнивал умирающего в муках кота, его приятели пытались подражать ему, а я просто не могла пошевелиться. Хотя должна была броситься на них, разбить своей костяной рукой всю эту хорошенькую физиономию, чтоб он навсегда остался уродом. И каждый раз, подходя к зеркалу, вспоминал, из-за чего стал таким…

Но за меня это сделал другой. Еще зеленые кусты сирени вдруг зашумели, и оттуда с ревом вылетел мальчишка, одетый в жалкие обноски. По виду он был не старше этих подонков, но бросился на них с такой храбростью! Он кричал и размахивал кулаками, пытаясь ударить того, чьи руки были в крови, а по чумазым щекам его бежали слезы. Я видела их даже без очков. На улице я никогда их не надеваю. Не потому, что часто дерусь, просто окулист велел только смотреть в них телевизор или читать с доски в классе. Хотя сейчас стоило бы вооружиться очками, чтобы как следует разглядеть мерзкие физиономии маленьких убийц.

– Бомжонок! – завизжали мальчишки на все голоса. – Вонючка!

Отвратительный красавчик легко уклонялся от ударов нападавшего, а остальные, кажется, не думали соблюдать кодекс чести, велевший не вмешиваться, когда двое дерутся. Один из компании, самый толстый, схватил с земли ветку и уже хотел садануть бродяжку по спине, но тут уж я не выдержала. Моей силы вполне хватило, чтобы, не приближаясь к ним, окружить мальчишку в лохмотьях прозрачным коконом, от которого палка отскочила, как от упругой стенки, и ударила толстяка в лоб. Он так перепугался, что, выронив палку, отскочил метра на два и с ужасом уставился на свои руки.

Остальные не заметили того, что случилось с ним, и бросились на бомжонка с кулаками. Но я перенаправила одного из них, и он оказался на пути дружка. Они молотили друг друга с таким ошарашенным видом, что мне хотелось расхохотаться на весь сад. Но нужно было еще разделаться с главным гаденышем… Позволив бомжонку ударить его в лицо, я пустила волшебный луч в живот красавчику, и вместо того чтобы ответить на удар, он скорчился, перегнувшись пополам. Кишки у него скрутило на славу! Если б он не был так отвратителен, я позволила бы ему добежать до ближайших кустов… Но я ненавидела его с такой силой, что заставила обделаться прямо на глазах у друзей.

– Ну, кто теперь вонючка? – выдохнула я.

И почувствовала, что силы оставляют меня.

Но бомжонок, похоже, был в безопасности: пацаны бросились врассыпную, точно столкнулись с призраком. А их обкакавшийся вожак, всхлипывая и озираясь, помчался в другую сторону. К дому, конечно. Где еще можно скрыться от такого позора? Куда исчез бродяжка, я не заметила. Может, опять нырнул в заросли сирени? Я осторожно подкралась к ним, но увидела только драное одеяло, пустые пакетики и банки. Похоже, здесь он и жил все лето… Чем еще я могла ему помочь?

Раздумывая над этим, я выкопала ямку, отбитым горлышком водочной бутылки и положила в нее кота. Может, он не успел понять, что с ним произошло? Не испугался до смерти, которая тут же и наступила? Ведь кот спал, когда эти злыдни добрались до него… Зачем?! Для чего им так хотелось стать убийцами? Ведь никакого же смысла не было в этой кошачьей смерти! Он никому не угрожал, не вредил. Он просто жил на этом свете, украшая его своей яркой шубкой. Громко всхлипывая, я положила руку на его остывающий бок. Мне хотелось, чтобы этот бедняга уснул, чувствуя человеческое тепло…

Потом я засыпала рыжее тельце землей и закрыла глаза. Я не могла понять, почему тревога не отпускает. Как будто может случиться еще что-то хуже того, что уже произошло… Но мне никак не удавалось определить, откуда идет сигнал. Волшебство вымотало меня, но все искупала радость от того, что я помогла хорошему, хоть и никому не нужному мальчишке…

* * *

Уже наступил сентябрь, а Настя так и не вышла на связь «ВКонтакте». Три Ромкиных сообщения остались непрочитанными. Хоть ей и приходилось теперь действовать левой рукой, но уж набрать ответ можно и одним пальцем! Не выдержав, он послал смс: «Как жизнь?» Настя заверила, что все классно и опять замолчала.

«Вот так исчезают девочки, с которыми лето казалось бесконечным», – ему так понравилась эта фраза, придуманная по дороге из школы, что Ромка заучил ее наизусть. Правда, мысль поставить ее в качестве статуса на своей страничке, он отверг. Слишком уж откровенно это звучало, и все ребята из «Кобры» мгновенно догадались бы, о какой девочке идет речь. До сих пор они

тактично не спрашивали о Насте, понимая, что были б новости, Ромка поделился бы с ними.

Стас Якушев пытался отвлечь его, загружая делами «Кобры». Собираться в Нарымском сквере было уже холодновато, и не хотелось идти в библиотеку, в которой больше не было Ирины Викторовны. А без Насти никого не тянуло записываться в театральную студию ее школы, как планировалось еще летом. Там была бы крыша под головой и легальные встречи на репетициях. Но от этой мысли решили отказаться, и Ромка понимал, что это из-за него. Ведь каждый раз, глядя на сцену, он видел бы длинноволосую девочку с глазами газели, которая меняла маски с таким увлечением, что не боялась показаться ни смешной, ни даже уродливой. Он-то не раз видел, какие рожи корчит его Настена…

Решение нашлось в первый учебный день. На перемене на него налетел Стас, который тоже теперь учился в их гимназии, и возбужденно прошептал:

– Слушай, у вас же тут музей есть!

– Ну да, есть, – вспомнил Ромка. – И что?

– Как что?! Это же отличное место для сборов нашей команды. Типа мы юные музейщики. Понятно, и реальными делами музея придется заниматься… Но это, как говорится, издержки профессии.

Ромка просиял:

– Отлично! Директор музея – нормальный дядька. Стеснительный такой. Он лишний раз к нам не полезет.

На этом они и порешили, почти не сомневаясь, что если им обоим идея пришлась по душе, то и остальные ее поддержат. И вроде одной проблемой стало меньше и начиналась новая полоса в жизни, но тяжесть в груди никак не исчезала. Ромка ощущал ее, засыпая вечером и просыпаясь утром. Снять ее могла только Настя… Если б наконец откликнулась и просто сказала, что ничего не изменилось между ними.

И вдруг она позвонила! Уж этого он никак не ожидал, зная, что Настины родители немного забрасывают дочерям на счет. Не балуют… Ромка только вернулся из школы после первого полноценного учебного дня, оказавшегося не таким уж смертельно скучным, как он подозревал. Его родители были на работе, и только Ланс, как всегда, составлял ему компанию. Словом, лучшего времени Настя просто не могла выбрать!

Но его ликование тут же угасло, когда он услышал, как она захлебывается от слез.

– Я ошиблась, Ромка! – кричала она в трубку так, что ему пришлось отвести ее от уха. – Это я во всем виновата!

Ему не сразу удалось уговорить ее рассказать все связно, ведь он представления не имел, о чем толкует Настя. Оказалось, накануне она спасла (это Настя дала понять только намеком) какого-то маленького бродяжку. А утром увидела в школе портрет одного из нападавших мальчишек в траурной рамке. Его зарезали в собственном подъезде. По описанию соседки, одной из тех, что проводят половину дня у окна, задержали того самого бомжонка.

– Я думала, опасность угрожает ему, понимаешь? А оказалось, он сам убийца! Но и тот, которого убили, он же кота – головой… Ни за что! Он ведь тоже убийца… Ромка! Я должна была делать… то, что надо? А вдруг он вырос бы и превратился в серийного маньяка? И начал бы детей убивать, раз уже сейчас животных… Может, и хорошо, что его… Ой, что я несу! Я уже сама ничего не понимаю...

Разговор внезапно оборвался, и он догадался, что у Насти закончились деньги на счету. Не помня в точности, какой баланс у него самого, Рома тут же перезвонил ей, ведь было бы бесчеловечно оставить Настю в таком смятении. Она сразу откликнулась, и в голосе ее уже зазвучала радость:

– Ой, хорошо, что ты перезвонил! Что мне делать, а?

– Первым делом – успокоиться. И не называть вещей своими именами. Почему ты не выходишь «ВКонтакт»? Или в «Скайп»?

– Потому что сказку сочиняю, – пробурчала Настя. – Думаешь, легко – одной рукой? Потом уже сил нет что-то еще писать, пальцы устают. Не знаю, как учиться буду… А в «Скайп» не могу – мы же с Анькой в одной комнате. И она постоянно дома торчит. Думаешь, ей приятно будет видеть, как мы с тобой болтаем? Может, она до сих пор в тебя слегка… Ну, влюблена.

«Удалось отвлечь, – улыбнулся Ромка. – Уже не плачет».

– Ладно, слушай, – начал он, тщательно подбирая каждое слово, чтобы невозможно было понять, о чем идет речь, если кто-то прослушивает их линию. – Кто кем вырастет – этого никто не знает. И мы не должны делать свои догадки, понимаешь? Но ты ни в чем не виновата. Ты еще не освоилась на новом месте. Слишком много всего на тебя навалилось! И дело было запутан-

ное: то одни нападают, то другой… Попробуй разберись.

Она слушала его, кажется, затаив дыхание – Ромке чудилось, будто он говорит в пустоту. Поэтому он уточнил на всякий случай:

– Ты еще здесь?

У него ведь тоже вполне могли закончиться деньги.

– Я здесь, – отозвалась Настя. – Знаешь, я только сейчас поняла, как я по тебе соскучилась! Вот слушаю тебя – и мне так спокойно. Мы ведь с тобой найдемся, когда вырастем, правда?

У него восторженно заколотилось сердце, и Ромка порадовался, что никто не видит, как счастливо улыбается он во весь рот.

– Я тебя точно найду, Настена! Даже не сомневайся. Ты… расти пока. Руку лечи.

Донесся знакомый смешок:

– Да она ничего, срастается понемножку. Гипс мешает, конечно, зато им можно так двинуть!

– Ты опять с кем-то дерешься? – ужаснулся Ромка, вообразив, как его маленькая подружка вонзается загипсованной рукой в толпу дерущихся.

– Не дерусь, нет! Так… Ткнула в бок одну. Но она сама нарвалась, честное слово!

– Я верю. Но ты все-таки поосторожнее там, ладно? И пиши мне хоть по одному слову! Чтоб я просто знал, что с тобой все в порядке.

Она опять всхлипнула:

– Ну зачем бомбисты нашу квартиру взорвали? Мы могли бы остаться дома. И папа с нами.

– У него же работа в Кемерово, – напомнил Ромка. – Думаешь, он отказался бы от заведования лабораторией?

– А у мамы была в Новосибирске! Она здесь уже все театры обошла, нигде завлит не требуется. А что будет, если она работу не найдет?

Ромка так и замер:

– Вы вернетесь?!

– Не знаю…

Это состояние незнания повисло между ними, когда замолчал и его телефон. Ромка попробовал перезвонить еще раз и получил сообщение, что его баланс ушел в минус. Но как раз это не тревожило: последняя беседа с отцом вселяла надежду, что тот не станет ругать его за потраченные на разговор с Настей деньги. Не хочет же он, чтоб и у сына на всю жизнь остались сожаления о девочке, которую он любил только одно лето…

* * *

Было тошно даже заходить в гимназию, ведь первым делом я видела лицо убитого мальчика. Его портрет с черной ленточкой на уголке висел прямо у входа, и невозможно было избежать его взгляда. На снимке у него было ангельское личико, хотя я-то знала, что душа этого ребенка уже стала черной… Но вдруг она еще могла бы очиститься? И он вырос бы хорошим человеком. Возможно, сделал бы великое открытие и спас миллионы людей от рака или совершил что-нибудь другое, но тоже очень значительное. Его лишили этого шанса. Это было несправедливо.

И все же я не могла избавиться от мысли, что он сам напросился… От этого на стены лезть хотелось! Сережа Беляев, девяти лет от роду, погиб, а я не могла заставить себя горевать о нем вместе со всей школой. Перед моими глазами то и дело всплывало, как он хватает спящего кота за хвост и разбивает ему голову… Я внушала себе, что человеческие законы не предусматривают смертной казни за убийство животного. Значит, этот малолетний изверг не должен был расплачиваться жизнью за свою беспредельную жестокость. Может, он никогда не поднял бы руку на человека… На маленького ребенка. Или все же следующей его жертвой мог стать и младенец, которого этот красивый мальчик легко ухватил бы за ножки и…

Меня просто разрывало от сомнений, которых не разрешил даже Ромка, хотя я очень на него надеялась. Конечно, он был прав – мы не должны примерять на себя мантию судьи и решать, кому жить, а кого подвергнуть казни. Наша задача просто спасать детей, попавших в беду. И если закрыть глаза на все обстоятельства, то Сережа Беляев был в опасности, а я его не спасла потому, что потратила силы на то, чтобы другого ребенка защитить от опасности, исходящей от него.

Это был какой-то замкнутый круг! Я понимала правильность ответа, но не могла принять его всем сердцем. И потому, опустив глаза, пробегала мимо траурного портрета. Хотя никому в гимназии и в голову не пришло бы каким-то образом связать меня со смертью этого мальчика. Но на переменах я бродила по коридорам, как пришибленная.

Оставаться в классе мне тоже было тошно: Ксюшка Морозова, невзлюбившая меня с первого взгляда, делала все, чтобы я почувствовала

себя полным отстоем. В открытую Ксения больше со мной не связывалась, она действовала исподтишка. Любого человека можно подловить, когда он хочет чихнуть или зевает – красавцем не назовешь! И Ксюше, как ее все называли, удавалось снять каждый такой момент, позорный для меня, но уморительный для всего класса. Ее планшет с моими уродскими фотографиями путешествовал по классу, а я старалась делать вид, будто ничего не замечаю. Даже когда под боком хихикала Дуся Потапенко, украдкой разглядывая снимки. У меня прямо плечо начинало ныть – так я удерживала свою загипсованную руку, чтобы не шарахнуть ею по планшету. Раскололся бы, как миленький!

– Хочешь посмотреть? – эта придурочная Дуся еще и пихала меня в бок. – Ты тут такая прикольная!

Неужто она надеялась, что меня тоже повеселят эти кадры?

– Не обмочись от смеха, – процедила я сквозь зубы.

Кажется, я не сказала ничего смешного, но она захихикала, как ненормальная! Я, конечно, всегда знала, что в Кемерово неблагополучная экология, химические заводы и все такое, но на Дусе это сказалось слишком сильно… При этом училась она практически отлично. Как в одной голове умещаются интеллект и полная дурь?!

А Ксюша Морозова охотилась за мной с таким упорством, что мне диких усилий стоило сдержать свой волшебный фонарик, который готов был испепелить ее. Но я не могла позволить себе этого: во-первых, «Волнорез» никому не причиняет вред, как говорит мама, априори. А, во-вторых, нам запрещено защищать себя. То, что я была единственной волшебницей в этом городе и остальные могли просто не узнать о моей сладкой мести, ничего не меняло. Мое волшебство было временным даром, способным покинуть меня в любую минуту, если я начну нарушать правила. Были случаи, когда ребят исключали из «Волнореза» за использования волшебной силы в своих целях… Отомстив одной паршивой Ксюшке, я останусь ни с чем и никогда уже не смогу помочь другим детям. А они ведь не виноваты в том, что в моем новом классе завелась хорошенькая мерзость!

На переменах Ксюшка подкармливала девчонок дорогими конфетами – наша мама обычно протаскивала нас мимо таких в магазине. Не представляю, какими они были на вкус, наверное, как нектар какой-то, потому что мои одноклассницы ходили за Ксюшей по пятам и смотрели ей в рот, из которого то и дело вылетали фразочки из глянцевых журналов:

– Этой осенью в моде смелые сочетания цветовых гамм. Очень актуальны малиновые оттенки… Вот как моя кепка, видели? Синий электрик тоже котируется, – она потеребила рукав своей трикотажной блузки, демонстрируя правильный цвет.

Меня просто подташнивать начинало от таких разговоров… Что они понимали в цветах, эти жалкие копии гламурных див? Вот Анька вчера нарисовала нашу улицу Весеннюю – малиновые деревья и оранжевая трава… Вот это было «смелое сочетание цветовых гамм»! Я просто аплодировала ее пейзажу, честное слово. Не мысленно, а по-настоящему, и впервые увидела, как моя сестра умеет краснеть. Если б можно было показать ее Ромкиному деду, он наверняка расхвалил бы Анину работу до небес! Которые, кстати, на ее картине стали салатовыми. Весь вечер я заставляла сестру позвонить тому художнику Старикову, которому ее перепоручил Филиппов. Но Аня уперлась, как бычок – это она умеет! Заявила, будто ее работы еще не готовы к показу настоящему художнику. Ей, конечно, виднее, но боюсь, она будет готовиться к этой встрече всю жизнь…

На самом деле, я прекрасно понимаю, каково это – вывернуть перед незнакомым человеком свою душу. Ведь Анины рисунки и есть ее душа… Как те истории, которые я сочиняю. Надо же, еще в начале лета я твердо была убеждена, что стану фотографом! А теперь, когда вижу разбухшую от жадности чагу на березе или изысканное сиреневое облако, то не бегу за фотоаппаратом, а думаю о том, как описать его словами. Так, чтобы все увидели именно то, что вижу я. Может, и к лучшему, что мне пришлось продать Canon, когда я сбегала от папы… А Nikon на городском конкурсе достался кому-то другому. Было бы несправедливо, если б я выиграла у человека, который всерьез занимается съемками, и бросила это дело. Оказавшееся всего лишь хобби. С литературой такого не будет – это точно! Правда, я еще ничего и не написала толком, но сочинять меня тянуло всегда.

Чтобы не слышать тупую болтовню своих одноклассниц, я спускалась на первый этаж. Там в гардеробе маячила приземистая фигурка Клавдии Григорьевны. Она и вправду сразу же

запомнила, как меня зовут, и ее выпяченные, как у рыбы, губы расплывались навстречу:

– Настасья! Чего болтаешься, глазопялка? Подружек не завела еще? Ну, седай сюда…

Усадив меня на старенький низкий диванчик, Клавдия Григорьевна начинала рассказывать про свое далекое детство в тверской деревне. В Сибирь она перебралась вслед за мужем-шахтером, с которым они познакомились, прямо как в кино, на Красной площади! Оба оказались там проездом, но до отправления поезда у них выдался целый день. И Москва повенчала их задолго до того, как они встретились снова и остались вместе навсегда.

Я смотрела на эту пожилую, не очень-то красивую женщину и пыталась представить, какой она была в юности? Ведь на Красной площади наверняка было полно девушек, а тот молодой шахтер влюбился в свою Клаву с первого взгляда. Как это происходит, интересно?

Но представить этот момент во всех деталях я не успела, потому что за окном раздался пронзительный визг. И мы с Клавдией Григорьевной наперегонки помчались во двор, на бегу гадая, что произошло. Слетев с крыльца, я вскинула голову и увидела совсем маленького мальчишку, наверное, первоклассника, забравшегося на пожарную лестницу. Уцепившись за перекладину, он висел на уровне третьего этажа и вопил от ужаса. Понятно, что забраться наверх казалось мальчишке плевым делом, пока он не глянул вниз. И теперь ему легче было умереть там от голода и жажды, чем самому спуститься вниз.

– Ах ты, баламошка! – воскликнула Клавдия Григорьевна, прижав руку к груди. И озабоченно пробормотала: – Спасателям звонить надо.

Переваливаясь уточкой, она взбежала по ступеням и скрылась за школьной дверью. Никто, кроме нас с ней, пока не знал о происшествии, ведь на переменах обычно стоял такой гвалт, что себя-то не слышно. Это мы сидели рядом с приоткрытым окном, поэтому вопль долетел до нас.

То, что я осталась с мальчишкой один на один, меня жутко обрадовало. Забраться наверх с загипсованной рукой нечего и думать, поэтому без волшебства было не обойтись. Нельзя терять ни секунды: и он мог соскользнуть в любой миг, и зрители набежать. Поэтому я пустила поток силы вверх и наискосок, чтобы слегка прижать его к лестнице. Теперь пацан, не догадываясь об этом, висел на моей волшебной страховке. Я послала ему волну успокоения, которая мне всегда представлялась зеленовато-голубой, как морская. И мальчишка сразу перестал орать, хотя все еще смотрел на меня растерянно.

– Спускайся потихоньку, – произнесла я так уверенно, чтобы у него не возникло сомнений. – Ты не упадешь, даю тебе слово. Переставь левую ногу на нижнюю перекладину. Хорошо. Теперь правую. Держись одной рукой, а второй хватайся за перекладину пониже. Отлично!

Я держала его изо всех сил, чтобы он ощутил, что не скользит и ветром его не срывает с лестницы, хотя светлые кудряшки его так и мельтешили в воздухе. Хорошо, что мне в школу мама заплетала косу или две, и волосы не отвлекали сейчас. А то по ветру они полощутся, как светлый хвост степной лисы.

С нижней перекладины мальчишке нужно было прыгнуть, ведь она находилась выше моей головы. Он опять взглянул на меня со страхом, но я улыбнулась и снова накрыла его зеленоватой волной. Моя протянутая рука была только маскировкой, на самом деле его держала невидимая сила, но первоклашка поверил в то, что я поймаю его, и оторвался от лестницы. Я мягко опустила его с собой рядом и прижала, чтобы успокоить окончательно. И в этот же момент из школы выскочила директор Тамара Семеновна, в глазах которой был ужас не меньший, чем тот, который я только что усмирила в ребенке. Но заниматься еще и ею у меня уже не было сил. За директором маячил охранник, который болтался где-то по школе, когда мы выбегали во двор. Приземистая Клавдия Григорьевна пробилась между ними и всплеснула руками:

– Настасья! Как ты его стащила оттудова?!

– Настя Ильина, – произнесла директор таким тоном, словно награждала меня Звездой Героя.

Она смотрела на меня так пристально, будто пыталась заглянуть в душу или прочесть мысли. Это показалось мне опасным, и я активно помотала головой:

– Нет-нет! Он сам спустился. Как бы я туда залезла с одной рукой? Я просто… Ну, подсказывала ему, что делать.

Но мальчишка, вцепившись в меня, так и не разжимал рук и всем своим видом показывал, что я – его спасительница. Мне совсем не хотелось создавать миф на пустом месте, ведь я ничем не рисковала. И вообще больше всего мне хотелось забиться в уголок, съесть свой любимый «Сникерс» и прийти в себя. Когда волшеб-

ная сила потрачена, возникает такое опустошение, что даже ноги трудно передвигать…

Будто считав мое состояние, Тамара Семеновна силой отцепила рискового трусишку и погладила меня по спине:

– Может, домой пойдешь? Я предупрежу учителей. Ты ведь тоже стресс пережила, вряд ли сможешь заниматься… Хоть ты и уникальная девочка!

Этого я не поняла, но запомнила. В чем, интересно, она увидела мою уникальность? Но даже если директор сильно обманывалась на мой счет, это все равно было приятно.

– Гляди, умурзился весь, – проворчала Клавдия Григорьевна, отряхивая штаны мальчика, имени которого я до сих пор не знала. – Какой анчутка тебя затащил туда?

Он только часто моргал и бросал по сторонам виноватые взгляды. Вздохнув, директор опустила ладонь на его макушку и потрепала, как родная бабушка. Я благодарно улыбнулась ей, удивившись про себя, какие же классные педагоги подобрались в этой гимназии! Всех я, правда, еще не успела узнать и опасалась неприятных сюрпризов. Но заранее думать об этом было ни к чему.

Я забрала из гардероба свой ранец и побрела домой. В душе у меня уже подавали голос птицы радости: сейчас отлежусь и буду сочинять сказку! У меня целый день впереди!

* * *

Балкон был его окном в мир. Маленьким корабликом, плывущим по волнам, способным унести в самые фантастические дали. Пусть никто, кроме него, не видел ни океана, ни судна, Ваня был счастлив, когда мама выносила его на балкон. Она усаживала сына в старое кресло, укутывала ватным одеялом, и уходила… Куда – этого мальчик не знал. И никогда не спрашивал, чтобы не злить ее. Нужно было оставаться послушным мальчиком, чтобы мама не наказала его, лишив прогулки.

Это воскресное утро осыпало его сюрпризами. Солнце, хоть и было уже осенним, пригрело так, что красный столбик уличного термометра дополз до двадцати градусов в тени. И Ваня, наконец-то, избавился от одеяла, в котором чувствовал себя младенцем. Правда, до сих пор никто из соседей не видел его и уж тем более не знал, ведь они с мамой переехали в эту квартиру только летом. Бабушка уступила им свою полнометражную «двушку», решив, что лучше дочери с внуком жить в центре. Предполагалось, что тогда Ваниной маме не придется добираться с работы почти час. А он не будет сидеть в одиночестве от зари до зари. И Ваня не говорил бабушке, что мама по-прежнему пропадала где-то до самой ночи…

Если он оставался в комнате, то заглушал тишину голосами из телевизора. А на балконе и нужды не было в искусственных звуках, и Ваня даже выключал звук на своей приставке, чтобы одновременно играть и слышать шум фонтана, и смех, взлетавший стайками, и даже сердитые гудки автомобилей с проспекта.

А недавно и за стеной зазвучали девчоночьи голоса, и Ваня догадался, что у них появились новые соседи. Ему жутко хотелось увидеть хоть одну из сестер, и вместе с тем он боялся этого. С балкона ему были слышны отдельные, не связанные между собой фразы, долетавшие из соседней квартиры:

– Ну, мама, мне очень нужно было ему позвонить!

– Это же совсем не те краски, которые я просила…

– Да она тупая совсем, ты даже не представляешь.

– Завтра у нас нет физкультуры, на фига мне кроссовки мыть?

О ком и о чем говорили эти девчонки, Ваня мог только догадываться. Почему-то ни одна из них ни разу не вышла на балкон. Может, у них были дела поинтересней… Или они просто не умели придумывать корабли, летящие над землей…

Но в воскресенье утром дверь соседнего балкона распахнулась. И девчонка с длинной русой косой и густой челкой выскочила из комнаты так стремительно, будто великан, засевший в их доме, выстрелил ею из рогатки. На правой руке у нее белел гипс, но она будто и не ощущала его. В каждом ее движении были легкость и то особое очарование, имени которому Ваня дать не мог, но залюбовался, даже перестав дышать.

Он вжался в свое кресло, но девочка и не заметила его. Быстро оглядевшись, она закричала:

– Мам, все-все вытаскивать?

И тут увидела Ваню. Карие глаза ее заблестели от радости, как будто он приходился ей двоюродным, если не родным братом.

– Привет! А почему я тебя раньше не видела?

Через минуту Ваня уже знал, что ее зовут Настей и у нее есть младшая сестра, которая так

рисует – «обалдеть можно!». И теперь они будут жить здесь всей семьей, хотя выросли в Новосибирске, а сюда раньше приезжали только на лето – к бабушке с дедом.

– А ты? Как тебя зовут? Почему я тебя раньше не видела?

Она ждала ответного рассказа, но у Вани вдруг перехватило горло. Эта девчонка… В ней было столько жизни – у него просто язык не поворачивался рассказать всю правду о себе. Разве она захочет общаться с таким неудачником? И он лишь угрюмо буркнул:

– Не твое дело! Чего пристала?

У нее изумленно расширились глаза, потом она прищурилась, будто высматривала то, что Ваня пытался скрыть. Но ничего больше не сказала и взялась за уборку балкона: ловко орудуя обеими руками, перенесла в комнату горшки с цветами, сложила переносное кресло и взялась подметать, то и дело засматриваясь на то, что происходило у фонтана. А Ваня уткнулся в приставку, чтобы даже случайно не встречаться с Настей взглядом. И все же украдкой поглядывал, чем она занимается, и все больше злился на то, что до сих пор не научился говорить правду о себе.

«Шустрая, как электровеник! Уже, считай, все закончила…» – его охватила паника от того, что сейчас единственный человек, захотевший с ним познакомиться за последний год, исчезнет. И больше точно не проявит желания с ним – последним хамом! – общаться. За зиму Настя может вообще ни разу и не выйти на балкон… И Ваня опять увязнет в своем проклятом одиночестве.

А она уже завязала мешок с мусором и потащила его в комнату. Ваня подался за ней следом, открыл рот, чтобы остановить девочку, но, когда она замешкалась в дверях и обернулась, его взгляд опять шарахнулся в сторону. Кажется, Настя усмехнулась… А, может, скорчила гримасу – он не решился посмотреть.

Когда балконная дверь закрылась за ней, Ваня обмяк от отчаяния. И балкон перестал быть кораблем, несущимся над волнами. Да и шума самих волн больше не было слышно… Даже солнце зашло за тучу, безутешно заморосившую самым осенним дождем, точно и не было с утра лета, ни бабьего, никакого. Съежившись в кресле, Ваня ждал, когда придет мать, но она все не возвращалась. Уже и фонари частыми маяками начали проглядывать в пелене дождя… И последние прохожие забежали под арку слева от их балконов… И зубы стучали все громче, ведь с утра казалось, что одеяло не понадобиться, и мать оставила его в комнате, куда Ваня не мог попасть.

Он не поверил своим глазам, когда на соседнем балконе вновь появилась Настя. На этот раз она смотрела на него сурово, как будто явилась за возмездием.

– Ну, говори, что с тобой! – потребовала она. – Ты не можешь ходить?

– Не могу, – выдавил Ваня, уставившись на пузатый бок балконной балясины. – Авария…

Настя махнула гипсом:

– И у меня авария! Мы улетели в кювет.

– А мы, – он с трудом выдавливал каждое слово, – лоб в лоб. Папа погиб.

Охнув, она перегнулась к нему и, кажется, хотела обнять, но не дотянулась.

– А ты…

– А я сломал позвоночник. Бывают такие переломы, которые срастаются. А у меня – полный капец. Ноги отказали.

Настя с тревогой взглянула на темное окно его комнаты:

– А почему ты один? С кем ты живешь-то?

– С мамой. Она… Ее нет сейчас.

– Но ты же окоченел совсем! Дай-ка я к тебе перелезу…

– Не надо! – испугался Ваня.

Но слушаться его Настя явно не собиралась. Встав на маленькую скамеечку, она поставила одно колено на широкие каменные перила, но гипс мешал ей как следует ухватиться. Пошатнувшись, Настя соскочила на пол и испуганно прижалась к стене:

– Ой… Если честно, я так высоты боюсь – просто ужас!

– Я же говорил: не надо. Еще разобьешься в лепешку… Я уж маму дождусь.

– И сляжешь с температурой, – проворчала девочка и сердито потерла нос. – Ладно, я сейчас.

Она скрылась в квартире, и Ваня решил, что сейчас девочка принесет ему теплый плед или что-то вроде того. Поэтому он до смерти перепугался, когда Настя появилась из его собственной комнаты.

– Ты… Ты как? Откуда?!

– Спокойно, Маша, я – Дубровский, – заявила она, слегка перепутав роли. – Я не говорила тебе? Я же старая взломщица. Честно-честно! Но я не сломала ваш замок, не бойся. Твоя мама ничего не заметит.

И она примерилась к нему:

– Давай, цепляйся за шею.

– Ты меня не поднимешь, – предупредил Ваня, краснея.

Стыдно было даже думать о том, что девчонка потащит его на руках. С другой стороны, Ваня помнил вечера, когда мама не приходила вовсе… Если сегодня ей слишком хорошо где-то в другом месте, вполне возможно она и не вспомнит о нем. Оставалось только придушить гордость и довериться Насте, которая смотрела на него безо всякой насмешки.

В том, с какой легкостью она подняла Ваню, было что-то невероятное! Пока Настя несла его до дивана, на котором всегда была разложена постель, мальчик пытался угадать, кто же она такая? Чемпионка по тяжелой атлетике? Но по виду не скажешь… Может, она взрослая лилипутка? И силы у нее в несколько раз больше, чем у обычной девчонки? Тоже не особо похоже…

Ваня не решался поднять на нее глаза, пока Настя не опустила его в уголок дивана.

– Тебе нужно переодеться, – проговорила она озабоченно. – Ты мокрый весь… Где у тебя сухая одежда?

И хотя переодевать себя Ваня не позволил, сердце у него так и подпрыгивало от радости, что отныне ему есть на кого положиться.

* * *

– Моя шиншилла и то красивее бы лапкой накарябала!

Я не сомневалась, что Ксюшка смотрит именно мою тетрадь. Сама она – шиншилла! Крыса… Сгрудившиеся вокруг учительского стола девчонки противно захихикали, поглядывая в мою сторону. Попробовали бы они писать левой рукой, будучи правшами! Посмотрела б я, как они веселились бы в таком случае. Набирать текст на ноутбуке я уже приспособилась, хотя за моими фантазиями пальцы никак не поспевали. А шариковая ручка просто норовила выскочить и отпрыгнуть подальше! За урок я обязательно пару раз роняла ее, и Ксюха непременно отпускала тупую остроту по этому поводу. Вроде:

– Наська опять в таракана копье метнула! Кушать хочет!

Весь класс прямо стонал от смеха, а мне хотелось треснуть гипсом ей по башке, но я уже знала – это называется «превысить пределы допустимой самообороны». Потому что уж я вложила бы в этот удар столько… Ее куриные мозги могли не выдержать. Приходилось ограничиваться репликами, типа:

– Не волнуйся, Ксюшенька, я обязательно поделюсь с тобой шашлыком из «стасиков»!

Тут она затыкалась, потому что под «стасиками» я не только тараканов имела в виду, но и пацана из восьмого класса – Стаса Бурмагина. Заметить, какие взгляды бросает на него Ксюшка, было проще простого. А вот, чтобы он смотрел ей вслед, я как-то не замечала… Хотя взглянуть было на что, с этим даже я не могла спорить.

Самый ужас случился вчера, когда этот Стас ни с того ни с сего притормозил возле меня в коридоре и мизинцем тронул мой гипс:

– Бриллианты?

– Секретные микрочипы, – выдала я, не моргнув глазом, и это ему понравилось.

Он расхохотался так громко, что я едва не зажала ему рот рукой, ведь Ксюшка реагировала на его голос, как терьер на запах дичи. Через секунду она уже возникла рядом с нами. В ее голубых глазах ясно прочитывался смертный приговор… Мне, конечно. Я только вздохнула и потопала в гардероб. Не объяснять же ей, что Стас заговорил со мной первым, а я в его обществе нисколько не нуждалась. Он, конечно, неплохо выглядел – высокий, смуглый, зеленоглазый, с удивительно прямым носом и красивым ртом. И теоретически я понимала, почему Ксюха с ума по нему сходила. Но куда ему было до моего Ромки!

Клавдия Григорьевна теперь подкарауливала меня в гардеробе и помогала упаковаться в плащ. Сделать это самостоятельно было не так-то просто!

– Чадце ты мое бедное… Долго тебе еще с этой дурындой ходить?

Гипс обещали снять недели через две. Я уже дождаться не могла этого дня… Оказывается, быть просто здоровым человеком – такое счастье! Теперь я это точно знала, поэтому в первый вечер отводила взгляд и не могла смотреть в глаза Ваньке, моему соседу, которому невозможно было вернуть здоровье. Никакое волшебство не поможет поставить его на ноги. Какое-то все же неполноценное у нас волшебство…

Правда, оно помогало мне проникать к Ване через закрытую дверь. Стас Якушев перед отъездом научил меня открывать любые замки прикосновением ладони. Чтобы не тратить лишнюю силу на прохождение сквозь дверь или стену!

Правда, для этого приходилось выползать на лестничную площадку, а это не всегда было удобно, и пару раз мне все-таки пришлось просочиться в соседнюю квартиру прямо из нашей прихожей, чтобы Ванька не увидел, каким образом я появилась. Я убедила себя, что это нельзя считать бесполезным расходованием волшебной силы, ведь Ваня очень даже нуждался в моей помощи.

Чтобы чем-то заполнить время общения, я начала читать ему свою сказку. Правда, при этом меня временами мучила совесть, ведь я дала слово Ромке, что он будет первым, кто ее прочтет. Но Ванькину скучную жизнь просто необходимо было наполнить чем-то хорошим! Наверное, каждый автор втайне уверен, что лучше написанной им истории ничего в мире не существует… Ведь я могла бы притащить ему кучу интересных книжек, которые хранились у нас в нескольких шкафах. Сама все равно электронной «читалкой» пользовалась из-за своей аллергии, заставлявшей меня чихать и от книжной пыли тоже…

Но вместо этого я распечатывала новые главы и приносила соседу – мне ужасно хотелось услышать, что он скажет о моей сказке. Ведь Ваня был неглупым мальчишкой, это я поняла в первый же вечер, когда он, отогревшись, начал показывать мне своих роботов. Он собирал радиоуправляемых жуков и крошечные ракеты, больше похожие на бескрылых стрекоз, чтобы они передвигались по квартире вместо него. Ему хотелось запустить с балкона такую ракету с крошечной камерой на пузе, чтобы она облетела город и показала хозяину все места, по которым он соскучился.

– А почему ты гулять не выходишь?

– А как? – ощетинился он. – С балкона вниз сигануть?

– У тебя же кресло в коридоре стоит! Я видела. Ну, это… инвалидное…

Почему-то мне трудно было произнести последнее слово. Хотя оно ничуть не хуже выражения, которым теперь принято его заменять – «человек с ограниченными возможностями». Звучит так, словно сам этот человек – ограниченный. Чем это лучше?

Ваня вздохнул:

– Стоит. Но оно же не спустит меня само с третьего этажа!

Мне хотелось расспросить о его матери, которую я еще ни разу не видела, но чувствовалось, что эта тема была запретной. Может, когда Ванька привыкнет ко мне, сам расскажет, что за такая секретная работа у его мамы, которая занимает ее чуть ли не целыми сутками.

Пока я обдумывала, как обставить его вылазку из дома, Ванька читал начало моей истории. Конечно, стоило сначала дописать ее, потом уж показывать, но на уроках литературы нам говорили, будто и Лев Толстой читал семье только что законченные главы. Не то чтобы я сравниваю себя с Толстым, но он ведь тоже, наверное, сам не считал себя великим писателем и живым классиком! Или считал? Интересно было бы узнать…

Хотя, если честно, встречаться со Львом Николаевичем мне бы не хотелось. На портретах он изображен таким сердитым, что у меня, наверное, язык отнялся бы при знакомстве и я выглядела бы полной дурой, которая двух слов связать не может… Хотя мне было чем поделиться с ним: когда я была помладше, то сама сняла кукольный фильм «Анна Каренина». Это была довольно муторная работа, ведь снять нужно было каждое движение куклы в отдельности, и это заняло у меня несколько дней. Но мне было интересно этим заниматься, тем более у меня все заканчивалось по-другому: Анна осталась жива и уехала к отцу, забрав с собой детей. Укладывать на рельсы я ее не стала, да и поезда игрушечного у меня не было.

Может, Толстому не понравилось бы мое отношение к его героине… Правда, его романа я до сих пор не читала, только экранизации смотрела, но Анна всегда меня просто бесила! Такого хорошего Сережу бросила ради какого-то Вронского… Но сейчас я относилась к этой истории по-другому: после того как наши родители поразводились и снова сошлись, я начала думать, что не стоит судить взрослых, пока ты сама еще не была ни замужней женщиной, ни матерью. Кто знает, какие номера я начну выкидывать, когда стану такой солидной теткой, как героиня Толстого? Ей ведь уже было почти тридцать лет! Может, в этом возрасте уже вовсю маразм начинается? Поэтому и начинают чудить?

– Странное имя – Атенаис, – заметил Ванька, отложив первую страницу моей рукописи. – Где ты его взяла?

– Мама читала одну книгу, называется «Город надежды», а мне стало интересно, о чем? – призналась я.

– Ну, и о чем?

– Об алкоголиках.

– Да ладно! – он уставился на меня. – Твоя мама читает об алкоголиках? Я думал, историческое что-то.

– Историческое там тоже есть. Разные времена переплетаются. Вот Атенаис и Гильом как раз из средневековья. А остальные герои живут в сегодняшнем дне.

У него насмешливо дрогнул уголок рта:

– Я смотрю, ты много прочитать успела!

– Да не особо. Из середины… Потом мама увидела и чуть не взорвалась. Наверное, там какие-нибудь эротические сцены имеются... Она до сих пор думает, что мы с Анькой ничего об этом не знаем.

Ваня вдруг так покраснел, что я сразу сменила тему. Наверное, она тоже была для него слишком щекотливой. Впрочем, я и сама не собиралась развивать ее. Как вообще можно говорить о таком с едва знакомым мальчишкой? Это Ксюхе Морозовой ничего не стоило обсуждать в классе достоинства нижнего белья серии «push up», хотя большинству девчонок еще и поднимать было нечего. Они выглядели полными идиотками, когда с умным видом отпускали замечания, разглядывая глянцевые журналы, которые Ксюшка каждую неделю приносила в школу. Им так хотелось казаться взрослыми женщинами, что смотрелись они просто детсадовками. Ничего эти дурочки не знали о настоящей жизни! Если б они только могли представить, чего я насмотрелась этим летом…

Иногда после школы я выходила к Томи, надеясь вновь увидеть тех загадочных чаек, которые однажды безмолвно напророчили мне перемены в жизни. Тогда они напугали меня до смерти, хотя, как выяснилось, ничего страшного птицы, летающие тихим кругом, не предвещали. А вот от того, что сейчас их не было видно, в груди начинало щемить, как будто я потеряла больше, чем знала.

Я смотрела на высокий правый берег, поросший лесом, и мне хотелось бросить ранец и отправиться в царство сосен пешком через мост. Вдруг там тоже водятся причудливые животные, которые могли бы поселиться в моей сказке? Мне было бы не страшно гулять там одной, ведь сосны – солнечные деревья, и даже стволы их излучают тепло. Когда мы маленькими жили с бабушкой и дедом в Журавлях на даче, я обожала прижиматься к соснам щекой и ухом и слушать их шепот. Теперь я понимаю: это чешуйки коры шуршали о мои волосы, но тогда никто не смог бы разубедить меня в том, что деревья разговаривают со мной. А вот о чем они рассказывали, как-то забылось… Но у меня было отличное утешение: я научилась сама придумывать все, что выпало из памяти или не случилось вовсе.

Хотя иногда я просыпалась в страхе: а вдруг и Ромка, и «Кобра», и моя волшебная сила – тоже придуманы мной?! До того убедительно, что я и сама поверила… Тогда я поднимала руку и, не вставая с постели, подтягивала Анино одеяло, сброшенное сестрой во сне. Это было крошечное волшебство! Но после этого я могла спать спокойно.

* * *

Эта новенькая, Настя Ильина, просто нарывалась на хорошую драчку. И Ксюша уже давно затащила бы ее за гаражи у школы, чтобы поучить эту мелкую козявку, постоянно смотревшую сквозь нее, но бить человека в гипсе просто рука не поднималась. Вот снимут, тогда можно будет устроить так, чтобы Ильиной загипсовали что-нибудь еще…

В прошлом году Ксюша Морозова не обратила особого внимания на девчонку, появившуюся у «гэшек». Хоть тогда они и учились в одну смену, общаться с «простым» классом у «гуманитариев» считалось дурным тоном. У них вели разные преподаватели, и ребята почти не пересекались во время уроков. Только раз Ксюшин взгляд зацепился за длинные волосы, похожие на охапку солнечной травы, когда на физкультуре у Насти расплелась коса и она вышла в коридор, осыпанная прямыми прядями. Они стекали по спине до самого подола юбки.

– Ни фига себе – отрастила! Обрить бы ее налысо, было бы прикольно, – процедила тогда Ксения, и смешки одноклассниц прозвучали поддержкой.

Но вскоре Настя исчезла, и все забыли о ней. Кто-то потом говорил, что она вернулась в Новосибирск… Впрочем, Ксюшу не интересовали подробности. Уехала, значит, избежала расправы. За что? В ответ она пропела бы фразу из песни, которую распевал их сосед во время запоев: «Потому что нельзя быть на свете красивой такой!»

И вот Настя Ильина не просто вернулась, а еще и внедрилась в их класс. У Ксюши просто дух перехватило от такой наглости. Она решила сразу показать, кто в доме хозяин, и совершенно

не ожидала, что новенькая посмеет сопротивляться. Когда Настя еще первого сентября двинула ей твердым гипсом по ребрам, у Ксюши потемнело в глазах не только от боли, но и от внезапного страха, что этой девчонке под силу разрушить ту неустойчивую конструкцию собственного авторитета, на возведение которой она положила столько сил.

Нужно было бороться, спасать себя, и Морозова начала тихую войну. Она по себе знала, что больше всего выводят из себя насмешки, и принялась подкалывать Настю по любому поводу. Иногда та делала вид, будто не слышит обидных слов в свой адрес, хотя Ксюша была убеждена в обратном. Порой отвечала так язвительно, что Морозова начинала жалеть о начатых боевых действиях. Как в том случае, когда Ильина намекнула на ее отношение к Стасу… И как только разнюхала?!

Несколько дней Ксюша проверяла всех «приближенных» – не общается ли кто-нибудь из них тайком с Ильиной? Но вроде ни у одной из девчонок даже телефона ее не было, не говоря о том, что в школе они не посмели бы подходить к Насте. Тогда откуда ей стало известно про Стаса? Ведь Ксюша даже самой себе боялась признаться в том, что выходит из класса на переменах только ради того, чтобы увидеть его чеканный профиль. Неужели со стороны это бросалось в глаза? Или маленькая Ильина видела ее насквозь?

От этих мыслей Ксении становилось неуютно, словно ее рентгеновский снимок выставили на всеобщее обозрение. Вроде и не голая, но видно куда больше, чем ей хотелось бы показать.

«Не расслабляться! – приказала она себе. – С этой девчонкой, как с очковой коброй, все время надо быть настороже!» О том, что это ей пришло в голову начать охоту на новенькую, Ксюша старалась не вспоминать.

– О чем вы с ней болтаете? – как бы между делом поинтересовалась она у Дуси Потапенко, делившей парту с Настей.

Ту сразу бросило в жар, и она залепетала так, будто ее уличили в страшном преступлении:

– Да мы вообще не разговариваем! Очень надо! О чем с ней говорить-то?

Это было уже перебором, и Ксюша поморщилась:

– Она – не дура! Найдется, о чем поговорить. Если желание есть.

– А у меня нету! – торопливо заверила Дуся. – Я что, виновата, что меня с ней посадили? Я не просилась.

Не справившись с отвращением, которое вызывало в ней это пресмыкающееся, Ксюша толкнула ее в грудь:

– Да пошла ты! Никто тебя и не обвиняет. Чего трясешься?

В общем-то, было понятно, почему Потапенко так боится ее: в прошлом году Ксюша случайно засекла, как Дуся после школы тащится за ней, хотя всем подругам было строго-настрого запрещено ходить следом и напрашиваться в гости.

– В нашем кругу, – и Ксюша непременно уточняла, – людей богатых и влиятельных, не принято приводить посторонних в дом. Мой папа этого не одобрит. А его телохранители тем более. Мне приходится путать следы и садиться в машину вдали от школы, чтобы папины враги не выследили, где я учусь. Еще украдут! Сами знаете, за большой выкуп чего только не сделаешь…

Слова о коварных врагах и телохранителях, конечно же, вооруженных до зубов, возымели свое действие, хотя сама Ксюша понимала, что несет чушь несусветную! Плестись целый квартал пешком, чтобы враги не выследили? Кто в такое поверит? Только такие дуры, как девчонки их класса… Никто из них даже не пытался общаться с Ксюшей вне школы – понятно же, что недостойны! К тому же, на это имелась сеть «ВКонтакте», где они все проводили вечера. Ксения выкладывала там свои фотографии в роскошных интерьерах, но где именно находится их коттедж, никто даже примерно не представлял. Учителя теперь не ходили по домам учеников, как было во времена их бабушек, поэтому Ксюша позаботилась о том, чтобы в справке из жилищной конторы был написан адрес элитного коттеджного поселка. Ей пришлось наплести чиновнице путанную историю, как они с мамой скрываются от отца-садиста, и расплакаться у всех на глазах, но дело того стоило. Теперь, если какой-нибудь любопытной Варваре захотелось бы сунуть нос в классный журнал и посмотреть адрес Морозовых, ни малейших подозрений не возникло бы.

Варвару вполне могли бы звать Дусей. Однажды она уже посмела нарушить установленное правило и попыталась проследить за Ксенией, но была замечена уже возле кинотеатра «Москва». Набросившись коршуном, Ксюша потащила ее за деревья. Была зима, и небольшой

скверик просматривался насквозь, но Морозовой было плевать на то, что могут вмешаться взрослые. Потапенко угрожала ее частной жизни и должна была получить по заслугам. Искупить вину Дусе удалось сломанным передним зубом. На имплант у родителей не нашлось денег, и девочка до сих пор не решалась улыбаться. Но кто ее побил, так никому и не сказала…

С тех пор у Дуси отпало желание и следить за Морозовой и дружить с нею. А у Ксюши отлегло от сердца: больше никому не придет в голову выяснять, куда она направляется после уроков. Их классная твердила, что авторитет, основанный на страхе, ничего не стоит, но Ксения не могла с ней согласиться. Лучше такой авторитет, чем никакого. Она знала: если б ее тайна стала явью, жизнь просто кончилась бы…

Новую угрозу она почуяла в Насте Ильиной, которая хоть и не выслеживала ее, но все время ходила с таким видом, как будто знает больше, чем говорит. И улыбалась таинственно, точно доморощенная Джоконда! Что Ксюшу здорово напрягало, ведь секреты этой девчонки явно было связаны с нею. А с кем еще? Если бы кто-нибудь осмелился сообщить Ксении, будто в мире есть нечто поинтереснее ее персоны, она все равно ни за что не поверила бы.

Выведать что-то о Насте у ее соседки по парте не представлялось возможным, но Ксюша не собиралась прятать меч в ножны. Она чувствовала себя амазонкой, в одиночку вступившей в бой с невидимым чудищем. В том, что от Насти исходит угроза для нее, сомнений не было. Только непонятно было, в чем она заключалась.

И Ксюша решила использовать животный Дусин страх в своих целях, чтобы выманить новенькую из ее скорлупы. На большой перемене она села на соседнюю с Настей парту и подманила Потапенко:

– Эй, Дуська! Смотри, ты мне на ногу наступила! Видишь пятно? Знаешь, сколько такие туфли стоят? Оттирай давай!

Побледнев, Дуся вытащила из кармана платок и тут же получила по руке:

– Да убери ты свой сморкальник! Языком вылизывай!

Дуся даже попятилась от неожиданности, но злорадные зрители подпирали, и отступить удалось всего на пару шагов. Озираясь, она пыталась найти сочувствующий взгляд и рвала мятый платок:

– Ты чего, Ксюха? Ты прикалываешься?

Вытянув стройную ногу, Морозова процедила:

– На колени, уродина. Вылизывай, я сказала! Будешь знать, как топтаться по ногам... Думаешь, если ты – Потапенко, так тебе все можно?

И ухмыльнулась, скользнув взглядом по сосредоточенному Настиному лицу: «Не нравится? Будешь выпендриваться, вообще раздавлю, шмакодявка!»

– Не надо, Ксюша, – лепетала Дуся, пытаясь затесаться в толпу.

Но никто не желал прятать жертву морозовского гнева – себе дороже будет! Острое личико девочки подергивалось от страха, который она даже не пыталась скрыть, а руки все тискали ненужный платок. Ксюша передразнила ее плаксивый тон:

– Не надо! Людей пачкать не надо, свинья!

В следующую секунду произошло то, что еще долго, передергиваясь от омерзения, вспоминали в шестом «Б». Бурной струей целый фонтан рвоты выплеснулся из Ксюшиного рта и окатил всех, кто оказался в первых рядах и не давал Дусе спрятаться. Досталось и Потапенко, которая тут же начала, как все, визжать от отвращения, встряхиваясь по-собачьи. Вскочив на ноги, Морозова так и остолбенела, широко раскрыв рот.

– Она еще собирается блевануть! – завопил кто-то, и ребята, галдя и толкаясь, рванули из класса.

Не пытаясь стряхнуть с себя остатки завтрака, который был раз в десять меньше по объему исторгнутого желудком, Ксюша бросилась бежать через три этажа. Ей хотелось только одного: поскорее вырваться из стен школы, пропитавшейся отвратительным запахом. На лестницах шарахались от нее и хохотали вслед… Кажется, в проходе к гардеробу мелькнуло лицо Стаса… Не забрав плащ, Ксюша вылетела из школы и помчалась через площадь Кирова к общественному туалету. Она так и не заметила, что Настя Ильина была единственной, кто остался в кабинете математики. В этот день в нем уже не проводили занятий…

* * *

День, когда мне сняли гипс, показался избавлением от оков. Теперь я представляла, как чувствовали себя рабы, которым даровали свободу. Весь сентябрь я прямо ощущала себя черной девочкой на плантации, и не терпелось выпрямить спину, чтобы почувствовать себя человеком. Хотя

рабам еще хуже приходилось – меня-то никто плетьми не стегал. И даже Морозова больше не устраивала мне пытки фотографиями.

Она вообще не появлялась в школе несколько дней после того случая, когда у меня сдали нервы, и я заставила ее изойти рвотой на глазах у всего класса. Такой уж мерзостью она себя показала тогда, что наказание было в самый раз. Позавчера Ксения вернулась в класс, но сидела, не поднимая головы. Почему ее богатенький папа не перевел опозорившуюся доченьку в другую школу, от стыда подальше? Интересно…

Так что жилось мне в последнее время спокойно, и все равно, когда мы с мамой вышли из больницы, в душе моей звучали фанфары. На свою правую руку я просто насмотреться не могла! Хотя она выглядела какой-то бледненькой и даже похудевшей после гипса.

– Что за дети у меня? – вздохнула мама и, как маленькая, подергала меня за косу. – То одну лечу, то другую. А я ведь просто ненавижу больницы!

Сама она никогда не ходила по врачам, это точно. Правда, и болела редко: до сих пор помню, как мама свалилась с гриппом и лежала дней пять, а для нас троих это было так непривычно – мы просто поверить не могли, что она не притворяется! Я даже градусник на себе перепроверяла: ну как это у мамы может быть температура под сорок?! Кажется, тогда я и научилась готовить свое коронное блюдо – гречневую кашу… А папа баловал нас яичницей, от которой меня уже подташнивало, честное слово! И как мы только с голоду не померли за это время?

Праздничность этого дня проявилась и в прорезавшейся сквозь октябрьскую хмарь синеве неба, отчего я то и дело подпрыгивала по дороге домой, а мама каждый раз ахала, как будто моя рука снова могла сломаться от сотрясения. Редкие золотинки берез дрожали от смеха, наблюдая за нами. А мне казалось, это великан-невидимка просыпал монеты из дырявого кармана, когда возвращался в свою пещеру в Лысой горе, куда я отправила и свою Атенаис. Эта гора действительно существует на правом берегу Томи, и кемеровчане устраивают на ней пикники, не подозревая, что может прийти великан. Когда из его штанов просыпались золотые, он как раз тяжело вздыхал, потому что никто не ждал его дома, кроме летучих мышей с уродливыми мордочками. А монеты прилипли к оставшимся с мая клейким березовым почкам.

На самом деле, вряд ли почки могут сохраниться до осени… Так ведь и великаны не бродят по нашему городу! Просто я люблю воображать что-нибудь такое, чего не бывает в реальной жизни. Она ведь часто скучновата без чудесных приключений…

То, что еще случилось в этот день, тоже можно назвать чудом. Когда мы с мамой, водившей меня в больницу, уже возвращались домой, возле самого подъезда меня окликнул незнакомый мальчишка. В гимназии я запомнила еще далеко не всех, поэтому ничуть не удивилась, хотя и подумала, что он здорово похож на Жана Рено в детстве – почему же до сих пор это не бросилось в глаза? Ведь Рено я обожала еще с тех пор, как тайком от родителей посмотрела «Леона»… Может, эта история о девочке, которая была не старше меня, и придала уверенности, что я не пропаду, когда отец вынудил сбежать от него?

– Только одну секундочку, – пообещала я маме, и подбежала к мальчику. – Мне гипс сняли!

Я не сомневалась, что он-то видел мою белую костяную руку, ее ведь трудно было не заметить. Но черные сросшиеся брови «Жана Рено» удивленно дрогнули:

– У тебя был перелом? Чего?

– Правой руки, – ответила я машинально.

Если он не знал этого, значит, не встречал меня до сих пор. Кто же это такой? Мама уже скрылась в подъезде, и, в случае чего, некого было позвать на помощь. А защищать себя волшебством – против правил. Драться же кулаками было еще страшновато, вдруг рука не выдержит? Впрочем, незнакомый мальчишка, кажется, и не собирался драться. Его темные глаза даже улыбнулись мне, когда он протянул руку:

– Я осторожно.

И, пожав мою ладонь, тихо произнес такое, отчего у меня прямо вся кожа покрылась мурашками:

– Я из «Волнореза». Королевский отряд. Какое-то время здесь поживу.

– Королевский отряд? – не поняла я.

Он рассмеялся:

– Не дорос пока! Я из города Королева, это в Подмосковье. Слышала о таком?

– Это где Центр управления полетами? – обрадовалась я. – Ой, как интересно!

– Там. Только я ни разу не был в ЦУПе.

Я прямо ушам своим не поверила: жить в Королеве и не побывать в ЦУПе?! И только потом поняла, что не узнала главного:

– А зовут тебя как?

Имя у него оказалось вкусное, лесное – Леша Орешкин. Хотя сам он ничем не напоминал жителя тайги, а выглядел вполне даже цивилизованно. Меня смутило только, что он очень высокий, даже выше Ромки Филиппова. Шея устает разговаривать с такими длинными мальчишками… Но это было такой ерундой в сравнении с тем, что теперь я перестала быть единственной ответственной за все происходящее в городе, и появился человек, всегда готовый прийти на помощь!

Затащив Лешку на качели посреди двора, я заставила его сесть, чтобы мы оказались вровень и было легче разговаривать. Хотя ему явно было неловко сидеть в моем присутствии, и это радовало! Опасаясь, что мама в любую секунду потребует меня домой, я забросала Лешку вопросами, и уже через пять минут знала о нем самое главное: ему четырнадцать лет, в «Волнорезе» аж с десяти, так что опыта – хоть отбавляй! Их отряд называется «ПОДКОВА» – это расшифровывается, как «ПОДпольная КОманда Волшебников». Лешка продемонстрировал мне маленькую татушку подковы на запястье – под часами, чтобы никто не видел, а я показала ему свою кобру за ухом.

Еще Леша Орешкин обожает гоняться на картах и скакать на лошадях. Отец у него работает «на космос», но не в ЦУПе, а в корпорации «Энергия», где делают настоящие ракеты. Они с мамой приехали ухаживать за бабушкой, пережившей инсульт.

Последние слова заставили поежиться: моя бабушка, выписавшись из больницы, целыми днями сидела у телевизора, разучившись читать и разлюбив разговаривать. По-моему, инсульт вообще отнял у нее способность любить. Даже папу, которого она обожала. Даже меня, так похожую на него. Выпуклый экран старого телевизора вытягивал из нее остатки жизни, но ей больше нечем было занять себя.

С Лешкиной бабушкой дело обстояло еще хуже – у нее парализовало всю левую сторону, и она не могла говорить. Его мама боялась, что не справится сама, поэтому взяла сына с собой.

– Теперь придется здесь в школу ходить. – Лешин голос прозвучал так, что стало ясно, как его это напрягает.

– Давай в нашу гимназию! – сходу предложила я.

Но он мотнул бритой головой:

– Не потяну. Я учусь… так себе…

Решив не заостряться на этом, я потащила его через арку, облюбованную голубями. С детства помню, что проходить здесь надо очень быстро, лучше бегом, не то на голову прилетит сероватая клякса птичьего помета. Я вытащила Лешку на Весеннюю и показала, где находится та школа, в которую мне поначалу так хотелось пойти. Правда, сейчас и наша гимназия стала мне по душе. Особенно с тех пор, как Ксюшка прекратила цепляться, и остальных ребят тоже сразу точно подменили. Мне даже начало казаться, что я нравлюсь многим из них, только они боялись показать это, пока Морозова гнобила меня.

– Вот это подходит! – обрадовался Лешка. – Мы ведь рядом с площадью Волкова живем.

Михайло Волков, в честь которого назвали площадь между Кузбасским техническим университетом и Областной научной библиотекой, больше похожей на театр с колоннами, первым нашел уголь на Горелой горе. Точнее, Горелой она стала называться уже после того, как люди заметили, что она дымится из-за тлеющего угля. Может, и не Михайло Волков увидел это первым, попробуй теперь разберись! Но он оказался самым сообразительным и отправил донесение о своей находке Петру I. Памятник Михайле Волкову изображает смышленого рудознатца с огромным куском горючего камня в руках. Мне тяжело на него смотреть, ведь он стоит тут с этой ношей уже десятки лет…

Мы обменялись с Лешкой номерами телефонов, потому что обоим нужно было домой. Не удержавшись, я обняла его на прощание, чему он очень удивился. Потом взлетела на свой третий этаж так, словно мне не гипс сняли, а крылья подарили. Теперь я была не одна, у меня появился друг, от которого не нужно было скрывать самое главное.

* * *

Времени обжиться в городе у него не оказалось. Едва Настя скрылась под аркой, он уловил знакомую тревогу. Что-то должно было вот-вот случиться… Что-то очень нехорошее…

Остановившись слева от пушки у входа в Краеведческий музей, Леша прикрыл глаза, пытаясь точнее определить, откуда исходит сигнал беды. Желающих осмотреть экспозицию в этот час не было, поэтому никто не обратил внимания на долговязого подростка, видимо, кого-то

поджидающего. Леше понадобилось несколько секунд, чтобы определить направление.

Он открыл глаза и нашел взглядом такси на стоянке. В черное «Шевроле Лачетти» садились трое ребят его возраста. Ничего необычного в этом не было, но тревога нарастала: «Авария? Маньяк за рулем? Что? Что?!» Леша бросился к стоянке, но машина уже тронулась, он не успел их остановить, хотя махал рукой и кричал:

– Стой! Да стойте же вы!

Развернувшись посреди проспекта, такси поехало в сторону Нового моста. Не теряя времени, Леша бросился к другому такси и прыгнул на заднее сиденье белой «Шкоды Октавии».

– Скорее! За той машиной.

Пожилой таксист усмехнулся в моржовые усы:

– Кино насмотрелся? В шпионов играешь?

– Пожалуйста! – взмолился Лешка. – Быстрее!

Водитель повернул ключ зажигания, но не тронулся с места:

– Деньги-то есть?

Леша вытащил из кармана смятую сотню и помахал ею:

– Хватит?

– Смотря сколько ты за ними гоняться собираешься, – задумчиво изрек таксист и наконец надавил на газ.

Номер машины, на которой уехали ребята, Леша запомнил, и легко нашел нужное такси в потоке машин, стоявших у светофора на Кузнецком проспекте. Хотя «шевроле» там оказалось не одно, и все черные, как на подбор! Мальчик вытянул руку поверх плеча таксиста:

– Вот они!

– Сам вижу, – проворчал тот. – Ты руками-то не маши! И пристегнись, тут гайцы всегда стоят.

Щелкнув застежкой ремня, Леша поинтересовался:

– А что там – за мостом?

– Правый берег, – ухмыльнулся водитель.

– Это я понимаю. Там уже не Кемерово?

От удивления таксист даже обернулся:

– Ты не местный, что ли?

– Из Подмосковья.

– Понятно, – протянул он, как будто этим объяснялись все странности его пассажира. – Там тоже Кемерово, сынок. Целых два больших района – Рудничный и Кировский. Город у нас такой – разбросанный по берегам. А вон бор – наша гордость. Томь… Это река так называется – Томь. Она тоже раньше предметом гордости считалась. Только даже не на моем веку… Вода, говорят, чистейшая была! Форель водилась, хариусы. Все загадили… Настроили тут химических заводов! Теперь рыбу из Томи даже кошки не едят.

Леша решился вставить слово:

– Кошки чуют плохие продукты.

– А то! Я своей Маруське и сам гадость не дам. Хорошая у меня кошка, умная. Правда, со стола воровать любит. Главное, глаза зажмурит и ползет к тарелке! Думает, что раз сама ни черта не видит, то и ее не замечают! Дура! Зато красавица.

За мостом такси, за которым они следили, устремилось в гору. Больше не перебивая водителя, который, похоже, мог рассказывать о своей Маруське часами, Леша не спускал глаз с черного зада «шевроле», мрачно маячившего впереди. На расстоянии не удавалось понять: случилось ли уже что-нибудь внутри машины или у него еще есть время, чтобы помочь? Можно было, конечно, выпустить энергетическую сеть и затормозить их машину… Но слишком много было свидетелей, которые начали бы докапываться – как да почему? И Лешка только тихонько постанывал сзади:

– Скорее, ну скорее…

Надежда еще была: водитель первой машины не догадывался, что за ним погоня, и не особенно жал на газ. Поэтому у «шкоды» были все шансы догнать и перегнать, чтобы перерезать путь. Только согласиться ли этот старый морж на такой рискованный маневр?

Вдоль трамвайных путей они влетели в гору, миновали какой-то дворец с колоннами, фонтаном и скульптурной парой черных лебедей. Издали Леша не успел прочесть, что это такое, но таксист уважительно пояснил:

– Дворец культуры шахтеров. Я тут еще в юности в ансамбле «Шахтерский огонек» танцевал. Не слышал? Ну как же! По всему миру гастролировали…

Повернув на проспект Шахтеров, машины промчались мимо ряда стареньких двухэтажных домов с пузатыми балясинами балконов («Пленные немцы строили», – заметил водитель) и свернули в частный сектор.

– В бор погнали, – удивился таксист. – Ну там он их высадить должен. По лесу проезд запрещен. Если только заплатят хорошо. Но там же пацаны, так? Вряд ли у них карманы оттопыриваются…

«Зачем он везет их в лес? – лихорадочно соображал Лешка. – Ясно, что на расправу… Но почему они не пытаются выпрыгнуть? Сейчас совсем медленно едем. Лучше руку сломать, чем жизни лишиться… Или он распылил в салоне баллончик, а сам противогаз надел?»

Он заранее положил сотню на переднее сиденье, готовый в любую минуту выпрыгнуть из машины и броситься на помощь. Покосившись на деньги, таксист поинтересовался:

– Девчонка твоя там, что ли? Я чего-то не заметил… Вроде одни пацаны садились.

– Ага, пацаны.

– Сперли у тебя что?

– Нет, – удивился Лешка. – Попробовали бы! Мне просто… Я… Я не могу сказать. Дело к ним есть.

«Морж» хмыкнул:

– Деловые все! От горшка два вершка, а уже дела! Ну-ну…

– Куда же он их везет? – пробормотал Леша и встретил в зеркале заднего вида удивленный взгляд.

– Как это – куда? Куда заказали, туда и везет! Степан свое дело знает.

Лешка подскочил на сиденье:

– Степан? Так вы его знаете?!

– А то! Мы же в одной фирме работаем.

– А почему марки машин разные?

– А каждый на своей, – пояснил таксист. – Не шибко богатый у нас хозяин, чтоб всех еще машинами обеспечивать.

Боясь обидеть, Леша осторожно поинтересовался:

– А он… этот Степан… Он – нормальный мужик? Он ничего им не сделает?

– Да что он им может сделать? – опешил «морж». – Чего ты несешь? У него самого пацан и дочка в школе учатся!

«Прокол, – обомлел Лешка. – Я ошибся? Никакой угрозы и нет? Но я же чувствую! И все сильнее…»

Он виновато откашлялся:

– Остановите. На сотню я уже накатал. А больше у меня нет.

Водитель оглянулся с сочувствующим видом:

– А назад как? У пацанов займешь?

– Ну… Да. Займу.

Прижавшись к обочине, «шкода» остановилась, и Лешка выбрался прямо на дорогу. Не похоже было, что здесь часто проходят машины, но он все же оглянулся. Длинная улица частных домиков была пуста, только рыжий пес чуть бочком резво трусил вдоль канавы.

«Выбраться бы отсюда, – он с трудом удержал вздох. – Да ладно… Как-нибудь».

Когда его такси уехало, Леша быстро пошел к повороту, за которым скрылось «шевроле». Потом не выдержал и побежал – очень уж сильным стал сигнал беды. Мало ли что говорил «морж» про этого Степана! Все пойманные серийные убийцы казались окружающим приятными, тихими людьми, которые мухи не обидят. У некоторых тоже были дети…

– Сейчас, ребята, сейчас, – шептал он, работая ногами изо всех сил.

Вылетев из-за поворота, Лешка первым делом увидел ту самую машину, за которой столько гнался. Салон был пуст, а все дверцы распахнуты. В нескольких метрах от машины, среди пожелтевших кустов, шла отчаянная возня, наверное, ребята сопротивлялись из последних сил. Леша бросился на помощь и… застыл, пораженный увиденным. Водитель и не думал причинять мальчишкам вред. Это они, спрятавшись под натянутыми на брови черными вязаными шапками, избивали его, прижав к сосне. Точнее, били трое, матерясь от удовольствия, а один, с лицом кефирного цвета, вытаскивал деньги из портмоне, явно принадлежавшего таксисту.

Не издав ни звука, Лешка метнул свой энергетический мячик, который бил без промаха. Один, второй, третий… Когда приятели, как подкошенные, свалились к его ногам, четвертый грабитель выронил и кошелек, и деньги, которые разлетелись осенними листьями и, плавно кружась, опустились на хвойный настил. Когда он взмахнул руками, шапка слетела с него, и рыжие волосы пламенем вырвались наружу.

– Ублюдки, чего делаете?! – выкрикнул Лешка. – Он пашет целый день, а вы его грабите? Думаете, легко часами за рулем сидеть? Гемор зарабатывать? А ну, пошли вон!

Хотелось выразиться покрепче, но было противно уподобляться этим уродам. А они уже расползались между крепкими сосновыми корнями кто куда, как мерзкие пресмыкающиеся, признающие только силу. Если б они сейчас бросились на Лешку всем скопом, ему здорово перепало бы, ведь защищать себя с помощью волшебства он права не имел. Но сработал эффект шоковой терапии: мальчишки не поняли, что произошло, и это напугало их до смерти. Если б он махал кулаками, они справились бы с ним в два счета,

но ведь Леша Орешкин к ним даже не приближался! Как же он свалил их с ног?!

Бросив деньги, они дали стрекача и, ни разу не оглянувшись, скрылись в лесу. Лешка поддержал таксиста, сползающего по стволу:

– Давайте я вас до машины доведу.

Тот только кивнул – губы у него были разбиты и уже начали опухать. Из носа вытекала красная струйка. Лешка нашарил в кармане салфетки и промокнул кровь.

– Чем ты их так? – прохрипел таксист, цепляясь за мальчика.

– Камнями, – не моргнув глазом, соврал Лешка. – Чем же еще? Я гандболом занимаюсь, у меня бросок знаете какой!

И вдруг увидел, как из-за поворота вылетела знакомая белая «шкода». Резко взвизгнули тормоза, и «морж», выскочив из машины, тяжело, но бодро побежал навстречу.

– Степка, это кто тебя?! Он?

Избитый таксист только вяло махнул рукой, отметая обвинение против Леши. И его приятель сразу смягчился:

– А я и думаю: неужто так ошибся в парне? Те гаденыши, что ли? Опять грабили?

– Опять? – ухватился Лешка. – Такое уже бывало?

– Сколько раз, – проворчал «морж» и подхватил Степана с другой стороны. – Отпускайся, я доведу. Банда подростков работает. Никак поймать не можем этих козленышей!

Вернувшись к сосне, Леша собрал деньги и аккуратно сложил их в портмоне. На миг закрыв глаза, он убедился, что в памяти отпечатались лица всех четверых. Теперь предстояло только отыскать их в большом городе. Пока они не нашли его…

«Почему я подумал, что беда случится с ребятами? – размышлял Лешка, возвращаясь к машинам. – А разве уже не случилась? Они же превратились в бандитов… Еще шаг, и окажутся за решеткой. Беда. Еще какая беда!»

Предчувствие не обмануло.

* * *

Последний листок еще плавно пикировал на пол, а Ваня уже вонзил в меня взгляд:

– Ну! А что будет дальше?

Я пожала плечами:

– Откуда я знаю? Дальше я еще не написала.

Он даже головой затряс, отказываясь принять мою правду:

– Стоп-стоп! Ты хочешь сказать, что не знаешь, как будет развиваться эта история?! И чем закончится?

– Ну… Да, – призналась я. – Именно так это и происходит. Садишься за ноутбук, и в голове сразу проясняется. А пока ты не пишешь, даже не представляешь, что будет в следующей главе.

– Обалдеть… – прошептал Ваня, глядя на меня, как Атенаис на ящерицу.

Я поспешила его утешить:

– Но есть и другие истории! Рассказывательные. Как та – про Элиота. Я ее всю жизнь сочиняю для сестры. А твоя – эта.

– Почему? – он требовательно нахмурился.

Но ответа у меня не было. Откуда я знаю, почему с моими историями и героями все складывается так, а не иначе? И как в голову попадают мысли, которых там не было еще полминуты назад? Может, они витают в воздухе и залетают в мозг, как птицы на чердаки через маленькие окошки? Некоторые люди заколачивают эти отверстия – им не нужны лишние видения… А мне от них одна радость! Ведь хоть я и люблю в жизни многое и горжусь своей волшебной силой, но настоящее, теплое счастье ощущаю, только когда сочиняю очередную историю. И чувствую, что она получается.

– Лучше б ты сначала закончила эту сказку, а потом давала бы мне читать, – проворчал Ваня. – Теперь жди, мучайся!

– Ну ничего, подождешь. Я же не робот какой-то и не пишу круглыми сутками. Наш учитель литературы вообще считает, что я не умею писать!

– Он дурак, что ли?

– Ну дурак-то – это точно. Но уверен, что очень умный. Знаешь, кто он? Поэт! Каждый урок он грузит нас своими стишками. И заставляет покупать его книжки. Моя мама пролистала и сказала: примитив. Но попробуй скажи ему об этом! У него глаза такие страшные, водянистые… Как уставится не моргая – хоть под парту лезь! Мы с мамой уже разговаривали и о нашем Андрее Викторовиче, и о графоманах вообще… Дело безнадежное! Ты знал, что графоманы всегда уверены, будто они жутко талантливые?

Ванин вздох заткнул мне рот.

– Хорошо тебе, – протянул он. – Столько людей видишь… Пусть даже дураков! Все-таки интересней, чем одному тут сидеть.

– А я?! Я же прихожу к тебе!

Но я понимала, как тоскливо ему сидеть целый день взаперти. Даже компьютерные игры

надоедают, если, кроме них, ничего нет в жизни. По мне, так они хороши, как семечки – погрызть от нечего делать. Попробуй постоянно питаться одними семечками! Закудахчешь, пожалуй. А Ваня в этом смысле был обречен. Заниматься с ним приходила только старенькая учительница по истории, плохо умевшая пользоваться Интернетом. Остальные предпочитали дистанционное обучение. Я даже не знала, где находится школа, к которой был «прикреплен» Ваня. И он раздраженно отзывался, когда я спрашивала:

– Какая разница? Мне туда не ходить.

Но я-то пыталась выяснить ее номер не просто так. Ромка посоветовал бы мне, как можно, не нарушив правил, слегка надавить волшебством на совесть учителей этой школы, ни разу даже не проведавших своего ученика. Неужели не было какого-то способа, чтобы защитить Ваньку от бесконечного одиночества?

Меня и саму мучила совесть, что я стала реже наведываться к соседу с тех пор, как появился Лешка Орешкин. Но ведь нужно было показать новичку город, раз какое-то время он будет здесь жить! Не ориентируясь, трудно заниматься спасением ребят. А то, что Леша был сильным волшебником, я поняла в первый же день, когда он пошел в школу. У нас в гимназии было больше уроков, чем в обычной школе, но Лешкин класс занимался во вторую смену, и получалось, что я заканчиваю раньше. Поэтому я забежала домой, перекусила и даже сделала математику, которая вечно висела надо мной дамокловым мечом, а потом отправилась повидать своего нового друга.

Кстати, Ромка очень занервничал, когда узнал о его приезде в Кемерово, хоть я и убеждала с пеной у рта, что Лешка мне как старший брат! Которого у меня, правда, никогда не было, но ведь мог же папа нагулять его в молодости, а теперь он нашелся. Правда, у Леши был свой отец, клепающий космические корабли, но версия о старшем брате мне все равно нравилась. А Ромке – не особенно, поэтому мой телефон ломился от сообщений: «Ты опять нянчишь своего братика?» или «Как погода в Кемерово? Вы ведь гуляете с Лешей?». Ну, в таком духе. Можно было разозлиться на то, каким он дураком себя показывал, но мне было жалко Ромку. Если б я узнала, что в «Кобру» без меня вступила новенькая девчонка, тоже, наверное, бесилась бы от ревности. Даже представлять не хочется…

В тот день, когда Лешка первый раз сходил в новую школу, я ответила штук на десять Ромкиных смс. Но все равно пришла встретить Лешку, который ничуть не смутился от этого. Некоторые мальчишки стесняются, если их видят с девочками, но Орешкин даже бровью не повел, хотя мы и не договаривались о встрече.

– Ну как? Не полные идиоты в классе? Учителя не слишком вредные? – я забрасывала его вопросами, пока мы шли по увядающей Весенней к площади Волкова.

И хоть Лешку нельзя было упрекнуть в излишней разговорчивости, он в двух словах описал и свою соседку по парте, с обгрызенными ногтями, и классную, похожую на подслеповатую кротиху, и запах краски в школе, не выветрившийся после ремонта. Мне так ясно представился его день, как будто я сама сидела с ним за партой.

Но пока я любовалась живыми картинками своего воображения, Лешка вдруг резко остановился и взгляд его заметался по фасаду дома через дорогу. Не успела я даже уловить тревогу, просыпавшуюся перед тем, как с кем-то из детей могло случиться несчастье, а он уже рванулся вперед и, сорвав с плеча школьный рюкзак, изо всех сил швырнул его куда-то в крону карагача. Мелькнувшая мысль, будто Леша попытался сбить застрявший воланчик, сразу же мне самой показалась глупой. К тому же, черный ранец так ловко обогнул еще зеленые ветви дерева, что без волшебства здесь обойтись не могло.

Точно летающая тарелка причудливой формы, он взвился к балкону пятого этажа, с которого в тот же миг сорвался котенок. Я еще успела заметить, как его любопытная мордочка только высунулась между металлических прутьев, и вот он уже, растопырив лапки, летит вниз. У меня оборвалось сердце, но Лешкин ранец уже оказался прямо под котенком. Приземлившись на передний карман, малыш замер, наверняка изо всех сил вцепившись коготками.

И только я хотела перевести дух, как заметила мальчишку лет трех, перегнувшегося через перила того же балкона. Он забрался на табурет и смотрел вниз полными ужаса глазами. Ведь мальчик видел, как котенок сорвался вниз… Еще секунда, и он сам кувыркнулся бы следом, но летающий рюкзак уже стремительной ракетой спикировал на балкон. Ребенок спрыгнул с табурета и схватил своего любимца, а я чуть не села на клумбу. Прижав котенка к животу, мальчик убежал в комнату, а Лешка устало процедил:

– Ну супер. Теперь придется еще тащиться на пятый этаж.

– Зачем? – я совсем плохо соображала от испуга.

Он посмотрел на меня с недоумением, потом усмехнулся:

– За рюкзаком, конечно. Думаешь, мои родители – миллионеры, чтоб каждый день новый покупать?

Когда мы дотащились с ним до верхнего этажа, обессиленные – он от того, что выложился на волшебство, а я просто от стресса и угрызений совести – дозвониться в квартиру, которую высчитал Лешка, оказалось не так-то просто. Нам открыла совсем старенькая бабушка, упрекать которую в недосмотре за малышом ни у кого язык не повернулся бы. Как сама-то жива была… Мы с Лешкой переглянулись, и он проорал на весь подъезд, что уронил рюкзак с крыши на их балкон. Она сочувственно покивала и закрыла перед нами дверь. Мы так и остолбенели…

– И что теперь делать?

Лешка простонал:

– Придется тебе поднапрячься. Вроде как мне помогаешь. Я сам не могу, ты же знаешь.

Не успела я еще придумать, каким же образом мне поднапрячься и забраться на балкон пятого этажа, как дверь снова отворилась, и все та же старушка протянула Леше его рюкзак. Высунувшийся из-за ее спины знакомый мальчишка прошептал таинственным тоном:

– А он летает!

Как будто проверяя замки ранца, Лешка присел перед ребенком и едва слышно предупредил:

– Если кому-нибудь об этом расскажешь, я скажу твоей маме, что ты без спроса вышел на балкон. Ясно?

Надувшись, малыш неохотно кивнул, и Лешка улыбнулся ему. Но напоследок все же сказал:

– Только попробуй еще раз выпустить котенка на балкон или сам выйти! Прилетит черный рюкзак и так даст тебе в лобешник – мало не покажется!

Это страшное видение отразилось в серых глазах ребенка неподдельным ужасом. Моя заискивающая улыбка уже не смягчила его. С громким топотом мальчик убежал в комнату и наверняка забился в безопасный уголок.

– А мы имеем право запугивать детей? – поинтересовалась я, пока мы спускались по лестнице.

Лешка пожал плечами:

– По мне, так все средства хороши, чтобы уберечь этих дурачков от беды. Зато теперь он даже к балконной двери не подойдет!

* * *

Скучать по Королеву и своим зеленым Подлипкам было некогда. Собственно, Леша всегда был человеком действия, а когда ты занят по горло, нет времени ностальгировать. Сейчас он был поглощен идеей создания в Кемерове нового отряда «Волнореза», ведь город-то был куда больше Королева, но почему-то до сих пор не вошел в организацию, хотя происшествий здесь хватало с лихвой. А полтора человека всерьез нельзя считать силой… Пробегающая у него под мышкой Настя Ильина на целого человека никак не тянула.

Но считаться с собой она заставляла. А порой даже пыталась взять инициативу на себя, как в тот день, когда потащила его в бор на правом берегу. О происшествии с таксистом Леша решил ей не рассказывать – еще не хватало, чтобы маленькая девочка бросилась разыскивать эту банду подростков!

– Ты должен побывать в бору, если собираешься здесь жить! – убеждала она.

И хотя Лешка в сотый раз повторил, что в этом городе он временно, Настя не сдавалась, повторяя избитую истину: нет ничего более постоянного, чем временное. Но его такая перспектива пугала, и не хотелось даже задумываться о том, чтобы навсегда распрощаться с Подмосковьем.

И все же, пока он находился в Кемерове, нужно было сделать все, чтобы после него тут осталась боеспособная команда. Настя не могла этим заняться: она сама была волшебницей без году неделя и не имела права самовольно делиться силой с другими ребятами. А Леша мог себе это позволить, ведь стаж у него был вполне приличный.

От того, что он автоматически станет командиром будущего отряда, голова у него не кружилась. Чего-чего, а власти его душа не жаждала никогда. То ли дело – экстрим и ощущение скорости! Это было по нему, и Лешка дождаться не мог, когда же ему исполнится восемнадцать и он сядет за руль не карта, а настоящего автомобиля. Правда, перед этим ему предстояло пережить расставание с «Волнорезом», но Леша точно знал, что хорошие гонки компенсируют любую утрату. Он, конечно же, мечтал о спортивной ма-

шине, в идеале – BMW или даже «феррари»… Но в том, что их семье даже четыре года спустя это будет по карману, Леша сильно сомневался. Хватало на занятия в школе картинга в Медведково и конно-спортивном клубе в Королеве – и то хорошо!

Приключения, которые часто шли в связке с волшебством, были сродни экстриму, потому Леша и торопился с подбором ребят, которые заслуживали волшебной силы, ведь в одиночку на большое дело не пойдешь. Но, как назло, стоящих кандидатов пока не встречалось. В школе Леша, конечно, общался с одноклассниками, но даже подружиться ни с кем не удавалось, не то что доверить главную тайну.

Как ни смешно, его единственным другом в этом городе оставалась маленькая Настя Ильина! Сперва Лешка опасался, что с ней и поговорить-то будет не о чем… Ну не о тряпках же болтать! Но быстро выяснил: эта девчонка вполне себе разумный человек. И даже прогулку среди сосен, которую другая выдала бы за свидание, Настя воспринимала очень даже адекватно – как разведку на местности.

Отломив возле корня высохший стебель длинноющего дудника, Лешка потряс им, как копьем:

– Спасайся! Охота!

Подхватив игру, Настя метнулась в заросли папоротника, тоже напоминавшего о первобытных временах. Безвредное копье пролетело мимо ее уха и ударилось в извилистую кору сосны. Успев поймать, девочка отломила часть стебля и поднесла к губам:

– Это свирель! Сейчас я созову лесных духов.

– Зачем?

– Чтоб они закопали тебя под этими папоротниками. Может, там и мамонты погребены? Говорят, они вовсю по Сибири бегали! Составишь им компанию.

– Да ты не сумеешь сыграть, – поддразнил он ее.

Но Настя неожиданно сдалась и опустила дудочку:

– Точно. Мне, знаешь, медведь на ухо наступил. В Новосибе меня даже в школьный хор ставили только, чтоб я «лицом играла». А голос подавать запрещали – все мимо нот!

– Не всем же быть музыкантами, – попытался утешить Леша.

Но понял, что Настя и не расстроилась вовсе. Она уже вовсю размахивала руками, выбираясь на тропинку:

– Кстати, о дудках! Папа рассказывал, что раньше в этом бору был пионерский лагерь. Ну, то есть он и сейчас есть… Видишь, вон там корпуса? Только пионеров больше нет. Знаешь, это совсем не такая тоска, как я думала! У них даже весело было. Хоть и подъем в семь утра – это в каникулы! Думаешь, их будильник поднимал? Не поверишь – горнист! Это такой пацан, который играет на небольшой трубе. Это она – горн, – Настя на секунду умолкла. – Нелепо звучит, да? Она – горн. Хотя горн – это он. А еще в этом бору живет Тутúчка, – без перехода сообщила она. – Вместе с Подражаловкой. Они обе – внучки Бабы-яги.

– Кого?! – задохнулся он. – Я не понял… Это уже сказка пошла?

– История, – невозмутимо поправила Настя. – Я каждому другу дарю свою историю. Ты против?

Лешка замешкался с ответом. Для сказок он считал себя слишком взрослым, но если это просто история… Даже и про Бабу-ягу… Но истории же можно слушать в любом возрасте?

– Да нет, – отозвался он неуверенно. – Давай рассказывай.

Настя доверчиво призналась:

– Почему-то, когда я пишу, у меня как-то взрослее все получается. А вслух рассказываю по-детски… И говорю так же. Почему это, а?

Но Лешка понятия не имел, отчего так получается. Он никогда ничего не писал, кроме обязательных школьных сочинений, с которыми ему обычно помогала мама. Да и мастером устного творчества себя не считал. Зато послушать, что насочиняла эта необычная девчонка, было интересно. Очень уже забавной она казалась!

Настя вдруг остановилась, точно увидела призрак, и вытянутые глаза ее в ужасе округлились. Леша поспешно огляделся – откуда опасность? Но лес был как лес – сосны, кусты…

– Чего ты?

– Я не подарила Ромке никакой истории, – у нее даже губы побледнели.

Переведя дух, Лешка уже спокойно спросил:

– Это какому Ромке?

– Филиппову. Из Новосиба. Я же тебе рассказывала про него! Он – мой лучший друг, а я не придумала для него ничего особенного. Все как-то некогда было…

Она схватилась за голову и начала раскачиваться:

– Ой, стыд какой!

– Да ладно тебе, – начал Лешка.

Но ничего больше не успел добавить, потому что на лесную дорожку, по которой они шли, со стороны лагеря выбежали ребята в спортивной форме. Их было человек шесть, и среди них оказались две девочки: одна круглолицая и смуглая, другая, наоборот, худенькая и белокожая.

– Привет! – крикнула последняя. – Присоединяйтесь!

– Привет! – отозвался Лешка удивленно. – Да мы просто… гуляем. У вас какая-то секция тут?

– Лыжная. Пока снега нет, так бегаем, – ответила круглолицая.

Ребята уже пробежали вперед, не вступив в разговор, и Настя скорчила им вслед гримаску. Ей не нравилось, когда ее не замечали. Догнав остальных, девочки махнули на прощанье рукой, но еще не успели скрыться из вида, когда сзади раздалось рычание мотора и большой черный джип «тойота» промчался мимо. Лешка едва успел рвануть Настю к обочине.

– Здесь запрещено ездить на машинах! – вскрикнула она сердито.

– А этим уродам плевать, – коротко отозвался Леша.

И тут они увидели, как джип, который спокойно мог проехать по правой стороне дороги, решительно забрал влево и нацелился на лыжников. Один из мальчиков оглянулся, успел крикнуть остальным, и они спрыгнули в кусты, еще не просохшие после утреннего дождя. Машина пронеслась в полуметре от них, обдав грязными брызгами из лужи.

«Вот уроды! Развлекаются!» – разозлился Леша и, не удержавшись, мысленно послал им вслед такую молнию, что двигатель заглох мгновенно. Заюзив на мокрой дороге, джип сполз с дороги и зарылся в кустах. Лыжники бросились бежать, а Настя с Лешкой в голос расхохотались.

– Извини, – выдавила она, – не удержалась!

– Ты? И я тоже! Значит, мы его на пару обработали…

– А не будет людей пугать!

Оправдание было подходящим, но не действующим, в чем они убедились уже спустя несколько минут, когда услышали за спиной рычание знакомого мотора.

– Быстро завелись! – удивился Леша.

Подпихнув Настю к обочине, он на всякий случай загородил ее собой, и обернулся к парням, выпрыгнувшим из машины.

– Ну, что, сопляки, весело было?

– Сейчас повеселимся!

Одинаковые кожаные куртки и спортивные стрижки делали их похожими на членов банды. А может, они ими и были… В руке одного из них Леша заметил монтировку, но страха не возникло, ведь он был вправе использовать волшебство, защищая Настю. А она – его, если уж на то пошло, хоть ему и не хотелось считать себя ребенком.

Он уже представил, как вытянется физиономия у того, кому монтировка сама двинет по лбу, а остальные внезапно перепугаются до того, что будут хныкать, точно малыши, торопливо прячась в «тойоте», и настроился на работу. Но не успел даже вызвать к жизни волшебную молнию, прятавшуюся внутри него, как и Настя еще не щелкнула своим фонарем, когда за их спинами раздался непонятный шум.

Быстро обернувшись, Лешка увидел, как из леса на тропинку выбираются три всадника, среди которых самой младшей была девочка его возраста. Вроде и некогда было разглядывать друг друга, но его поразило, какой синевой светятся ее глаза и сколько солнца в кудрявых длинных волосах. Она взглянула на него сверху и улыбнулась. Лешке показалось, что никогда в жизни он еще не видел такой открытой и светлой улыбки, и почему-то ослабел от радости. Если б сейчас ему предложили совершить даже самое простейшее волшебство, у него не хватило бы сил…

К счастью, взрослые всадники, с которыми была девочка, и не рассчитывали на иные силы, кроме своих собственных. Направив лошадей прямо на парней в кожанках, они начали теснить тех к машине. Старший мужчина заставил своего вороного встать на дыбы, и водитель джипа тут же юркнул за руль. Остальные тоже быстро осознали, что неохота получать копытом в лоб, и спрятались в салоне. Дав задний ход, «тойота» понеслась по лесной дорожке в обратную сторону.

– И вообще здесь запрещено ездить на машинах! – прокричала Настя им вслед, и все рассмеялись.

– Что им от вас понадобилось? – спросил молодой наездник, чем-то неуловимо похожий на синеглазую девочку. Только вместо кудрей у него топорщился темный ежик. И все же, если б он оказался не ее родным братом, Лешка сильно удивился бы.

Решив умолчать о том, как они с Настей расхохотались, загнав джип в кусты, он пожал плечами:

– Да просто уроды – приключений ищут.

И уверенно протянул руку к гнедой лошади, на которой сидела девочка. Ее нога, обтянутая узкими джинсами, показалась Лешке бесконечно длинной: «И бывают же такие!». Придержав за узду, он погладил крупную лошадиную морду:

– Вы из какого-то клуба? Я тоже занимался. Дома.

– Это где – дома? – девочка чуть склонилась к нему, готовая спрыгнуть с лошади.

Свесившиеся волосы пушисто скользнули по его руке, и Леша еле удержался, чтобы не отдернуть ее – так пронзило насквозь что-то незнакомое:

– В Королеве. Это рядом с Москвой, шесть километров.

– Эк тебя занесло-то! – старший взглянул на часы. – Оля, догонишь! Мне возвращаться надо.

– Остаться с тобой? – спросил ее брат, но Оля мотнула головой:

– Зачем? Я и сама дорогу знаю! С Вэнди меня никто не тронет.

– Вэнди, – повторила Настя шепотом и опомнилась. – Спасибо вам! Вы нас спасли.

И бросила на Лешку хитрый взгляд, явно говоривший: «Вот уж не думала, что обычным людям придется спасать нас с тобой!» Из-под копыт лошадей, пустившихся вскачь, полетели влажные комки, и Настя быстро спряталась за его спину.

– Вы брат с сестрой? – спросила Оля, все еще не решив, стоит ли спускаться на землю.

Настя обиженно фыркнула:

– Почему меня все принимают за чью-то сестру? Я, между прочим, сама по себе.

– Как кошка, – подтвердил Леша. – Дикая сибирская кошка.

Синие глаза улыбнулись Насте, на миг напомнив Ромкин взгляд:

– Так ты местная?

– Наполовину.

В двух словах она поведала, как оказалась в Кемерове, и отметила про себя: Олю не порадовало, что они оба живут в центре города, а она на Радуге – так здесь называли Рудничный район, где был бор. Настя знала с детства, а Лешке пришлось объяснять, что «Радугой» назывался известный на всю область магазин, в котором в советские времена частенько продавали дефицитные продукты. Раньше Ильины тоже закупались там перед возвращением в Новосибирск, где прилавки были пусты. Того источника изобилия давно не существовало, а название осталось и приросло ко всему району, поэтому жители говорили попросту: «Живу на Радуге».

Там и выросла Оля Логова, явившаяся им в минуту опасности, как добрая лесная фея.

* * *

Никакой феей Оля себя даже в детских играх не воображала. Ей больше нравились роли ковбоев, ведь старший брат посадил ее на лошадь в пять лет, или суперменов, совершающих чудеса. Поскольку среди настоящих героев были сплошь мужчины, ей приходилось прятать длинные волосы под шляпой или бейсболкой. А лучшая Олина подружка со времен игр в песочнице – Наташа Цветкова обычно исполняла роль прекрасной, но невезучей принцессы, вечно попадавшей в передряги, из которых ее необходимо было вытаскивать. Им было так интересно придумывать и разыгрывать все новые приключения несчастной красавицы и неунывающего героя, что девочки клялись не отказываться от игр до окончания школы.

Но два года назад родители увезли Наташу в Краснодар, потому что ее мама тосковала по теплым краям, а сетевые игры у подруг как-то не заладились. Хотя остальные в их классе не отрывались от компьютеров. Но Оля всегда считала: виртуальные стрелялки – это совсем не то, что картофельная бомбежка главаря банды, сделанного на погребах из старого пальто, найденного на помойке. Им здорово повезло с двором, в зелени которого было полно мест, где можно спрятаться и сделать тайник. Если б они росли не на окраине города, их детство было бы не таким ярким и полным событий. Частенько Оля набирала отряд из соседских малышей, готовых следовать за синеглазой атаманшей хоть на край света, ведь ей действительно было интересно с ними. А они чувствовали, что старшая подруга не прикидывается, и ценили это.

Правда, без Наташи ей стало как-то неловко носиться с ними по двору в одиночку. А нового настоящего друга у нее не появилось… И Оля стала больше времени проводить в конно-спортивном клубе «Буцефал», куда Саша доставлял ее на своей машине, не позволяя младшей сестре добираться самостоятельно. Ему мерещилось, будто девочку похитят прямо из автобуса, если его не будет рядом. Сейчас он уже убедился в том, что Оля способна постоять за себя, особенно, если она верхом, и знает, как спровоцировать лошадь дать обидчику копытом. При-

менять это умение ей до сих пор не приходилось, но кто может угадать, какая передряга ожидает за следующим поворотом?

Вот и сегодня они с Сашей и тренером-инструктором Юрием Васильевичем наткнулись на происшествие, которое могло стать трагическим, если б они не появились вовремя. Конечно, Леша Орешкин, с которым она потом познакомилась, не выглядел слабаком, но не мог же он справиться с троими мужиками в одиночку! Маленькая Настя была не в счет… Как-то сразу поверилось, что эти двое – просто друзья, ведь особенным, завороженным взглядом Лешка смотрел только на нее, Олю. И ей трудно было не замечать, какие у него необыкновенно черные, влажные глаза, неуловимо напоминающие лошадиные, которые она так любила. И какие сильные плечи… И как подрагивают губы, когда он поглядывает на нее будто бы мельком.

Разговаривать с ними обоими оказалось легко, и даже Настя, хоть и была младше на два года, держалась на уровне, как будто только прикидывалась маленькой. Спешившись, Оля шла с ними рядом и рассказывала о сеансе иппотерапии, который утром они проводили на территории городской больницы.

– Я знаю этот больничный сад, – откликнулась Настя, но почему-то помрачнела.

– А кого вы катаете? – заинтересовался Леша.

У Оли сложилось впечатление, что он ловит каждое ее слово, и это оказалось приятно. Конечно, ее и раньше слушали и даже слушались, она привыкла к этому, но чаще это были малыши или лучшая подруга, а едва знакомый мальчишка – это же совсем другое дело!

– Детей, больных ДЦП, – пояснила она. – Юрий Васильевич… Ну, вы его видели! Я у него с самого детства тренируюсь. В общем, он вычитал где-то о таком лечении для этих ребят, изучил это дело и договорился с врачами, что мы будем приезжать по выходным и катать их пациентов. Далеко гонять, конечно, но нашим коням это только на пользу. Если пораньше выехать, еще и машин на мосту мало – не надышатся всякой гадостью. А днем домой через бор возвращаемся, чтобы легкие прочистили. Самим тоже не помешает.

– Вот почему вы здесь оказались! – Настя осторожно погладила рыжий бок лошади. – Теплая какая…

Оля догадалась:

– Хочешь прокатиться?

– Я? – девочка просияла, а глаза ее сразу вытянулись и заблестели. – А можно?

– Можно даже стать членом нашего клуба. Он не элитный какой-нибудь… Хотите?

– Я – да, – быстро ответил Леша. – Обязательно.

Удержать радость не удалось, и Олины губы сами собой расползлись в улыбку: «Значит, мы будем видеться!». Настя горестно вздохнула:

– А я не знаю. Одну меня не отпустят за город… А будет ли у мамы время возить меня? Но я хотела бы! Так хотела бы!

– Да ты еще ни разу не ездила верхом, – остановил ее Лешка. – Вдруг не понравится? Отобьешь себе все, сразу желание пропадет.

Она сразу набычилась, и он пожалел о том, что ляпнул.

– А вот посмотрим!

«Теперь Наська лучше сдохнет от боли, но от своего не откажется», – вздохнул он. Но это радовало – с другим характером в «Волнорезе» делать нечего. Он поймал ее за руку:

– Не обходи сзади!

– Верно, – поддержала Оля. – У лошадей плохое зрение, она может принять тебя за что-то… Ну, страшное. А они ведь легко пугаются, хоть и здоровые такие. Как даст копытом со страху – мало не покажется! Но это не со зла, это они так защищаются. К незнакомой лошади лучше подходить сбоку. Спереди она куснуть может… А стоять всегда нужно слева, запомни. Погоди-ка…

Скинув маленький ранчик, Оля достала из пакетика кусок хлеба и протянула Насте:

– Угости ее для знакомства…

Пока она объясняла, что с лошадью обязательно нужно поговорить для возникновения контакта и похлопать по шее, а не погладить, потом показывала, куда ставить одну ногу и как закидывать другую, Леша думал о том, до чего ему хотелось бы принять в отряд эту умелую наездницу, уже помогающую детям. Конечно, надо было проверить ее и все такое, но он почти не сомневался, что Оля на все сто подходила для их команды.

Оказавшись в седле, Настя вытаращила глаза:

– А-а! В ней пять этажей, что ли?!

– Боишься высоты? – догадалась Оля.

Настя мгновенно изменилась в лице, точно готовилась к стрельбе:

– Ничего я не боюсь! Просто я раньше только на пони каталась. В парке…

– Расслабься, а то она тоже занервничает. Она тебя не сбросит. Вэнди – спокойная кобыла. Мы поэтому и берем ее на эти сеансы иппотерапии. Но нужно дать ей почувствовать, что ты здесь главная, понимаешь?

– Человек управляет лошадью, а не наоборот, – пробормотал Лешка.

– Точно. А Вэнди не будет против! Она за лидерство не борется. Она, знаешь, мечтательница… Что ты ухмыляешься? Ты же ее не знаешь совсем!

Леша затряс головой:

– Да я и не ухмыляюсь! Просто… Не слышал, чтоб лошадь называли мечтательницей.

– Она такая и есть. Засмотрится в небо и даже траву щипать забывает, – и снова переключилась на Настю. – Пропусти повод в кулак между мизинцем и безымянным пальцем. Во-от… И выпусти между большим и указательным. Только осторожней, он же соединен с трензелем – это железяка у нее во рту. Ей будет больно, если ты дернешь. Кулаки держи над ее холкой, и пытайся управлять поводом только безымянными пальцами. Сразу, может, и не получится, но потом ты уловишь, как надо.

– А ты хорошо учишь, – заметил Леша с уважением. Ему всегда легче было все сделать самому, чем объяснить новичку.

Улыбнувшись, Оля хлопнула лошадь по шее и пошла рядом, придерживаясь за Настино колено, чтобы той было не так страшно. Мгновенье поколебавшись, Леша пристроился с Олиной стороны.

– Почему ее зовут Вэнди? – спросила Настя, пытаясь принять независимый вид, но гримасу страха стереть пока не удавалось.

– По именам родителей. Ее мать звали Вэлли, а отца – Дик.

Приподняв сросшиеся брови, Лешка усомнился:

– Это собачья кличка!

– Ну конечно! Жеребцов тоже так называют.

– У нас не было ни одного Дика.

– И что? А у нас даже один Дикаприо есть. Совершенно неуправляемый! С ним никто справиться не может.

Леша сперва опустил, потом вскинул голову:

– Я бы смог!

– Ты такой крутой, да? – насмешливо прищурилась Оля. – Ты ж его даже не видел! Он скачет просто как сумасшедший! Даже с виду ясно, что прыгун – спина короткая, плечи покатые, попец крепенький.

Настя хихикнула:

– Попец?

– А ты слова такого не слышала?

– Слышала. О лошадях тоже так говорят?

– О лошадях еще похуже говорят, – призналась Оля. – С этой задницы Дикаприо кто только не съехал уже! Хочешь рискнуть?

Она устремила на Лешку испытующий взгляд. Даже если б он никогда в жизни не сидел верхом, то сейчас все равно бы сказал: «Да». Невозможно сплоховать, когда видишь такую синеву…

– Ну, смотри, – протянула Оля с сомнением. – Сегодня суббота? Завтра сможешь подъехать? А то потом только через неделю.

– Спрашиваешь! – У него перехватило дыхание: завтра он опять увидит ее.

– А я? – всполошилась Настя. – Я тоже хочу научиться!

– Ты же говорила, что тебя могут не отпустить, – начал Лешка и осекся, прочитав в Настином взгляде: «А ты защитишь меня – успокоишь мою маму, вот она и отпустит».

Это было не совсем честно – так использовать волшебство, ведь Насте ничего особенного не угрожало. Ну, не научится ездить верхом, не смертельно же это! Правда, можно утешить свою совесть тем, что если Настя будет с ними, это принесет пользу детям, больным ДЦП. По большому счету, это истинная правда, но все же Леша надеялся, что Настины родители просто не станут противиться их поездкам в конный клуб.

* * *

Оказывается, все, что я насочиняла в своей сказке, было самым настоящим предчувствием! И вот оно на самом деле вошло в мою жизнь: и конь, точнее лошадь, к тому же самая старая; и васильковые Олины глаза, так похожие на те, что я пририсовала ящерице с головой воздушного змея… Впервые я столкнулась с тем, о чем рассказывала наша учительница литературы: писатели моделируют действительность!

Конечно, я еще не стала настоящим писателем, но твердо решила зайти в Дом литераторов, мимо которого ходила в школу. Когда моя повесть будет закончена (когда ж это произойдет?!) и Ваня как первый читатель даст добро, я выясню, есть ли в Кемерове литературная сту-

дия, где можно показать рукопись прежде, чем отправлять Кораблеву. Хоть я и не прочла до сих пор ни одной его книги, но понимала, что Артур Кораблев – слишком большая величина и не стоит лезть к нему со всякими недоделками. Может, моя сказка вообще полный бред? И уж такому мастеру показывать ее точно не стоит.

Я решилась бы показать ее той учительнице, у которой занималась в Новосибирске. Но в кемеровской гимназии литературу у нас вел полный… Как бы помягче сказать? Идиот. Я поняла это в первую же неделю, когда увидела в тетрадке с проверенным сочинением тройку с минусом. За грамотность, правда, стояла пятерка, но это вообще не имело значения, я ведь ниже пятерки за содержание в жизни не получала!

Андрей Викторович остановился рядом с моей партой и уставился своими рыбьими глазами, какие, по моим представлениям, были у офицеров СС, отправлявших детей в газовые камеры. Рыбешкой он вышел бы довольно мелкой, даже я почти догнала его в росте, а многие в классе уже переросли. Но это не мешало ему давить на нас. Папа говорил, что у маленьких мужчин развивается наполеоновский комплекс, им хочется подчинить себе весь мир. И в случае с нашим учителем это было прямо в точку!

– Что, Ильина, удивлена? – голос у него был глухой и монотонный. Даже когда он читал нам стихи, звучали они на одной ноте.

А за окном второго этажа многоголосо щебетали синички, облепившие целой стайкой облетевшую рябину. Было похоже, будто они обсуждают какую-то жизненно важную проблему, ведь они то вдруг резко умолкали, точно задумывались, то снова принимались кричать – каждая на свой манер. Может, они решали: а не пора ли изменить стиль жизни и слетать на юг? Разве они обязаны мерзнуть в Сибири только потому, что так было заведено у их предков?

Пока я пыталась представить, долетит ли синица до теплых берегов, Андрей Викторович пробубнил:

– Твоя отсебятина тут никому не нужна. Есть критические статьи, изволь ознакомиться с ними и сделать компиляцию.

Наверное, он был уверен, что я не знаю такого слова и начну спрашивать, но меня интересовало совсем другое:

– Вы же задали сочинение, а не списывание. При чем здесь критические статьи? Мы должны высказать свое мнение о прочитанном!

Его широкий рот растянулся еще больше. Я прямо увидела, как сейчас к потолку поплывут пузыри… Но вместо этого Андрей Викторович изрек:

– Кому интересно ваше мнение о «Повести временных лет»? Все уже сказано людьми поумнее вас.

Ясно, что он рассчитывал смутить меня, но я уже уперлась рогом, как говорила мама:

– А зачем тогда вообще нам тратить время на сочинения, если это вам неинтересно? Вы, что, сами не читали эти статьи?

И мельком глянула в окно: рябина опустела. Может, синички все же решились на перелет, чтобы доказать – они ничем не хуже журавлей, с которыми их сравнивает пословица? Из-за этого литератора я упустила такой момент!

– Самая умная, что ли? – подала голос Ксюшка Морозова. – Кому вообще интересно, что там у тебя в голове?

В последние дни она ожила, точно решительно вычеркнула из памяти то, как поливала рвотными массами весь класс. Никто вслух даже не заговаривал об этом, хоть все незаметно сторонились ее. Но почему-то мне казалось, что многие придерживают это воспоминание, как бомбу замедленного действия. И рано или поздно Морозовой припомнят тот зловонный фонтан… Который я вызвала к жизни, и за это мне было немножко стыдно. Не сильно, но все же было.

Может, поэтому я и пошла за ней вчера. Захотелось увидеть, какой она бывает наедине с собой. То, что мы все напяливаем маски, приходя в школу, ни для кого не секрет! Я, например, старалась казаться девочкой-ромашкой, чтобы никто не заподозрил, как могу врезать, если меня достают. Так старалась, что слишком многое стерпела от Ксюхи. А надо было еще первого сентября не просто ткнуть ее гипсом в бок, а треснуть прямо по голове, чтобы выбить дурные мысли, подстрекающие ее издеваться над людьми.

Я тащилась за Морозовой по улице Кирова, стараясь держаться в толпе, но не выпускать ее из виду. Конечно, легко можно было сделаться невидимой, только мне жалко было тратить на это волшебную силу. Мало ли на что она может понадобиться в любой момент? Поэтому я просто пряталась за спинами взрослых, что при моем росте вообще не проблема!

И я не зря таилась: Ксюшка оглядывалась пару раз, и было похоже, будто она и вправду

кого-то боится… Так что я уже начала думать, что она не врет насчет возможного похищения, только не могла взять в толк, почему все-таки телохранители поджидают ее в условленном месте, а не сопровождают до школы? Ведь они могли бы маскироваться под обычных людей, и никто не обратил бы на них внимания. Не обязательно же быть двухметровым шкафом, чтобы суметь спасти ребенка! Если честно, мысль о том, что Морозова на самом деле тоже еще ребенок, и, в случае чего, я обязана буду спасти ее, прямо костью торчала в горле. И все же я почему-то шла за ней…

И она привела меня в Центральный универмаг, до которого от нашей гимназии пять минут ходьбы. Я была разочарована: все мои подозрения рассыпались, столкнувшись с банальным шоппингом! Хотя этого следовало ожидать… Чем еще может заниматься богатенькая девочка после уроков?

Не знаю, что заставило меня следить за Ксюшкой и дальше, но я не повернулась и не ушла. И не пожалела об этом! Ведь уже в отделе, увешанном колготками разных цветов, засекла, как Ксения ловко срезала ценник с черных ажурных леггинсов и сунула их в мешок для сменки. Хорошо, что я не поленилась и натянула на себя невидимость, а то мой разинутый рот она враз заметила бы.

Если честно, я прямо остолбенела, увидев, как Морозова ворует. Зачем?! Ведь папочка ни в чем ей не отказывает – обновки-то чуть ли не каждый день появляются! Или… Не все же они украдены?! Пока мои мысли крутились в голове, как заполошные, Ксюшка уже вырулила из этого отдела и потопала дальше. Продавщица на нее даже головы не повернула – уткнулась в свой пасьянс на мониторе и ничего вокруг не желала замечать! Интересно, а за пропавшие вещи они не из своего кармана платят?

Иногда Морозова резко оборачивалась, точно подозревала, что за ней следят. Неужто кожей чувствовала мое присутствие? Все-таки здорово быть невидимкой! Я и раньше мечтала незамеченной проникать куда угодно, чтобы посмотреть, каким бывает тот или иной человек, когда думает, будто его никто не видит. Или послушать, о чем болтают за моей спиной, тоже очень интересно. Но я даже не надеялась, что такое желание может сбыться, и вот на тебе! Я умею становиться невидимой и проникать сквозь стены и закрытые двери. Если честно, до сих пор не могу в это поверить!

Оставаясь незамеченной, я прошлась за Морозовой по всем отделам. И она везде пыталась что-то спереть! Но если в первый раз я растерялась от неожиданности, то теперь была настороже, и стоило ей протянуть руку хотя бы к мелочевке, я силой мысли заставляла продавщицу обернуться или роняла с полки какой-нибудь крупный предмет. Ксения шарахалась, и вид у нее становился все более обалделый. Я так и не дала ей больше ничего украсть в этот день, внушая себе, что защищаю ее.

В общем-то, так оно и было! Ведь если это – клептомания, ее могут упечь в психушку, а признают здоровой – вообще в тюрьму. Конечно, ненастоящую, для малолеток, но и там, я слышала, совсем не сахар. Пашке Орлову из «Кобры» кто-то рассказывал, что на «малолетке» еще страшнее, чем на взрослой зоне. Никаких правил нет – ни внутренних, ни внешних. Беспредел. Поэтому хоть я и терпеть не могла Морозову, даже ей не пожелала бы там оказаться. Вот и таскалась за ней, как привязанная, по всему универмагу.

Когда мы наконец вышли оттуда, ее физиономия была красной от злости. Одних леггинсов ей явно было мало! Сколько же она ворует, когда меня нет рядом? И главное – для чего? Мне так хотелось разгадать этот секрет, что я отправилась за Морозовой и дальше. Укрывшись за рекламным щитом, я снова приняла человеческий вид, чтобы не растратить все силы, сохраняя невидимость.

Уже остались позади и кинотеатр «Москва», и стадион «Химик», и Дом художника с его магическим и слегка пугающим глазом под крышей, а никакой «роллс-ройс» (или на чем там возили Ксюшку из школы?) не появлялся. Когда она свернула во двор, окруженный вовсе не элитными домами, а обычными «хрущевками», мне опять пришлось раствориться в воздухе.

Около подъезда Ксюха обернулась и посмотрела прямо… сквозь меня. У меня все равно перехватило дыхание и сжалось сердце: а вдруг увидит?! Но она только обвела двор подозрительным взглядом и юркнула в подъезд. А я, естественно, за ней, не переставая гадать, что этой гламурщице понадобилось в самом заурядном доме? Она поднималась по лестнице медленно, как старушка, тяжело переставляя ноги. Ей не хотелось идти туда, куда она шла, это было ясно. Что же ее заставляло? Я уже просто умирала от любопытства! Здесь явно

крылась какая-то тайна, а я их обожаю. Когда мы с Ромкой в Новосибирске расследовали Лекино дело – это был полный восторг! Жаль, что все так печально закончилось…

Тащиться пришлось аж на пятый этаж! Я изо всех сил старалась дышать ровно, потому что хоть видеть меня Ксюха и не могла, но услышать – запросто. Гасить звуки я еще не научилась… Есть и такое волшебство, как полная невидимость, когда тебя даже собака не учует, но его я тоже ни разу не использовала. Ромка говорил, оно очень много сил отнимает, а они могут понадобиться. Не факт, что у меня будет время отлежаться и восстановиться. И шоколадки в рюкзаке нет…

На мое счастье, Морозова больше доверяла своим глазам. И если видела, что подъезд пуст, значит, и прислушиваться ни к чему. Она остановилась на площадке возле металлической лесенки, ведущей на чердак, и начала копаться в ранце. Достала ключи и… открыла одну из дверей! Откуда она взяла ключи от чужой квартиры?! Украла? Или здесь жил кто-то, с кем они были знакомы так хорошо, что можно было доверить ключи? Может, ее бабушка?

Дверь захлопнулась передо мной, но мне ничего не стоило проникнуть внутрь. Правда, на миг я заколебалась: необъяснимый страх облепил меня целиком, заставив коленки дрогнуть. Я не представляла, что меня ждет за этой дверью… Но чувствовала: это настолько ужасно – лучше бы мне никогда этого и не видеть.

* * *

На прогулки с Ваней нам помогал выбираться мой папа, который стаскивал вниз сначала инвалидное кресло, потом его пассажира. Я пыталась уговорить Лешку объединить волшебные силы, чтобы перенести Ваньку по воздуху – двигала же я шоколадки усилием мысли! Но Леша отрезал:

– Пацан – это тебе не шоколадка. У нас кишка тонка, чтобы доставить его на набережную, как тебе хочется. Нечего и дергаться! Представь, если мы поднимем его, а потом уроним?!

Этого даже представлять не хотелось, поэтому пришлось смириться и вызволять Ваню обычным способом. Если б его мать видела, как у него сияли глаза, когда я везла его по Весенней к Томи, то, наверное, забросила бы все свои непонятные дела и сама отправилась с сыном на прогулку. В первый раз мы проехались по набережной к «Орбите», потом – на площадь Пушкина. Ванька так долго сидел дома, что еще не видел скульптуры пушкинских героев, которые там уже прижились. Хотя, если честно, он не всех узнал, и пришлось слегка просветить его. Намто мама даже «Евгения Онегина» перед сном читала, когда сказки и поэмы кончились. Оказалось, что в моей памяти застряли целые отрывки, и я на ходу пересказывала их Ване. Вдруг прочитать не соберется, хоть представление будет иметь! Это же Пушкин – знать надо…

Гуляли мы с Ваней только вечерами, когда папа возвращался с работы и мог помочь нам выбраться во двор. Когда я впервые попросила его помочь мне вытащить Ваньку из дома, папа аж глаза вытаращил:

– Какой еще мальчик с балкона?! Почему я его не видел?

– Потому что ты бросил курить, – напомнила я. – Когда ты последний раз выходил на балкон?

Он взъерошил светлые, как у меня, волосы и смущенно сморщил нос, чуть склонив голову набок. Маме казалось, что в такие минуты он становится похож на щенка, которому ни в чем нельзя отказать. Мне нравилось, когда он так делал, и я на всякий случай держала в памяти это его выражение, ведь мы с ним были здорово похожи. Значит, мне тоже невозможно будет отказать, если я так жалобно сморщу нос и склоню голову к плечу.

Но в этот раз мне не пришлось испытывать это оружие, потому что папа совсем даже не отказывался нам помочь. Он, конечно, не был таким уж здоровяком, и вся сила его ушла в интеллект, но и кресло, и самого Ваньку папа вытащил без особого труда. С тех пор мы гуляли практически каждый вечер. Лешка все собирался к нам присоединиться, но у него катастрофически не хватало времени, на нем же была больная бабушка и несколько двоек, которые он успел нахватать в новой школе и поклялся исправить. А Ванину маму я так до сих пор ни разу и не видела, хотя она, конечно, существовала – кто-то же варил суп, который я потом разогревала.

Перед этой прогулкой Ваня прочел новую главу моей сказки и молчал всю дорогу. Да и мне в этот вечер не хотелось болтать… Я, конечно, не рассказала ему, что дописывала в слезах, совсем как героиня старой голливудской комедии «Роман с камнем»! Только она там рыдала над вымышленными страстями, а у меня они так плотно срослись с настоящими, что мешали ды-

шать. Ромка не звонил уже целую неделю. И хотя я вовсю обросла тут друзьями, сердце у меня как сжалось от боли еще дня три назад, так и не разжималось. Пульс вроде был на месте, но это вовсе не означало, что я жива.

Я убеждала себя, что у Ромки может просто не быть денег на телефоне – у меня ведь их тоже не было! После того, как я выговорила весь сентябрьский лимит за один раз, мама держала мой телефон на голодном пайке. А звонить с городского было неудобно: маме так и не удалось найти работу по душе, и она постоянно сидела дома, не отрывая глаз от книги, но не переворачивая листы. И хотя с папой они ни разу не сцепились за этот месяц, меня одолевало недоброе предчувствие, что долго мама так не продержится. Ведь однажды она призналась:

– Воздух театра… Ты не представляешь, что это такое! Если вдохнешь его однажды, другой состав атмосферы не сможет заполнить твои легкие. А уж если пропитаешься, как я!..

Из этого нетрудно было сделать вывод, что мама просто задыхается вне театра, хотя она была не актрисой и не режиссером, а просто заведовала литературной частью. Я пыталась понять: если ей станет совсем невмоготу в Кемерове, неужели папа откажется вернуться в Новосибирск? Правда, там нам негде было жить, ведь нашу квартиру разрушил тот взрыв, который стал моим первым боевым крещением. Мама намекала, что можно было бы продать бабушкину квартиру здесь и купить жилье в Новосибирске, но все мы понимали, что лабораторию в Академгородке, как папе хотелось, ему никто не предложит. А одной маминой зарплаты нам всем никак не хватит…

В общем, проблем у моих родителей было выше крыши! И все это самым немыслимым образом сказывалось на том, что я не могу позвонить Ромке сама. Ведь я позвонила бы! Какая может быть гордость, если твой лучший друг пропал без вести? Теперь, когда сняли гипс, я начала писать ему «ВКонтакте», но почему-то он упорно не отвечал. Хоть и заходил на сайт, предоставлявший шпионские сведения о посетителях. А вдруг ничего с ним особенного не случилось, просто он встретил другую девчонку, которую ему захотелось спасать, как раньше меня? И Ромка просто не может подобрать слов, чтобы признаться мне в этом, не обидев…

Именно эти мысли и удерживали меня от того, чтобы спросить о Ромке у наших общих друзей. С ними я тоже иногда общалась, но больше по пустякам. Я отвлекала себя от мрачных мыслей, как могла! Мы съездили с Лешкой в конноспортивный клуб, куда мама, к моему удивлению, отпустила меня без разговоров. Я так и не поняла – почему? Или черноглазый Орешкин произвел на нее такое впечатление, что она вручила меня ему без колебаний?

А на Лешку неизгладимое впечатление произвела кудрявая Оля, это я сразу угадала. И обрадовалась, потому что у нее тоже светились глаза, когда она смотрела на него. А когда улыбалась, то вся становилась точно солнце. Я таких красивых девчонок в жизни не видела! Хоть какой-нибудь знаток и сказал бы, что у Оли не самые идеальные черты лица, зато на нее хотелось смотреть, открыв рот.

Лешка именно так и смотрел… Мне прямо жалко его становилось, когда они встречались и он начинал заикаться от волнения. Потом успокаивался, ведь Оля не воображала о себе невесть что и держалась как нормальный человек, который занимается делом, а не носится со своим лицом, как с яйцом Фаберже. Это я не сама про Фаберже вычитала – Аня просветила. Иногда она давала мне передышку и сама рассказывала перед сном что-нибудь интересное. Я-то сочиняла на ходу (хоть и лежа!), а сестра так не умела, зато помнила много прочитанного. И я упрямо забивала себе голову всем, что услышала от нее и чему учила меня Оля, лишь бы не думать о Ромке и не накручивать вокруг его необъяснимого молчания целый моток домыслов.

Но лучше всего от мыслей о нем отвлекала картинка, то и дело всплывающая перед глазами: следом за Ксюшкой Морозовой я попадаю в незнакомую квартиру, а навстречу на четвереньках выбегает обросший бородой, волосатый мужчина и трется об ее колени.

Хоть меня они и не видели, я так и вжалась спиной во входную дверь, готовая выскользнуть в подъезд. Ожидала, что Ксюшка тоже сейчас завопит от ужаса и отпрыгнет от этого чудовища. И меня прямо прошило насквозь, когда она вдруг погладила его по голове:

– Хороший котик. Милый котик.

И голос у нее при этом был совсем незнакомым, воркующим.

В голове у меня так и стучало: «Это что?! Игра такая? Но кто это такой? И зачем она к нему пришла?» Последнее прояснилось сразу: Ксюшка уверенно направилась на кухню, совсем

маленькую, как в нашей бывшей квартире. Достала из ящика половник и, подняв с пола железную миску, налила в нее борща из кастрюли, стоявшей на плите. Когда она снова поставила миску в угол, волосатый кинулся туда и начал есть из миски прямо ртом, страшно чавкая и разбрызгивая борщ.

Я просто глазам своим не верила! Ксюха же вела себя так, словно в происходящем не было ничего особенного и для нее это – дело житейское.

– Кушай, кушай, – пробормотала она. – Мне тоже жрать хочется – сил нет!

Наполнив другую тарелку, она уселась за стол и начала есть как ни в чем не бывало. Из окна пятого этажа была видна только облысевшая макушка старого тополя, и Ксюшка смотрела на нее с такой тоской, что меня вдруг обожгло догадкой: это же ее квартира! Ее жизнь. Нет никакого папы-олигарха и роскошного коттеджа! Никто не встречает ее на лимузине с телохранителями. И шмоток новых не покупают – она ворует их в магазинах, чтобы подтвердить свою легенду о той реальности, которую выдумала сама. Потому что об ее настоящей жизни рассказать немыслимо…

Этот жуткий человек в углу – кто он Ксюшке? Старший брат? Отец? Или даже дед? Из-за бороды совершенно невозможно было определить, сколько же ему лет. И страшно было предположить, почему он так ведет себя? Насытившись, этот тип уселся на полу и начал вылизывать руки, которыми вытер жирный рот. Делал он это старательно, от удовольствия жмуря глаза. Если б я не была уверена, что передо мной, хоть и отвратительный, но все же человек, то сказала бы, что это гигантский кот. Вот тебе и Мутантия из моей сказки!

Ксюшка бросила на него угрюмый взгляд, но ничего не сказала. И стало ясно: ей не впервой наблюдать такое и ее уже ничем не удивишь. Доев борщ, она поставила тарелку в раковину и отправилась в единственную комнату, на ходу снимая школьную форму. Я едва успела отскочить ко входной двери, чтоб она не наткнулась на меня. Человек-кот потелепался за ней, и едва Ксюшка, натянув домашние штаны с майкой, уселась со своим самым навороченным в классе планшетом в кресло, попытался забраться ей на колени.

– Ну, папа! – раздраженно воскликнула она и толкнула его в грудь. – Совсем обалдел, что ли? Брысь на место!

Ворча что-то нечленораздельное, как настоящий котяра, он заполз на диван и свернулся клубком.

«А этот iPad она тоже стащила? – подумала я, не сводя с нее глаз. – Такой папа ничего не подарит…»

В тот же момент она вдруг подняла голову и поглядела на отца, задремавшего на диване. Никто не должен был наблюдать за ней в этот момент, никакие девочки-невидимки, и потому Ксюшка позволила отразиться на лице всему клубку эмоций, которые так ревностно скрывала ото всех. Она смотрела на своего ненормального отца с такой жалостью и болью – за него и за себя – что у меня едва слезы не брызнули.

Но Ксюха и стыдилась его тоже и, может, даже ненавидела в душе. Губы ее кривились от злости и скрытого страдания.

– Чтоб ты сдох, – вдруг произнесла она с такой страстью, что мне стало страшно.

И вдруг ее всю прямо затрясло от плача, и она закусила ладонь, чтобы не разбудить отца. Некрасиво разевая рот, Ксюша шептала, с трудом удерживая всхлипы:

– Прости меня… Папочка! Прости… Я не хотела!

Но она хотела, и я это отчетливо чувствовала. Только чувства ее были так противоречивы, что перечеркивали друг друга.

* * *

Все утро моросил противный осенний дождик, из-за которого поле стало скользким, и намеченные скачки едва не сорвались. Но после обеда посветлело, солнце слегка раздвинуло серые тучи, и все воспрянули духом. Намечались не официальные соревнования – просто ребята решили проверить коней в деле. Ради этого Оля взяла другую лошадь, потому что Вэнди отличалась слишком спокойным нравом. Для сеансов иппотерапии – лучше не придумаешь, но в скачках она заведомо становилась аутсайдером.

Зато серая в «яблоках» Лаура так и рвалась в бой! Она умела усмирять свой нрав и почти всегда слушалась наездника, но именно это «почти» смущало некоторых. Все помнили, как Лаура сбросила одну девочку, и той потом месяц пришлось лежать на досках с компрессионным переломом позвоночника. Но Оле нравилась эта непокорная лошадь, чем-то похожая на нее саму, ведь девочка тоже могла взбрыкнуть, если что было не по ней.

– Помнишь, как правильно падать, если что? – Юрий Васильевич проверил новые стремена из нержавеющей стали.

Они были хороши: при падении всадника нога легко высвобождалась из стремян, благодаря специальным замкам, которые отсоединяли синтетическое путлище при отведении его назад от седла. В его детстве ничего подобного еще не делали. Впрочем, в своей деревне они с друзьями вообще учились скакать без седла, и ничего – никто не разбился. Из дальнего уголка памяти вырвался вольный ветер, ударил в лицо запахами степных трав, поманил к горизонту, который тем и хорош, что никогда его не достигнешь, и можно всю жизнь провести в движении. Лучшего и не пожелаешь...

Тех мальчишек уже так разметало по миру – не соберешь! Юрий Васильевич даже не знал, как сложились судьбы некоторых из них. Теперь его друзьями стали эти ребята клуба «Буцефал», разделившие любовь к лошадям и безудержному галопу навстречу ветру. Но его ровесники были совсем другими детьми, росшими как трава в поле. А этих городских ребят матери до десяти лет за руку водят, чтобы ни один маньяк даже не приблизился. Из-за девочки, сломавшей позвоночник, Юрий Васильевич чуть под суд не пошел, но Катя сама за него вступилась, доказала, что тренер провел полный инструктаж, это ей взбрело в голову рискнуть – взять барьер, хотя никто ее этому не учил.

«Хорошие ребятишки, – подумал он в который раз. – Только у них совсем другое детство… И другая амуниция».

Он опустил шарнир шпеллера и укоризненно качнул головой, отчего Оля вся так и вспыхнула.

– Я и сама хотела это сделать, – буркнула она.

Но взгляд отвела, и Юрий Васильевич в который раз подумал, что за подопечными нужен глаз да глаз.

– Путлища пора местами поменять, – посоветовал он.

Она кивнула, хотя на это сейчас не оставалось времени. Леша Орешкин уже провел разминку своего коня и гарцевал на красавце Дикаприо, который покорился ему с неожиданной легкостью. Пошли разговоры, будто этому москвичу известно таинственное заклятие для норовистых лошадей.

– Во-первых, он не москвич, – отвечала на это Оля. – Он живет в Королеве, чтоб вы знали! Это совсем другой город. Наукоград! А, во-вторых, чушь это все про заклятие. Кто вам навешал такого? Хоть Юрия Васильевича спросите! Уж он-то все о лошадях знает.

Но то, как быстро Лешка нашел общий язык с неуправляемым вороным, поражало и ее саму. Похоже, у него было чему поучиться. Как ни странно, но Олю, не признававшую других авторитетов, кроме любимого тренера, совершенно не раздражала мысль о том, что Орешкин будет учить ее. И поглядывала она на него чаще, чем на других, хотя следовало следить за Настей, которая, напротив, не умела абсолютно ничего. Но ею вплотную занялась Светлана Павловна – детский тренер, умевшая подбодрить любого новичка.

Было неожиданно, что Настя выбрала самую старую лошадь – Ракету, которая, может, когда-то и летала по полям с космической скоростью, но Оля тех счастливых времен не застала. Сейчас Ракету почти не выводили из стойла, поэтому с тем же успехом можно было обучаться верховой езде, оседлав спинку дивана. Оля так и сказала Насте, но та заупрямилась:

– А я хочу эту! Она такая несчастная…

– Благотворительностью занимаешься? – Оля пожала плечами. – Так ты никогда не станешь настоящей наездницей.

Погладив соломенную гриву лошади, Настя тихо проговорила:

– А она уже никогда не поскачет по полю, если я ее не возьму. – И виновато улыбнулась Оле: – Я знаю, что это глупо. Но я же ничего не умею, так? Мне трудно, и ей трудно. Мы можем помочь друг другу. Пусть тряхнет стариной!

Поэтому Оля не особенно беспокоилась о своей новой подруге. Невозможно было даже вообразить, что Ракета способна сбросить всадника. Пока Настя только выгуливала лошадь с опущенными поводьями, и это, похоже, было в радость обеим: девочка ничем не рисковала, а Ракета бодро вышагивала рядом, жадно ловя подвижными ноздрями осенние запахи. И подвижными острыми ушами вбирая все, о чем рассказывала Настя, то и дело взмахивающая рукой. Оле тоже интересно было бы послушать, но мешать этим двоим не хотелось.

Оставив их в покое, она провела разминку для Лауры, которая уже рвалась в бой, точно чуяла предстоящую скачку.

«Надо было мне заняться ею заранее, – с досадой думала девочка, замечая, что лошадь

не сразу понимает, какие именно упражнения следует выполнять. – Или спросить у Антона, как он ее разминал… Лошади – такие консерваторы! Не могут перестроиться на ходу».

Но советоваться с мальчишкой, который был младше ее на год, Оле мешала некоторая природная самоуверенность, сделавшая ее атаманшей двора. Ей трудно было поверить, что кто-то знает тонкости их общего дела лучше нее. Именно поэтому ее саму удивляла готовность прислушиваться к Лешкиным советам.

– Ты ему доверяешь?

Вздрогнув от неожиданности, Оля обернулась к брату, который, прищурившись, разглядывал Орешкина издали. Лицо у Саши оставалось непроницаемым, но Оля угадала: что-то его волнует.

– А почему нет? – ответила она вопросом на вопрос. – Нормальный пацан.

Он усмехнулся:

– У нас все нормальные. Но ты никого не прожигаешь взглядом!

– Вот еще! – вскинулась Оля, ощутив, как щеки залило жаром. – Я вообще на него не смотрю.

– Только не говори, что и он на тебя не смотрит…

Она уже раскрыла рот, чтобы сгрубить, но вместо этого робко произнесла:

– А он смотрит? Ты сам видел?

Рассмеявшись, Сашка коротко прижал ее:

– Еще как… Ладно, удачи тебе, сестренка! Покажи этому Лехе, каковы сибирские девчонки!

– И покажу! – Оля уверенно тряхнула волосами и, опомнившись, быстро собрала их в «конский хвост».

…Когда лошадей наконец вывели на условный старт (линию, прочерченную на рыхлой земле палкой!), Леша на Дикаприо оказался с Олей рядом. Это ее обрадовало: Лаура из шкуры вон вылезет, чтобы угнаться за сильнейшим, а значит, способна прийти второй. А это можно считать победой, ведь всем известно, что обогнать Дикаприо не удастся никому.

– Если что – я рядом! – Подмигнул Лешка, но она только усмехнулась в ответ:

– Я тоже.

– А ты с характером, да?

– А ты еще этого не понял?

Их пикировку прекратил сигнал тренера, и оба почти одновременно пришпорили коней. Леша опередил ее на секунду, и его конь сразу вырвался вперед. Стиснув зубы, Оля сгруппировалась, только слегка покачивая корпусом, как учил Юрий Васильевич, и старалась не отставать. Но пока и не сокращала дистанцию, чтобы Дикаприо, разозлившись, что ему «налезают на хвост», не ударил Лауру задними копытами. Из-под них летели мелкие комки грязи, но это было ерундой – в клубе обустроили хорошую душевую и потом можно будет отмыться.

Скакали они по прямой через поле к чернеющему вдали стогу сена. Дождь уже прекратился, и, хотя воздух оставался сырым и холодным, разгоряченным всадникам это было в самый раз. Пытаясь рассчитать удобный момент, когда стоит пойти на обгон, Оля не сводила глаз с поджарого крупа Дикаприо: «Сейчас… Сейчас…».

И вдруг…

Что-то словно сместилось в окружающей реальности, но в первое мгновение до Оли не дошло, как именно все изменилось. Еще несколько секунд она скакала на автомате, и только потом мысль оформилась: «Лешка упал!» Она оглянулась, но сзади были другие ребята, и ей ничего не удалось разглядеть. Бросив взгляд на заветный стог, который теперь она легко могла достигнуть первой, Оля натянула повод.

Но Лаура и не подумала останавливаться. Теперь, когда перед ней оказалось открытое пространство и вороной конь не мешался под ногами, она только обрела упоение скоростью. Оле пришлось сильнее натянуть правый повод, ослабив левый, чтобы завернуть лошадь на вольт, то есть погнать по кругу, который привел бы к упавшему Лешке. На увеличившийся в размерах стог она больше старалась не смотреть.

«Только бы он ничего не сломал! – твердила Оля, пытаясь усмирить лошадь. – Он жив. Конечно, жив!»

Постепенно сбрасывая темп, она перевела Лауру на аллюр. Больше не слыша яростного стука копыт за спиной, лошадь успокоилась, и Оля снова почувствовала, что управляет ею. Подняв голову, Дикаприо некоторое время следил, как они приближаются, потом снова принялся щипать пожелтевшую влажную траву.

Лешка лежал на спине, и это было плохо, потому что Юрий Васильевич много раз повторял: именно так падать нельзя ни в коем случае. Старший брат даже дома учил Олю кувыркаться, чтобы не боялась слетать с лошади головой вниз – самый безопасный способ. Они с тренером уже бежали со старта, но Оля подоспела первой.

Спрыгнув на землю, она упала возле Леши на колени:

– Живой?

– Да вроде, – отозвался он.

Ей показалось, что голос прозвучал подозрительно слабо. Она быстро ощупала его ноги и руки – переломов вроде не было.

– Дышать не больно? – Оля помнила, что той девочке, сломавшей позвоночник, не удавалось глубоко вдохнуть.

Демонстративно шумно подышав, он улыбнулся:

– Ты пожертвовала победой, чтобы прийти мне на помощь?

– Это ненастоящая победа…

– А если бы впереди ждал большой приз? Ты не вернулась бы?

– К тебе?

– Не обязательно ко мне. К любому. К тому, кто нуждается в помощи.

Она неуверенно пожала плечами:

– Я еще не участвовала в настоящих скачках. Не знаю.

– Я знаю, – приподнявшись на локте, Леша устремил на нее черный, магнетический взгляд. – Ты бросишься на помощь любому.

– Откуда тебе знать? – пробормотала Оля с сомнением. – И при чем тут это? Ты цел, да? Ну и отлично.

Вскочив на ноги, она протянула руку, и Лешка, усмехнувшись, ухватился за нее. Когда подоспела помощь, он уже был на ногах и беззлобно похлопывал Дикаприо по шее.

– Живой, – бросила Оля брату и повела Лауру к конюшне.

– Погоди-ка, – окликнул ее Юрий Васильевич, которому хватило одного взгляда, чтобы понять: с новеньким все в порядке. Жаль, конечно, что не выстоял… А шел хорошо.

Когда тренер отошел, Саша неожиданно спросил Лешку, похлопав по шее его коня:

– Знаешь, что связывает настоящего Ди Каприо с лошадьми?

Лешка пожал плечами:

– Ковбоя играл?

– Точно! – удивился Саша.

Глаза у него были совсем как у Оли, а ресницы и волосы гораздо темнее. Лешка с легкой завистью подумал, что ему вряд ли удастся вырасти таким высоким, как Олин брат.

– А еще?

– Это викторина, что ли? – слегка разозлился Леша. – Я ж не все его фильмы смотрел! Не фанатею...

Точно не слыша его, Саша пробормотал про себя:

– Впрочем, этот фильм ты действительно вряд ли видел, он слишком взрослый… Ди Каприо там играл французского поэта Артюра Рембо. А другой поэт, Давид Самойлов, посвятил Рембо такие стихи.

И неожиданно для Лешки начал читать, обращаясь больше к коню, чем к нему:

…В это утро по главной дорожке
Шел веселый и рыжий парень
В желтовато-зеленой ковбойке.
А за парнем шагала лошадь.
Эта лошадь была прекрасна…

«Что за бред?! – поразился Лешка. – Я на его глазах шарахнулся о землю, а он мне стихи читает? И что это вообще за стихи такие – даже рифм нету!»

Словно не замечая его нетерпеливых подергиваний, Саша задумчиво продолжал, и было похоже, будто он сам именно в эту минуту рождает слова, складывающиеся в нерифмованные и все же такие слитные строки:

Шея – словно рука балерины,
Уши – словно чуткие листья,
Ноздри – словно из серой замши,
И глаза азиатской рабыни.

Парень шел и у всех газировщиц
Покупал воду с сиропом,
А его белоснежная лошадь
Наблюдала, как на стакане
Оседает озон с сиропом.

На унылом осеннем поле вдруг выросли разноцветные домики с черепичными крышами, уютные бульвары и нежные цветы на клумбах. Утонченная белая лошадь целовала их мягкими губами, а со стороны казалось, будто она ест цветы. Леша замер, боясь спугнуть видение, которое этот странный парень рисовал одним голосом. Хотелось, чтобы эти стихи, белые, как прекрасное животное, звучали долго-долго…

– Кыш! – воскликнули все рантьеры.
– Брысь! – вскричали злые старухи. –
Что такое – шляется лошадь,
Нарушая общий порядок!
Лошадь им ничего не сказала,
Поглядела долго и грустно
И последовала за парнем.

Вот и все – ничего не случилось,
Просто шел по улице парень,
Пил повсюду воду с сиропом,
А за парнем шагала лошадь...

Это странное стихотворенье
Посвящается нам с тобою.
Мы с тобой в чудеса не верим,
Оттого их у нас не бывает...

Звуки уже растаяли в воздухе, а Лешка все еще боялся дохнуть. И сам не понимал – отчего?

– Если ты не сможешь подарить моей сестре чудо, лучше уйди, как эта лошадь, – негромко сказал Саша. – Но почему-то мне кажется, что тебе стоит только захотеть…

* * *

Он настаивал, что Оля прошла самую настоящую проверку – бросилась на помощь, не задумываясь. Хотя на кону была победа в скачках, пусть и самопальных, но ведь все горели желанием прийти первыми! И его злило, что Настя сомневалась:

– Это доказывает только то, что ты ей нравишься! Я это и безо всяких проверок видела… Она тебе бросилась на помощь, понимаешь? Но это ж не значит, что ради любого, кто свалится с лошади, Оля сойдет с дистанции! Зря ты это устроил… Ничего не доказал и победу уступил.

Мрачно посопев, Лешка буркнул:

– Есть другие предложения?

Они ждали Олю, чтобы вместе отправиться в Томскую писаницу. Настя уже бывала в этом заповеднике с отцом, а Лешка даже не слышал о нем, и ей захотелось показать гордость Кузбасса.

– Ой, там так интересно! – загорелась она. – Наскальные рисунки всяких оленей, лосей. Их еще до нашей эры нарисовали, представляешь? И ведь сохранились! А еще там всякие славянские идолы и шорские юрты – внутри прямо все-все, как было у шорцев. А календари какие прикольные! И еще там из настоящего лука пострелять можно.

Уговаривать его долго не пришлось, только Леша настоял, чтобы Оля отправилась с ними. Настя и не возражала. Он чувствовал, что ей тоже нравится эта отчаянная синеглазая девчонка, только у Насти еще не развилось чутье на тех, из кого выйдет настоящий волшебник. Это приходило со временем, а она сама только этим летом прошла обряд посвящения. А Леша уже безошибочно мог определить среди сотни, а то и тысячи ребят того единственного, кто способен рискнуть жизнью ради спасения ребенка. В своей новой школе он не обнаружил никого подходящего. Зато в Оле сразу угадал своего человека! И вовсе не потому, что она была красивой…

Мама, конечно, была недовольна, что он опять сбегает в выходной из дома. У нее тоже были планы на этот день, но бабушку они опасались оставлять совсем одну. Было так тяжело наблюдать ее беспомощность: парализованная половина тела не давала ей внятно говорить, и были понятны только короткие просьбы вроде «пить». К тому же инсульт стер из ее памяти все буквы, хотя правая рука действовала, и она могла бы написать то, что не удавалось сказать. Вот только забыла, как это делается.

Сговорились они на том, что Лешка вернется пораньше и поможет искупать бабушку. В первый раз это вызвало у него такой ужас, что потом мальчик целую ночь не мог уснуть. Но за то время, что они жили в Кемерове, уже привык и к этому. Только все равно, думая о бабушке, старался представлять ее той веселой и моложавой женщиной, что пекла самые вкусные в мире пирожки с мясом и резалась с ним в «дурака». А не тем «нечто», в которое она превратилась сейчас.

«Неужели нас всех это ждет?» – страх перед старостью заставлял его просыпаться ночами в поту и долго лежать без сна, глядя в потолок, по которому проплывали косые полосы света. Раньше Лешка не задумывался о столь далеком будущем, его больше волновали дети, которым нужно было помочь сейчас. Но теперь его все чаще посещала мысль: как хорошо было бы, если б существовала такая же, как у них команда волшебников, только помогающая старикам! Хотя бы тем, кто прожил свою жизнь по совести и никому не причинил зла. Но как распознать среди пожилых порядочных людей, Леша пока не представлял. Бывшие эсесовцы тоже стали стариками… И на вид их никак не отличишь от тех, кого они пытали во время войны.

В общем, в последнее время ему было о чем подумать. Но делиться этими мыслями даже с Настей он не спешил. Леша вообще не отличался особой разговорчивостью, и сейчас его радовало, что в Томской писанице они будут втроем. Не гулять же им с Олей в полном молчании! А вдруг он так растеряется, оставшись с ней наедине, что вообще утратит дар речи?

– Что-то я пока не могу придумать никакой проверки… Может, случай подвернется? – озабоченно проговорила Настя и встрепенулась. – Вон она идет!

У него так и екнуло сердце. Незаметно втянув воздух, Леша с трудом перевел дыхание. Еще не хватало, чтобы девчонки заметили, как он разволновался! И сунул руки в карманы куртки – ему казалось, что они предательски подрагивают.

– Привет! – весело крикнула Оля еще за несколько шагов. – Я сильно опоздала? Маршрутки долго не было.

От того, что на ней была голубая куртка, глаза светились еще ярче. А ноги в узких джинсах казались просто невероятными.

– Билеты мы купили, а автобус еще не ушел. Да пойдемте же скорее!

Забежав за спину, Настя принялась толкать их обоих к автобусу, как будто они отказывались ехать. Это, конечно, была только игра, но Лешке стало приятно, что Настя хотя бы так сразу объединила их в пару. Заметила ли это Оля? Он бросил на нее косой взгляд, но увидел только, что она смеется. Может, над ним?

И в автобусе Настя повела себя, как верный друг: заскочив первой, уселась рядом с какой-то теткой, чтобы им достались два места рядом.

– Садись к окну, – предложила Оля. – Я-то все уже видела сто раз, а ты должен посмотреть.

Потом она поинтересовалась, ничего ли не болит у него после падения, и в тоне ее не было даже намека на издевку. И Лешино оцепенение, мешавшее говорить не заикаясь, постепенно спало. Они разговорились, и хотя больше рассказывала Оля, то и дело показывая ему что-то за окном, он тоже вполне связно поддерживал разговор и ликовал от этого.

Их прервали странные звуки и возгласы позади. Оля обернулась в проход, а Леша поднялся – взглянуть, что там происходит. Причина оказалась прозаичной и довольно неприятной: девочку лет семи стошнило. Она не успела сообразить, что происходит с ее организмом, и ее вырвало прямо на куртку и только немного на пол. Похоже, девочка ехала в заповедник с одноклассниками, потому что вокруг сидели ее ровесники. И они все повскакивали с мест, завывая от отвращения.

– Фу-у!

– Ой, как воняет!

– Что ты наделала, Савельева?! – уже кричала, нависнув над побледневшим ребенком, рыжеволосая женщина в коричневом пальто, видимо, их учительница. – Я же велела всем взять леденцы от укачивания!

– Я забыла, – пролепетала девочка.

– А голову ты дома не забыла?

– Вот тупая корова, – пробормотала Оля, явно имея в виду не ребенка. И вытащила из маленького рюкзачка пачку влажных салфеток и бутылочку воды. – Леш, я сейчас.

Быстро перебежав в заднюю часть автобуса, она бесцеремонно оттолкнула учительницу:

– Подвиньтесь. От того, что вы на нее орете, никому лучше не станет!

И принялась вытирать лицо и одежду перепуганной девочки, бросая салфетки прямо на пол. Мимо Лешки прошмыгнула Настя, которая несла пустой пакет-майку. Не говоря ни слова, она принялась собирать в него грязные салфетки. Заметив в сетчатом кармане одного из сидений свернутую газету, Лешка извлек ее, чтобы стереть ею рвотные массы с пола. Хоть в проходе и было тесно, они втроем ничуть не мешали друг другу, и Леша в который раз сказал себе, что из них получится отличная команда.

– Машенька, как себя чувствуешь? – прозвучал за его спиной неожиданно ласковый голос учительницы.

От удивления у него даже брови на лоб поползли, но тут же Леша сообразил, что происходит и глянул на Настю: «Твоя работа?». Она лишь скромно потупилась, точно и не усмирила только что бессмысленный гнев взрослой женщины своей волшебной силой. Учительница уже поила девочку из принесенной Олей бутылочки, потом дала ей леденец из собственных припасов. Можно было не сомневаться, что уж, по крайней мере, сегодня она будет заботиться о Маше, как наседка.

Завязав покрепче пакет со зловонным содержимым, Леша унес его к передней двери и положил на ступеньку, чтобы захватить на выходе. Водитель только сердито посопел, проследив за ним, но ничего не сказал.

Проходя мимо Насти, уже вернувшейся на свое место, Лешка шепнул:

– Ну, что я тебе говорил?

– Теперь согласна на все сто! – улыбнулась она.

* * *

Я не была в Томской писанице с прошлого лета… Тогда мы приезжали сюда с папой, и он

фотографировал меня на каждом шагу. Один снимок с грустной лисичкой в вольере долго служил мне аватаркой «ВКонтакте». Хотя видеть животных в клетках совсем не весело. Вроде и места им было предостаточно, и худыми они не выглядели, но я понимала, почему волки то и дело устраивают подкопы и сбегают из маленького зоопарка, устроенного в заповеднике. Тайга была совсем рядом, и они, конечно, чуяли запахи настоящей жизни. Воля звала их так неумолимо, что ради воссоединения с ней, звери готовы были копать ход без сна и отдыха. Удивляло другое: почему из троих волков сбегал все время только один? Или они так договаривались между собой, надеясь, что люди не сразу заметят пропажу, если клетка не будет пуста? А, может, кому-то и неволя по сердцу?

Мы это все обсудили, оказавшись возле клеток. Но Оле тяжело было видеть животных за решетками, и я поскорее потащила их к берегу, чтобы посмотреть главное – рисунки древних людей. Мне так ясно виделся этот лохматый, полуголый доисторический художник, которого загнала на скалу жажда творчества! Я просто чувствовала, как невтерпеж ему было передать восторг от увиденных им мощных лосей, а бумаги тогда еще, ясное дело, не было, вот и пришлось ему высекать рисунок на камне. Это совсем не то же самое, что тупые надписи на стенах современных домов! Тот древний парень пытался запечатлеть Красоту. А, может, предчувствовал, что наступят черные времена, когда этих лосей останутся единицы…

Конечно, если б мы оказались там одни, было бы время все рассмотреть, как следует. Но прямо следом привели тот самый класс, что ехал с нами в автобусе. Очищенная и продышавшаяся Маша уже вовсю скакала с девчонками, не особенно прислушиваясь к тому, что рассказывает экскурсовод. А разомлевшая от успокоения моего волшебного луча учительница только блаженно улыбалась детям, даже не делая замечаний. Я подумала, что со злости перестаралась, надо было воздействовать на нее аккуратнее.

Но всерьез я пожалела об этом, когда раздался отчаянный вопль. Мы кинулись к перилам и увидели, как один из первоклашек, сорвавшись со скалы, летит в реку. Как этому озорнику удалось выбраться за ограждение?! Но искать причину было поздно, надо было спасать пацана. Только Лешка среагировал быстрее – я поняла это, увидев, как наперерез падающему мальчишке летит пластиковая тарелочка. Когда мы проходили площадку внизу, я заметила, как этот диск ловил неугомонный джек-рассел. Изнуренный хозяин запускал его, наверное, уже в пятисотый раз, но терьеру все было нипочем!

Похоже, Лешка тоже заметил эту тарелочку и сейчас мгновенно притянул ее и перенаправил. Обалдевший терьер уже готов был сигануть за любимой игрушкой со скалы, но я успела мысленно ухватить его и начала успокаивать, поглаживая. Явно озадаченный происходящим пес сел у ног хозяина и стал дожидаться возвращения тарелочки с несвойственным терьеру спокойствием. У хозяина вид был совершенно обалдевший!

Но тарелка не собиралась назад. Со свистом пронесшись мимо замерших от ужаса зрителей, красный диск подхватил ребенка и взмыл вверх. Растопырив руки и ноги, мальчик лежал на этой тарелочке животом и вопил, не умолкая ни на секунду.

«Хорошо бы Лешка еще и рот ему заткнул!» – мелькнуло у меня в мыслях, но я понимала, что требую слишком многого. Чтобы полностью контролировать передвижение «летательного аппарата», Леша не должен был отвлекаться ни на что другое. А я боялась оторваться от джека-рассела, который мог выйти из успокоительного транса быстрее, чем человек. С его-то темпераментом!

Стряхнув мальчика на смотровую площадку, тарелочка описала полукруг и приземлилась у лап собаки. Терьер недоверчиво обнюхал ее и взглядом потребовал у хозяина объяснений. Было бы интересно послушать!

– Смываемся, – шепнул Лешка и первым начал пробираться сквозь толпу, сгрудившуюся вокруг чудом спасшегося ребенка.

Ухватив Олю за руку, я потащила ее следом. Сказать, что она была удивлена – значит, не сказать ничего. Голубые глаза ее стали круглыми, как воздушные шарики.

– Что это было? Что это было? – твердила она, пока мы пробивались к выходу.

Мне было понятно ее состояние, ведь когда Ромка впервые «поймал» джип, летевший прямо на меня, я тоже отказывалась поверить собственным глазам. Ну не может пластиковый диск так менять траекторию полета! Да еще и цеплять на ходу всяких мальчиков… И раз уж мы решили принять Олю в свою команду, лучше было объяснить ей все прямо сейчас.

Было понятно, что посмотреть юрты и календари нам в этот раз не придется. Нужно было удирать из заповедника, пока никто не заподозрил нас в совершении чуда: вдруг кто-то заметил, как Лешка держал тарелочку взглядом? Среди взрослых тоже встречаются догадливые…

Оля не спрашивала, почему мы покидаем Томскую писаницу в такой спешке, но вид у нее был уже совсем не ошарашенный. Сдвинув брови, она точно разглядывала в себе самой какую-то вспыхнувшую идею. И можно было не сомневаться, что вскоре потребуются объяснения... Но интуиция подсказывала ей: разговор должен состояться без свидетелей.

Заскочив в автобус, мы забрались на задние сиденья, где можно было устроиться всем вместе. Пассажиров, желающих в такую рань вернуться в Кемерово, было так мало, что никто не мог нас подслушать. Все сиденья были заняты только впереди, водитель включил радио, и наши голоса, если и доносились до других, то отдельными всплесками.

Оля первой предъявила обвинение:

– Вы не удивились. Значит, вы поняли, как это все получилось? Ну, выкладывайте!

– Ты ни о чем не догадалась бы, если б мы заранее не решили насчет тебя, – предупредил Лешка.

– Что – насчет меня?!

– Что ты нам подходишь. Нашей команде.

– Какой еще команде?

Ее взгляд метался от его лица к моему, но я предпочла не вмешиваться – пусть Леша сам все расскажет. Не только потому, что он был старше и дольше ходил в посвященных! Ему было важно показать себя лидером именно Оле, я это прекрасно понимала и помалкивала. А он прямо вдохновился, рассказывая, как почувствовал в ней родную душу, услышав о сеансах иппотерапии для детей. И как удачно она прошла испытания: и подстроенное, и подвернувшееся случайно.

– Так, стой! – она схватила его за руку, и Лешка просто просиял от этого. – Ты хочешь сказать, что специально свалился с Дикаприо, чтобы проверить мою реакцию?

– Ну… Да, – признался он.

Я подумала, что сейчас Оля рассвирепеет, ведь, по сути, ее обманули, но она только тихо улыбнулась:

– Ты же мог покалечиться.

– Я научился падать, – ответил Лешка вполголоса.

Интересно, она действительно не замечала, что все еще держит его за руку или только делала вид? А он уже перешел к самому главному и рассказал, почему летающий диск подхватил упавшего мальчишку и вернул его на скалу. Я украдкой следила за Олей, хотя заранее знала, что на ее лице будут меняться выражения восторга, недоверия, надежды… Наверняка я точно так же слушала ребят из «Кобры», когда мы сидели на траве в Нарымском сквере, и Жека открывал мне самые секретные секреты.

Когда Лешка выдохся и замолчал, она спросила дрожащим голосом:

– И почему ты рассказываешь обо всем именно мне?

Она ждала предложения. Может быть, главного в своей жизни. Она так хотела этого, что у нее побледнели губы. И если б сейчас Лешка не произнес желанных слов, Оля, наверное, умерла бы от разочарования. Но он не обманул ее ожидания.

– Оля, – торжественно произнес он, – ты хочешь вступить в нашу команду и получить волшебную силу?

В жизни не видела, чтобы человек выглядел таким счастливым. И это было так здорово, что я не удержалась и обхватила ее обеими руками, а она прижала меня к себе. Олю ничуть не смутило ни то, что волшебную силу ни в коем случае нельзя использовать себе во благо; ни то, что лечить детей у нас не получается, разве что острую боль можно снять; ни то, что к шестнадцати годам мы снова станем обычными людьми. Она была в полном восторге! Ведь теперь она сможет совершить нечто настоящее и уважать себя за это до конца жизни. Жаль, что ей уже исполнилось четырнадцать…

* * *

Прийти в школу после выходных оказалось не так-то просто, ведь мне впервые предстояло увидеть Ксюшку Морозову после того, как я узнала ее тайну. И, как назло, мы столкнулись с ней прямо у крыльца школы. В утреннем свете фонарей ее лицо показалось мне желтым и злым, как у маленькой ведьмы.

Мы встретились взглядами, и я ощутила, до чего же Ксюха ненавидит меня… И теперь даже было понятно за что: в сравнении с ней я была до тошноты благополучной девочкой. Пускай мои родители разводились и женились снова, это было такой ерундой в сравнении с Ксюшки-

ными проблемами, о которых невозможно было даже рассказать кому-то. Стоило хоть одной из одноклассниц разнюхать о том, какой «кот» у Морозовой дома, и ее просто со света сживут!

Поэтому я к ней никакой ненависти не испытывала. Особенно после того, как вчера заставила разговориться старушек возле Ксюшиного подъезда. Ромка научил меня, каким образом вызвать направленный поток откровенностей. Спрятавшись позади них за кустом в мокрых лоскутках желтых листьев, я направила луч своего фонарика прямо в мозг той, что была маленькой и сухой. Почему-то мне показалось – на нее легче воздействовать. И прочистила, как я его окрестила, Канал Искренности. Пока он забит, у человека не выведаешь секретов.

Хотя в любом случае остается риск, что волшебство не сработает, ведь я не так уж часто применяла его в жизни. Поэтому чуть от радости не подпрыгнула, когда старушка без перехода сообщила полной соседке:

– Вальки Морозовой дочка только успевает наряды менять! На какие шиши?

– Какой еще Вальки? – удивилась та внезапной смене разговора.

– Да ты знаешь! Дворничихи. У Вальки еще муж – сумасшедший. А был-то ученым! Да я тебе говорю! Во, как судьба поворачивается…

– Поди, диссертаций дописался – крыша съехала?

Ухмылочка у нее вышла противной, мне сразу же захотелось заняться ею, но нельзя было отпускать «мою» старушку, чтобы не замолчала раньше времени. А она трещала без умолку:

– Не-е… Болтали, что его Пинчук прижал. Да ты знаешь! Директор химкомбината. Морозов выступал много против ихних сбросов в речку. А потом раз – и свихнулся! Уж не знаю, что там между ними произошло… Но Пинчук-то мужик серьезный, с охраной ездит. Да я тебе говорю! У меня зять у него в управлении работает, не знает, что ли?

– Пинчука-то я знаю, – согласилась вторая. – А Вальку-то не особо. Из окна, конечно, вижу, как она с метлой борется… Непривычная, видать, к работе.

– Так, конечно! Она ж раньше дома сидела, не работала, пока муж в силе был. А как гусей погнал, так им и квартиру пришлось продать – ипотеку нечем стало платить! И в однушку эту перебрались… С девчонкой-то, представь, все в одной ютятся. А там-то у них большая была в новостройке… А у Вальки же ни стажа, ничего, кто ее на нормальную работу возьмет? Вот дворничихой и устроилась.

– А чего ж они его в дурдом не сдадут? Все места больше было бы!

«Моя» бабушка уставилась на собеседницу с изумлением, и мне это пришлось по душе.

– Да ты что?! Там же его сгноят в этой психушке! А то ты не знаешь, как там с больными обращаются? Туда и здоровый попадет – его враз дураком сделают. А этот, бедолага, вообще загнется! Валька говорит, что он добрым был, веселым, дочку обожал прямо, да и она его… Как же его в такой беде бросать? Может, отойдет еще… Чего не бывает? Валя – она молодец! Знаешь, как говорит: мы с Ксюшей… Это дочку ихнюю Ксюшей зовут, – пояснила она. – Так мы, говорит, с Ксюшей его любовью и заботой вылечим. Глядишь, и вправду вылечат!

Потихоньку сбавив накал моего луча, а потом и вовсе погасив его, я выбралась из своего убежища и бегом бросилась прочь из этого двора. Мысли мои больно колотились друг о друга: «Я так и знала, что все не так просто! Этот Пинчук точно подстроил что-то… Человек же не может сойти с ума просто так!»

Если этот гад все еще оставался директором одного из заводов, найти его было нетрудно, вот подобраться уже сложнее. Но я была вооружена волшебством, и это придавало мне храбрости. В крайнем случае, можно прокрасться к нему невидимкой и попытаться заставить говорить правду… А что потом делать с этой правдой? Кто мне поверит, даже если я выведаю, как все было на самом деле?

Нужно все хорошенько продумать… А еще лучше посоветоваться с кем-то более опытным в нашем деле. Но изо всех знакомых мне волшебников под рукой был один только Леша Орешкин, а ему сейчас точно было не до меня – он готовил Олю к посвящению. Вот если бы здесь был Ромка! Хотя… После того, как я забралась в «штаб» бомбистов, попала в плен и Ромке пришлось вытаскивать меня оттуда, он даже слышать не захочет о моем визите к этому Пинчуку.

Перейдя на нормальный шаг, я набрала в грудь побольше воздуха. Значит, все придется делать самой… Но я же не могу бросить Ксюху в такой беде! Пусть этот Пинчук как-то искупает свою вину… Только как? Не вылечит же он Морозова? От беспомощности я даже кулаки сжала

и едва удержалась, чтобы не завопить во все горло. Это здорово помогает снять злость – поорать во всю мочь. Только не на центральной же улице…

Посоветоваться было не с кем. Хотя, кто такой Пинчук, я в два счета выведала у папы. Правда, пришлось соврать, что его сын учится в нашей школе и гнобит всех подряд. А я не люблю обманывать родителей, ведь Ирина Викторовна, заведующая библиотекой «Синяя птица», говорила нам, что ложь унижает и того, кто лжет, и того, кому лгут. Ну, сама-то я без проблем унизилась бы, подумаешь! В школе часто приходится врать, иначе не проживешь. Но из-за родителей мне как-то не по себе, я ведь люблю их. Хоть они у меня и немножко чудные…

Папа поморщился, услышав фамилию Пинчука:

– Папаша твоего одноклассничка – такая же скотина! Слышала о таком предприятии «Химкомком»? Химический коммерческий комбинат. Вот этот Пинчук – его генеральный директор. Весь город отравит, мерзавец! По отчетам у него все очистные сооружения работают во всю мощь, а на деле… Скоро мы от глотка воды из Томи будем в мутантов превращаться! А этот мерзкий тролль только ручонки потирает!

– Почему тролль?

Но тут папа заметил часы и сорвался с места:

– Черт! Я уже опоздал!

Уже из прихожей донеслось:

– Тролль – потому что маленький и злобный! И наделенный силой… От таких добра не жди!

Дверь хлопнула, и стало слышно, как папины шаги посыпались по лестнице. Из нашей комнаты беззвучно, как тень, выскользнула Аня с книгой под мышкой. Хотя последние несколько минут она явно не читала.

– Можно найти о Пинчуке информацию в Интернете, – деловито предложила она. – Там все есть!

Но я не была в этом уверена:

– Если он такой злобный тролль, кто решится против него написать? Этого журналиста шлепнули бы, и все! Мало их убивают за правду? Ну, или покалечили бы…

– Блоггеры могли написать что угодно! – упорствовала сестра. – Они же анонимные, как их найдешь? Надо на кемеровские форумы залезть.

Мне сразу вспомнилось, как злился на этих безымянных авторов Ромка, когда кто-то написал про Артура Кораблева, что он педофил. А почему, мол, в его книгах лучшие герои – мальчики? Ну, ясен пень! Он их любит и про них пишет. Ромка тогда так бесился, я думала, у него голова взорвется. Самое обидное, что мы точно знали – это полная чушь! А доказать не могли. Оказывается, гораздо легче убедить всех, что человек – плохой, чем доказать, что он – хороший. Может, и про Пинчука тоже гадкие слухи распустили, а на самом деле он ничего ужасного и не совершал? В этом нужно было разобраться.

Мы с Аней залезли в сеть и выяснили, что зовут директора «Химкомкома» Валерием Александровичем. Он оказался довольно пожилым – месяц назад ему стукнуло пятьдесят восемь лет. Неужели такому старику еще хочется делать людям гадости?! О душе пора думать… Но перед нами на экране была статья из кемеровской газеты «Берега», в которой рассказывалось, как заведующий лабораторией (как наш папа!) научно-исследовательского института Морозов Геннадий Семенович (Ксюшкин папа!) подал в суд на этого самого Пинчука. Но суд почему-то так и не состоялся…

– Потому что у Ксюхиного отца крыша съехала, – пояснила я. – Интересно знать, отчего?

На это в Интернете ответа не нашлось. И про Морозова тоже не было больше ни слова, точно Пинчук прошелся гигантской стеркой по памяти всех горожан. Хотя… Может, внешнего воздействия и не потребовалось. Людям вообще свойственно быстро забывать. Если уж Ромка даже не вспоминает обо мне…

* * *

– Мои родители развелись из-за того, что папа не мог спать с закрытым окном – его мозгам нужен свежий воздух. А мама кашляла от холода.

Ваня, еще державший в руке последнюю страничку новой главы, уставился на меня во все глаза:

– Да ладно! Из-за такого не разводятся!

– Ну, наверное, там много было всего… А это окно стало последней каплей.

– Но они же снова поженились? И как они теперь спят?

Я припомнила:

– С закрытым окном.

Посопев, Ваня пробурчал:

– Значит, кому-то одному всегда приходится уступать? И жить так, как ему не нравится?

Мне нечего было на это сказать. Не таким уж я была знатоком человеческих отношений. До недавнего времени, например, верила, что мы с Ромкой всегда будем вместе, а теперь он даже не звонил.

И тут я просто подскочила на Ванькином диване, потому что мой телефон озарился Ромкиной фотографией. У меня так затряслись руки, что даже нажать кнопку удалось не сразу. А его голос прозвучал как ни в чем не бывало… Точно и не было этих бесконечных дней, когда я только и делала, что ждала его звонка! Нет, я, конечно, еще и ухаживала за Ракетой, и помогала проводить сеансы иппотерапии, и еще много чего, но все это было как бы на фоне того, что я жду звонка от Ромки.

И вот дождалась!

– Привет, Настена, – воскликнул он. – Ты не занята? Можешь выполнить одно задание?

Так он позвонил по делу… У меня даже губы задрожали от обиды, и Ваня, конечно, сразу это заметил и взглядом спросил, что случилось. Я отвернулась и буркнула в трубку:

– Слушаю.

– А ты дома?

– Почти. В соседней квартире. А что?

Мне показалось, его голос слегка напрягся:

– У кого это? Хотя ладно, потом… Прямо сейчас выходи к фонтану.

– Его уже отключили, – зачем-то сказала я.

– Ну, понятное дело, ноябрь на дворе! Я же правильно сориентировал – твой дом возле драмтеатра?

– Кого сориентировал? Как я его узнаю?

– Он сам тебя узнает, – заверил Ромка и… отключился.

Я просто дара речи лишилась… Какое свинство, однако! Он так долго не выходил на связь и позвонил только ради того, чтобы дать мне задание?!

– Гад! – вырвалось у меня, и трубка полетела в угол дивана.

– Кто это? – встревоженно спросил Ваня.

– Один урод! – выпалила я и вскочила. – Мне нужно идти. Не скучай, ладно? Я еще забегу сегодня.

Чтобы не растрачивать волшебную силу, которая, судя по всему, еще могла пригодиться сегодня, я вернулась домой обычным человеческим путем, оделась потеплее и спустилась во двор. Был первый день осенних каникул, и малышня наводнила детский городок. Когда мы с Аней были маленькими, в этом дворе красовалась только песочница и пара скамеек для взрослых. Но, приехав с папой год назад, я обнаружила, что двор преобразился. Впрочем, как и весь город: главная площадь, где раньше проводились демонстрации, в которых папа участвовал еще школьником, была отдана детям, и всяких причудливых горок, качелей и крутилок там было видимо-невидимо! А зимой настоящие скульпторы съезжаются из разных городов, чтобы поучаствовать в конкурсе ледяных фигур. Такую красоту делают – еще поискать надо! Вечером, когда все подсвечивается, вообще полный восторг. Если б не мороз, я бы торчала тут зимой целыми днями…

Я специально ухватилась за эти воспоминания, пришедшие в голову, чтобы не думать, какой же скотиной оказался Ромка. Даже ни о чем не расспросил и сам не рассказал! Понятно, что дело прежде всего, но неужели эта встреча у фонтана настолько срочная?

То, что это так и есть, я поняла, когда увидела сидящего на краешке бортика… Ромку! А над его головой плавали в воздухе три шарика моего любимого, желтого цвета – даже это он не забыл. Вот уж не ожидала, что могу завизжать, как обычная девчонка, бросившись ему на шею. Он хохотал и вопил:

– Спасите! На меня нападают бешеные Настены!

– Ах ты гад! – кричала я в ответ. – Не мог сразу сказать, что ты здесь?!

Ромка вытянул губы трубочкой:

– А сюрприз?

– Сюрприз! Да я убить тебя была готова! – я тормошила его и тискала, как ненормальная, и никак не могла успокоиться. – Ромка! Как же я рада тебя видеть!

– И я, – он заглянул мне в глаза. – Не злись, что я не звонил и не писал. Я был не уверен, что смогу приехать, понимаешь. Вдруг пообещал бы, а сорвалось… Я же с мамой и ее лыжниками приехал на соревнования.

– Снега-то еще толком нет! Какие лыжи?

– А у них по спортивному ориентированию соревнования, им снег не нужен.

Я помнила этих ребят: вместе с Ромкиной мамой они участвовали в митинге в защиту Нарымского сквера. Это было всего пару месяцев назад, а кажется, целая жизнь прошла… Ромке всегда удавалось читать мои мысли, и он тут же откликнулся:

– У мамы куча неприятностей была из-за того митинга! Чьи-то родители «телегу» накатали в комитет образования, типа, это мама потащила детей на митинг. Подвергла их жизни опасности… А ведь они сами пошли, она только решила сопровождать их на всякий случай. И еще виновата осталась!

– И что теперь? – встревожилась я. – Ты както вмешался?

– Ну, ребят ее я слегка стимульнул, чтобы не отсиживались в тени, пока их тренера со света сживают. Это ж для них еще какая угроза была, правильно? Хорошего тренера лишиться – на спорте крест поставить. Ее лыжники сами в администрацию отправились и доказали, что моя мама ни в чем не виновата.

– Отлично! – от радости я даже потрясла Ромку. – А чьи родители накапали, ты выяснил?

– А зачем? Я знаю, кто их надоумил… Он тоже тренер, только его ученики не так классно гоняют, как мамины, вот он и бесится. Думает, если ее выживет из спортшколы, так все лавры ему доставаться будут!

Мне до того стало обидно за Ромкину маму, которая занималась своими спортсменами, как родными детьми, что даже слезы навернулись. И Ромка сразу это заметил.

– Это же тебе! – он вручил мне воздушные шары и улыбнулся. – Настена! Все же хорошо, никто мою маму больше не трогает! Зря я вообще тебе рассказал… Но ты сама вспомнила тот митинг.

Перекочевав ко мне, желтые шарики поплыли по серому от ненастья городу. А я от радости подпрыгивала на ходу, точно они тянули меня к небу.

– А ты надолго? На все каникулы? Хотя всего-то неделя…

– В субботу поедем назад, – вздохнул он. – Но целых пять дней у нас с тобой есть! Ну, рассказывай.

Мы пошли с ним куда глаза глядят, точнее к площади Волкова, где жил Лешка, но это произошло как-то само собой, я вовсе не собиралась знакомить их прямо сейчас. Хотя первым делом описала именно его появление в Кемерове и наши с ним приключения. Ромка слушал молча, не перебивая, хотя, если бы время от времени он вставлял что-нибудь вроде: «Да ладно!» или «Ну вы даете», это как-то подбадривало бы. Оживился он только, когда я заговорила об Оле и усмехнулась:

– Знаешь, Лешка влюбился в нее по уши!

– Правда? – будто очнулся Ромка. – А ты?

– Я в Олю?! У тебя все дома?

– Да нет!

Он даже расхохотался, но смех как-то быстро угас, и Ромка отвел глаза:

– Ты в Лешку не влюбилась?

Это звучало не менее невероятно!

– Да ты что! Я… У меня же… – мне с трудом удалось сглотнуть, чтобы договорить, – …ты есть.

Он смотрел на меня своими огромными голубыми глазами и молчал, только его чуть выступающая нижняя губа мелко подрагивала. Наверное, стоило дождаться каких-то ответных слов… Но у меня спутались все мысли от того, что зашумело в ушах, и я проговорила, совсем не слыша себя:

– И мне никто больше не нужен.

– И мне тоже, – выдавил он. – Никто, кроме тебя. Ты же… это знаешь, Настенок?

Я кивнула и добавила:

– Но можешь и повторять время от времени!

Это опять развеселило его, хотя я не нашла в своем предложении ничего смешного. Но, может, я просто плохо соображала, меня охватила какая-то лихорадка. Я забрасывала Ромку вопросами обо всех наших, но, не дослушав, начинала шептать, что он приехал очень вовремя – мы вместе проведем Олино посвящение. Потом спохватывалась и извинялась, что перебила. Мама учила всегда так делать, подхватывая последние услышанные слова, ведь человеку неприятно подозрение, будто его и не слушали вовсе. Но Ромка на меня не обижался, я видела это по его глазам. Когда он действительно злился, они становились стеклянными.

– А где мы проведем посвящение?

Этот простой вопрос поставил меня в тупик. У нас действительно не было места, где мы могли бы собираться. Моя мама практически не выходила из дома, не говоря уж о Лешкиной парализованной бабушке. Оля жила на другом берегу, хотя это, конечно, не было препятствием. Мы съездили бы на Радугу, но ее старший брат был студентом, и кто мог дать гарантию, что он не сбежит с лекции и не заявится в самый неподходящий момент?

И тут я вспомнила про Ваню. Он ведь сидел дома в полном одиночестве целыми днями! Для него в этом не было ничего хорошего, зато нам было на руку.

– Ромка, а мы можем рассказать о нас одному мальчишке? У него дома очень удобно было бы собираться! И посвящение там провести.

Удобнее всех было мне – перебежать в тапочках в соседнюю квартиру! Но на этом я решила не заостряться.

У Ромки округлились глаза:

– Раскрыть нашу тайну? Да ты что?!

– Он никому не расскажет! – поклялась я. – Ванька вообще ни с кем, кроме меня, толком и не общается.

Он удивился:

– Почему?

Вкратце рассказав про аварию, я заверила, что Ваня – надежный человек. Если б он мог ходить, обязательно надо было бы принять в нашу команду и его, но сейчас ему ничем не удалось бы помочь другим детям. Самому кто помог бы… Зато ему здорово скрасит жизнь, если он станет хоть как-то причастен к нашим делам. У него появятся новые друзья, и события так и закипят вокруг.

Ромка слушал меня внимательно, но я видела, что он колеблется. Опыт у него был побольше моего, и наверняка он лучше чувствовал людей, поэтому я предложила отправиться к Ваньке прямо сейчас. Но пока не сообщать ничего важного, а просто познакомиться. Если Ромка заподозрит червоточинку, я согласна была отказаться от своего предложения. Но мне очень хотелось, чтобы ничего темного в моем новом друге не обнаружилось.

– Ладно, – согласился Ромка, – познакомимся. Только сначала в банк забежим – мне мама свою карту дала, попросила немного наличных снять.

Мне тут же захотелось показать, что я в теме:

– А пин-код сказала?

Но на него мои познания не произвели впечатления. Наверное, для Ромки это было самым обычным делом.

– Да я давно его знаю, – отозвался он. – Мне удобнее в Сбербанк заходить после школы, так что я чаще мамы ее кредиткой пользуюсь.

Не знаю, как ему, а мне стало приятно от того, что родители так доверяют ему, даже не догадываясь, насколько он надежен на самом деле.

Но на этот раз в банке все прошло не так гладко, как обычно. Только мы появились на пороге, как один за другим раздались три выстрела. Не успев сообразить, что происходит, я увидела, как люди падают на пол, закрывая руками головы. Раздался женский визг, кто-то выкрикнул:

– Ограбление!

Я только вертела головой, пытаясь найти взглядом грабителей в черных масках, и тут Ромка заорал у меня над ухом:

– Спокойно! Это шарики! Это всего лишь шарики лопнули!

И тут я заметила, что держу в пальцах одни веревочки с желтыми оборвышами на концах. Оказалось, что когда мы подошли к банку, Ромка, как настоящий джентльмен, открыл передо мной дверь, но вошел следом, не рассчитав длины веревочек, на которых за мной тянулись шарики. И тяжелая дверь прищемила их…

Не дожидаясь расправы рассерженных взрослых, мы выскочили на улицу и, корчась от хохота, бросились бегом. В конце концов отделение банка было не единственным, а шариков у нас больше не осталось.

* * *

Стрелялки осточертели ему вконец! Если б рядом была Настя, игра еще могла стать азартной и веселой. Но без нее даже новинки не увлекали. Правда, Настя не особенно любила компьютерные игры и не скрывала этого, но иногда соглашалась побиться с крутыми пришельцами.

– Все одно и то же, – морщилась она. – Скучно!

И Ваня соглашался, что девчонке с таким воображением гораздо интереснее самой придумывать истории, чем действовать по намеченному кем-то плану. Довольно примитивному, как она считала, и с этим трудно было поспорить. Ему и самому порой казалось, будто он уже знает эту игру, хотя она числилась в новинках. Иногда Ваня останавливался в разгар боя и думал, совсем как Настя: «Скучно!».

Читать было интереснее, особенно когда автор был с фантазией, и трудно было угадать заранее, чем все дело кончится. Настя приносила списки книг, которые скачивала ее сестра, и наставительно говорила:

– Ане можно доверять. Она всякую фигню не читает.

Сама она тоже не тратила время на детские детективы и прочую ерунду, но признавалась, что ей больше нравится сочинять самой, чем читать чужое. Оказалось, она до сих пор даже не прочла ни одной книжки Артура Кораблева, которым бредили все вокруг. Зато была знакома с ним самим, а уж это Ване казалось самой настоящей фантастикой. И даже обмолвилась, что писатель сам дал ей свой электронный адрес. Ва-

ня отказывался понять, почему Настя до сих пор не отправила ему рукопись? Хоть и незаконченную! Пусть Кораблев почитает и скажет, стоит ли писать дальше? Все-таки он разбирается в этом куда лучше Вани.

– С ума сошел?! – вскипела Настя, услышав такое предложение. – Ему не понравится, а я потом дописать не смогу! А как же Атенаис? Я же предам ее, если брошу на полпути!

«Так она ведь не живая», – хотел возразить Ваня, но успел подумать, что и сам беспокоится за эту придуманную девочку, как за настоящую. И за ее пса тоже. И за коня со странным птичьим именем… Если Настя не закончит эту историю, его всю жизнь будет мучить, что же с ними со всеми случилось? И Ваня сдался. Пусть уж Настя допишет сначала, а потом посылает Кораблеву. Даже если он и не одобрит эту сказку, все равно она уже будет жить своей жизнью. А это главное!

Странички, которые она приносила, Ваня аккуратно складывал в ящик прикроватной тумбы, потому что иногда ему хотелось пообщаться с Настей через ее рукопись. Ведь сама она не могла быть рядом постоянно. Он понимал, у нее в жизни много чего – и семья, и школа, и друзья. Но, только увидев рядом с нею белобрысого Ромку Филиппова, ощутил укол в сердце: вот кто будет с Настей всегда! А он сам – только эпизод ее пребывания в Кемерове. До сих пор Ваня даже не догадывался, как у Насти могут светиться глаза.

Но вида он постарался не подать и даже изобразил, будто обрадован появлением нового знакомого. Он слушал, как Настя взахлеб рассказывает о происшествии в банке, и тосковал о сегодняшнем утре, когда они были в этой комнате вдвоем. Встрепенуться Ваню заставило услышанное дальше.

– Тайну? Какую тайну?

И пообещал прежде, чем понял, в чем суть дела:

– Конечно, мне можно доверять!

– Вот и я говорю, – подхватила Настя. – Ванька нас не выдаст. Ну, рассказывай!

И она пихнула Ромку в бок.

То, что Ваня услышал дальше, походило на замысел новой фантастической повести, но на правду не тянуло совсем. Он слушал не перебивая и пытался понять: с какой целью эти двое разыгрывают его? Наверное, недоверие проступило у него на лице, потому что Ромка замолчал на полуслове и вопросительно взглянул на Настю. А она вздохнула:

– Не верит.

– Это нормально, – отозвался Рома. – Вспомни свою реакцию!

Кивнув, она подмигнула Ване:

– Смотри.

Настя подошла к стене, разделявшей их квартиры, несколько секунд постояла, точно собираясь с мыслями. И вдруг… исчезла! Если бы Ваня был чуточку сумасшедшим, то мог бы заявить, будто она прошла сквозь стену. Но он же был нормальным человеком!

– А… а… где… – пролепетал он, но догадался, как жалко выглядит в этот момент, и умолк.

Не позволив себе усмехнуться, Ромка кивнул:

– Это правда. Тебе не померещилось, она действительно прошла сквозь стену. Чтобы ты поверил в нашу силу.

Ваня шумно выдохнул. Вот это да! Два месяца он как ни в чем не бывало общался с девчонкой и даже не подозревал, что она – волшебница! Вот это конспирация… Он знал, что Настя – классная и не похожа на других, но чтоб настолько не похожа!

Когда она тем же путем вернулась обратно, Ваня уставился на нее, как на восьмое чудо света. Другая, может, загордилась бы на ее месте, но Настя сразу вошла в роль и, замахав руками, тоненько пропищала:

– Ах, оставьте, сударь! Вы смущаете меня своими нескромными взглядами!

Ромка радостно рассмеялся. Было заметно, как он соскучился по этим ее выкрутасам. В эту минуту он был похож на добродушного кота, и стало понятно, почему Настя так привязалась к нему. Она ведь любила животных…

– Вы вместе спасли того щенка, что в трубу провалился? – вспомнил Ваня.

Они переглянулись, и Настя закивала головой:

– Ну да, я же тебе говорила!

И, спохватившись, начала, размахивая руками, скороговоркой рассказывать о старой лошади, которую никто не хотел выводить из стойла. Ваня уже слышал о Ракете сто раз, ему хотелось узнать об отряде волшебников, и Ромка первым заметил его нетерпение. Поймав ее руку, он спокойно сказал:

– Настена, ты мне потом о ней расскажешь, ладно? Мы же не за этим пришли.

…Через несколько минут Ваня почувствовал, как изменилась его жизнь. Только что он

был забыт всеми, кроме Насти, и дом его заполнялся только звуками телевизора. И вдруг он оказался в самой гуще событий, а мрачная квартира превратилась в настоящий штаб. От восторга сердце мальчика колотилось так, что заглушало некоторые слова. Он сам додумал их, когда Настя увела Ромку, пообещав завтра вернуться всей командой.

«Я – в команде», – повторял Ваня и наслаждался звуком этих слов. Конечно, никто не предложил ему вступить в отряд волшебников, но Рома очень доходчиво объяснил, почему. Когда ребятам исполняется шестнадцать, они перестают общаться, чтобы не лишить силы другого. Оно ему надо? В его положении лучше иметь друзей, чем особые способности… Нет, Ромка не сказал «в его положении», Ваня сам это додумал. И согласился. Одиночество, маячившее на горизонте, пугало уже сейчас…

Он оглядел пустую комнату, которая по-настоящему так и не стала принадлежать ему, ведь Ваня уже был не в состоянии обустроить ее по-своему, по-мальчишески, когда бабушка уступила им эту квартиру. Все здесь было немножко старомодным… Хотя его бабушка и была еще очень даже ничего, но ее детство прошло в шестидесятых годах прошлого века, а это было очень давно. Даже его мама была ровесницей олимпийского Мишки… Бабушка рассказывала, как баюкала ее на руках и плакала, глядя на экран телевизора, где медвежонок улетал на воздушных шарах в свой сказочный лес.

Почему все плакали тогда? Этого Ваня понять не мог. Он же не был живым – тот Мишка! Наверное, зрители были какими-то другими людьми… А сейчас только пытались подстроиться под сегодняшних, но получалось не очень. Вот его мама уже не заплакала бы над какой-то игрушкой, она даже над сыном не проронила ни слезинки. Ваня гнал от себя мысль, что значил для нее меньше, чем тот медвежонок для бабушки.

Но ему никак не удавалось забыть, как они с Настей однажды встретили его маму на прогулке. Она шла навстречу по набережной около Парка Чудес, под руку с каким-то мужчиной, больше похожим на ее деда, и что-то весело рассказывала. Заметив сына, она на миг ошеломленно замолчала, а Ваня просиял ей навстречу. Но окликнуть не успел – мама отвела взгляд и прошла мимо.

– Ты что? – спросила Настя, заметив, как он уставился вслед красивой, высокой женщине.

– Ничего, – буркнул Ваня и съежился в своем кресле. Ему хотелось разреветься в голос, как маленькому.

Оглянувшись еще раз, Настя наклонилась к нему:

– Это твоя мама, да?

Ответить сил не хватило, он только кивнул. Ничего больше не сказав, Настя повезла его дальше. Когда она вдруг свернула на боковую дорожку, Ваня услышал над ухом:

– Сюрприз!

«Хватит с меня сюрпризов!» – подумал он сердито, но тут увидел под кустом коробку, из которой доносилось тоненькое попискивание. Он вытянул шею:

– Кто там?

Забежав вперед, Настя извлекла на свет двух крошечных котят – серых в полоску, какие нравились ему больше всего.

– Ух ты! – Он нетерпеливо протянул руки. – Дай одного!

– Выбирай, – глаза у Насти так и сияли. – Один – тебе, другой – мне. Они будут ходить друг к другу в гости.

Ваня выбрал того, кто плакал жалобнее. Ему показалось, что они смогут помочь друг другу.

…И теперь, лежа в постели накануне фантастического дня посвящения Оли, он прижимал Гошу к себе. Блох у них с сестренкой, которую назвали Масей, Настя вывела в тот же вечер, а на следующий день проглистовала обоих, так что опасаться было нечего. Поглаживая котенка, Ваня представлял, как в эту самую минуту Настя дописывает свою повесть, сидя с ноутбуком прямо на кровати, а маленькая кошка свернулась рядом, убаюканная тихим постукиванием по клавишам.

* * *

Оля тоже не могла уснуть этой ночью. За стеной отец смотрел футбол, но звук был сведен к минимуму, и не это мешало ей. Слишком важный день должен наступить с рассветом… День, который изменит всю ее жизнь. Она хотела этого больше всего на свете, но и боялась столь же сильно.

Хоть Оля никогда и не считала себя обычной девочкой (а кто считает?!), но до сих пор ей не доводилось творить чудеса. Всего она добивалась своим трудом. Сейчас ее называли лучшей наездницей клуба в своей возрастной группе, но ведь она тренировалась ради этого, как сумас-

шедшая. Правда, сравниться с Лешкой ей было трудно, и все же он-то пацан! К тому же, как раз Лешке она с готовностью уступила бы пальму первенства.

В школе ее тоже стали хвалить только в прошлом году, а до этого Оля училась, что называется, с четверки на тройку. Зато сейчас только за первую четверть заработала столько пятерок, что тайком даже пересчитывала их. Некоторым, как ее брату Саше, учеба давалась легко. Он сходу запоминал услышанное на уроке и даже не повторял дома – такая у него была память! А Оле досталась дырявая, и ей приходилось перечитывать параграфы по несколько раз. Времени на это уходило целая куча, но другого выхода не было, если она не собиралась тащиться в хвосте. А этого Оля просто не могла себе позволить. Самолюбия у нее хватало!

Но девочка вовсе не была зациклена на собственных проблемах и успехах. Просто старалась избегать ситуаций, когда ей может быть стыдно за себя. Поэтому верила, что станет отзывчивой волшебницей и никогда не соблазнится использованием силы в собственных интересах. И все же ей было страшновато, ведь никто и никогда не возлагал на нее такую ответственность. Даже на соревнованиях Оля выступала, прежде всего, за себя, а потом уж – за клуб. И если даже проигрывала, то никакой катастрофы не случалось. Но проиграть в борьбе за чужую жизнь казалось ей чудовищным...

Совершенно не выспавшись, она встала по сигналу телефона, запрограммированного на побудку в девять утра. В другой день каникул Оля позволила бы себе поспать подольше, но только не в этот. Родители уже ушли на работу, а брат уехал в институт, и Оля в одиночестве съела мюсли с йогуртом. Отец называл такой завтрак кошачьей едой. При нем Оля старалась не нарываться и вместе со всеми ела кашу, чаще всего геркулесовую.

Но каникулы были временем удовольствий! Никогда одиночество не отзывалось в ее душе тоской, на которую жаловались девчонки в классе, изнывая от желания «найти кого-то». Оле никак не удавалось понять – зачем нужен «кто-то», если на себя-то времени не хватает? Столько всего нужно успеть за день, порой даже компьютер включить некогда!

Вот и сейчас она, не успев доесть, уже начала звонить Лешке:

– Ну? Ты готов?

– Приезжай, – скомандовал он заспанным голосом. – Встретимся у драмтеатра.

Через сорок минут Оля уже была на месте. Выключенный фонтан показался ей похожим на облетевшее дерево. Его окружали такие же голые, черные карагачи, пропитанные влагой насквозь. Вокруг, точно в полусне, бродили зябко нахохлившиеся голуби, и Оля пожалела, что не додумалась захватить из дома кусок хлеба: покормила бы птиц, пока поджидает Лешку. Обидеться на то, что он не явился первым, ей и в голову не пришло, у них ведь не свидание было, а деловая встреча.

«Де-ло, – взволнованно выстукивало ее сердце. – У меня будет настоящее дело!»

Оле и раньше казалось, что она живет интересно и правильно, ведь лошади, за которыми она ухаживала, были замечательными существами! В их глазах отражались такие тайны, о которых посторонние люди даже не догадывались, а Оля свободно читала об устройстве мира и о зарождении вселенной чувств. Девочке было невдомек, что это ее собственные мысли набирают высоту, когда она общается с Лаурой или Вэнди, а вовсе не они делятся с нею своей природной мудростью. Но фокус был в том, что вдали от конюшни Оле не приходило в голову ничего столь же интересного и значительного.

Вот и стоя у мертвого фонтана, она только твердила про себя: «Ну, где же он? Когда же это начнется?» Ждать Настю не имело смысла, ведь она жила по соседству с тем мальчиком, у которого они решили собраться. С чего бы ей выбираться на холод? Вчера Настя сообщила, что приехал еще ее новосибирский друг Рома Филиппов, но его Оля тоже не ждала, ведь они не знали друг друга в лицо. Все ее нетерпение было связано только с Лешей…

Когда он наконец вывернул из-за угла большого театра с мелко поблескивающими даже в пасмурный день колоннами, Оля бросилась ему навстречу:

– Ты с Северного полюса шел, что ли?! Я с Радуги вперед тебя доехала.

– Да бабушке плохо стало, – хмуро отозвался он. – Пришлось скорую вызывать… А мама боялась с ней одна оставаться, понимаешь? Ее в больницу увезли. Бабушку, конечно, а не маму.

Оля осторожно тронула его рукав:

– Все так плохо?

– Они подозревают второй инсульт. Понимаешь, что это значит? Она уже не выкарабкается. Мы-то надеялись ее на ноги поставить…

У нее замерло сердце:

– А ты…

Леша угрюмо бросил:

– А что я? Я ничего не решаю! Наш дом в Королеве. И папа… Мы вернемся туда. Если… что…

В его кармане вдруг зазвучал рингтон. У Лешки сразу вытянулось лицо:

– Что еще?!

Но, взглянув на дисплей айфона, он чуть отмяк:

– А, это Настюха.

Несколько секунд Леша внимательно слушал, потом вздохнул:

– Ясно. Ждем.

Оля нетерпеливо схватила его за руку:

– Что там? Почему мы их ждем?

– Облом.

Спрятав телефон, Лешка отвел глаза, и Оля обмерла: все сорвалось, не произойдет никакого посвящения. А она уже размечталась, как будет вытаскивать малышей из разных ловушек, которые тут и там расставляет судьба! У нее мелко задрожали губы, и Леша тотчас заметил это.

– Да подожди ты расстраиваться! – сердито воскликнул он. – Облом только с местом, понимаешь? Ванькина мама сегодня, как назло, дома осталась. Отгул взяла и устроила уборку. То ее нет целыми днями, а тут приспичило. Настюха говорит, что он там чуть не ревет…

– Ко мне поедем? – вскинулась Оля, но тут же вспомнила, что брат обещал вернуться к часу, чтобы встретить телемастера, который придет после обеда. Ей такое дело почему-то не доверили.

Лешка сунул покрасневшие от холода руки в карманы:

– Поближе бы что-то найти… Какое-нибудь здание заброшенное… У меня тоже мама дома осталась.

– Здание! – подскочила Оля. – Я знаю тут неподалеку один дом. Улицу Дарвина представляешь?

Но Леша только покачал головой – с городом он еще только знакомился. Махнув рукой в том направлении, куда им нужно было двигаться, Оля быстро заговорила, сияя от возбуждения:

– Ну, неважно. Его называют Домом угольных генералов. Такой розовый особняк – очень классный! Только он уже тысячу лет пустует. Я не помню точно, кто там жил, какие-то директора шахт, что ли… И почему сейчас там никто не живет, тоже не знаю.

– Наверняка бомжи его заселили, – поморщился Лешка.

– Не знаю, не знаю… Слухи ходят, что там привидения водятся. Может, бомжи их боятся?

Он хмыкнул:

– А ты не боишься?

– Со мной же ты будешь, – улыбнулась Оля. – И Настя с Ромой. Чего мне бояться с добрыми волшебниками?

Другого варианта для сбора не смогла предложить и Настя, за руку притащившая Ромку Филиппова. Оле он показался слишком беленьким и каким-то домашним для настоящего волшебника. Но раз Настя ему доверяла, значит, он того стоил. С Лешкой они поздоровались за руку, и Оле показалось, что мальчишки просканировали друг друга за короткий миг. Неужели она тоже сможет чувствовать людей, едва прикасаясь к ним? Это очень пригодилось бы в жизни… Ей тут же вспомнилось, что в корыстных целях применять волшебство нельзя. Но разве выяснить тайные помыслы человека, с которым предстоит иметь дело, – это значит работать на себя? Впрочем, во всем этом еще предстояло разобраться.

– Я всему научу тебя, – пообещал Лешка, пока они шли к Дому угольных генералов. – Чтобы не получилось так: сила есть, ума не надо!

То и дело оборачиваясь на щебечущую позади Настю, которая торопилась пересказать Ромке все события последних двух месяцев, Оля думала, что учиться придется в ускоренном темпе. Если Лешка будет вынужден вернуться в Королев, девочки останутся одни на весь город. Впрочем, уже вдвоем! Еще не так давно Настя была тут совсем одна изо всей команды. И не пала духом! Удивительная девчонка…

Пока они добирались до заветного дома, пошел снег, и Оле это показалось добрым знаком. Она любила зиму и все, что с ней связано – чистоту, ясное небо, сказочные деревья в инее, лыжи, горки. Казалось, еще недавно они с Наташкой Цветковой из первого снега лепили фигурки животных или, на худой конец, снеговиков. А когда подруга уехала, Оля не сразу заметила, что никто больше не украшает двор к Новому году. Однажды утром это открылось ей как-то вдруг, и в морозном воздухе прозвенело: детство кончилось…

– Стойте! – крикнула Оля, когда они вышли на улицу Дарвина. – Вот он – номер шесть. Видите? Летом его деревья закрывают, не найдешь.

За облетевшими старыми тополями и крепкими лиственницами из последних сил розовел

уже облупившийся от времени одноэтажный особнячок с колоннами и чернеющим круглым оконцем под остроугольной крышей. Остальные окна были закрыты металлическими ставнями, а на дверях виднелись решетки. Оля подумала, что попасть туда будет не так просто. Но вскоре поняла: кроме нее, все эти преграды никого не смутили.

Ахнув, Настя сжала у груди покрасневшие без перчаток руки:

– Какой он был красивый! Даже сейчас видно… Почему здесь никто не живет?

– Призраки не пускают, – ухмыльнулся Леша и быстро огляделся. – Пошли внутрь, пока нас никто не засек.

От волнения Оля перешла на шепот:

– Ломать будем?

– Зачем? – Ромка улыбнулся. – А руки у нас на что?

Подойдя к центральным деревянным дверям, он приложил ладонь к тяжелому на вид висячему замку. Несколько секунд Рома стоял неподвижно, потом убрал руку, и замок сам свалился на крыльцо, уже припорошенное снегом. У Оли перехватило дыхание:

– Как ты…

– Ты тоже научишься, – Настя взяла ее за руку. – Пойдем, пока никого нет. Лучше, чтоб никто не видел, как мы сюда входим.

И заглянув в побледневшее Олино лицо, тихо добавила, сжав ее ладонь:

– Это не больно, когда в тебя входит сила, не бойся.

По привычке Оля хотела огрызнуться, мол, ничего не боится, но обнаружила, что не может ничего сказать. Сердце ее стало гигантским и стучало разом во всем теле, заглушая все звуки мира.

«Сейчас я стану другой… Перестану принадлежать себе… Я должна буду думать только о других… Я смогу?» – она нервно облизала ссохшиеся от мороза губы и следом за Настей шагнула в дом.

Здесь было тихо и гулко. Мальчишки уже разбежались по комнатам, и с разных концов доносились их возгласы – то изумленные, то полные отвращения. Видимо, дом все же не был полностью необитаем.

– Тут даже камин был! – прокричал откуда-то Ромка. – То есть он никуда не делся, только разрушился совсем.

Пробираясь между останками стульев и грудами кирпичей, Настя медленно прошла по холлу, осматривая стены.

– Когда-то они были покрыты гобеленами, – напевно проговорила она, словно всматриваясь сквозь время в ту жизнь, что когда-то кипела в этом доме.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Оля.

– Знаю. Здесь было много цветов. То есть растений. Знаешь, которые в горшках растут… В этом доме стояла очень красивая мебель, – Настя поддела носком ботинка деревянный обломок. – Дети тут бегали… И ничего, совсем ничего не осталось! Почему?

Оля пожала плечами: почему такое происходит сплошь да рядом? Может, и найдется человек, способный дать ответ, но это точно не она. У нее находилось только одно объяснение – всем плевать.

– А нам нет, – быстро ответила Настя, обернувшись.

Оля так и обмерла:

– Ты что – мысли читаешь?

– Нам не наплевать. И мы суем нос не в свое дело. И нам больше всех надо. Это все про нас! Люди обычно таких не любят… Ты с нами? Еще не поздно отказаться и жить спокойно.

* * *

Впервые я наблюдала обряд посвящения со стороны, и это выглядело совсем иначе, чем когда силой делились со мной. Хорошо, что приехал Ромка – втроем мы составили полноценный круг. Худенькое Олино личико стало совсем белым от волнения, и я начала побаиваться, что она просто грохнется в обморок. Меня-то не так давно посвящали, я отлично помнила, как сама умирала от страха.

А теперь мне предстояло поделиться своей силой, которой я сама еще не научилась толком пользоваться. По дороге Ромка объяснил, что мы не станем слабее, отдав часть силы, она восстановится еще быстрее, чем кровь после ранения. Он притащил несколько шоколадных батончиков, чтобы мы подкрепились после обряда, ну и отпраздновали заодно. Мне уже сейчас не терпелось откусить хоть немножко, чтобы заглушить волнение, нараставшее с каждой секундой. Оказывается, переживать не за себя можно ничуть не меньше!

Окружив Олю, мы разом улыбнулись ей, хотя это не было обязательной составляющей обряда, но нужно же было настроить ее на волну радости. Она тоже попыталась выдавить улыбку, но губы не послушались. Было просто больно

смотреть на нее, и я утешалась только воспоминаниями о том восторге, который пережила, когда мое тело напиталось магической силой. Оле предстояло пережить то же самое.

Леша как самый старший кивнул, и мы сосредоточились на том образе, в котором заключалась энергия каждого из нас. У меня это был фонарик, который я умела включать и выключать по собственному желанию. Направив его луч в сложенные «лодочкой» ладони, я набрала святящийся прозрачный шарик и вытянула руки. Легко отделившись, шарик медленно поплыл к Оле, встретился и слился с двумя такими же, превратившись в довольно большой шар, замерцавший голубым светом.

Дрожащие Олины ладони приняли его и прижали к груди. И все ее тело разом точно засветилось изнутри, голубые глаза засияли, а кудри распушились, как от теплого ветра. Она стала такой красивой в этот момент – просто с ума сойти! Я невольно взглянула на Лешку: он смотрел на Олю такими глазами, точно хотел упасть перед ней на колени. Но все же удержался, ведь рядом были мы с Ромкой. Надеюсь, Оля хотя бы уловила это его желание, чтобы согреваться воспоминанием в минуты тоски. Правда, боюсь, она была слишком сосредоточена на том, что происходило внутри нее, и не замечала ничего вокруг. И я ее понимала…

Теперь улыбка ее сияла так широко, точно все опасения и страхи разом осыпались с души, и больше ничто не мешало Оле ощутить самое настоящее счастье. «А ведь мы – счастливые люди!» – подумала я с благодарностью к тому неведомому волшебнику, который поделился своей силой с первым подростком. У Ромки с Лешкой были такие лица, словно мы делили одну мысль на троих. И мне почему-то стало весело от этого…

Мой сдавленный смешок привел их в чувство, и, смутившись, они разом заговорили, начали поздравлять Олю и болтать всякие глупости вроде того: «А ты боялась!». А мне захотелось просто обнять ее… Что я и сделала на зависть Лешке, который не решился на такое.

– Теперь у нас настоящая кемеровская команда, – я обвела взглядом ребят, хотя к Ромке это никак не относилось. Через несколько дней он уедет в Новосибирск…

Но пока он чувствовал себя своим в нашем маленьком отряде и даже первым загорелся:

– Надо придумать название!

У каждого подросткового отряда волшебников из разных городов название было свое. Наш новосибирский назывался «Кобра», что расшифровывалось как «КОманда доБРА». Под волосами за ухом у меня была набита крошечная змейка, точно такая же, как у других ребят. Так мы сможем узнать друг друга, сколько бы лет не прошло…

И хоть в Кемерове нас пока было только трое, да и то Леше скоро предстояло вернуться в Подмосковье, нужно было отнестись к нашему отряду всерьез. Бродя по дому и жуя шоколадки, мы начали подыскивать подходящее название. Наверное, всем, не только мне, ужасно хотелось придумать его первым, чтобы при случае можно было как бы невзначай похвастаться новичкам: «Да, это мне наш отряд обязан своим именем!».

У Оли в сумке нашелся блокнот и пенал с карандашами. Она всем раздала по листочку, и мы начали придумывать название, составляя его из первых букв разных слов, связанных с волшебством, подростками, помощью и прочими подходящими понятиями. Но каждое предложение кто-то из нас воспринимал с кислой гримасой:

– Не-е… Это фигня какая-то!

Я, например, предложила название «Герда», что означало «ГЕРои ДобрА», но Лешка заартачился:

– Девчоночье какое-то название! Не буду я никакой Гердой!

– А может, «Бриз»?! – радостно вскинулась Оля.

– И что это значит? – не поняла я.

Она произнесла с такой торжественностью, что мне стало смешно:

– «БРигада Истребителей Зла».

– «Бригада» звучит по-бандитски, – скептически заметил Ромка. – Сразу сериал вспоминается.

Я не знала, о каком сериале он говорит, но, наверное, был такой. Меня смущало другое:

– Какой в Кемерово бриз? Это ж не приморский город. А если чуть-чуть переделать? В «Лист»! «Лига ИСТребителей зла».

Теперь скривился Лешка:

– А мне «истребители» не нравятся! Как-то хищно звучит…

– Зато значок с листиком можно найти! Был бы свой опознавательный знак. А как ты бриз изобразишь?

Ромка согласился:

– Никак. Давайте дальше думать.

И вдруг Леша, который, кажется, предложил меньше всех вариантов, застенчиво произнес:

– Ключ.

Мы разом повернулись к нему:

– Что? Что ты сказал?

Он откашлялся:

– «Кемеровская Лига Юных Чародеев». «Ключ».

– Супер! – воскликнула Оля прежде, чем я успела усомниться в последнем слове, показавшемся слишком сказочным. – Вы же любые замки открываете!

– Мы, – поправил Лешка, и она просияла.

– Не только в замках дело, – заметил Ромка. – Ключ к тайне, ключ к сердцу…

Олю осенило:

– А бывает еще ключ с чистой водой, который бьет из-под земли!

– Как это называется? – напрягся Ромка. – Синоним?

– Омоним, – наконец вставила я слово.

Но его уже понесло дальше:

– И символика классная – ключик на цепочке! Серебряный.

– Вроде кулончика, да? – подхватила наша новая волшебница.

– Ну да! В жизни никто ничего не заподозрит!

Мне еле удалось вклиниться в их стрекот:

– А почему обязательно серебряный?

Все трое уставились на меня так, будто я сморозила несусветную глупость.

– На золотой у нас денег не хватит, – пояснила Оля.

А Ромка добавил:

– И это логично – серебро очищает, обеззараживает. Мы ведь тем же самым занимаемся, разве нет?

– Значит, решено? – с надеждой произнес Леша. – Пусть будет «Ключ»?

Наверное, ему будет чертовски приятно вспоминать в своем Королеве, что в Кемерове он создал самостоятельный отряд и даже придумал ему имя. Ну и хорошо. Мы-то останемся с Олей вместе, а он уедет. Ему будет хуже, чем нам. Должен же Лешка хоть чем-то утешаться…

– Я выяснил: в Кемерове полмиллиона жителей, – озабоченно поделился он.

Оля фыркнула:

– А то мы не знали!

– Это в три раза больше, чем в Королеве. А отряд у нас там в три раза больше… Надо подбирать ребят! Только у нас в школе ни одного подходящего не нашлось.

И вдруг, вспомнив о чем-то, пробормотал:

– Ромка, иди-ка на пару слов… Дело есть.

– Что у них за дело? – спросила Оля, проводив мальчишек встревоженным взглядом.

Я пожала плечами:

– Может, в туалет захотели?

Она рассмеялась:

– С этим у них все просто! Ладно, пойдем на воздух. Тут все же подванивает…

Возле дома еще сохранились остатки клумб, разбитых в незапамятные времена, когда «угольные генералы» жили тут со своими семьями. Чуть запрокинув голову, Оля улыбнулась небу, просветлевшему за то время, что мы проводили обряд. Снег уже прекратился, напоследок порвав облака в клочья, и солнце быстро растопило белую пелену на упрямо зеленеющей траве.

Глубоко вдохнув, Оля с наслаждением проговорила:

– Даже не верится… Это как золотой кубок выиграть в конкуре. Ну, ты понимаешь!

– Наверное, – с сомнением отозвалась я.

В том, что мне когда-нибудь удастся выиграть верхом на лошади соревнования с препятствиями, я была далеко не уверена.

* * *

Леша сразу решил не посвящать девочек в подробности того, как он выслеживал банду, грабившую таксистов. Но и заниматься дальше таким делом в одиночку было глупо. Не то чтоб он трусил, просто бездумно нарываться на опасность не имело смысла: проблему не решишь, только сам получишь. Если вообще жив останешься! В прошлый раз сработал эффект неожиданности, и пацаны струхнули. Но дважды на это рассчитывать не приходится…

Поэтому появление Ромки Филиппова обрадовало его больше, чем Леша показал при встрече. Но решил про себя, что «на дело» они отправятся лишь после того, как поделятся с Олей силой, чтобы – при самом неблагоприятном исходе – Настя опять не осталась единственной волшебницей в большом городе.

– Значит, они крутятся у драмтеатра? – уточнил Ромка, выслушав всю историю.

– Может, перебрались куда-то после той стычки. Тоже не дураки – нарываться!

Оба понимали, что банду придется поискать. Но прежде нужно было решить, как поступить в случае, если поиски окажутся успешными. В полицию сдать? Привлечь таксистов в качестве

свидетелей не составит труда, Лешка до сих пор помнил номер черного «шевроле». Только ни он сам, ни Ромка не верил особо в исправительный эффект колонии для несовершеннолетних. Кругом писали, что с «малолетки» выходят уже готовыми рецидивистами, а это был самый нежелательный исход всего дела.

– Нам придется их «полечить», – серьезно заявил Ромка, когда они, проводив девочек, устроились за столиком в пиццерии, чтобы в тепле обсудить дела.

– Никогда этим не занимался, – признался Леша. – Только слышал, что некоторые умеют снимать агрессию. Ну, типа того…

– У нас Жека это хорошо умел…

– Вырос? – уловив тоскливую нотку, поинтересовался Лешка.

Ромка кивнул:

– И уехал в Москву.

– Ладно бы уехал! В Москве до фига работы для нас… Но он там теперь бесполезен, да?

– Теперь уже да.

Не делясь друг с другом, они оба внутренне поежились, подумав о неминуемом. Чтобы отогнать печальные мысли, Лешка, которому до шестнадцатилетия оставалось чуть больше года, быстро заговорил:

– Надо на вокзал прошвырнуться, там всегда таксисты пасутся.

– Ну да, – подхватил Ромка. – Еще в аэропорту, но пацаны туда вряд ли поедут!

– Разных точек хватает, – прикинул Леша. – Но давай все же с вокзала начнем.

…Прячась за памятником паровозу, они пару часов наблюдали за теми, кто садится в такси, но Лешке не показался знакомым ни один из пассажиров. Да и подростков среди них не было.

– Прокол, – констатировал он, когда ноги отмерзли окончательно.

Большой электронный термометр на бирюзовой стене вокзала показывал уже минус восемь, и воздух пах настоящим морозцем. Зима явно не желала больше дожидаться своего часа… Забежав в зал ожидания, ребята долго отогревались, словами рисуя маршрут дальнейших поисков. Но в тот день им не повезло: ни на одной из стоянок такси не встретился никто из банды.

– Мне пора, – вздохнул Ромка после третьего звонка матери. – Наши уже на базе, только меня ждут.

– Да у меня тоже там мама одна, – спохватился Леша.

Посадив нового друга в маршрутку, он припустил по Весенней к дому и, уже перебегая Красноармейскую, периферийным зрением заметил знакомое лицо. Леша замер, едва прыгнув на тротуар: «Это же один из тех!» Он запомнил его лучше других, потому что у него были рыжие волосы, сейчас вовсю торчавшие из-под кожаной кепки, и белая, как у альбиноса, кожа. При других обстоятельствах этого парня можно было принять за клоуна, специально вымазавшего лицо. Правда, рот его казался слишком маленьким, почти незаметным для веселой маски.

Лешка оглянулся, как будто взглядом мог развернуть Ромкину маршрутку и притянуть к себе. То есть он, конечно, мог бы… Но это отняло бы слишком много сил, которые могли понадобиться на другое. Только сейчас Леша решил не предпринимать ничего вообще, а просто последить за рыжим. Ему хотелось обнаружить место сбора всей банды, чтобы завтра вернуться туда с Ромкой Филипповым.

Натянув поглубже шапку, хотя уже стемнело и вряд ли кто-то мог узнать его издали, Леша направился следом за рыжим, который возле Дома художника повернул направо. «На «Химик» топает?» – удивился Лешка, подумав о стадионе, где, как рассказывали в классе, однажды проходил Чемпионат мира по хоккею с мячом. Но следом вспомнил, что среди бандитов много бывших спортсменов, а этот, наверное, всерьез готовится к криминальной карьере.

Быстро шагая следом, Леша гадал, каким же видом спорта занимается этот грабитель таксистов. Здоровяком он не выглядел и вряд ли тягал штангу. На хоккеиста тоже не тянул… А для боксера, даже выступающего в легком весе, его физиономия выглядела слишком нетронутой. Может, легкоатлет? Стрекача-то в бору дал – не догнать! Лешка уже твердо решил проникнуть на стадион за ним следом. Он почти не сомневался, что встретит там всех персонажей той памятной сцены.

«А дальше? – уже задыхаясь от быстрой ходьбы и волнения, думал Леша. – В одиночку я со всеми не справлюсь».

Но Ромка уже был далеко, и с его незнанием города можно было не рассчитывать, что он сможет быстро вернуться. Оля сообразила бы, как примчаться, но она еще ничего не умела. Оставалась одна Настя… Хоть она и была самой младшей из них, но у нее уже был кое-какой опыт. К тому же она жила в семи минутах ходьбы.

На ходу достав трубку, Лешка выпалил:

– Бегом к стадиону. Я тебя жду.

Никаких расспросов не последовало. Настя отключила телефон первой, а это могло значить только одно – она бросилась одеваться. Не прошло и десяти минут, как ее оранжевая шапочка мелькнула в свете фонаря на Ноградской. Перебежав перекресток, девочка бросилась к Леше:

– Что случилось?

– Потом расскажу в подробностях. Там, – он кивнул на стадион, где скрылся рыжий, – ребята, которые грабят таксистов. Я сам видел. Что будем делать?

Леша постарался произнести это таким тоном, будто у него самого уже созрело решение, но демократии ради он интересовался и Настиным мнением. Она озорно прикусила губу:

– А ты страх нагонять умеешь? В «Кобре» у нас Жека был – такой классный пацан!

– Слышал, – обронил Леша.

Ему не очень-то нравилось, когда приводили в пример более умелых ребят, а имя Жеки уже звучало сегодня. Но Настя точно не заметила, как он насупился.

– Он даже одному педофилу охоту отбил всякие пакости делать – напускал на него страх всякий раз, когда тот к приемной дочке приставал. А Мартин карманника также проучил. Только руку протянет к чьей-нибудь сумочке, так аж трястись от страха начинает! Думаешь, он справился с собой? Сто процентов – бросил это дело!

– Это известный прием, – небрежно заметил Лешка, сердясь на себя за то, что сам не додумался до такой элементарной вещи.

И добавил с равнодушным видом:

– Ну, можно попробовать. Тогда сейчас мы просто проникнем туда…

– Невидимками? – обрадовалась Настя.

– По-другому нас туда и не пустят, абонементов-то нет! Короче, найдем их там, запомним их морды. Ну, и послушаем, о чем говорят.

Настя схватила его за рукав:

– Подожди! Но они же детей не трогают, так? Только таксистов. Кого же мы будем спасать?

– Их и будем, – пояснил Лешка и порадовался, что Настя смекнула быстрее, чем он подобрал нужные и длинные слова.

– А, ясно! – откликнулась она с воодушевлением. – Осталось только найти их.

– Мы с Ромычем пытались их на деле застукать, но не нашли.

У Насти радостно округлились глаза:

– Ромка тоже в курсе? Мы возьмем его с собой, когда на месте преступления их ловить будем?

– И Олю возьмем. Их четверо, и нас четверо.

– А она справится? – неуверенно заметила Настя. – Ты ведь еще не учил ее. Хотя… Я же тебе рассказывала, как очнуться не успела после посвящения, когда наш подъезд взорвался? Пришлось на ходу учиться… И знаешь что? Это работает лучше всего!

(Окончание следует)

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН

ЗЕМНАЯ СОЛЬ И ЗВЕЗДНЫЙ БЛЕСК

* * *

На зачерствевший грунт зима
Внезапно брызнет спелым снегом.
Последний раз вздохнет Онего,
Захлопнут форточки дома.
В коросте старых листьев сад,
Струя метели наполощет,
Еще не вытоптана площадь,
И след крадется наугад.
Еще беспомощная мгла
Тоской цепляется за ниши.
Но луч, как тонкая игла,
День трепыхающий нанижет.
И срок пока еще далек
До истекающего мая, –
Но бьется белый мотылек
И крылья хрупкие ломает…

СЕВЕРНОЕ ЛЕТО

Вдохновенно творит, как художник, природа,
Выбирая в палитре вдумчиво цвет.
И в прозрачных ночах на холсте небосвода
Золотою каймой проступает рассвет.
О прозрачная ночь! Это – севера лето!
Не созрели еще и соцветия звезд.
Только ломтик луны, рыхловатой и бледной,
Осыпается вниз – в шелестящий овес.

ПИЕТИЛЯЙНЕН Елена Евгеньевна

Главный редактор журнала «Север» с октября 2007 года.

Автор поэтических книг «Оттаявший свет» (Петрозаводск, 1998), «Время дождей» (Москва, 2003), «Предощущение» (Петрозаводск, 2010), «Ниточка вечности» (Санкт-Петербург, 2012) и книг для детей «Большими шагами» (Петрозаводск, 2011), «Кто живет в лесу и в доме?» (Петрозаводск, 2011).

Стихи публиковались в российских литературных журналах, в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», в «Литературной газете», сборниках и альманахах.

В 2009 году стала лауреатом Международного поэтического конкурса «Золотое перо», проводимого правительством Москвы, в 2011-м – лауреатом Международного конкурса имени Н. Рубцова «Звезда полей» и Международного поэтического конкурса «Душа и слово». Ее стихи вошли в два выпуска международной антологии «Планета поэтов – 4» (Рига, 2009), «Планета поэтов – 5» (Рига, 2011).

Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования и науки (1996), победитель Всероссийского конкурса «Учитель года России» (1996). Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени за заслуги в развитии средств массовой информации и многолетнюю плодотворную работу (Указ Президента Российской Федерации № 1476 от 8 ноября 2011 г.). В 2013 году удостоена медали Союза писателей Беларуси «За великий вклад в литературу». В 2014 году за высокие творческие достижения и деятельность во благо российского отечества награждена медалью «Русская звезда» имени Ф. И. Тютчева, учрежденной Литературным фондом России «Дорога жизни».

Кандидат педагогических наук, заслуженный учитель Республики Карелия, председатель Карельского регионального отделения Союза писателей России, секретарь Правления Союза писателей России, координатор Международной ассоциации писателей и публицистов по Северо-Западу, член Совета по культуре при главе Республики Карелия.

Крошки птицы клюют, как молочные зерна.
Оттого до утра их слышны голоса.
И туманами томно исходят озера.
И росой, как слезой, истекают леса.
А в прозрачных лесах, как в прозрачных озерах,
Все бесхитростно ясно, но тайной влечет.
И цветастую шаль – паутинку с узором
Мне накинуло лето легко на плечо…

* * *

Я смерти не боюсь.
Ведь нет ее,
Пока горит негаснущее слово,
И сердце балансирует мое
На хрупкой грани доброго
и злого.
Я не погибну даже, и когда
Сквозь слой событий
просочится старость.
Меня задушит липкая усталость,
А не инфаркт, морщины и года.
И будет речь бездарна и суха,
Утрата слов, как жизнь, невосполнима.
И не извлечь мне колдовства стиха
Из загнанной души своей
ранимой.
И вот тогда я знаю, что умру,
Хоть будет биться жадное сознанье.
Но кто же я? Былинка на ветру,
Чужое откровенье и признанье.

* * *

Острова, острова – золотые костры
В посиневших ладонях озерных.
Невесома печаль, а потери – остры,
Словно ели в пейзажах узорных.

Берега, берега…
Не исхожен песок.
Здесь блаженно купается осень!
Ей тунику из листьев кидает лесок,
Но она ее больше не носит.

Облака, облака…
Вы – от прошлого дым,
Где надежды мои догорают.
Но гуляют лучи по дорогам пустым
И ведут от земли и до рая.

* * *

Лес, золотистой каймой
отороченный,
В жидкие сумерки
ветки макает.
Рассвет набухает
закатом просроченным.
Словно по желобу, время стекает.
Минуты, часы, дни и недели
Вместе с листвой
опадающей кружатся.
И на стареющей сморщенной
ели
Первого снега хрустящее
кружевце.
Противоречие нерасторжимо.
Старость и молодость – жизни
единство.

Время бесстрастное
неумолимо.
… Ниточка вечности –
материнство.

* * *

Берез изысканная вязь
Дрожит на полинявшем небе.
Росу смакует гибкий стебель,
И в нем – земли и неба связь.

Так и во мне – творенье Божьем –
Земная соль и звездный блеск.
А солнышко по светлым пожням
Закатится в угрюмый лес.

И ночь обнимет на рассвете
Розовощекий, теплый день.
И будет, как ребенок, ветер
Плескаться радостно в воде!

И не разрушить темным ссорам
Благую вечность бытия.
Пока тот стебелек не сорван –
Еще не сорвана и я.

* * *

Никто никому не нужен…
Лишь остывающий ужин
Не тронут. Один на столе.
И вечер длиною в сто лет

В оконном проеме сужен.
Никто никому не нужен.
Лишь капля долбит тишину,
И брызги летят в вышину –
Клочья растерзанной лужи.
Никто никому не нужен…
Лишь под железною кровлей
Пустующий дом обескровлен
Бездомной воинственной стужей.
Лишь вечер бинтует туже
Остывшие за день глаза.
И громко смеяться нельзя –
Сентябрь безнадежно простужен.
Никто никому не нужен…

Елена ТУЛУШЕВА

ДВА РАССКАЗА

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА: ПОКОЛЕНИЕ ДВАДЦАТИЛЕТНИХ

Елена Тулушева дебютировала в мартовском номере журнала «Наш современник» за 2014 год. Публикация сразу привлекла внимание читателей и литераторов. Письма в редакцию, отзывы в социальных сетях, упоминания в журналах. В интернет-издании «Парус» под заголовком «Молодые о молодых» вокруг рассказов Елены развернулась оживленная дискуссия. На Совете по критике СП России о ее публикации говорили как о лучшем дебюте года.

Всего за несколько месяцев Тулушева стала автором нескольких изданий. Появившиеся в «Нашем современнике» очерки Елены «Зачем им жить?» о детях наркозависимых (№ 6) и «Что сказал и о чем умолчал Е. Ройзман» (№ 10) позволяют говорить о складывающемся литературном амплуа – исследователя духовного нездоровья современного человека и общества.

На редкость удачное вступление на литературное поприще! Один из читателей искренне изумился: «Если молодая писательница начинает путь в литературу с таких сильных вещей, то что же можно ожидать от нее в дальнейшем?»

Что же в основе успеха? С одной стороны, жизненный опыт, темпераментно обозначенные профессиональная и гражданская позиции. Елена – врач. В 28 лет она успела окончить два вуза, работала во Франции и США. В настоящее время – старший медицинский психолог Московского реабилитационного центра для подростков, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью. О своих юных подопечных она знает все. Вплоть до номера роддома и обстоятельств появления на свет. Пытается их понять, помогает, защищает. Писательство предоставляет для этого дополнительные возможности.

С другой стороны, в рассказах Тулушевой привлекает динамизм, легкость письма, живые диалоги, точный язык. Словом, литературное мастерство. Тулушева работает в жанре нонфикшн. Это жесткие, начисто лишенные сентиментальности тексты, где присутствие автора минимально, а все внимание направлено на героев с их поступками и драматическими судьбами.

Не являются исключением и предлагаемые вниманию читателей новые рассказы Елены. Первый может показаться обычной любовной историей, но, приглядевшись, мы обнаруживаем умелую деконструкцию традиционной love story. Исподволь реплика за репликой (вот где в полной мере ощутимо мастерское построение диалогов) выявляется необязательность, неподлинность слов и самих отношений молодой пары. Автор находит поразительно точное определение, говоря о «несвежей жизни».

Второй рассказ – «Надо будет как-нибудь посмотреть» – интересен как свидетельство стремления автора выйти за пределы освоенного пространства. Найти «немного солнца в холодной воде», – воспользуюсь формулировкой известной французской писательницы.

Кажется, перед нами бытовая сценка, ничего особенного не происходит. Но постепенно перед читателем разворачивается трудная судьба ге-

роя: страшный недуг – слепота, равнодушие окружающих, одиночество. Еще одна история о «невидимых миру слезах», столь характерная для отечественной литературы?

Не спешите с выводами. Мысль автора сложнее и человечнее. Тулушева не просто сочувствует герою. Избегая громких слов и патетики, она любуется его жизнестойкостью. Он не озлобился, не выставил счет окружающим и всему миру. Как он доброжелательно относится к случайной посетительнице. Какую деликатность проявляет в разговоре с увлеченной своими амбициями дочерью, которой вечно не до него. Беда не сломила, но умудрила этого человека. Отсюда и название рассказа, как бы отрицающее недуг героя.

Манера, в которой пишет Тулушева, сближает ее с группой сверстников – двадцатилетних прозаиков, только-только вступающих в литературу. Назову Андрея Тимофеева, Сергея Чернова, Платона Беседина, Анастасию Чернову. Это открытый список, наверняка завтра к нему присоединятся новые авторы.

Лидером поколения я считаю Андрея Антипина – 29-летнего писателя из Подымахино, таежного поселка в сотнях километрах от Иркутска. Мощью, трагической глубиной и совестливым отношением к слову он напоминает своего земляка Валентина Распутина. Его стиль, несомненно шире фактографического реализма двадцатилетних, и в то же время он – наиболее заметная фигура среди них.

А вот как наиболее характерную я бы выделил Елену Тулушеву. Она пишет не просто с опорой на факты, кажется, она вообще не приемлет обобщений, типизации. Видимо, врачебная практика научила ее ценить уникальность каждого человека, которую опасно насильственно подводить под некие общие мерки.

Но признание права героев на индивидуальность и свободу воли вовсе не означает равнодушия к их судьбе. Равнодушный не написал бы такие рассказы. Автор еще одного отклика на публикацию Тулушевой в «НС», профессиональный литератор Мария Свердлова проницательно подметила: «...главный талант Елены – ее неравнодушие к горю. Умение воспринять чужую боль как собственную. Чужой грех, чужую муку взять на себя так полно, как это редко кто может. Взять без капли осуждения. Того осуждения, которое заставляет нас брать за волосы наших героев и перевоспитывать».

В отношении к слову Тулушева органически не приемлет патетику, дидактику, все, что не прикреплено к конкретному человеческому поступку. Я ценю эту молодую бескомпромиссность. Но вижу и опасность такого словесного аскетизма. Согласен, что пропаганда в тесном сотрудничестве с шоу-индустрией изгадила множество слов, самых дорогих и нужных. Любовь, нравственность, духовность, долг в устах прожженных демагогов и деляг утратили подлинность, стерлись, как мелкая монета. Но значит ли это, что мы должны отказаться от них, ограничившись протокольно четкими терминами? Мне кажется, в таком случае мы бы обеднили и язык современной литературы и собственный эмоциональный мир. Мы призваны поручиться за дискредитированные слова. Заново наполнить их своим чувством и честным подходом к языку и миру.

Последнее замечание может показаться упреком в адрес Елены. Но уже то, что рассказы молодого автора побуждают задуматься о таких проблемах, свидетельствует о серьезном отношении Елены Тулушевой к литературе и жизни.

Александр Казинцев,
заместитель главного редактора
журнала «Наш современник»

КОГДА Я УМРУ, Я СТАНУ СОБАКОЙ

Солнечные лучи настойчиво пробивались сквозь неплотно задернутые шторы. Кондиционер работал на полную мощность, позволяя гостям отеля в знойные часы нежиться на прохладных простынях. Она недовольно высунула голову из-под одеяла, в очередной раз ругаясь на себя: «Ведь знаешь же, вырубишься днем – весь вечер разбитая ходишь, но все равно ложишься! Ну не дура?!»

– Но я хочу, чтобы мы были вместе, – пропищал голос где-то рядом.

– Я всегда буду с тобой! – вздохнули в ответ.

«Мыло? Видимо, Сергей забыл выключить телек и убежал на пляж. Ну для чего людям за тысячу километров от дома русские каналы, неужели две недели в году нельзя погрузиться в чужую жизнь...» Перевернувшись на другой бок, она с удивлением обнаружила его развалившимся рядом, хмуро рассматривающим свои облезшие плечи. Стало сразу тепло и уютно: просыпаться одной всегда так тоскливо.

– После четырех лет общения я наконец подловила тебя – любитель мексиканских сериалов!

– Она мягко провела ногтями по его коже, изображая кошачьи повадки.

– Детка, я бы и рад тебя удивить, но, увы, не в этот раз. – Легкий поцелуй приятно оживил тело.

Запах моря от его волос окончательно развеял сонливость.

– Не уходи, прошу тебя! – снова запищал голос, и она, развернувшись к экрану, с разочарованием увидела не страстные смуглые лица влюбленных, а тяжелый хмурый пейзаж морского побережья и грязное заплаканное лицо в нелепой шапке.

– Кто это ее так нарядил? Неудивительно, что он ее бросает! – последнее слово вылетело как-то бесконтрольно, несмотря на ее теорию, что во взрослых отношениях никто никого не бросает, мы просто делаем выбор.

– Если тебе станет легче – это он, а не она, – саркастическая улыбка украсила загорелые щеки ямочками. – Это мальчик, а второй – его отец. Очередная антиутопия: мир, видимо, рухнул, я не видел начала; везде свалки, все живое вымерло, оставшиеся кучки людей поедают друг друга, ибо больше есть нечего.

– Очень в твоем духе. Отличное кино для отпуска! – Унылые краски постапокалипсиса напомнили о страхах.

В последнее время тема конца света, так активно муссировавшаяся вокруг, отзывалась в теле противным холодком. Безусловно, она была достаточно умна, чтобы не верить в магические предсказания, но осознание хрупкости современного мира и того, как легко его уничтожить придавала реалистичности страшилкам про «роковой декабрь 2012-го». Да и пресловутый коллайдер постоянно был в центре новостей.

Как-то после просмотра очередной серии «Скорой помощи» про умирающего от рака больного она в который раз удивилась: почему люди, знающие о близости своей смерти, не «оторвутся» напоследок по полной, а все строят иллюзорные планы – не верят, что ли? И после пары логических цепочек и анализа собственного поведения выяснилось, что, похоже, она-то в конец света не верит, хоть и боится. Ведь, судя по расчетам, до него оставалось всего ничего, а образ жизни никак не поменялся: работа, учеба, ежедневная круговерть. Выходило, что она тоже не рвалась взять круглую сумму в кредит под бешеные проценты (благо, отдавать не придется) и, бросив всю эту суету мирскую, отправиться в кругосветку...

– Продолжай идти дальше. Никогда не знаешь, что ждет за поворотом... – прохрипел экран.

– Банальщина какая.

– Ну да! Конец света – и тот опошлили! – улыбнулся он.

– А почему папашка его бросает? Если вокруг все так плохо?

– Да не говори! Помирает в такой момент, эгоист! – он с комически возмущенным лицом потянул ее к себе и улыбнулся: – Теплая какая... Просто они с отцом весь фильм идут и идут, вокруг холод, пустыри, помойки, жрать нечего, мыться негде, одежда прорвана. Вот он, видимо, чахотку подхватил.

– Чахотку? Это ж теперь туберкулез? Так от него же лечат!

– Какая разница. Я же сказал, почти все вокруг вымерли, мир разрушен, искать помощи негде, ау-у-у! Вот он и помрет сейчас. А пацан боится, как ему одному дальше.

– Я не хочу один, пожалуйста, папа! – вторил ящик.

– Возьми и никому не отдавай его, – прохрипел бородатый оборванец, передавая пистолет сыну.

– Вот бред, зачем ему оставаться жить, если мир рухнул?! – По ее лицу скользнуло искреннее недоумение.

– Ну да, и правда, вот болван, револьвер же есть, пусть сразу застрелится.

– Да я серьезно! Ты не согласен? Его же все равно потом убьют и сожрут, разве нет?

– Ну, это еще неплохой вариант, знаешь ли... Страшнее, если сначала начнут жрать, а потом смилостивятся и пристрелят... – он злорадно поклацал челюстями и облизнулся.

– Фу, какой же ты гадкий! – она начала махать кулачками, подбадриваемая его мягким смехом. – Еж!

– Да ладно, ежиха, собирайся, на море пойдем. – Он скинул одеяло и зашлепал по холодному полу к окну.

– Нет, подожди, ты не согласен, что в его положении легче застрелиться, чем вот так все время в страхе жить: не спать, брести одному неизвестно куда? Это же безумно страшно!

– Настен, мне кажется, что приставить к виску револьвер и нажать на курок не менее страшно. – Он раздвинул шторы, глаза ослепил белый блеск.

Разговор был окончен: он редко называл ее по имени и, как она выяснила опытным путем, только в тех случаях, когда тема беседы ему не нравилась.

– Ну да, конец света вон тебе не страшен! – она попыталась надуться.

– Так тут все будет намного проще, не надо выбирать. Все просто, раз – и умрем. Зачем тут напрягаться... Ты мои плавки куда повесила?

– Ничего себе! То есть тебя пугает не смерть всего нашего мира, а возможность одним нажатием покончить с собой?! – Она энергично собирала пляжную сумку в расчете на очередную бурную дискуссию.

– Возможность нажать меня не пугает – в этом и плюс нашего демократического общества, у каждого есть право себя убить. Но прострелить себе голову – это все же не для слабых.

– Да ну конечно! Зачем проблемы тут решать, на земле, проще избавиться ото всего разом!

Он посмотрел на нее, ощущая, как съеживается все его нутро от этих слов. Он привык к этой боли от резких осуждающих комментариев тех, кто был в этой жизни сильнее, кто понимал, для чего она, и твердо шел вперед, оставляя его где-то позади в полном одиночестве.

– Идем, я готов.

Большая часть туристов, просидевших самые знойные часы на море, уже спешила с пляжа в отель, с насмешкой оглядывая сонную парочку, бредущую в обратном направлении. Естественно, система «все включено» ставила гостей отеля в жесткие рамки: после завтрака скорей к морю, потом надо снова бежать в отель на обед, а уже с трех в баре на море выставляли перекус из восточных сладостей. Какой же тут дневной сон: весь день бегом-бегом. И, наконец, с 18:30 – ужин, на который еще нужно успеть заранее, чтобы места занять поближе к столам с раздачей, вдруг самое вкусное сразу растащат, а потом не доложат, арабы – народ хитрый. Все это вынуждало уходить с пляжа уже около пяти: пока женщины-пирамидки суетливо собирают разложенные еще с утра на нескольких лежаках полотенца (на всякий случай, чтобы с запасом места хватило), их мужчины-телепузики (в такие животы не то что плазма, старый кинескопный ящик влез бы) нетерпеливо поторапливают отпрысков, заплескавшихся в море.

– Слушай, а кринолины – умная штука была! Женщины-конусы – как гармонично смотрятся. А то сейчас на некоторых смотришь – как мороженое.

– Почему мороженое? – автоматически спросила она, прикидывая, постелить ли полотенце на песке или уже прохладно и пора располагаться на лежаках.

– Потому что на палочке. «Елочка» – эскимо такое было. Вот и у них до попы елочка из складок, а ноги с сужением, как палочка.

– Умник, ты сначала троих детей выноси и роди! А потом посмотришь на свой зад. А то вон некоторые из мужиков тоже вполне на седьмой месяц тянут! – Она вдруг обиделась за этих гусынь, хотя сама же раздражалась на телесную «распущенность» русских женщин.

– Солнце, если рождение детей сделает из твоего тела такой же пудинг, я предпочту не рисковать. Усыновим арабчонка!

– Бестолочь! – Она метко запульнула в него сандалей.

– Ой, прости! Ты же их недолюбливаешь, забыл! Тогда китайчонка, лучше оптом – сразу трех возьмем.

– Тогда заодно и жену себе китайчúху выпиши!

Во избежание скользких тем, оба уткнулись в свои дела. Она читала, он набрасывал зарисовки, запечатлевая мгновения жизни: смешные позы и выразительные жесты особо стойких перед зовом голода туристов, рассредоточившихся по пляжу, суетливых марокканцев, перетаскивающих надувные плюшки и бананы, полинявших верблюдов и их наездников в еще более полинявших нарядах. Они оба старались не касаться вопросов их отношений, будучи не готовыми их решать. Через год после знакомства, споров, пустяковых ссор и серьезных конфликтов они расстались. Связь оборвалась быстро, жестко, оставив только тоску и обиду. Через три месяца он не выдержал и приехал к ее дому, прождав шесть часов, чтобы увидеть. Они молча сели в машину и поехали к нему. После той ночи понеслись две недели встреч по сценарию кино-кафе-секс, без разговоров, воспоминаний, претензий. Ни один из них не готов был больше делиться чувствами не только вслух, но и наедине с собой. Они снова пресытились, резко прервав общение, не пытаясь интересоваться друг другом. Еще через месяц круг снова замкнулся и вот уже три года не разрывался: они плыли в тех странных «свободных» отношениях, которые не были обременены обсуждениями, сценами ревности и планами на будущее. Встречаясь по две-три не-

дели за сезон, ни один из них не мог или не хотел понять, почему их иногда так тянуло друг к другу и почему так скоро становилось тошно и скучно.

Теплое море расслабляло. Он прижимал ее к себе, наслаждаясь беспечными мгновениями: забывал о депрессивном грязном городе, который так и не смог полюбить, бесконечных конфликтах в семье, нереализованных ожиданиях родных, упущенных возможностях и о той пустоте, наполнявшей каждый его день. Она не могла заполнить пустоту, но всегда отодвигала ее на потом, до того момента, когда пресыщение вновь не отталкивало их друг от друга.

Увидев на берегу Захру, она поторопилась выйти из моря. Сев на край лежака, развернула два принесенных свертка: с завтрака и обеда. В больших карих глазах заблестела радость. Высокая тощая дворняга приходила на пляж к вечеру, когда ее уже не прогоняли. Несколько туристов исправно приносили ей колбасу и мясо, движимые тем странным чувством вины от контраста ломящихся столов ресторана и болезненной худобы местных животных. Добродушная собака пугливо обходила все лежаки, в надежде, что кто-то позовет ее, чтобы угостить.

– Ты моя красивая! Кушай на здоровье. Глаза у тебя какие... А шерсть песочного цвета. – Руки ощущали тепло мягкого подшерстка, прохладные уши, мокрый нос.

Захра жмурилась то ли от угощения, то ли от ласковых поглаживаний, то ли от того, что наконец пришла весна и на пляже начали появляться добрые люди с едой вместо жестоких мальчишек с палками и камнями.

– Ну что, пришла твоя питомица?

Захра настороженно пригнулась.

– Смотри, какие у нее глаза: как человеческие! Глубокие такие, будто в душу смотрят.

– Не в душу она тебе смотрит, а за спину: нет ли еще еды, – он нагнулся и погладил собаку.

Та успокоилась, по-видимому, ощутив себя в безопасности.

– Так жалко ее... Почему местные не подкармливают? Сколько остается еды в отеле.

– М-м, а почему ты не подкармливаешь детей из Малави, а сама бездушно выкидываешь наковырянный изюм из кексов?

– Это другое. Животные о себе позаботиться не могут... Мне кажется, они все когда-то были людьми.

– Значит, такими людьми были, что заслужили собачью жизнь? Что за теория бредовая... Вот по какому принципу человек станет молью, а по какому – жирафом? И почему я тогда стал человеком: был безгрешным зверем?

– Ничего не бредовая! Никто не уходит просто так. Все возвращаются на землю! – она опять начинала заводиться в ответ на его привычку обесценивать ее гипотезы.

– Какая прелесть. У тебя, кажется, скоро второе высшее, – он иронически похлопал ее по колену. – Тогда я соглашусь с черногорцами.

– В смысле?

– У них есть шутка: если спросить черногорца, каким животным он хочет стать в следующей жизни, он ответит – змеей. Потому что идешь и лежишь одновременно.

– Я думаю, что когда я умру, я стану собакой. – Его шутка явно не дала своего результата.

– М-м... Ну тогда ладно, куда ж я без тебя. Так и быть, тоже стану собакой. Только, чур, я – маленькой, они живут дольше. Но не вот этой немыслимой, которую на одной руке носят: это ж одуреть – весь день таскаться с куклой-хозяйкой по магазинам, салонам, слушать их пластмассовые разговоры... Эй, ты чего? – он увидел, как она вытирает ладонью слезы.

Он ненавидел, когда кто-то плачет, чувствуя себя в этот момент совсем одиноким. Ему не хотелось никого утешать, он же никому не плакался. А не начнешь утешать – от тебя отвернуться, и станешь еще более одиноким и жалким. Знакомое чувство безысходности подстерегло его даже здесь, на отдыхе, вдали от промозглой московской весны. Хотелось вскочить и скорей убежать, спрятаться от него. Но тошнота уже подступила к горлу, вязкая, истощающая. Тошнота от жизни, от этой скуки, необходимости как-то существовать, даже если совсем не понимаешь зачем. Ему хотелось облегчения, как при отравлении, хотелось, чтобы скорее вырвало всей этой проглоченной наспех несвежей жизнью.

– Да ничего, просто жалко их и тоскливо так от своего бессилия.

Захра увидела бегущую к ней девчушку с большим бутербродом и понеслась навстречу, виляя мокрым хвостом.

– Эй, ну хочешь, я тебе пообещаю, что я точно стану собакой и вот также буду подбегать, выпрашивая что-нибудь съедобное?

– Угу, – уныло кивнула она.

– Тогда обещаю! Как умру – так сразу к тебе в виде собаки! Честное-пречестное!

– Ну и дурак же ты у меня! – она слегка улыб-

нулась, вытирая тыльной стороной ладони щекочущие слезинки.

Он нежно обнял ее, стараясь поскорей сменить тему.

.....

Когда его хоронили, небо так и не смогло выдавить из себя ни капли, несмотря на нависшие безликие тучи. Промозглый ветер шевелил редкие остатки давно засохших листьев. Закрытый гроб на постаменте был похож на старое пианино, которое уже и не играет, но выкинуть жалко – стоит для мебели, вроде не мешает никому.

В воздухе витали обрывки стандартных фраз: «нелепость... так не вовремя!.. ничто не предвещало... какие надежды». Близкие молчали, оглушенные осознанием произошедшего и попытками понять, почему же все-таки...

...В обшарпанном приюте куратор неспешно открыла вольер со щенками. Маленький черный комочек визгливо бросился к ней, переваливаясь на еще кривых лапах. Через полчаса он неуклюже переминался у нее на коленях, пугливо прячась от автобусных пассажиров. Через месяц в квартире поселилась и рыжая дворняга с несоразмерно большими ушами. Она кормила своих собак со стола, намывала душистыми шампунями, вычесывала шерсть. Злясь и ругая себя за детские желания верить в чудеса, она заглядывала в их глаза, вопреки логике надеясь увидеть в них что-то большее, какой-то знак, намек, послание... Они восторженно виляли хвостами, прыгали, лизали руки и, сворачиваясь клубочками по краям постели, грели всю ночь. У них были потрясающие добрые благодарные глаза. Просто собачьи.

НАДО БУДЕТ КАК-НИБУДЬ ПОСМОТРЕТЬ!

– Здравствуйте, Максим Иванович!

– Добрый день, проходите, пожалуйста. Принесли? – он аккуратно прошел, прижимаясь к стене. Закрывшаяся дверь втолкнула в прихожую запах уличной влаги.

– А то! Думала, опоздаю! Последний оторвала!

– Ну ничего себе! – сказал он просто, чтобы как-то заполнить паузу.

– Вот, держите! Мокрый только, снег с дождем – не укрыться, хорошо, в упаковке! – шелестящий в капельках пакет лег в нетерпеливые ладони.

– Ну-ка, что там сегодня... Нет-нет, не говорите, попробую сам. Проходите, пожалуйста, я сейчас.

Он быстро прошел на кухню, привычно придвинул ногой табуретку, сел за стол и потрогал шов пакета. Затем провел пальцами по упаковке и улыбнулся... Долгожданный момент: можно пару мгновений пофантазировать, напридумывать что-то особенное, вытащив из памяти поблекшие картинки, пока руки осторожно вскрывают шуршащий заводской целлофан. Ради таких моментов он умеет ждать.

– Восемнадцать часов ровно, – механически проговорили часы.

– Все, иду-иду! – сказал он машинально.

Работа всегда оставалась на первом месте, несмотря на маленькие слабости.

– Ну и противный же у тебя все-таки голос! – комически рассердился он на бездушный аппарат.

– Ну как, угадали? – девушка смотрела на него с любопытством.

– Мусоровоз! – удовлетворенно отозвался он. – Не зря ждал, на целую неделю задержали! Потрясающие детали, наощупь чувствуется.

– Почитать вам, как обычно?

– Нет-нет, спасибо. Сегодня ко мне Ира зайдет.

– Молодец, сейчас дети редко заботятся о родителях.

– А обо мне не надо заботиться! – без обиды, хотя и с нажимом произнес он. – Сам всех тяну! И бывшую жену, и нынешнюю, и Иришку.

– Сколько ей?

– Двадцать четыре. Но папина помощь в любом возрасте нужна.

Его лицо осветилось нежностью. И, словно смутившись, он подчеркнуто деловито произнес: «Легли? Сейчас приступим».

– Ну, как ваши дела? – подошел он к массажному столу.

– Да как всегда, одни проблемы. И за окном мерзко: утром встаешь – темно, с работы выходишь – снова темно. Тоска, хоть в окна не смотри, – она сбоку наблюдала за ним. – А это что за модель? Я таких не видела вроде.

– О, это уже усовершенствованная. Выполнена, кстати, отлично, на удивление!

– Все на месте или как в тот раз?

– Да нет, тут они постарались. В прошлый раз тоже все было на месте, но выполнено уж очень схематично. Да и сама модель – «школь-

ный автобус» – ну согласитесь, совсем неинтересна. Даже дворники поленились приделать.

Он растер руки кремом и приступил к работе. По комнате рассыпался запах летних луговых цветов.

– А вы видели? – удивилась она, тут же смутившись от некорректности вопроса.

– Да, старые автобусы – успел. И мусоровозы застал. Кабины у них были зеленые сначала, а потом стали выкрашивать в оранжевый.

– По-моему, их как ни крась, все равно отвратительно пахнут. Никогда не понимала, почему люди выбирают профессию мусорщика, – она сморщила нос и коротко выдохнула.

– Да-да, запах от них во все времена был достаточно гадкий. Но идея... Мусоровозы, бетономешалки, асфальтоукладчики – все это произведения инженерной мысли… Что-то я заговорился, – одернул он себя. – Так не больно?

– Нормально!

– Вот и отлично. – Массажист работал не спеша, выверенными плавными движениями.

Затем достал из кармана носовой платок, чтобы не испачкать аппаратуру, подошел к музыкальному центру и через ткань аккуратно начал нажимать кнопки, выбирая что-нибудь под настроение.

– Шопен. Успокаивает.

Лежа, она разглядывала стеллажи, уставленные моделями машин, танков, самолетов. Их ровные, как будто по линейке вымеренные ряды не менялись годами, только добавлялись новые полки. Плавно сменяющие друг друга мелодии и размеренные движения массажиста умиротворяли, наполняли покоем. Комната как будто дремала в этом привычном замедленном ритме.

– А серию вертолетов еще не выпустили?

– Да не дай бог, что вы! – рассмеялся он. Это ж мне новый шкаф заказывать придется.

Улыбка удивительно шла ему, лицо становилось значительно моложе.

– А вы только готовые коллекционируете? Ау, больно. Только можно сегодня без хруста? А то мне страшно даже.

– Конечно, можно. Кто ж вас заставляет – не хрустите, – добродушно усмехнулся он. – Да, теперь могу только готовые. Лет пятнадцать назад, пожалуй, мог бы собрать, но тогда простых в сборке моделей не выпускали. Как-то купил подводную лодку, но детали совсем мелкие оказались. Другу отдал – пусть мучается.

Он водил подбородком в такт движениям рук.

– Ай-ай, правда, больно, Максим Иванович!

– Не обращайте внимания!

– Но это мои пальцы, как мне не обращать: вдруг сломаются – ходить не смогу! – При каждом хрусте она зажмуривалась, вжимаясь в массажный стол.

– Пока еще все уходили сами. Ну вот и все, отлично справились! Одевайтесь, а я пойду передохну.

– Спасибо!

До следующего пациента оставалось двадцать минут, его руки потянулись к телефону. Пока наливал чай, раздражающие пустые гудки прервались:

– Да, папуль!

– Ириш, привет! Как дела у тебя? Все в силе? – Он любил слушать голос дочери, но все время сдерживался, чтобы не звонить чаще, боясь надоесть.

– Па, я не успела набрать! Да ужасно дела! За машиной в сервис приехала, а они, представляешь, закрасили царапины, а на свету видно, что цвет вообще не потрудились подобрать! Пятно на полдвери! Ну как так можно?! Элементарный вишневый смешать не могут, закрасили обычным малиновым!

– Обидно, наверное. Ну ты не переживай. Может, не очень заметно будет. Это же не самое главное в машине, главное – что ездит.

– Шутишь?! Еще как заметно! Скандал им закатила, вызвала директора! Обещали за три дня исправить.

– Ого, ты молодец, боевая. Тут у меня последний пациент остался. Как раз успеваю в кондитерскую. Тебе как обычно? – он улыбнулся, предвкушая вечерние посиделки с ее любимыми пирожными и длинными разговорами.

– Папу-у-уль, – протянула она по-детски. – Я не смогу сегодня. Видишь, как с машиной вышло. Я из-за этого с Мишкой не увиделась, а мы с ним договаривались в кино сегодня, он так давно ждал – обидится...

Улыбка соскользнула, оставив на лице выражение неловкости. Он поспешил успокоить дочь:

– Ириш, конечно, сходи с ним. А мы с тобой в следующий раз.

– Точно, па? Ты не обидишься? Видишь, кто ж знал!

– Да-да, – заторопился он. – Когда там у тебя будет время, тогда и увидимся. Зачем же мне обижаться, я все понимаю.

– Спасибо, папуль! А то он такой обидчивый

стал, ссоримся постоянно. Фильм уже две недели идет, а я все выбраться не могла. Мишка злится, мол, не на боевики же меня тащит, как мужики обычно, нормальное кино, а я все времени не найду.

– Расскажешь потом?

– Для вас, как всегда, включен подробнейший пересказ: сюжет в деталях, спецэффекты, операторская работа, киноляпы – все, что уловит наше вездесущее око! – пародийно пропела она в стиле ведущих ток-шоу.

– Да, пожалуйста! – рассмеялся он. – И еще сладкий поп-корн, будьте добры!

– Нет уж, от нас только дикторские услуги. Кстати, тебе там кто-нибудь сможет журнал почитать?

– Да, как раз сейчас пациентка предлагала. Мы с ней чая попьем. Все нормально, не переживай. А ты со своим помягче, ссоры – они ведь, Ириш, все потихоньку разрушают...

Ему захотелось обнять ее покрепче, и лицо снова засветилось улыбкой, нежной и мягкой.

– Вот и отлично! А мы во вторник увидимся! Целую!

– До вторника! Береги себя! – Дочь отключила связь, он договаривал уже молчащему телефону. – Обнимаю, очень соскучился.

До вторника оставалось еще четыре дня. Ждать он привык с детства, после того злосчастного гриппа, когда мать начала замечать в его тетрадях расползающиеся строчки. Тогда пролеживая неделями в больницах, пока очередной врач не вынесет свой вердикт, ему оставалось только ждать. Ожидание было тяжелым, гнетущим. Каждый день, наполненный страхом и лишь иногда редкими искрами надежды. С годами он сжился со своими детскими воспоминаниями, перестал отгонять их, заглушать музыкой и аудиокнигами, перестал выбирать из них только что-то приятное. Он научился ценить все, что когда-то успел увидеть, часами перебирая даже больничные детали: узоры на пижаме, зеленые стены палат с облезшей краской, веселых зверей с Айболитом, украшавших пролеты лестниц, коллекцию машинок, которую они собирали всем отделением, странную бурую жижу на завтрак. Формы, цвета, очертания складывались в предметы, предметы – в картины, картины – в фильмы. Он любил смотреть свои «видео». Это единственное, что у него осталось от той зрячей жизни, которая теперь напоминала о себе лишь полутенями.

– Максим Иванович, я пошла! – он не сразу вспомнил, чей это голос.

– А, да-да, иду!

– Вот, держите. Спасибо!

– Кажется, многовато. Тут три бумажки.

– Это три по пятьсот, все правильно.

– А, тогда хорошо, – он убрал шелестящие купюры в карман.

– Вам точно не почитать? У меня есть время!

– Нет-нет, спасибо! Ко мне Ира зайдет, я ее попрошу. Всего доброго!

Он закрыл дверь и вернулся на кухню. Чай остыл. Нажав на часах кнопку оповещения, он услышал: «Девятнадцать часов двадцать минут». Еще оставалось десять минут. Он прошел в комнату, нащупал журнал, вдохнул запах глянцевой бумаги и убрал его в шкаф. Он подождет Иру, всему свое время. Он открыл сервант и ловко достал сегодняшнюю новинку. Пальцы заскользили, ощупывая детали.

– Мусоровоз... Интересно, во сколько у нас обычно мусор забирают?

Каждое утро, выходя из дома в полшестого, чтобы в семь уже принять первого пациента из вечно спешащих офисных работников, он слышал еще спящий город. По вечерам, после десяти, он заставал город уже готовящимся ко сну. Жизнь проходила за окнами его кабинета, пока он работал. Он вспомнил, что давно не слышал звуков стройки, нетерпеливых сигналов пробок, шелеста метлы дворника, и как-то заскучал по этим голосам обычной рабочей жизни. Ему захотелось оказаться в центре этих звуков и запахов, выстраивая в своей фантазии разнообразные картинки того, как все это могло бы выглядеть.

– Мусоровоз, значит... Надо будет как-нибудь сходить посмотреть! – подмигнул он сам себе.

Дмитрий МУРЗИН

КАК БЫ РЕЗВЯСЯ И ИГРАЯ

* * *

Принесли на Авеля похоронку.
Тишина стоит, что ни звук – то всхлип,
Тишина стоит, только треск в колонках.
И не в курсе Каин, во что он влип...
....
Если б Ева сама не рвала где тонко,
То Адам, как трепетный сомелье ,
Пригубил бы яблочную самогонку,
Настоявшуюся на змее.

* * *

Все смешалось в миксере Облонских,
Перед тем, как вырубили свет
И спустили прошлое в клозет.
Нам казалось рынок – это просто.

Но еще в начале девяностых
Человечек-горемыковед
Прикупил себе абонемент
На кончину круглой или плоской.

И пробившись кое-как в партер,
Морщась от литавры и софитов
Он считает раненых, убитых...

Кто-то ему сунул револьвер...
Нежно пахнет кровью дольче вита.
Человечьей кровью, ясен хер.

ЧАЙ

Ополоснуть заварник, а потом
Чай заварить без чайных церемоний,
Добавить мелочей: чабрец, полоний,
И что-то напевать с набитым ртом.

Взгляд в зеркало: чаинка на губе.
Смахнуть и выйти в люди бесшабашно,
Оставив остывать глубокой чашке
Чай черный, словно мысли о тебе.

КОФЕ

По-над городом, как стяг, висит аромат.
Изгибается, полощется, свивается в жгут.
Вдоль дороги спящие с чашками стоят.
Даже не шелохнуться. Чего-то ждут.

В аромат подмешан отечества дым,
Тонкой нежной горечи нить вплетена.
Каждый спящий знает – на том стоим.
Только звякнет ложечка, и тишина.

Каждый спящий знает – грянет рассвет.
Во второй строке да в третьей строфе,
Каждый спящий знает, что в мире нет
Отвратительней «Классики Нескафе».

* * *

Подари мне медузу в тазу золотого аи,
Ничего нет прекрасней союза аи и медузы.
О медузах морскою весною поют соловьи,
О медузах поэтам твердят их усталые музы.

Бросить пить. Поступить для начала, к примеру, в медвуз,
Заучить наизусть на латыни все кости свои человечьи,
Никаких тебе больше стихов, никаких больше муз и медуз,
А здоровое сердце, здоровое сердце и печень.

Мурзин Дмитрий Владимирович родился в Кемерове 28 апреля 1971 года. Окончил Кемеровский госуниверситет математический факультет и Литературный институт. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «Дети Ра», «День и ночь», «Начало века», «Октябрь», «Байкал», «Балтика», «Полярная звезда», «Литературный меридиан», альманахе «День поэзии», в антологиях: «Русская поэзия XXI век», «Ты припомни, Россия, как все это было», «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово». Автор шести поэтических книг. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

И сидеть на приеме, мурлыкать какой-нибудь блюз,
Стетоскопом исследуя пузо больного поэта,
И качать головой, и советовать отдых от муз,
И вообще скорректировать планы на жизнь и на лето.

Все мечты. Спит поэт за накрытым столом,
Погрузивши не морду в салат, а в янтарный мед ус, и
Ему снится, как други-матросы подносят весло,
На весле – как положено – тазик аи и медузы.

* * *

Темно, как у негра в Европе,
Хоть шилом в мешке глаз коту
Коли, и не хватит потопа,
Чтоб смыть с кобеля черноту.

«Здесь будет концерт Игги Попа».
Не сад. И афиши висят.
А что там случилось с Европой?
Закат? Ни фига се закат!

Купить себе майку в Майкопе,
Бред выбросить из головы...

А что там белеет в Евпропе?
Да нет. Показалось. Увы...

* * *

Тяжела атлетика Мономаха,
Асинхронно плаванье, квел футбол.
Проигравшего ожидает плаха
Победителю достается кол.

Выпьем за победу, да где же кружка,
И, по ходу, нечего наливать…
Коротка дистанция, как кольчужка,
А мы еще не начали запрягать…

* * *

Какое сильное звено,
Но – выпавшее из цепочки...
Уменье свыше нам дано –
Как пропадать поодиночке.

По одному нас ловит стая:
Под дых – ага, по морде – хрясь,
Как бы резвяся и играя,
Но не играя, не резвясь.

РУССКИЙ БУНТ

В преддверьи страшного суда
Мы скинулись, чтоб ждать не зря…
Что за вопрос: куда-куда
Послали доброго царя?

Да где же бродит эта фря,
За смертью посланный царек?
Послали доброго царя –
Так он одну и приволок.

И холодочком тянет от…
И ужасом клубится над…
Пока безмолвствует народ,
Пока молчит электорат.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ

Когда пройдут сто видов колбасы
И сдохнут электронные часы,
Закончится весь углеводород –
Тогда тайгой Россия прирастет.
Набычится пузырь в оконной раме,
И в лес идти придется за дровами.

* * *

Валите на меня, как на живого,
Когда решите, что пора валить,
Во весь опор, лопатки, во всю прыть
И верьте, что вначале было слово.
Нет. Слова было два: «Пора валить!»

Как гром во сне приходит телеграмма,
А в ней такой расклад, что нечем крыть.
Еще в роддоме говорила мама:
«Мой милый, дорогой, пора валить!»

В весенней роще сдерживая слезы,
Слез не сдержать и, стало быть, пролить,
Услышав в шелестании березы:
«Чего ты ждешь? Давно пора валить!»

Об этом на ветвях талдычат птицы
И Гамлету надоедают быть,
Любой квадратный метр родной столицы
Всей площадью кричит: «Пора валить!»

Об этом закипает кофеварка,
Об этом завывает пылесос:
Зимой здесь холодно, а летом слишком жарко,
Пора валить! Пора! Пора всерьез!

КОНЧИТА ВУРСТ – ЖЕНЩИНА С БОРОДОЙ

больно было вчера.
сегодня больнее стократ.
кому и кончита – сестра.
кому и кончита – брат.

вот кто-то объелся суш.
вот кто-то опился вина.
куму и кончита – муж.
кому и кончита – жена.

темна, словно евроночь,
печаль у родных осин.
кому-то кончита – дочь.
кому-то кончита – сын.

* * *

Сергеев-Миценский. Новиков-Припой.
Как странен нынче путь в макулатуру…
Найти между страницами купюру
Страны иной.

И прошлое вскипающей волной,
Пощечиной и бешеным аллюром,
Забытым поцелуем, пулей-дурой,
Беспомощностью, счастьем и виной

Нахлынет неотвязно, как икота…
Откуда здесь зеленая банкнота,
Прекрасен ли, ужасен наш Союз
Советский, и поди не разбери:
Аптека, ночь, канал и фонари…
Над трешкою слезами обольюсь.

* * *

Мы брали – ну и перебрали,
Затих наш умный разговор…
О чем играет на рояле
Непросыхающий тапер?

Как у него выходит гладко,
Слащаво, все да об одном…
Играет он о чем-то гадком,
О чем-то мерзком, неродном…

О чем-то гадком, чем-то мерзком,
Неторопливо, не спеша,
Так не по-русски, не по-детски,
Что аж кукожится душа.

Я морщусь, а сосед икает,
И нужно что-то предпринять…
Пока в тапера не стреляют –
Он не научится играть.

* * *

Игорю Дронову

Разберите на запчасти
Молодого дон кихота.
Человек рожден для счастья,
Словно рыба для полета.

Сердце разорви на части,
На четыре части света:
Человек рожден для счастья,
Как ондатра для балета.

Ничего не в нашей власти,
Только выбор: либо – либо.
Человек рожден для счастья,
А ондатра – это рыба.

Нашей долей даже глыбы
Начинают тяготиться:
Человек рожден для рыбы,
А ондатра – это птица.

Все, чему учили в школе,
Позабудьте, перекрасьте.
Человек рожден для боли,
А ондатра – это счастье.

* * *

На новогодней распродаже
Средь мата, давки и нытья,
Едва дыша, едва шутя,
Но не порвав одежды даже,

Он свой опустошил бумажник,
Набрав и снеди, и питья.
Напоминает муравья
И весит меньше, чем поклажа.

Теперь он все допрет до дому
И в праздники впадет, как в омут,
И дверь не будет открывать.

Поскольку знает: в дом с мороза
Влетят надменные стрекозы
И будут долго танцевать...

Галина
ЗОЛОТАИНА

БЫЛИНКИ ДЕТСТВА

КОРЧАЖИХА

(вместо предисловия)

У бабки Ели поперек лба осталась память о муже – шрам. Бил, чем придется, чаще вожжами. «Чтоб ему там вечно гореть!» – говорила она. Даже мертвого не прощала. А пошла за него «убегом» – против воли родителей. Ей семнадцать было, а Мишка служил у старшей сестры в батраках. Убежали, жили на стороне, кинулись родителям в ноги, обвенчались.

В тридцать пятом уехали с Алтая в Среднюю Азию, бежали от колхозов. Там мой дед заразился тифом и умер. «Тятя, тятя!» – Нюрка, плача, бежала за телегой с гробом – обидно было, что не взяли прокатиться до кладбища.

В тридцать девять бабка осталась вдовой с двумя детьми – тринадцатилетним Ванюшкой и шестилетней Нюрочкой. Девчонка была порченая. В два года у нее за ухом появился нарост. «Надо долбить кость», – сказали врачи. В результате был поврежден лицевой нерв, и Нюрка окривела: правая сторона личика стала маскообразной, рот сдвинулся влево, а правый глазик, хоть и прикрывался веком, но плохо.

Родня из Сибири позвала Елю к себе: «Едь, Корчажиха, кусок тебе и деткам найдется!» Дед был мастером по корчагам, его прозвали в алтайской дерневне Локти Корчагой, ну, а жену, естественно, Корчажихой.

В поезде из Средней Азии в Сибирь к Ельке привязалась молдаванка: «Давай погадаю, что было, что будет, скажу!». Что было, бабке опостылело и так, а вот что будет, узнать охота стало.

– Жизнь веселая у тебя будет, выпивать полюбишь, много мужчин вижу, но взамуж никто не возьмет. Мальчонку потеряешь – не щас, в парнях. Помрешь, вижу, в большой церковный праздник. На Паску, думаю.

Поезд отстукивал километры. Ванька с Нюркой посапывали, а у моей бабки зрел страх перед Пасхой.

Каждый год в страстную неделю она ходила по земле, как в последний раз, узелок со «смертным» был заготовлен сразу же по приезде в Сибирь. На последние деньги купила тапки, кофту, юбку, платок. Плача, просила сестру Агафью: «Сестрица, вы уж с Мосеем деток моих не бросайте, в приют-то не сдавайте!» Муж Агафьи Моисей цикал: «На тебе, кобылка, еще пахать да пахать, а ты помирать собралася. Полвека ишшо пробздишь».

Как в воду глядел – умерла через сорок пять лет, на восемьдесят пятом году, 26 декабря. Но всю жизнь перед Пасхой ее охватывал предсмертный ужас.

Иван в сорок втором погиб под Ленинградом. У Анны в пятьдесят шестом появилась незаконнорожденная девочка – я.

ЗОЛОТАИНА Галина Михайловна *родилась 28 апреля 1956 года в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Участвовала в коллективных сборниках: «Дороже серебра и злата» (Кемерово), «На родине моей повыпали снега...» (Кемерово), «Площадь Пушкина» (Кемерово), «Собор стихов» (Кемерово) и др. Печаталась в журналах: «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сибирские Огни» (Новосибирск). Член Союза писателей России. Живет в Ленинске-Кузнецком.*

ИНТЕЛЛИГО

– Ивановна, ты че внучку Галькой зовешь? Вон она у вас какая интеллиго растет!

– Интеллиго – холодны уши! – ворчит бабушка.

Каждое утро бабушка наряжает меня тщательно, учесывает мои русые волосы, сдувает с меня пылинки. Мне пять лет. У меня нет папы, а есть только мать и бабушка. Мать все время на работе, на фабрике.

На переулке меня считают подарком судьбы, но бабушка часто втихаря жмет меня и причитает над ушком:

– Голоушка ты моя печальна, бистрючушка горемычна!..

Мы сидим с ней возле дома на бревнышке. Бегать с ребятишками мне не разрешается – замараюсь. Я от скуки борозжу подошвами по земле, на что бабушка одергивает меня строго: «Не борозди – сандали сотрешь, не напасешься на тебя!».

Но вот бабушке приносят пенсию, она покупает «красенькую», и вместе с соседкой они садятся за стол, а мне разрешается походить маленько за оградой. Одной!

Я бегаю с ребятишками, загребая сандалями переулочную пыль, пью из колонки, колупаю вместе со всеми черный вар с бревна и жую. Хожу по гостям, ем угощенье, учусь материться.

Через некоторое время бабушка, подобревшая, пьяненькая, кричит из-за ограды:

– Галька, иди исть!

Озорные старшие ребята учат меня потихоньку: «Скажи: баба, отыбись!» Я кричу это на весь переулок. Бабушка мгновенно трезвеет, срывает прут, мой рев слышат все соседние улицы.

Уреванная, накупанная в большой цинковой ванне, я засыпаю на бабушкиной кровати под бормотанье радиоприемника.

Вечером бабушка жалуется матери: «Галька пошла по плохой дорожке, уже лается, как Семен Хромой!»

Мать смотрит на меня устало, равнодушно. Ест суп, на глазах у нее я вижу слезки.

– Мамочка, прости меня, я больше так не буду.

– Ладно, – говорит она, – в воскресенье пойдем в парк.

Потом поворачивается к бабушке и произносит:

– Только тронь еще ее...

Я затыкаю уши, потому что они сейчас начнут ругаться. Мне их жалко обеих, потому все из-за меня, из-за меня, из-за меня!..

ДАИХУСИМ

Самые запомнившиеся конфеты детства – «Ромашка». Мы с бабушкой идем в гости к «далекой» родне – Кулаковым. По пути заходим в магазин, где работает наша соседка Маруська. Бабушка покупает шкалик, чтобы с бабой Ганей вспомнить юность, а мне Маруська под весами проталкивает шоколадную конфетку «Ромашка» по сорок рублей. Я тут же хочу ее развернуть, но бабушка прячет конфету в карман: если заведующая увидит, то Маруську «скинут». Выгонят за разбазаривание государственных конфет.

*

– Томка, твой отец из тюрьмы пришел!

Томка, моя подружка, чумазая, бросает на землю кукольную посудку, а что делать дальше, не знает.

– Иди, рыло из ковшика умою, – говорит моя бабушка.

Через полчаса Томка выбегает из своего дома с кульком конфет «Ромашка».

*

Томка врывается к нам в ограду и истошно орет:

– А-а-а! Папка мамку гоняет!!

После возвращения ее отца из тюрьмы это происходит регулярно.

Бабушка бежит к ним. Возвращается с разбитым носом. Я реву, жалко бабушку.

Она умывается и ругает себя:

– Зачем, дура, опять пошла? Ну, вот и получила. Разнимальщице плизент!

Вечером пришли Томкины мать и отец, чуть ли не под ручку. Пить мировую.

Томкин отец говорит: «Теть Еля, прости, хотел ведь Клавку, а ты подлезла! Че ты за ее, курву, заступаисся?»

Бабушка режет что-то на закуску и посмеивается.

Подпив, Клавочка закуривает папироску, в избе воняет костром, как осенью в огороде. У бабушки язык становится быстрым, она поругивает Клавочку:

– Ты почто куришь, ребенчонок задохнет в брюхе. Скинешь.

– А, даихусим!

Когда они уходят, мы с Томкой не видим, уснули, набесившись на бабушкиной большой кровати.

БЕЛАЯ СЕРКА

– Ивановна, – окликает через ограду соседка баба Клава мою бабушку, – да пропади ты про-

падом! – собачонка Розка получает смачный хозяйский пинок. – Ивановна, слыш-ка, айда на барахолку!

«На барахолку! – ликует мое шестилетнее сердечко, – за белой серкой!» Честно говоря, жевать черный вар, отколупанный с бревен, не очень-то приятно: он тугой, прилипает к зубам, и от него во рту набегает много слюней, но удержаться невозможно, потому что жуют все – и Томка, и Вовка, и Колька. Бабушка пальцем вылавливает у меня изо рта продолговатую жевку, обтирает палец о фартук. Я поревываю больше от бесцеремонности извлечения, чем от утраты.

– Не реви, вот пойдем на базар, купим там хорошую – белую! – серку.

Мы идем вверх по шоссейке. Солнце припекает. «Угорела?» – спрашивает бабушка. «Аха», – отвечаю я. Подходим к водонапорной чугунной будке. Бабушка достает платочек (один конец завязан узелком – там деньги), складывает его перевернутым парашютиком, баба Клава наваливается на рычаг колонки, бабушка подставляет под неистовую струю парашютик, а я опускаю в него полфизиономии.

У ворот базара стоит мороженщица, перед ней фляга, внутри которой рядками лежат эскимо на палочках. Продавщицу я знаю всю свою жизнь. Боготворю. Вместо одного глаза у нее ямка с запавшим верхним веком. Мои старушки называют ее «сердешной», значит, несчастной, чего я категорически не разделяю, готовая без раздумий занять ее место, даже ценой собственного глаза. И вот, равномерно поворачивая, я лижу вожделенное эскимо.

Баба Клава выбирает брезентовые тапочки, меряет, приценивается, бабушка ей помогает, торгуется, а я высматриваю вокруг шматок большой белой серки.

Ого! Какой солдат идет – с медалями и с бородищей. Поет. «Ба, это Александр Матросов?» – спрашиваю я. «Какой еще Матросов, – буркает бабушка. – Это Андрюша Базарный».

Вокруг дурачка собирается полукруг, кто-то пытается сдернуть одну из медалей. Андрюша начинает кричать и кидаться на посягателя. Народ хохочет, подначивает. Я боюсь драк. «Ба, пошли домой!» – начинаю канючить я, но бабушка, крепко ухватив за руку, тащит меня в центр толкучки. Там стоят длинные прилавки, а на них южное великолепие: дыни, арбузы, яблоки, виноград, урюк. Прочитав мой алчущий взгляд, узбек с масляной улыбкой отрывает грязными пальцами от грозди одну виноградину, протягивает ее мне. Бабушка рывком утаскивает меня в сторону со словами: «Да подавись ты своим изюмом!»

Домой возвращаться не так весело и легко, хотя дорога и под горку. Бабушка несет на плече новое коромысло, гладкое, с крючочками, а через плечо бабы Клавы перекинуты брезентовые тапочки. Я понуро, как на поводке, тащусь за ними, думая о напрасно посуленной белой серке: «Ладно-ладно, бабочка, я тебе припомню…».

КУДА НИППЕЛЬ ДЕЛИ?

В переулке появилась новая девочка – Люська. Бабушка сказала:

– Тюремшшик опять новую взял. С ребенком.

Тюремщиком был сосед Аркашка, новая была тетя Нина, а ребенком была Люська. Она уже училась в школе, в четвертом классе, и, конечно, стала среди нас большим авторитетом.

Мальчишки уважали новенькую за то, что у нее был велосипед. Хоть и без рамки, «дамский», но зато к железячке сбоку был приделан настоящий насос. Можно было все время подкачивать колеса, а это не менее интересно, чем даже нестись на велике под горку, для выпендрежа опустив руль.

– Куда ниппель дели? – кричала Люська. Все начинали всматриваться в дорожную пыль, искать ниппель, хотя многие, как и я, не знали даже, что это такое…

Девочки боготворили Люську за капроновые белые розищи в косах. У нас-то были задрипанные атласные ленточки – «коснички», как называла их бабушка.

А у Люськи были шикарные ленты, которые она с одного края собирала иголкой на нитку, стягивала, закрепляла. Потом в сердцевинку розы вставляла железненькую шпильку, которую втыкала в основание толстой косы.

По примеру Люски все девочки стали крутить у виска пальцем и спрашивать у мальчишек: «У вас что, нехватки?».

Через год у Люськи родилась сестренка Танька. Мать посидела дома маленько и опять вышла на работу, на швейку. Люська оставалась водиться с Танькой. В дом нас пускала не скопом, а по одному. «Ты завтра приходи, – говорила она мне, – ватку не забудь захватить!» Ватка была нужна, чтобы усыплять Таньку. Малышка брала в пальчики кусочек ватки, теребила его, потом глазки засыпали, а пальчики еще тереби-

ли, а потом и пальчики засыпали. Все няньки ходили помогать Люське водиться с Танькой со своими ватками.

Однажды я пришла, постучала в дверь, Люська дверь не открыла, а высунулась в окно и сказала: «А Люси нет, она уехала, а я ее сестра Оля. Мы с ней двойняшки».

Так началась новая игра в Люсю-Олю.

«Юся, Юся», – тянула ручки Танька, а Люська сердилась: «Какая я тебе Люся – я Оля».

Люська исполняла роль Оли так достоверно, что мне временами казалось, что это правда никакая не Люська, а ее двойняшка Оля…

Лидия СЫЧЕВА

В ГОСТЯХ У «ЗОЛОТОГО МИЛЛИАРДА»

Рассказ

После суда над фашизмом Варвара Парамоновна вышла из школы с гудящей головой. Давно замечено: чем меньше педагогам платят, тем больше у них энтузиазма. Вон вчера во вторых классах ставили мюзикл «Кошкин дом», сегодня десятиклассники три часа Гитлера прессовали…

Короткий день уже сменился серыми сумерками, и особенно мрачно в жалком освещении редких фонарей смотрелся облупленный фасад кипрянского «дворца знаний». Школа была приговорена к закрытию, и, казалось, что старые стены чувствуют обреченность и уже смирились со своей незавидной судьбой.

– Чтоб еще придумать, как изощриться, чтоб нас не выгнали, не оптимизировали?! – задумчиво-отчаянно выговорила Варвара Парамоновна.

– Все равно закроют, ничто не спасет – ни фашизм, ни холокост, – меланхолично откликнулась коллега-филолог Жанна Альбертовна.

Варвара вздохнула, покосившись на ухоженную словесницу, – ей-то, понятно, все по барабану, у нее муж обеспеченный, прокормит, если что, она и на работу ходит, чтоб тряпки от моли пронашивать. А тут считаешь каждую копейку…

Но Жанну неожиданно понесло:

– А давай бросим все, в Москву махнем!..

Варвара аж споткнулась на ровном месте, заохала:

– Я не могу, папа на мне, один живет, он как малый ребенок, два раза в день звоню, убирать и готовить езжу… А тебе зачем Москва? Ты ж там не выдержишь, столичных нагрузок не сдюжишь!

– Проживу! – жестко рубанула Жанна и скорбно поджала розовые губки. – Мне супружник еще и доплатит, лишь бы я тут не болталась!

– А чего ж ты киснешь в нашем болоте? – ахнула Варвара.

– Боюсь, назад возврата не будет. У него в соседнем с тобой доме любовница молодая…

– …Да ты что?!.

– Представь себе!.. И я за этой селедкой ржавой надзираю, чтобы она моего кота мартовского (он и по гороскопу Кот, и родился в марте – все сходится!) не перетянула.

– Кто она? Не Люсьена ли из налоговой? – Варвара быстро перебрала соседей и сразу вышла на подходящую кандидатуру – одинокую долговязую брюнетку из «однушки» на первом этаже.

– Она! – с горькой ненавистью выговорила Жанна и разразилась таким страстным монологом, что и судьи Гитлера позавидовали бы.

«Однако… – осмысливала Варвара обнаружившийся любовный треугольник, – вон что с богатыми деется!.. На чувства от безделья потянуло. Легкие деньги – питательная среда для пороков».

Дома Варвара поужинала, включила телевизор. Репортер вещал про забавы «золотого миллиарда» – кто яхту купил, кто клуб футбольный, а кто и манекенщицу импортную на Рублевку завез.

И тут затренькал мобильный. Звонил папа. Варвара еле разобрала слабый голос, мол, все, кранты, скорую сам вызвал: «Помираю, не знаю, доживу ли до утра!..».

– Жди меня, на такси приеду!..

«На два дня оставила, и вот результат», – негодовала Варвара. Машина тряско везла ее по пустынным кипрянским колдобинам – тут яма, там «лежачий полицейский». «Что за люди дикие!.. Ну, померяй ты давление, таблетку выпей. Сам видишь, что медицина вся угроблена, они к старым людям и не едут – им чем меньше народа, тем лучше, хоть вы все перемрите! Нет, «лекарства – это яд!..» А если тебя парализует, что я с тобой делать буду?!.»

СЫЧЕВА Лидия *родилась в 1966 году в с. Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Окончила истфак Воронежского пединститута и факультет прозы Литинститута. В 1998 году дебютировала с рассказами в «Новом мире». Автор 11 книг прозы и публицистики, многих общественно-политических и литературных изданий, лауреат литературных конкурсов и премий. Главный редактор интернет-журнала «МОЛОКО» («Молодое око»). Живет в Москве.*

За десять минут, пока угрюмый таксист вез Варвару с одной окраины на другую, в частный сектор, в ее воображении нарисовалось несколько страшных картин возможного развития папиного нездоровья. Некстати полезло в голову и трагикомическое: у кумы Полины свекра разбил инсульт. Кума его выходила, он уже и по двору кое-как дрыбает. Полина рассказывала:

– Я ему говорю: папа, вы не вздумайте помирать! Мы на вашу инвалидную пенсию кормимся. А он: «Ой, дочка, буду стараться, тянуться!» Молодец, вылез. А то хоть самим в гроб ложись – работы, сама знаешь, никакой. (После закрытия фельдшерского пункта кума сидела дома и жила натуральным хозяйством.)

Варвара подъехала, когда скорая, бибикая, выруливала от отцовской хаты. Папа лежал на диванчике после укола с совершенно погасшим лицом. Видя такой печальный расклад, Варвара даже не стала его запугивать опасностью небрежения к лекарствам – было ясно, что дело плохо.

Чтобы как-то заглушить тревогу и никудышнее, если не сказать, отвратительное, настроение, Варвара взялась за уборку. Мелкие суетливые движения отвлекали ее от неприглядной правды жизни. Подмела полы, пыль вытерла, салфетки расправила, подушки на кровати в горнице взбодрила, подзор оправила. Двинулась на кухню, тут и Барсик объявился, она ему каши овсяной в плошку – на, ешь. А он морщится, башкой крутит – до чего же нравный кот, прямо дворянин!.. Ну и ладно, иди отсюда, неголодный, значит…

Отец вроде оклемался, сел на диванчике. Голос подал:

– Весной огород дальний обязательно пахать надо…

– Какой тебе огород! – взвилась Варвара. – Только с того света вернулся! Кто эти плантации обрабатывать будет?!

– А земля пустует?!. Это ж непорядок…

Началась привычная распря. Но спор шел вяло – отец был вымотан перенесенным потрясением, а дочь, чтоб не разволновать, перечила без обычного жара.

И тут Варвара услышала стон. Так кричат брошенные дети. Или это ветер воет за окном? А может, коты дерутся? Или почудился ей этот звук? Но через минуту стон повторился. Встревоженная Варвара открыла дверь в коридор и теперь ясно разобрала слабый кошачий вой с чердака.

– Пап, Барсик на горищах, слезть не может!..

– А я что ж? Снимать его буду?! – слабо хихикнул отец. – Во, дожили! Коты потеряли цепкость. Пропал мир!..

Пока отец сокрушался о судьбах погубленной прогрессом кошачьей популяции, Варвара двинулась по лестнице в темный зев чердачного отверстия. Барсик слабо упирался, когда она стала тащить его вниз. Бедняга весь дрожал, шерсть на загривке вздыбилась. Варвара занесла кота в хату и поразилась произошедшей в нем перемене: несчастное животное скрючилось и даже уменьшилось в росте. Барсик слабо стонал. «Отравился! – сразу поняла Варвара. – Хватил где-то крысиного яда!»

– Да что же это за день такой! – она пришла в отчаяние. – Ни на минуту вас оставить нельзя, сразу падеж начинается! Кот – негожий, ты – негожий! Придется опять такси вызывать, везти к ветеринару. Подыхает на глазах!..

Папа подозрительно пристально посмотрел на Варвару. Но ей недосуг было разбираться в оттенках родительских чувств: надо спасать Барсика! За окном темная ночь, посему к ветеринару ехать бессмысленно. Варвара натолкла в чашке активированного угля, разболтала водой, закачала раствор в резиновую грушу. Теперь предстояло самое трудное – заставить проглотить лекарство. Варвара всунула наконечник в кошачью пасть и начала медленно вводить жидкость. Барсик, как ни странно, не сопротивлялся – то ли понял, что дела его швах, то ли не осталось сил на борьбу с медицинским насилием.

Наконец операция по обеззараживанию была закончена. Кот бессильно пал у ее ног. Но Варвара понимала недостаточность проведенной реанимации:

– Попробовать покормить, что ли?

Схватила на руки, понесла к плошке с кашей. Против ожиданий, кот взбодрился и откушал с большим энтузиазмом. Он даже попросил добавки! «Хватит! – здраво рассудила Варвара. – А то заворот кишок будет». Она ликовала: оздоровление благородного животного вполне удалось.

И вот настал миг семейного единения и идиллии: дочь и папа сидят в старых креслицах, а между ними на половике калачиком свернулся многострадальный кот. Глаза прикрыл, хвостом огородился. Телевизор тем временем толковал про тандем, преемника и альтернативу.

Варвара умиротворилась, а все ж для профилактики отцовского мировосприятия завела

привычную пластинку, что вот, де, если бы не ее присмотр, то и папа, и кот давно были бы в иных мирах.

Папа все выслушал смиренно, тихо вздыхая. Потом ехидно прищурился:

– Вот я гляжу на тебя, Варвара, ты все с этим котом колготишься. А зачем? Это ж не наш кот.

– Как не наш? – опешила Варвара. (Ужасная мысль тотчас озарила ее сознание: совсем папа сдал, вот уже и разумом путается.)

– А так, – рассудительно продолжил папа, – у нашего кота расцветка тигровее, полос больше на боках. И морда умная.

– Морда умная! – передразнила Варвара папу. – Тут любую морду от голода и от отравления потеряешь. Он же весь трясся, он – больной! А ты от него отрекаешься, – укорила Варвара папу.

– Да ничего я не отрекаюсь, – обиделся папа. – Я, если хочешь знать, без нашего Барсика жить не могу! Он меня лечит от тоски – на грудь ложится, на живот. Знаешь, как одному тяжело?! Но я тебе авторитетно заявляю: это не наш кот.

– А кто ж это тогда? – скептически вопросила Варвара. – Преемник, что ли?

Папа спорить не стал, только рукой махнул: что с тебя, умной, взять!..

Варвара несказанно опечалилась: вот что старость с людьми делает – родного кота человек не признает. Того и гляди, она невесело усмехнулась, приедешь, а он у дочери родной спросит: «Ты кто?».

Горестные размышления прервал телефонный звонок.

– Что с папой? Как он? – это сестра Василиса объявилась.

Варвара коротко доложила обстановку: мол, и папу отходила, и кота, а то было совсем худо.

Василиса пустилась в философствования:

– И за то слава богу – восемьдесят пять лет, а человек себя обслуживает. Между прочим, если ты в таком возрасте сам передвигаешься и в памяти, да еще и кот при тебе, значит, ты вошел в «золотой миллиард»…

– Че? Какой такой «золотой миллиард»? – возмутилась Варвара.

Но несерьезная (в папу) Василиска хихикнула и подтвердила – да, мол, папа в элите человечества, а вот как у них с сестрой дела пойдут – это еще вопрос.

Закончив бестолковый разговор, Варвара вспомнила, что не закрыла ворота на чепок. Неохота идти, а надо – ворья да лихого люда вокруг беззащитного «золотого миллиарда» полно.

Вышла на крыльцо и опешила: в круге света сидел Барсик!

Варвара схватила его на руки, вбежала в горницу.

– Папа! – вскричала она, показывая на кота, лежащего на половике. – А это кто?!.

Папа тонко, заливисто хихикал, вытирая слезы и приговаривая: «К ветеринару хотела везти… кота приблудного… лекарствами поила… ой, не могу!..»

Уязвленная Варвара тоже начала смеяться. А коты, увидев друг друга, подобрались, зафырчали. Они и впрямь были похожи, как братья, оба нежной, серо-дымчатой масти, только Барсик побольше и действительно «тигровей» – полоски на боках у него шли чаще. Зато у приблудного шерсть была гуще и пушилась.

– Как же он на чердак попал? – недоумевала Варвара. – Сколько он там, интересно, просидел? И куда нам девать этого «преемника»?!

Барсик презрительно смотрел на хозяев: он был в шоке от появления на его законном месте безродного пришельца...

– Ты когда приедешь? – звонил через день отец Варваре. – Коты меня разоряют, я не могу их содержать! Всю колбасу из холодильника отдал им. Приезжай, корми своего, я за него не отвечаю! Он теперь на пороге сидит, никуда не уходит.

Варвара повесила трубку, начала собираться.

Опять звонок! Жанна на проводе:

– Выйди, пожалуйста, глянь, стоит у соседнего дома серебристое авто с номером 169 УК? Куда моего супружника на ночь понесло, на какую такую «линию», где якобы «обрыв»? Пойди посмотри, он уже должен доехать к ней…

– А если и тут, что ты делать будешь?!

– Не переживай, придумаю. Я ему устрою Куршевель, мало не покажется!..

«Да уж, – думала Варвара, спускаясь по лестнице. – На одну семью – два кота. На две семьи – один мужик…»

2013 г.

Дмитрий ХОБОТНЕВ

КЛУБ НЕУХОЖЕННЫХ МОГИЛ

Рассказ

Помнится, было тепло и влажно. Однотонное, как серый натяжной потолок, небо создавало тот парниковый эффект, при котором только огурцы выращивать, а не наслаждаться погодой.

Впрочем, место, где я в тот день оказался, с теплицей ничего общего не имело. Здесь, правда, сеяли, понимая, однако, что надежды на всходы нет. Одним словом, это было кладбище.

Я никогда не любил кладбищ, хотя кто их любит, если разобраться? Разница лишь в том, что нелюбовь у каждого своя. Причина моей нелюбви крылась в неухоженных могилах. Меня всегда угнетал их скорбный вид.

Есть здесь и весьма существенный личный момент. Будучи уже далеко не юношей, я так и не обзавелся наследниками. Разумеется, имущество после завершения человеком жизненного пути не пропадает – всегда найдется какой-нибудь восьмиюродный, желающий предъявить права на материальные блага. Однако, когда речь заходит о том, чтобы хоть раз в три года покрасить оградку или подновить памятник, желающих афишировать родственные связи с усопшим становится значительно меньше. Это не хорошо и не плохо. Это нормально и логично. Чтобы о тебе помнили тысячелетия, нужно лежать в чем-то вроде египетской пирамиды, а не в такой ненадежной штуке, как земля.

Наверное, многим из живущих доводилось заявлять о безразличии к своему положению после ухода, но мне чудится здесь изрядная доля лукавства.

В этот теплый влажный день были похороны. Предавали земле мою соседку по подъезду, древнюю старушку, пережившую собственных детей. Собралась кучка претендентов на опустевшую квартиру, и было даже несколько любопытно наблюдать за тем, как они пыжились и пускали пыль в глаза друг другу, намекая на первоочередность. Бабка была, в сущности, безвредным человеком, и, когда меня попросили помочь на церемонии, я не увидел причин для отказа. Не хватало мужчин нести гроб, а о затратах на услуги ритуального агентства борцы за квартиру как-то позабыли. Впрочем, бог с ней, с квартирой, это к делу не относится.

До кладбища доехали на специальном автобусе с отсутствующими задними сиденьями, и по приезде я понял, что моя помощь, в сущности, не требовалась. Место захоронения располагалось не далее, чем в пятидесяти метрах от дороги, а старушка была очень легкой, так что вполне могли обойтись даже женскими силами.

На старом кладбище давно уже закончилось место, и хоронили только тех, кто еще в незапамятные времена позаботился о делянке. Могилы причудливо и непостижимо соседствовали с частными избушками, так что домовладельцы, сажая картошку, легко могли дотянуться до ближайших оградок. К тому же я узнал, что многие из этих крестьян успели за последние годы значительно уменьшить площадь своих огородов, продавая землю под погребения. Вырученные таким способом деньги они банально пропивали.

Когда мы несли гроб, единственным осложнением явилась узковатая тропинка. Сюрприз ожидал в конце пути. Оказалось, что могила еще не докопана. Могильщиков родственники нашли где-то на стороне, так как такса кладбищенских землекопов показалась им завышенной. Яма была уже готова, но за десять минут до нашего приезда заявился невысокий пожилой человек и, представившись смотрителем, попросил углубиться еще на штык, мол, налицо несоответствие санитарным нормам. Подозреваю, что ему эти нормы были до лампочки, а истинная при-

ХОБОТНЕВ Дмитрий Николаевич *родился в 1978 году. Учился в Сибирском государственном индустриальном университете. Окончил Кузбасскую государственную педагогическую академию по специальности «учитель русского языка и литературы». Работает шахтером. Автор книги рассказов «Мост». Член Союза писателей России. Живет в Новокузнецке.*

чина принципиальности скрывалась в желании отомстить за отказ от местных услуг. И теперь два раздетых по пояс взмокших мужичка лихорадочно махали лопатами на дне могилы, проклиная смотрителя и духоту.

Мне предстояло торчать здесь до окончания церемонии, чтобы вернуться на автобусе, и, определив навскидку, что работы не меньше, чем на полчаса, я отправился побродить по окрестностям.

Это было абсолютно бесцельное хождение, убить время, не больше. Меня с этим кладбищем ничего не связывало. Здесь наблюдалось то самое угнетающее запустение. Свежие могилы практически отсутствовали, а ухоженные пребывали в явном меньшинстве. Повсюду я видел ржавые оградки и памятники, выцветшие фотоовалы, покосившиеся, а то и вовсе упавшие кресты, мощные, чуть не в человеческий рост, кусты, растущие прямо над захоронениями. Бутылки из-под спиртного с бледными от дождей и снегов этикетками валялись под растрескавшимися почерневшими скамейками. Попадались могилы, где земля осела на добрых полметра, засосав в себя почти рассыпавшиеся плиты. На ум невольно приходила мысль: за чем, собственно, смотрел смотритель, столь рьяно пекущийся о санитарных нормах? Из тех памятников, на которых еще можно было различить даты, самым старым оказалась заржавевшая донельзя металлическая пирамидка. У меня уже начали чесаться глаза, когда я наконец сумел в гравировке на квадратной табличке различить цифры: 1876–1952. Помнится, легкие мурашки пробежали по коже. Я словно на миг ощутил связь времен и поколений. Не ахти какая старина – тысяча девятьсот пятьдесят второй год. Но я подумал, что человек, лежащий здесь, всеми забытый и покинутый, на тринадцать лет старше Гитлера. Он родился всего лишь через пятнадцать лет после отмены крепостного права, а когда началась Великая Отечественная война, уже был стариком. А его дед или прадед могли появиться на свет еще в первую Отечественную войну. Всего каких-то три-четыре поколения разделяли изобретение фотографии и создание атомного оружия. Вдруг представилась длиннейшая цепочка, ведущая куда-то за горизонт в невообразимые времена каменных орудий и мамонтов. И ведь этот человек наверняка знал своих родителей, те – своих, и так из века в век, из тысячелетия в тысячелетие пробивалось, превращаясь в дерево, семя, брошенное когда-то в землю эволюции. И, словно листья осенью, опадали с него люди, обращаясь в подобия таких вот ржавых, никому не нужных памятников. Да, это действительно угнетало. Точно я попытался примерить на себя рубашку времени и ощутил, насколько мелковат мой размерчик. Я ходил по этим тихим «улицам», разглядывая блекнущие фотоовалы, и шепотом ругал смотрителя, по вине которого пришло на ум подобное коротание времени. Какое коротание может быть у чего-то неизмеримого? Не время я коротал, а себя, бесцельно и бессмысленно. Конечно, останься я наблюдать, как вспотевшие мужики роют могилу, цельности и смысла больше не стало бы, но я, по крайней мере, не увидел бы эту ржавую пирамидку и не стал бы себя накручивать разными угнетающими мыслями.

Когда я вернулся к месту погребения соседки, могильщики уже выбрались из ямы и тяжело торопливо курили, усевшись на ближайшую оградку. Смотритель стоял в сторонке, и в его цепком хитром взгляде читалось удовлетворение. Кучка наследников окружила стоящий на двух табуретах гроб. Женщины всхлипывали, получалось у них неважно. Маленькое морщинистое лицо покойницы казалось неестественно желтым на фоне белой подушки. Странно, во мне, постороннем, в сущности, человеке, было больше сожаления, чем в тихо ненавидящих друг друга родственниках. Я смотрел на них и понимал, что памятник в виде грубой стальной трапеции с маленькой круглой фотографией обречен с этого дня на одинокое ржавление, что только дождь, снег да палящее солнце будут его посетителями. Связь времен разорвалась, память дала сбой… «Клуб неухоженных могил» – именно такую вывеску следовало бы поставить у входа в это тоскливое место. Но только ли это? Сколько таких мест по нашей земле? Сколько брошенных деревень, от которых остались лишь ржавые трапеции и едва различимые даты? Простые добрые ценности ушли на второй план, пропустив вперед таких вот ненавидящих друг друга людей, не думающих о том, что «клуб неухоженных могил» ждет, когда они наконец-то присоединятся к позабытой старушке…

Гроб зарыли быстро, как показалось, даже излишне быстро. Воткнули в комковатую жесткую землю памятник и оградку, выпили понемногу, раздали носовые платки и конфеты... И все. Женщины даже не всхлипывали, и какие-то по-

сторонние, не имеющие связи с погребением, тихие разговоры прокрались в душный воздух. Едва ли не кожей я ощутил, что уже здесь, около неувядших погребальных цветов, началось ржавление памяти...

Меня, разумеется, пригласили на поминки, которые заказали в маленькой обшарпанной столовой, в обычные дни служащей приютом для любителей опрокинуть стопятьдесят на скорую руку.

Ехать не хотелось, но я поехал – лишь для того, чтобы хоть один человек искренне помянул ушедшую в неизвестную даль старушку.

После первого же стакана, который предварила речь одного из родственников, явно тяготившегося своей ролью, ржавление стало зримым. У меня на глазах стальные прутья оградки начали покрываться бурыми разрастающимися необратимо пятнами. Цветы вяли, превращаясь в медленно оседающую землю. Неудержимый вьюн обвивал памятник, впитывая в себя, точно удобрение, погребальные соки. И только птицы щебетали над запустением, понимая, что так нельзя, понимая, что абсолютное забвение убивает не мертвых – оно убивает живых, разрушает в них что-то очень важное, что-то отличающее человека от дикого зверя.

Домой я вернулся около шести часов вечера. В пакете лежала водочная поллитровка, которую мне всучила «благодарная» родня. В кармане брюк – носовой платок и конфеты. В одиноком зале я сел в кресло и разложил все это на стоящем рядом журнальном столике. Такое нехитрое меню предлагали нынче в «клубе неухоженных могил». Отпивал прямо из горлышка, закусывал конфетой, утирал губы платком, глядел на наливающийся темными красками вечер за окном. Потом повторял все снова: водка, конфета, платок, вечер... И чем больше я повторял, тем сильнее ржавела память, тем причудливее змеился вьюн по крестам и плитам, тем глуше становились звуки похоронного марша... Я засыпал, и мне хотелось только одного – никогда не стать членом «клуба неухоженных могил». Я думал о том, что величайшие злодеи остаются в тысячелетиях, а простые незаметные люди тают и исчезают, словно крохотные свечки. Конечно, невозможно жить веками для всех, но почему же нельзя, чтобы хотя бы несколько человек, а потом их дети, внуки, правнуки хоть на миг вспоминали о тебе, поднося платок к губам?..

Я уснул в кресле, не найдя ответа на вопрос, с одним лишь печальным осознанием, что так было, есть и будет всегда.

Декабрь 2012 г. – октябрь 2013 г.

Виктор БРОВИКОВ

ЛЕТИ, ПЕЧАЛЬ МОЯ, ЛЕТИ!

1

Я так в тебя, что надо мною звезды
Качаются. И кажется тогда,
Что если просто тыкнуть пальцем в воздух...
Но, впрочем, не всерьез и не всегда.

Я так в тебя, что подо мной земля
Так очевидно для чего-то для,
Такой имеет смысл, что не наступишь.
Я так в тебя. А ты меня не любишь.

Я так в тебя, что если отпустить
Снежок, то он взмывает вертикально.
Я так в тебя, так глупо, так банально,
Я так в тебя, что это не забыть.

Я так в тебя, так просто, так нелепо,
Я так в тебя, что, знаешь, иногда
Я поднимаю руку. Тычу в небо –
И загорается еще одна звезда.

2

Лети, лети, печаль моя, лети!
Лети, печаль, лети, печаль, как птица,
Через поля, моря, через границы,
Лети, печаль, прости, печаль, прости,

Прощай, печаль, все будет хорошо –
Немножко пусто, но совсем немножко.
Спокойно, мирно, тихо – понарошку
Все будет, но чего желать еще?

Лети, печаль, за осенью лети!
Лети, печаль, в свои чужие дали.
Лети, печаль, лети в страну печалей,

Лети, не вспоминай назад пути.
Лети, покуда крылья не устали,
Лети, печаль, лети, печаль, лети!

4

В рабочий полдень все предрешено:
Мне есть, с кем есть, мне есть, где спать,
мне есть, с кем выпить.
Аля-улю, не ново все давно.
Зачем стучусь – не знаю, чтобы выжить.

Шагая через свой загул во тьму,
Попутно разменяв мечту попроще,
Я знаю достоверно по уму:
Ты новая мечта на те же дрожжи.

Тебе – твои, мне – общие печали,
Мы, если нижней строчкой подчеркнуть,
Настолько ничего не обещали,

Что не в чем нам друг друга обмануть.
Не смыться. Не стикать. Не улизнуть.
С тобой мы столько не друг друга ждали...

Что ожиданье заменяет суть.

5

Ты знаешь... Здесь так тихо, что не слышно,
Как листья падают и как грохочет снег.
Он в этой тишине вообще не лишний.
Но тускл и блекл.

Ты знаешь, ты почти совсем забылась,
И я почти что не хочу с тобою быть.
Отбилось, отдышалось, отлюбилось.
Ты можешь и пойти, и отвалить.

Ты знаешь, а у нас – ну, у меня,
Всегда зима, всегда, всегда зима.
И не у кого попросить огня.

И если бы ты думала сама,
То знала бы, тебя со всем приданым
Любить так сможет разве только мама.
И я.

БРОВИКОВ Виктор Васильевич *родился 10 октября 1980 года в Тюмени. Участник литературных студий «АЗ», «Притомье», «Перекресток». Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «День и ночь», «Радуга». Автор книги стихов «Слова и очетания». Живет в Кемерове.*

6

Специалист ворочанья в постели,
Опять не сплю который час подряд,
А за окном пылает листопад,
Сырой октябрь, рассвет, конец недели,
Рабочие по улице спешат,

Стучит рогами заспанный троллейбус,
Гудят машины пешеходам: «стой»,
Угрюмый дворник все сучит метлой,
А через час я встану и оденусь –
И на работу с мутной головой.

Так и живу, ни отдыха не зная,
Ни, в общем, спорных радостей труда,
Не зная счастья, чтобы без стыда,
Из полусна в бессонницу ныряя,
И зная, так и буду жить всегда.

Так и ползу промежду сном и явью,
Потом зима – и дальше по кольцу,
Судьба не ходит к моему крыльцу,
Я точно ничего не угадаю
По нелюбимому ее лицу.

Так и тяну – бессмысленно страдая,
Так не поняв, зачем я нужен здесь,
Зачем мне нужен мир огромный весь,
Кого-то жду, кого, и сам не зная,
Но если вправду ты на свете есть –

Когда-нибудь такой сырою ранью
Приди и прекрати бессонный бред,
Приди и заслони рукой рассвет,
Приди, чтоб оборвать мое дыханье,
Я так боюсь, что смерти вовсе нет.

8

Тридцать пять узлов
Зюйд-зюйд-вест.
Моря нет,
А ветер есть.

День наступит, еще пес знает когда,
Но пса не спросишь – беда, беда.

Даже если спросить –
Он не ответит.
Ну, не более осмысленно, чем ветер.

Не более осмысленно, чем жизнь.
Ткнет носом под мышку – и держись.

Тридцать пять узлов –
Чуть больше, чем лет.
Ветер есть,
А смысла нет.

10

Из памяти, как яблоко, достать
В налипших листьях позапрошлый август,
И воздуха прозрачную усталость,
Вечерний дождь, испуганную стать
Деревьев, что боятся на асфальт
Ступить корнями. Что еще осталось

В том августе? Заплаканный карниз,
Скамья, стихи, привычно: осень-восемь,
Паденье яблока, пустяшные вопросы,
Теперь не вспомнить ни имен, ни лиц,
Лишь яблоко летит все вниз и вниз...
...И падает, и наступает осень.

Сергей ТРАХИМЁНОК

БЫЛА ВЕСНА

Рассказ о любви

– Вот, река вскрылась... катер «плашкоты» тянет... весна... слышь, Матрена, – с придыхом говорит Поликарп – крупный старик с седой щетиной недельной давности и тусклыми, точно выцветшими на солнце, глазами.

Поликарп стоит перед окном и вытягивает шею, стараясь добавить к высоте третьего этажа и своему росту еще несколько сантиметров, чтобы лучше разглядеть реку и «баржи».

Старик одет в теплую фланелевую рубаху, диагоналевые брюки; на ногах валенки, подшитые на пятках кусочками кожи; на голове вязаная шапочка, какие носят дети дошкольного возраста.

– Матрена, – громче говорит он и с шумом втягивает в себя воздух, словно чувствуя весеннюю влагу в нем, – весна...

– Весна-весна, – коротко отвечает жена сквозь шипение масла на сковородке: она печет на кухне пирожки для внука Кольки, младшего ребенка их сына Антона.

Антон живет рядышком, в соседней пятиэтажке. Через два дома от них находится школа, и пятиклассник Колька на большой перемене успевает прибежать перекусить, но не домой, а к бабе с дедом.

Матрена к его прибегу всегда что-нибудь готовит.

– Катер вижу... я там мотористом работал, – продолжает Поликарп и притопывает ногой, будто сожалея, что стар и не может больше работать на катере, – капитан у нас – сурьезный мужик...

– Да-да, – отвечает Матрена, перекладывая пирожки со сковороды на тарелку и поглядывая на часы.

В десять пятнадцать прибегает запыхавшийся Колька.

– Опять раздетый, – всплескивает руками Матрена.

– А-а... тепло, – беззаботно отвечает внук, сбрасывая в прихожей сапоги.

– Привет, – говорит он деду и проскакивает на кухню, где сразу пытается оседлать табурет возле стола.

Но Матрена посылает его к раковине мыть руки, дает полотенце, а только потом усаживает за стол и ставит перед ним тарелку с пирогами и кружку с молоком.

Колька уписывает пирожки, пьет крупными глотками молоко, рискуя поперхнуться.

– Успеешь, ирективный, – говорит Матрена и указывает на часы, – времени еще воз... Как мать... отец?

– А-а, – беззаботно отвечает внук, – че им сделается.

– Колька, – слышится из соседней комнаты голос дела, – «плашкоты» появились...

Внук усмехается. Матрена это видит и грозит ему пальцем. Колька смущается:

– Плашкоуты, – поправляет он деда.

Колька в жизни не видел плашкоутов, но как пишется и произносится слово, знает – современный ребенок.

Закончив есть, Колька бросает: «Спасибо», мчится в прихожую, сопя натягивает сапоги и одновременно с традиционным «До свидания!» хлопает дверью...

Матрена ждет, пока стихнут шаги внука на

ТРАХИМЁНОК Сергей Александрович *родился 7 февраля 1950 года в городе Карасук Новосибирской области. В 1977 году окончил Свердловский юридический институт. С 1990 года живет в Минске. Доктор юридических наук, профессор. Член союзов писателей России и Беларуси. Автор тридцати книг, выходивших в издательствах Минска, Москвы и Санкт-Петербурга, четырнадцати кино- и видеофильмов, снятых по его сценариям. Обладатель «Золотого Купидона» – национальной литературной премии 2008 года за роман «Синдром выгорания» (Беларусь). Лауреат литературной премии Уральского федерального округа 2012 года за роман «Чаша Петри, или Русская цивилизация: генезис и проблемы выживания» (Россия). Дипломант национального кинофестиваля в Бресте (Беларусь, 2007) и «Бородинская осень» (Россия, 2008) за сценарий фильма «Чуть смелее других», фестиваля спортивных фильмов в Липецке (Россия, 2012) за сценарии фильма «Терновые венки Олимпа».*

лестнице, двумя движениями вытирает о фартук руки и выходит к Поликарпу.

– Я там мотористом работал, – снова говорит Поликарп.

– Да-да, – как неразумному дитяте, подтверждает Матрена, – перед самой войной...

– Перед войной, – повторяет старик.

– В Иркутске...

– Иркутске...

– Там у нас Антоша родился.

– …лродился, – косноязычно произносит Поликарп и снова вытягивает шею.

Матрена осторожно кладет ему руку на плечо и, слегка покачивая головой, поет:

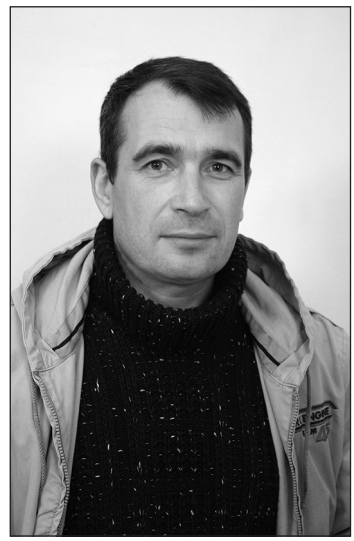
Была весна, мы встретились с тобою.

Ты молод был, а я – совсем дитя...

– ...дитя, – повторяет последнее слово Поликарп, по-прежнему не отрывая взгляда от изгиба несудоходной речушки Омки, воды которой в верховье отродясь не знали транспорта крупнее моторной лодки.

Река протекала через город, и, чтобы весной она не заливала жилые дома, по берегам отсыпали дамбы.

Дамбы сделали высокие, с большим запасом, и вода никогда не угрожала жителям пятиэтажек, в одной из которых живет дед Поликарп... бывший моторист... бывший солдат, вернувшийся с фронта со множеством осколков в теле и контузией, вследствие которой потерял память...



Вячеслав РУКОСУЕВ

ДВА РАССКАЗА

ПЕТРОВИЧ

Ученые бывают разные. Есть среди них, конечно, и полезные, которые изобрели, например, велосипед. Или сковородку. Но много попадается в научной среде и подлого, и лихого народа. Ведь если сесть и досконально разобраться, то выйдет, что мирному населению от их изобретений никакой пользы нету, а есть одни убытки и разорение.

Возьмем, к примеру, астрономов. Собирались они где-то сами себе по-тихому, считали в космосе дыры, Луну по ночам разглядывали, и никакого особого вреда от них не было, а даже была польза в плане получения затмения. А потом попала им вожжа под хвост. Сорвались вдруг, засуетились, заметались, как ошпаренные, и вот – трах, бах! – все! Готово! Нате, люди, объявление! Через четыре миллиарда лет Солнце потухнет! И герои. И ходят гоголем. Гордятся. Еще премию поди-ка получили. А как их проверишь? А никак. Скользкий народ…

И какой мне, к примеру, толк от их калькуляции? Никакого. И никому от нее толку нету. Танька Корытова вообще говорит, прибила бы за это открытие. Ее-то Мишка, как узнал про такое дело, запил. Две недели горькую хлестал беспробудно. Расстроился мужик. Он хлипкий нервом, Мишка-то. Он бы до сих пор пил, если бы не Петрович. Это же Петрович его успокоил. Сказал, что люди успеют ко времени собраться, нужную ракету построить и к другому Солнцу на ней улететь. Буквально, сказал, в ближайшие три миллиарда лет соберутся. Это хорошо, конечно, что улетят, успеют. А то бы Мишка спился на хрен.

Петрович – это был в нашей деревне такой ученый. Настоящий, не чета некоторым. Светило, каких мало, профессор или даже аспирант. Он раньше в самой Москве в академии преподавал, а потом жена от него к другому светиле сбежала, и он к нам в деревню переехал – детишек наших истории обучать.

Вот он, хоть и ученый, но грамотный был мужик. Интеллигент, каких свет не видывал. Но – непьющий. Пришибленный маленько, некрепкий на характер. Сколь раз его, бывало, мужики с пьяных глаз матом крыли и за воротник трепали – все без толку. Ни слова никому в ответ не сказал, ни по сопатке не въехал – выдерживал интеллигентский стержень. Мужики помучились-помучились, а потом плюнули с ним связываться – никакого интереса. Один раз, правда, помяли слегка. Он в тот вечер на берегу сидел, курил на природу и читал газету, а они невдалеке пиво пили. Ну и у них, конечно, бутылки вокруг скопились, рыбные кости и разный бытовой мусор. А он газету дочитал, а потом кулек из нее свернул, окурки свои в него собрал и домой направился. Как в морду коллективу плюнул. Вот тогда и помяли. Но и тогда бить не стали, сдержали себя из последних сил. Хотя могли. Имели право. Шибко они тогда обиделись.

РУКОСУЕВ Вячеслав Владимирович *родился в 1968 году в Иркутской области. Жил в Красноярском крае, из армии вернулся в Кемеровскую область. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Живет в д. Старочервово Кемеровского района.*

Петрович странный был головой. Чудаковатый. Как, бывало, выкинет чего – хоть стой, хоть падай. И все без ума. Затеялся через наш ручей мост строить. Купил на свои кровные в городе досок, привез домой и всю зиму с ними колупался. Настрогал-навыпиливал из них разных узоров и весной сделал-таки мостик. Резной, с перильцами. Красота! Бабы вокруг собрались, ахают. Мужики ходят мимо, посмеиваются. А он радуется. Довольный! Ему же невдомек, что Васька Шишигин в праздник всегда по этому ручью на тракторе гоняет. Ваське надо, если праздник – чтобы с ревом, с брызгой. У него душа просит. Два раза в месяц просит, с аванса и после получки. И что же, он по праздникам мостики будет объезжать?

Так и ушел этот мостик щепками. И правильно: не лезь к общественному ручью с личным мнением.

Он, Петрович, и в школе тоже куролесил – будь здоров! Много у нас было хлопот из-за его интеллигентских замашек. Надурит пацанам головы, набуробит чего попало, а родители потом расхлебывай. Понатащил из Москвы книжек с картинками и давай ребятишкам на уроках заливать, какая за границами жизнь красивая. С этих самых книжек Семка Колотухин пришел домой и родителям кое-что заявил. «Я, – говорит, – по окончании школы не хочу быть трактористом, а поеду в город в институт и буду потом в музеях картины изучать!» Нашел, паршивец, занятие. Ну, Михаил, батя-то его, из него эту дурь, конечно, выбил, а Нинка Колотухина тогда еще и окна Петровичу повыхлестала, чтоб не совал свой нос в чужое воспитание. Придала, так сказать, учебному процессу нужное направление. Только это еще, как оказалось, цветочки были, ягодки-то потом пошли.

У нас же теперь про Герострата вся деревня знает. Это который древним грекам какую-то нужную постройку спалил, не то храм, не то баню. Петрович эту историю на уроке ребятишкам и ляпнул. Сдуру, как те астрономы. Так Мишка Федулов, Николая Федулова сынок, уже два раза сельпо поджигал. Прославиться хочет. Последний раз едва отстояли помещение. Ладно, хоть там рядом лужа – залили. А не было бы лужи – все. Остались бы без магазина.

Вокруг этой лужи Петрович тоже один раз отличился – до сих пор вспоминать совестно. Эта лужа, она у нас не простая. Это предвыборная лужа. К нам перед каждыми выборами Степаныч приезжает, наш кандидат, склонять, чтобы мы за него голосовали. Хороший мужик, мы его уже сколь лет выбираем. И вот, когда первый раз он к нам приехал, собрал он нас всех на площади возле рамы от комбайна и спрашивает: «Чего вам, мужики, надо в вашей нелегкой крестьянской жизни? Чем я могу вам помочь?» Ну, Петька Загораев ему и говорит с подковыркой: «У нас напротив сельпо лужа. Нам ходить неловко. Слабо тебе ее засыпать?» «Нет, – отвечает, – не слабо! Засыплю! Только уж и вы не подведите, проголосуйте, как надо». Ладно, говорим, поглядим. И что ты думаешь? На другой же день приходит КамАЗ с гравием и ссыпает его в лужу! С тех пор и повелось: как выборы, так к нам Степаныч на «мерседесе» едет, а следом сразу наглядная агитация коптит – КамАЗ с гравием. Держит мужик предвыборные обещания.

А в прошлом году к нам другой кандидат заявился, не Степаныч. Тоже с КамАЗом. Высыпал гравий в нашу лужу и говорит: «Голосуйте за меня, мужики, я вас не оставлю!» Не знаем, говорим, поглядим. Немного погодя и Степаныч прибыл. КамАЗ подогнал, а лужи-то нету! Он аж с лица сменился. Походил, поковырял лакированной туфлей чужой гравий и говорит: «Собирайтесь, мужики, к магазину! Слово сказать хочу!» Ну, собрались мы, стоим, курим, ждем, чего будет. А он взошел на сельповское крыльцо и говорит: «Знаю, мужики, жизнь у вас на селе трудная, тяжелая. И потому решил я вам ее облегчить и по мере скромной моей возможности сделать вам подарок. Всем, кто здесь есть, дарю по сто рублей!» И при этих его словах два бугая, которые с ним ездят, достают деньги и начинают каждому раздавать по сотне. Ну, народ, понятное дело, повалил. Один только Петрович стоит в первом ряду, не шевельнется. Степаныч ему: «Чего, мужик, рот раззявил? Иди получай свою сотенную!» А тот руки на груди скрестил и гордо так: «Нет! – говорит. – Меня, говорит, куском не купишь, я и сам за вас голосовать не буду, и другим не советую!» Мы аж притихли все – до того нам неудобно стало за него перед Степанычем. А Петрович как давай митинговать! Такую понес околесицу – прямо хоть уши затыкай и беги. Наплел трепа с три короба, а потом повернулся и ушел. А Петька Загораев, не будь дурак, и говорит: «Ну, раз ему деньги не нужны, можете мне его сотню отдать!» Не поверишь: посмеялись и дали ему вторую сотню! Бывают такие люди, которым счастье прет.

А Петровича той ночью побил кто-то. Сильно. Должно, залетные какие-то, наши бы его не тронули. Так он и не сказал кто. Мы-то, конечно, догадываемся, ну, а раз он не говорит, то и мы не знаем. Тем более, что сам виноват: не взбрыкивай, где не надо.

А нынешней весной Петрович от нас в Германию уехал. Насовсем. То ли родня у него какая-то там объявилась, то ли друзья-академики ему приглашение сделали – уехал. Все бросил, даже дом не продал. Прямо и не знаем мы. Тут-то люди были свои, русские. Жалели его, не трогали лишний раз. Понимали, что – интеллигент. Как он там выживет такой безголовый – ума не приложим.

ПРЫЩ

У Сереги Баранова выскочил за ухом прыщ. Ну у кого другого – выскочил и выскочил. Деловто. Пройдет. А Серега начал применять самолечение. Он его давить начал. Оправдал, так сказать, фамилию. И буквально через три дня этот прыщ достиг размерами куриного яйца, посинел и оттопырил Сереге левое ухо. Правое, главное, нормальное, а левое оттопыренное. И шапка набекрень. Хоть плачь. Надо, думает, елки-палки, к докторам ехать. И поехал.

До района Серега с попутным молоковозом добрался, а в городе сел на трамвай. Сел и едет. А рядом стоит женщина. Ничего такая женщина. Вполне себе. На памятник Маяковскому похожа, только руки волосатые. И вот, когда трамвай неаккуратно дергает, эта женщина, не удержавшись, падает всем корпусом вперед и своей монументальной рукой с размаха бьет Серегу прямо по его левому больному уху.

У себя в деревне Серега, конечно, много бы высказал сердечных слов по такому злободневному поводу. А здесь сдержался. Повел себя, как джентльмен. Сказал только: «Ты, – говорит, – курица, если в трамвае ездить не умеешь, так ходи пешком. Иначе ты своими оглоблями всех пассажиров перекалечишь!» И эта неустойчивая женщина стала спорить и называть Серегу нахалом. Удивился Серега такой городской женской распущенности, но смолчал. Сказал только: «Таких бешеных привязывать надо, а их в трамвай пускают». С тем и доехал до поликлиники.

А в поликлинике направили его к хирургу. И там Серега без всяких приключений досидел свою очередь и зашел в хирургический кабинет.

В кабинете, за столом, по левую руку – медсестра. Сереге она сразу не понравилась: необстоятельная. Молоденькая, носик вздернутый. А справа, возле умывальника – хирург, опять-таки женщина, только повязкой по самые глаза закрытая. Но видно, что в годах, обходительная. «Присаживайтесь, – говорит, – давайте карту». Полистала, «Гм…» – говорит. И снимает повязку. Елки-палки! Та самая, из трамвая! «Та-а-ак! – говорит, – вот и встретились! Сергей Васильевич, значит? А я, чтоб вы знали, Зоя Павловна!» И усмехается как-то нехорошо, криво. А потом берет со стола нож и начинает, как бы между прочим, острие на ногте пробовать. И при этом в глаза Сереге, не отрываясь, смотрит. И молчит. Насмотрелась и поворачивается к медсестре. «Закрой-ка, – говорит, – Наташа, дверь на замок. Сейчас мы кое-кого резать будем».

А Серега, конечно, к тому времени передумал лечиться. «Черт ее, – думает, – знает, что у ней на уме. Хирургиня матерая. Такая и зарежет – не сморгнет. Ишь, как сопит. И руки волосатые… Скажет потом: «Извините, мол, врачебная ошибка!» – и все». Заволновался, конечно, Серега. «Что вы, – говорит, – что вы, уважаемая Зоя Павловна, не беспокойтесь так чересчур! Если каждый прыщик резать – докторов не напасешься. Дайте мне мази какой-нибудь, я и пойду!» «Нет уж! – говорит хирургиня. – Поздно! Давай скорей его, Наташа, на стол!» А сама глазами Серегу сверлит и дышит тяжело, с натугой. Сипло дышит.

И вот лежит Серега на столе за ширмой, и на душе у него тоскливо, и руки дрожат от разных плохих предчувствий. И он уже не рад, что связался с медициной и доверил ей свою единственную жизнь.

Спустя короткое время вбегает к нему за ширму эта пигалица Наташа и спрашивает как ни в чем не бывало: как, мол, Сергей Васильевич, новокаин переносите? Серега хотел уже сказать: валяйте, мол, колите. Все в порядке. Уже и воздуха в грудь набрал. И вдруг слышит – за ширмой, в углу: вжик-вжик… вжик-вжик… Нож точат! Пробрало его тут, конечно. Вспотел. «Никак, – говорит, – не переношу я новокаина! То есть совсем не переношу! Даже от запаха помереть могу!» Зыркнула на него Наташа, убежала. Слышит Серега – шушукаются. Чуть погодя заскрипели полы – входит хирургиня. Строгая. «Что, – говорит, – новокаин не переносите?» «Нет, – говорит Серега, – не переношу! Нельзя мне новокаин! Мазь можно хоть какую, а ново-

каин нельзя! А если вы вдруг вспомните, что я про вас где-то опрометчиво лишнего сказал, так вы это близко к сердцу не берите и на свой счет не принимайте. Это роковая случайность была. Это я ошибочно не про вас подумал». «Понятно, – говорит хирургиня. – Тогда держитесь вот тут крепко!» И показывает на какую-то железную трубу, которая торчит из стены возле Серегиной головы. Серега, как дурак, и ухватился за эту трубу двумя руками. А хирургиня как выхватит из рукава нож да как полоснет Серегу по шее! Закричал Серега страшно, забился. Руками машет, ногами сучит – не хочет помирать. А хирургиня посмотрела на него с укоризной, бросила нож в никелированную лоханку и говорит: «Не орите. Все уже. Сейчас перевяжу, и домой пойдете. Нервный какой пациент попался!»

И пока перевязывала, все смех ее пробирал. Помолчит-помолчит и опять. «Сидите, – говорит, – смирно!» А у самой руки трясутся. Перевязала, прописала мазь, и поехал Серега домой.

Вот такое вышло Сереге в жизни испытание.

И в этом отдельно взятом случае Серега как экземпляр и мужчина не показал своих положительных качеств. Но зато, с другой стороны, на его примере мы видим, что современная медицина в последние годы шагнула далеко вперед и может уже в критических обстоятельствах обходиться без новокаина.

А у Сереги следующей весной выскочил еще один прыщ, под мышкой. И он опять ездил к хирургу. И когда его там спросили, переносит ли он новокаин, Серега посмотрел честно в глаза врачу и сказал: «Очень даже переношу. В любых количествах!».

Антон ЛУКИН

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Рассказ

Впервые за два месяца у Савелия Кузнецова выдался выходной. С самого утра пораньше, позавтракав на скорую руку, Савелий засобирался в район. Нужно было купить карбюратор, да еще хотел посмотреть рыболовные снасти. Наталья, жена его, быстренько прибрала со стола и, подав супругу кепку, хотела было поцеловать в дорогу, да приподняла брови.

– Откуда у тебя солидол на носу взялся? – спросила она. – Опять в гараж ходил, пока я у плиты крутилась?

Савелий по инерции принялся вытирать нос, заодно посмотрел на ладони. Наталья по-девичьи рассмеялась:

– С первым апреля! Эх, до чего же ты у меня простой, как сапог резиновый, – не в обиду сказала она. – Всему веришь. Поди, еще не раз попадешься. Ну, ступай с богом! Обои не забудь посмотреть.

Савелий чмокнул жену в губы и поспешил на автобус. То, что он был простым и доверчивым, это Наталья верно подметила. Еще он был тружеником – презирал лень и пьянство, и в свои сорок два года выглядел крепко, хорошо. Всегда верил в одно: в этой жизни человек сам кует свое счастье. Для Савелия этим счастьем были жена и дочурка Лиза, которая сейчас находилась в городе. Училась в Арзамасском педагогическом институте.

В районе Савелий так и не нашел, что ему было нужно. Карбюратора нигде не было, пришлось заказывать. Жаль, что выдался не четверг, по четвергам обычно открывался рынок. Уже на обратном пути возле универмага Кузнецов повстречал соседей, Александра и Дарью Колентьевых.

– А вы тут какими судьбами?

– Да вот Дашуля хотела подарок сделать, костюм купила, а он немного великоват оказался, – улыбнулся Александр.

– Приехали обменять, а без чека не принимают, – вздохнула Дарья. – Куда подевался, ума не приложу?

Александр Колентьев, осмотрев хорошенько соседа, прищурив один глаз, о чем-то задумался.

– Слушай, Савелий, а ведь тебе, я думаю, костюм враз будет.

Тут и Дарья, переведя взгляд на Кузнецова, закивала головой.

– Точно. Ты у нас вон какой плечистый будешь.

Кузнецов задумался. Не очень-то он любил все эти костюмы.

– Да куда он мне на старости лет? – в шутку отмахнулся Савелий. – По деревни, что ли, щеголять в нем?

– Зачем по деревне? Лизку замуж отдавать

ЛУКИН Антон Евгеньевич *родился в селе Дивеево Нижегородской области 2 декабря 1985 года. Окончил Ардатовский аграрный техникум. Автор пяти книг. Публиковался в журналах: «Огни Кузбасса», «Литературная учеба» (Москва), «Южная звезда» (Ставрополь), «Вокзал» (Санкт-Петербург), «Великороссъ» (Москва), «Лава» (Харьков), «Параллели» (Рязань), «Человечество» (Москва), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Автограф» (Донецк), «Сфинкс» (Санкт-Петербург), «Алтай» (Барнаул), «Солнечный зайчик» (Нижний Новгород), «Молодая гвардия» (Москва). Лауреат премии им. Андрея Платонова. Живет в с. Дивеево.*

будете, и наденешь, – смекнула Дарья и протянула пакет.

– В самом деле, на свадьбу наденешь, – согласился с женою Александр. – Ты как раз повыше и пошире на размер. Враз должен быть. Коли не подойдет, заберем обратно. Смотри сам, за деньгами вечером зайдем.

Савелий согласился и принял пакет.

– Ну вот, костюм купил, а нос уже где-то умудрился испачкать.

Кузнецов принялся вытирать нос. И снова его разыграли.

– С первым апреля, – улыбнулась Дарья.

– Не забудь Наталью разыграть, – Александр похлопал Савелия по плечу и с женою отправился по своим делам.

«Ох уж это первое апреля, лишь бы пошутить над кем. Дался им всем мой нос. Больше не куплюсь», – подумал Савелий и достал из пакета костюм. Пока осматривал покупку, ему вдруг пришла интересная мысль. Он даже потер усы и как-то ехидно улыбнулся. В глазах блеснул огонек. Кузнецов направился в парикмахерскую.

У Савелия на Камчатке жил брат-близнец. У того был свой бизнес, держал несколько магазинов. По большим праздникам присылал Савелию и его семье дорогие подарки. Звал каждый год в гости, но с работой у Савелия не ладилось, и потому поездка всегда откладывалась на следующее лето. Наталья всего-то пару раз и видела супругиного брата-близнеца – на свадьбе, да как-то в новогодние праздники с семьей прилетал на недельку в гости.

Савелий в парикмахерской привел себя в порядок. Постригся, сбрил усы и даже надушился. Примерил костюм. Действительно, как по нему и был шит. И, расплатившись за стрижку, Кузнецов поспешил на автобус.

Наталья Кузнецова развешивала во дворе белье, когда супруг предстал перед ней в костюме. По дороге Савелий забежал в универмаг и купил еще под стать костюму шляпу. Сейчас он важно ее приподнял, кивнул стриженой головой и снова надел.

– Ну, чего гостя не встречаете, аль телеграмму не получали? – улыбнулся Кузнецов. – Савелий-то где? Небось, на стол накрывает?

– Как? – первое, что пришло Наталье в голову.

– Так-так-так, – Савелий забрал у супруги влажную рубаху и повесил на веревку. – Вижу, не ждали.

– Аркадий?

– Ну, наконец-то признали.

– Батюшки.… Ха! Савелий-то как обрадуется!.. Еще из Дивеева не вернулся, утром уехал за карбюратором. Хотя уже, по идее, должен быть. Ну, пока все магазины не облазит… – Наталья поставила таз с бельем на землю, поправила на голове платок. – Пошли в дом. Гость прибыл, а я его на улице держу. Вот те на. Совсем растерялась.

– Да чему теряться-то, хозяюшка?

Кузнецова повела гостя в избу. На вопрос обернулась.

– Как чему? Дак вы с ним одно лицо, как зеркальные, только мой усы отпустил. Два года уже носит. И как тут не дивиться, когда перед тобой муж, как жених, нарядный стоит? Я уж и не помню, когда его в костюме-то видела. У вас в городе все так, поди, ходят? – спросила Наталья и сама же ответила. – Ну, в городе да, там и пойти есть куда. А здесь разве что на ферме красоваться.

Наталья, усадив гостя, засуетилась, накрывая на стол. Поставила чайник, нарезала колбасы, сала, хлеба, открыла банку варенья.

– Неудобно прям, с дороги, и угостить нечем, – Наталья действительно чувствовала себя неловко, это было видно. – Сейчас суп подогрею, вчерашний, правда…

– Да не нужно, я перекусил.

– Вот Зинка, зараза эдакая, накажу. То письмо затеряется у нее, то про телеграмму забудет.

– У нас с этим в городе строго, – заметил Савелий.

– А у нас кругом разгильдяйство, сам видишь, – Наталья присела за стол, разлила по чашкам чай.

Намазала малиновым вареньем хлеб, подала гостю. Савелий был даже рад новому костюму, давненько жена за ним так не ухаживала.

– У меня тут, – Кузнецов достал из кармана небольшую коробочку. – Вот.

– Ой, что это? – Наталья как-то по-девичьи зарумянилась, приняла подарок.

В коробке оказались обычные недорогие женские духи. Конечно, подарок богатого гостя с Камчатки не то чтоб не обрадовал, скорее удивил. Савелий по взгляду жены это понял.

– Представляешь, какой я лопух. На секунду только оставил сумку и вжик – нету, – гость состряпал печальный вид. – Уволокли.

Наталья сожалеющее покачала головой.

– А там и норковая шуба, и нато… нуто… бук,

короче миникомпьютер. И сотовый телефон для Лизки последней модели. И все коту под хвост.

Савелий, надкусывая бутерброд, посмотрел искоса на жену. По ее расстроенному взгляду он понял, что если бы сейчас он эти слова произнес не в образе Аркадия, то сковородником по голове точно словил бы. О том, что Наталья давно грезит шубой, он знал. И то, что Аркадий купил бы хорошую норку, Наталья это тоже знала. Оттого-то сейчас, скорее всего, где-то в ее подсознании промелькнул этот дорогой подарок.

– Ну, ничего страшного, не было и не надо, – с каплей грусти улыбнулась жена. – Да и где тут в ней расхаживать-то?

– Действительно, разве что поросят смешить, – согласился Савелий. – Баньку, вижу, новую поставили, молодцы!

– Поставили. Чего-чего, а руки у Савелия из нужного места растут.

– Так это же хорошо.

– Хорошо, когда мужик в доме, грех жаловаться. Обидно, что постоянно в работе да в делах, посидеть, поговорить и то время не находим.

Кузнецов промолчал. Отпил чаю, долил в бокал кипятку.

– Савелий говорил, что вы в Париж прошлым летом летали.

– Летали, – без всякого энтузиазма ответил гость.

– Ну, расскажи хоть, как там, – заинтригованно попросила Наталья. – А то всю жизнь живешь-живешь, а дальше Нижнего Новгорода нигде и не были.

– Ну, а чего тут рассказывать? Справа француз, слева француз, посередине Эйфелева башня – все как положено.

– Да-а, – Наталья задумчиво вздохнула. – Не умеешь ты, Аркадий, рассказывать, разве так описывают Париж. Это ведь…

– Чего это?

– Да так. Мы вот тоже каждый год собираемся на море, да все никак не получается. Ты бы хоть, брат придет, поговорил бы с ним. Вразумил бы, что отдыхать – это не значит целыми днями пропадать в гараже. Разок можно с семьей и на море съездить. А то раскудахтается, как клушка на яйцо: зачем-зачем.

Кузнецов сморщил лоб, посмотрел на жену и жестом руки объяснил, что, мол, не переживайте, хозяюшка, обязательно поговорю.

– А то как нелюди какие, – вздохнула Наталья. – Ну, а Нюра как поживает, как дети?

– Детишки, слава богу, не хворают. Здоровьем в папку пошли. За всю жизнь в больнице-то сколько бывал, по пальцам перечесть можно. Организм закаляю и сыновей с раннего детства приучил к закаливанию. По утрам с ними душ принимаю. Любые беды пережить можно, лишь бы здоровье было.

– Это верно. Здоровье главное, тем более в наши-то годы. Савелий у нас тоже закаляется.

– О как! – улыбнулся Кузнецов не без гордости.

– Не каждый день, конечно, но все же. Зимой снегом обтирается, летом поутру душ во дворе принимает.

– Молодец какой.

– Был бы сын, так же, поди, как и ты, Аркадий, закалял бы с пеленок, – Наталья улыбнулась.

– Чего сынишкой-то не обзавелись? – Савелий пытливыми глазами посмотрел на жену.

– Да как сказать?.. Когда Лизку рожала, роды тяжело проходили. Потом все боялась. Савелий, он, конечно, хочет сына. Я знаю. Да я о втором ребенке часто задумывалась. Да все никак не решалась. Вот что-то внутри такое острое сидит, что даже больно об этом думать, – Наталья виновато опустила глаза. – Он имя даже подобрал. Говорит, сын родится, мы его Юрой назовем, в честь Гагарина. Будет и в нашей семье маленький космонавт.

– Может, еще не поздно?

– Аркадий, я тебя умоляю. Чай, мне не двадцать семь и не тридцать два.

– И в пятьдесят рожают, ничего. Ну да ладно, – Кузнецов потер загорелой ладонью губы.

– Савелий как обрадуется тебе. Давно все к вам собираемся, да вот, видишь, никак. Вы бы и сами почаще приезжали, коли время свободное выпадает. Он хоть и бубнит постоянно, что нечего у вас там делать, а я-то знаю, что скучает по тебе, переживает. Бывает, ляжем с ним вечером, он про тебя словом замолвится, как, мол, там у меня Аркаша поживает? А коли по телевизору покажут, что в ваших краях землетрясение произошло, сам не свой с неделю ходит. Потом на сердце жалуется. Болит. Года-то уже не те. Вот так вот у нас всегда. Все некогда-некогда, работа-работа, а случись чего и… – Наталья замолчала. – Свекровь, когда умерла, сильно переживал. Виски посидели сразу. Оно и так тяжело, когда кто из близких уходит, а тут еще если и вину на себе держишь, вообще не выносимо.

– В чем же он виноват-то перед матушкой был? – у Савелия заблестели от влаги глаза,

он нахмурился, достал из кармана папиросу, закурил.

Наталья открыла форточку, принесла пепельницу.

– Да как тут сказать? Он, конечно, виноват-то ни в чем не был. Это уж совесть взбудоражилась, издергала его всего. Так часто бывает, когда дорогих сердцу людей теряешь, – Наталья помолчала. – Редко последнее время навещали ее, хотя и жила в соседнем районе, рукой подать. А вот все времени не хватало заехать в гости. А у нее и самой сил уже не было к нам приехать. Тут уж суета суетой, а… – Наталья вздохнула. – Вы с ним на кладбище вдвоем все же езжайте. Будет о чем поговорить. Не спрашивай только, почему могила без оградки. Он на это сердится. Они с матерью считали, что оградка ни к чему – чай, покойник не заключенный, чтоб за изгородью лежать.

Савелий тяжело вздохнул, выпустил из ноздрей дым и потушил окурок. В сенях послышались шаги.

– Ну, наконец-то, – обернулась к двери Наталья. – Тут каждая секунда дорога…

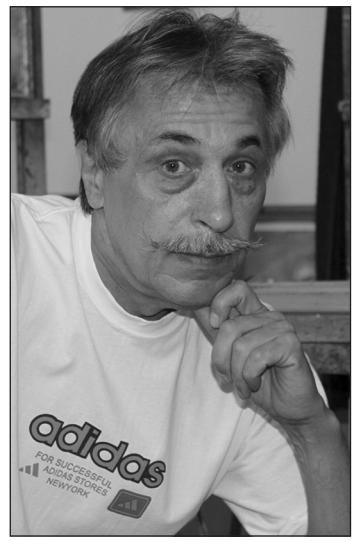
В дверь постучали, и на пороге появилась Дарья Колентьева, которая пришла узнать, подошел ли костюм. Заприметив соседа нарядным, женщина спросила, нравится ли им одежка и будут ли они брать. Наталья перевела удивленный взгляд на супруга.

– С первым апреля, – осторожно вымолвил тот и, выйдя из-за стола, медленно пошагал к двери. Уже со двора, закуривая папиросу, Савелий слышал, как Наталья хохотала в избе: «Разыграл все-таки, поросенок».

Только самому Савелию было несмешно. Отчего-то разговор с женою встрепенул душу, что хотелось молчать, хотелось думать. И думы эти сейчас наполняли сердце чем-то теплым и грустным. Непонятное творилось внутри. Вспомнился брат, стыдно стало перед женою за этот нелепый концерт. Каким бы Савелий ни был, а все же она его любит и переживает за него. Да и для него она самый родной человечек на этой земле. Скрипнула дверь. На крыльце показалась соседка с женою. Дарья, улыбаясь, пошагала к себе. Наталья присела рядом на ступеньки.

– В июле отпуск будет, у дочки каникулы начнутся, поедем к Черному морю, – сказал Савелий. – А то, действительно, дальше Нижнего нигде и не бывали.

Наталья прижалась к мужу, улыбнулась и сказала, что без усов ему намного лучше.



Александр ЦЫГАНКОВ

ВЕТЕР НОСИТ ПОТЕРЯННЫЙ ГОЛОС

МИРОВОЙ ЛИСТОПАД

Этих тонких ветвей не прослушать бы
вещую сагу
И в скрипичном ключе разгадать бесконечность
листвы,
Той, что падает вниз, словно твой алфавит
на бумагу,
Чтобы снова взлететь белой строчкой среди
синевы.

Мировой листопад! Не война, так печаль
мировая!
Все один к одному. Все проходит. И все
нипочем!
И стихи не о том пишет осень, волхвам
потакая,
И зеркальную дверь открывает скрипичным
ключом.

Вот и ветер запел на мотив перепетого поля,
Словно первый поэт, разогнал в темноте
облака.
В лицедействе осин, в чародействе зерна
и бемоля –
Мировая печаль и твоя мировая тоска.

БЕЛАЯ ГОРА

Немой вопрос, читай, движенье скул.
И все. И всхлип полуночной метели.
А было все так просто. Ветер дул –
И все слова в безвременье летели.
Росла земля, как новый материк,
И свет играл кристаллами в экране.
И не казался детским первый крик
В переводном убийственном романе.

Кому теперь распутывать сюжет
В скупых чертах простецкого портрета?
Растет зима! И равных больше нет.
И целый мир как первых эстафета.
И все обыкновенно, как тогда,
В другой стране, в мифические годы,
Куда ушли слоны и поезда,
А вышли «ныне дикия» народы.

И двадцать первый век берет свое.
И на снегу чернеют газырями
Охотники, и кружит воронье,
Когда играют волки с егерями.
И ветер – в паутине мировой –
Во времени блокирует Ерему.
Горит звезда над белою горой,
И ничего не светит астроному.

ЦЫГАНКОВ Александр Константинович. *Поэт, художник. Родился 12 августа 1959 года в Комсомольске-на-Амуре. Живет и работает в Томске. Автор книг «Лестница» (1991), «Тростниковая флейта» (1995, 2005), «Ветер над берегом» (2005), «Дословный мир» (2012). Публикации в периодических изданиях: «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «День и ночь», «Литературная газета», «Дети Ра», «Крещатик», «Урал», «Новая Юность», «Знамя», «Новый Журнал» и др. Стихи вошли в региональные, российские и зарубежные антологии. Член Союза писателей России. Живет и работает в Томске.*

ОТРАЖЕННЫЕ ЗВЕЗДЫ

Как царевна цвела в небесах у царя Одиссея…
Сказка

Окликая в ночи золотое зверье Зодиака,
Повтори по слогам: Илион, Илиада, Итака…
И проступят во мгле, как с рисунка резцовой гравюры,
Островные цари – и за ними другие фигуры.

Это знаки полей! – провидений, знамений от мира,
Неизвестного там, где из храма выносят кумира,
Обращая во тьму микромир голубой биосферы,
И выводят на свет Полифема из той же пещеры.

Разбери эту ночь, силуэты в пространстве рисуя.
Там упала звезда – и остыла на дне Чебаркуля.
И для тех, кто горит этой долгою ночью за веру,
Обрати в темноте допотопную сказку в новеллу.

ДИКОЕ ПОЛЕ

1. ВЕТЕР

Киевский цикл. Местами темно.
Ветер, как звезды, бросает в окно –
Ставр, Идойло, Михайло Потык –
Черного моря и месяца стык.
Там и Добрыня, Илья, Святогор.
Половцы в поле и в тереме вор.
Что ни преданье, то странный зачин.
Выпало время из книги былин.
Ветер вернется на круги своя –
И просвистит на манер Соловья,
Как добывали для князя жену
В смутное время, читай, в старину.

2. ЧЕРНАЯ РУСЬ

Лиховидевной царская дочь
Обернулась и белым крылом,
Словно бритвою, черную ночь
Рассекла в колесе грозовом.
И глядели в огонь волгари,
Бесновалась чумацкая весь.
То не русские богатыри,
А чубарая рыжая спесь.
Ни креста, ни меча-кладенца
И ни кривды, ни правды святой,
Словно высохло русло Донца –
Нет ни мертвой воды, ни живой.

3. ВОЛЧЬЕ СОЛНЦЕ

Не найти золотой середины
В этой дикой великой стране.
Вот и летопись – ветер чужбины.
Волчье солнце в открытом окне.
Ночь как лирика высшего права
Переходит в земные права.
Красной строчкою, с полуустава
Наливаются силой слова.
Зажигаются звезды в просторе –
Рыщут волки по Лысой горе.
Светит, словно кому-то на горе,
Ясный месяц – рога в серебре.

4. БЕЗЫМЯННЫЙ ПОЭТ

Не от мира бегущей строкою
По былинам последних времен,
Ветерком пролетел над рекою,
Прошумел, как волхвующий клен,
Перепутал в бродячем сюжете
Певчих птиц и лубочных зверей –
И воскрес в Безымянном Поэте
Божеством непонятных кровей.
Там, где сходится степь с облаками
И возносится к черной звезде,
Чародей золотыми вилами
Что-то пишет на синей воде.

5. КАЛИНОВЫЙ МОСТ

Ветер носит потерянный голос –
Не по вражьей, а нашей тщете.
В Курске – Велес, а в Суздале – Волос –
Мирный бог на червленом щите.
Там, где небо распято над полем
И разбиты прямые пути,
На рассвете убитому горем
Мост Калиновый не перейти.
Ах ты, лютая воля-недоля –
Змей Тугарин да Вий-Суховей.
В черном бархате Дикого Поля
Не поет, а свистит Соловей.

Апрель – июнь, 2014 г.

ЛИСТВА СГОРАЮЩЕЙ РЯБИНЫ

Когда-нибудь я вспомню всех поэтов
И напишу картину именами,
И будет в ней портретным каждый лист,
Как водится, сгорающей рябины.

Начну творить! и подбирая краски
К забытым именам, исполню небо
Печалью облачной и вещей глубиной,
И дальний план укрою синевой,
И светотени цветом нареку
В игре случайных мыслимых предметов.
Ударом кисти время отворю!
Когда-нибудь в единственной картине.

Митрополит АРИСТАРХ

Слово на церемонии вручения литературной премии в честь святителя Павла Тобольского в актовом зале Кемеровского епархиального управления, 7 декабря 2014 года (вс)

Уважаемые представители литературной общественности, филологи, студенты, преподаватели, братья и сестры!

Всех вас сердечно приветствую в актовом зале Кемеровского Епархиального управления. Прежде чем мы приступим к оглашению победителей в номинациях премии святителя Павла, митрополита Тобольского, кратко напомню для присутствующих жизнеописание святого, в честь которого она установлена. Кроме того, хотелось бы с вами поделиться размышлениями и пояснить, ***почему в Кузбассе установлена подобная литературная награда именно в честь святителя*** *и как родилась подобная идея.*

Митрополит Павел, в миру Петр Конюскевич, родился в 1705 году в Галиции, в городе Самборе. Родители Петра, видя в своем сыне несомненные дарования и способности, определили его в 1715 году в Киевскую академию, и вскоре юноша своими быстрыми успехами в науках и замечательной кротостью нрава обратил на себя внимание академического начальства. По окончании курса наук он как лучший из воспитанников был оставлен при академии в должности преподавателя пиитики (наука стихотворства).

Здесь бы хотелось несколько приостановиться и обратить ваше внимание на один из мотивов – почему в честь святителя Павла была установлена литературная премия, как вы только что услышали, владыка при жизни был знатоком литературы и обладал поэтическим даром.

В 1733 году, то есть на 28 году своей жизни, Петр принял монашеский постриг с именем Павел. Пострижение было совершено в Киево-Печерской лавре.

Обращаю ваше внимание, что из этого древнейшего монастыря Святой Руси в 2013 году в Кузбасскую митрополию была передана частица мощей святителя Павла.

5 декаб¬ря 1734 года Павел был рукоположен в иеродиакона, а 1 января 1740 года – во иеромонаха. Далее он в Киево-Печерской лавре нес послушание эконома.

В 1743 году иеромонах Павел был возведен в сан архимандрита (*для аудитории разъяснение – то есть «заслуженного священника»*) и назначен настоятелем Новгородского Юрьева монастыря, которым управлял более 13 лет.

В 1758 году архимандрит Павел был назначен митрополитом Тобольской епархии и хиротонисан в Петербурге в мае 1758 года. Сибирь в тот период представляла собой обширнейшее поле для христианско-просветительской деятельности. В XVIII столетии Сибирь была «богата» разного рода ересями и языческими суевериями обычаями. Но особенно много забот причиняли святителю раскольники (старообрядцы разных толков). Больше всего было их в 1760-х годах в Тюмени, Таре, Екатеринбурге, Енисейске и Томске.

Во время управления митрополитом Павлом Тобольской епархией существовали по штатам 15 монастырей.

В 1768 году святитель Павел ушел в Киево-Печерскую лавру на покой. Осенью 1770 года силы стали покидать архипастыря. Утром 4 ноября Владыка причастился Святых Христовых Таин и вечером этого же дня почил.

К лику святых святитель Павел Тобольский был причислен Собором 1917–1918 годов. Память святого совершается 4(17) ноября – в день преставления и 10(23) июня – в день Собора сибирских святых.

Что касается отношения святителя к нашей Кузнецкой земле, то хотелось бы отметить, что в годы своих равноапостольных трудов он был правящим архиереем «всея Сибири». Стало быть, и вопросы церковной жизни Кузнецких приходов митрополит деятельно решал. Так, согласно сохранившимся архивным сведениям,

именно святитель Павел *благословил строительство первого храма в г. Прокопьевске* в честь святого Прокопия Устюжского, оттого и город стал именоваться Прокопьевском. Ранее этот населенный пункт назывался село Монастырское. Именно митрополит Павел положил немало трудов по развитию иноческой жизни в самом первом Кузнецком Христо-Рождественском мужском монастыре (обитель упразднена в 1769 году). В период правления святого Павла в с. Бачаты построен Никольский храм, где позже, в 1851 году, были открыты самые первые шахты в Кузбассе: «Петровская» и «Никольская».

Все эти исторические сведения, которые были представлены нам в Кемеровское Епархиальное управление членами общественной организации «Духовные традиции земли Кузнецкой», дали пищу для размышления по увековечиванию памяти этого святого в литературной премии.

Теперь наше выступление – это рассуждение **о значении и месте духовной жизни в современном обществе**, в том числе и в Сибирском регионе.

Отечественная, а во многом и мировая история и культура неразрывно связаны с православием и другими традиционными религиями. Их нельзя полноценно понять и прочувствовать, не зная духовных оснований культуры. Этапы исторического развития как страны, так и Кузбасса, обретают логику только при рассмотрении их с этой точки зрения.

Православие стало частью русской культуры. А русская культура благодаря православию стала обладать той уникальностью, которую нельзя спутать ни с одной другой. Русские писатели, деятели культуры и искусства признаны во всем мире. Они сумели через свое творчество выразить чувства и стремления русского православного человека.

Осознание причастности к историческому и культурному наследию своего народа помогает человеку обрести жизнеполагающие смыслы – систему нравственных координат и ориентиры для движения, стать истинным патриотом своего Отечества.

То, что Россия на протяжении многих веков осталась по духу русской и православной – это и есть великое духовное наследие преподобного Сергия Радонежского, имя которого мы сугубо воспоминаем в этот год. Игумен земли Русской противостоял разрушительному духу времени, он был и остается тем примером, который вдохновляет и укрепляет нас в ежедневных трудах во имя спасения собственной души и созидания земного Отечества.

Для русского писателя характерно стремление делиться с читателем своими прозрениями, наблюдениями и сомнениями, задумываться о «вечных» вопросах, о смысле жизни, о предназначении человека, ставить перед читателями нравственные коллизии и предлагать их решения, а иногда, даже не предлагая решения, помещать эту коллизию в такой контекст, который помогает читателю самому, без подсказки, сделать правильный мировоззренческий выбор. Именно такие произведения – произведения, обладающие глубоким внутренним содержанием, и представляют подлинную художественную ценность, обретают признание современников и потомков, остаются в благодарной народной памяти.

Для нашего региона приобщение к великой русской литературе и культуре в целом – это не просто образовательная задача, а важнейший фактор духовного притяжения, благодаря которому объединяются разные народы, люди разных религий и даже убеждений. Здесь особое внимание необходимо уделить программам по отечественной литературе наравне с изучением местной национальной культуры.

Страна наша в XX веке прошла через тяжкие испытания, через ни с чем не сравнимые скорби. Мы в Церкви празднуем День Всех Святых, в земле Русской просиявших, а также Новомучеников и Исповедников Церкви Русской. Это наши сродники и сограждане, это наши братья и сестры, которые явили образ святости, Божественный идеал человеческой жизни. Это герои духа, многие из которых стали героями нашей литературы – той самой, что берет свое начало еще в житийной литературе Древней Руси и которая питала и питает своими мощными духовными корнями культуру нашего народа. Святые угодники невдалеке от нас – мы даже не представляем, как они близки нам, как они стоят сегодня рядом с нами. И те, кто идет против небесного воинства, против духовной рати Руси, никогда не сможет одержать победы, потому что та рать – у Бога и Бог вместе с нею.

Изучение основ религиозных культур – это вопрос национальной безопасности. Огромное число наших сограждан, еще не пришедших к вере, находится в религиозном поиске, а подчас

и в духовной опасности. Природа не терпит пустоты. И если душа человека не наполнена любовью к традиционной, выверенной веками культуре, обращенной к миру и созиданию, она заполнится суррогатом в виде псевдодуховности или религиозного экстремизма.

Духовно-нравственное воспитание должно стать одним из основополагающих принципов современного образования. Невозможно построить будущее, не прививая молодому поколению нравственных норм, традиционных для нашего народа.

Сегодня есть два пути в литературной деятельности: либо идти за кем-то и зарабатывать деньги, либо свидетельствовать об идеалах, истине, особенно если это связано с религиозным измерением жизни, и в каком-то смысле идти против течения. Большинство людей, образующих общий поток, скорее будут читать коммерческую, чем по-настоящему художественную литературу, – это проистекает из общих умонастроений, нравственного состояния общества, которое сегодня никак нельзя признать удовлетворительным. Поэтому задача заключается в том, чтобы максимально поддерживать ту часть нашей русской литературы, которая не оставляет попыток защищать и пропагандировать высокие духовно-нравственные идеалы, особенно в молодежной среде.

Современная молодежь, в большинстве своем, предпочитает книгам компьютеры, классической литературе – фэнтези и боевики, учебе, работе и служению – игры и праздность. Таким образом, у нас нет иного выбора, кроме каждодневной работы по духовно-нравственному просвещению в школах и вузах, развития образовательных проектов в масс-медиа, поддержки молодежных движений и инициатив в культурной, военно-патриотической, социальной и иных сферах, в которых молодые люди готовы приносить пользу своей стране.

Пока мы все вместе, всем народом – Церковь, интеллигенция, средства массовой информации – не поймем, что нельзя игнорировать внутреннюю жизнь человека, что забота о душе – это главная задача общества, мы не справимся с нашими проблемами. Нельзя совершенствовать образование и не совершенствовать воспитание. Нельзя внедрять современную технологию в интеллектуальное развитие человека – технологию, которая действительно способна помочь людям получать более высокий уровень образования, – одновременно не сохраняя идеалы нравственные. Человек без нравственного идеала жить не может.

В чем заслуга классической русской литературы? В том, что она подхватила нравственный идеал христианства, облекла этот идеал в образ положительного героя, и образ этот предлагался в школе, дома, в кино, театре. Сегодня нет идеала, нет положительного героя. Для кого-то положительным героем становится человек, который всеми силами стремится загребать деньги, не останавливаясь ни перед чем. Но это страшный герой. Это нежизнеспособный герой, потому что нежизнеспособно то общество, в центре которого – эта безудержная потребительская философия.

И дело, конечно, не только в философии. Дело в первую очередь в том, что происходит в нашей жизни. От сознания людей зависит многое. Поэтому сегодня все те, кто может оказывать влияние на человеческое сознание – и Церковь, и писатели, и школа, и интеллигенция, и средства массовой информации – должны не ссориться и не перетягивать канат, а вместе работать для того, чтобы менялось мироощущение современного человека, чтобы появлялись идеалы, способные устроить жизнь личности и общества ко благу.

Задача литературы заключается в том, чтобы показывать людям не только окружающий мир, но и определенные пути, выходы из трудных ситуаций. У литературы всегда есть нравственная составляющая. В то же время литературное произведение не должно превращаться в нравоучение.

Русская православная церковь не может оставаться безучастной к тому, что происходит ныне в современной отечественной словесности. К сожалению, сегодня появилось немало произведений весьма сомнительной ценностной ориентации, зачастую идущих вразрез с нравственными идеалами отечественной литературной традиции, а иногда и прямо им противоречащим. Поэтому литературная премия призвана напомнить, что и сегодня не только в России, но во многих странах мира, где говорят и пишут на русском языке, есть авторы, осознающие себя преемниками и продолжателями духовной традиции, восходящей к славянским просветителям. Именно такие писатели стали номинантами литературной премии в честь святителя Павла Тобольского 2014 года. Уверен, что все они до-

стойны этой премии. Мы хотим живой литературы, искренней, интересной, яркой. Но при этом хочется, чтобы книги не только отражали мрачную действительность окружающего мира, но и помогали человеку найти путь к Свету.

Хочу пожелать всем нашим писателям успешно развивать свой творческий талант, осознавая ответственность перед Богом и людьми за каждое написанное или сказанное слово.

Выражаю надежду на то, что данное мероприятие мы будем проводить ежегодно. Дай Бог, чтобы добрые труды в сообществе профессионалов-литераторов, писателей, способствовали преумножению замечательных изданий, которые мы с удовольствием будем рассматривать в разделах: поэзия, проза, краеведение и благотворительность. Целью данного начинания является наше искреннее стремление поощрить писателей, внесших существенный вклад в утверждение духовных и нравственных ценностей в жизни современного человека, создавших высокохудожественные произведения, обогатившие русскую литературу.

Благодарю вас за внимание.

Владимир ЕРЁМЕНКО

БЛАГОСЛАВЕННЫ ВСЕ ПУТИ ТВОИ

ЧУДО НА РЕКЕ ЧАЛЫ

В середине XIX века на берегу сибирской речки Чалы в Томской губернии (нынешняя территория Кемеровской области) произошло чудо явления Иконы великого подвижника IV века преподобного Онуфрия.

В шестом номере за 2010 год журнала «Огни Кузбасса» мы давали материал об этом.

Православная святыня была обретена баронессой Павлой, женой владельца Золотых Приисков.

Вскоре в селе Жарковском (ныне районный поселок Яя) была воздвигнута церковь во имя угодника Божия.

Почитание преподобного, обращение к нему за помощью Божией весьма быстро приобрело большие масштабы. В селе Судженское открывался второй храм преподобного Онуфрия. Исцеление болящих, прекращение эпидемий в районе, помощь в добрых делах укрепляет Веру, усиливает Надежду на Божию помощь, утверждает людей в созидательной силе Любви.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОНУФРИЯ ВЕЛИКОГО

Преподобный Онуфрий Великий родился около 320 года в семье персидского царя. Отец его, не имея долгое время потомства, молился всей душой Господу о даровании ему сына, и Бог услышал его. Но еще до рождения святого Онуфрия к его отцу пришел однажды демон под видом странника и сказал: «Царь, жена твоя родит сына, но не от тебя, а от одного из твоих слуг. Если тебе угодно будет удостовериться, что я говорю правду, прикажи бросить новорожденного в огонь, и если я говорю ложь, то Бог сохранит его невредимым». Отец не уразумел коварства вражия и, поверив мнимому страннику, исполнил лукавый совет, бросив новорожденное дитя в огонь. Совершилось чудо: ребенок протянул руки к небу, как бы моля Создателя о спасении, и пламень, разделившись на две стороны, оставил младенца невредимым. Между тем отцу явился Ангел Божий и, изобличив его в безрассудном доверии к наветам диавольским, приказал ему крестить сына, назвать Онуфрием и отвезти его, куда укажет Бог.

Когда заметили, что дитя совсем не принимает материнское молоко, отец поспешно отправился в путь вместе с сыном, боясь, чтобы младенец не умер от голода. В пустыне к ним подбежала белая лань и, накормив малютку своим молоком, побежала вперед, как бы указывая им путь. Так они дошли до монастыря близ города Гермополя. Игумен, извещенный об этом свыше, встретил их и взял святого Онуфрия к себе на воспитание. Простившись с сыном, царь ушел и до своей кончины не переставал посещать монастырь. Лань же кормила святого Онуфрия до трехлетнего возраста.

Когда отроку исполнилось семь лет, с ним произошло чудо. Ключарь монастыря каждый день давал ему часть хлеба. Святой Онуфрий, посещая храм, подходил к иконе Пресвятой Богородицы с Предвечным Богомладенцем на руках, в своей ангельской простоте обращался к Богомладенцу Иисусу со словами: «Ты такой же младенец, как и я; но Тебе ключарь не дает хлеба, поэтому возьми мой хлеб и ешь». Младенец Иисус протягивал Свои руки и брал у святого Онуфрия хлеб… Однажды ключарь заметил это чудо и сообщил обо всем игумену. Игумен приказал в следующий день не давать святому Онуфрию хлеб, а послать его к Иисусу за хлебом. Святой Онуфрий, повинуясь словам ключаря, пошел в храм, стал на колени и, обращаясь к Богомладенцу на иконе, сказал: «Ключарь не дал мне хлеба, а послал к Тебе за получением его; дай мне хоть кусочек, ибо я сильно проголодался». Господь дал ему чудесный и прекрасный хлеб, притом столь большой, что святой Онуфрий едва отнес его к игумену. Игумен вместе с братией прославили Бога, дивясь благодати, почившей на святом Онуфрии.

В десятилетнем возрасте святой Онуфрий ушел в пустыню, желая подражать святым пророкам Илии и Иоанну Предтече. Когда он тайно ночью вышел из монастыря, пред ним явился луч света, указавший ему путь к месту его пустынных подвигов. Здесь святой Онуфрий нашел дивного старца-пустынника, с которым он прожил некоторое время, обучаясь у него правилам пустынножительства. Через несколько лет

старец скончался, и святой Онуфрий шестьдесят лет прожил в полном одиночестве. Много скорбей и искушений претерпел он за это время. Когда истлела его одежда и он сильно страдал от зноя и холода, Господь одел его густым покровом волос на голове, бороде и теле. Тридцать лет Ангел Божий ежедневно приносил ему хлеб и воду, а последние тридцать лет он питался от финиковой пальмы, выросшей по милости Божией, около его пещеры, имевшей двенадцать ветвей, которые поочередно ежемесячно приносили плоды. Воду он пил теперь из источника, чудесно открывшегося у пещеры. В течение всех шестидесяти лет Ангел Божий приходил к Преподобному Онуфрию в праздничные дни и причащал его Святых Христовых Тайн.

Повествователь житий многих пустынножителей Преподобный Пафнутий сообщает, что когда он, водимый Божественным Промыслом, пришел к пещере, где жил преподобный Онуфрий, то сильно испугался, увидев Преподобного, обросшего белыми волнистыми волосами. Преподобный Пафнутий хотел бежать, но Преподобный Онуфрий остановил его словами: «Человек Божий, не бойся меня, ибо я такой же грешный человек, как и ты». Это успокоило Преподобного Пафнутия, и между подвижниками состоялась долгая беседа. Преподобный Онуфрий рассказал о себе, как пришел в это место и сколько лет здесь прожил. Во время беседы вдруг неизвестно кем посреди пещеры поставлен был хлеб и сосуд с водой. Подвижники, подкрепившись пищей, долго еще беседовали и молились Богу. На другой день Преподобный Пафнутий заметил, что лицо преподобного Онуфрия сильно изменилось. Преподобный Онуфрий же сказал: «Бог послал тебя, Пафнутий, для погребения моего, ибо сегодня я завершу свое служение Богу в мире сем». Преподобный Пафнутий стал просить Преподобного Онуфрия, чтобы ему позволено было остаться жить на этом месте в пустыне, но преподобный Онуфрий не разрешил ему, говоря: «Бог избрал тебя, Пафнутий, для того, чтобы ты, посетив многих пустынников, поведал инокам и всем христианам о их жизни и подвигах, поэтому возвратись к своей братии и поведай, что Господь услышал моления мои и что всякий чтущий память мою каким бы то ни было образом удостоится Божия благословения; Господь поможет ему благодатию Своею во всех благих начинаниях на земле, а на Небе примет в святые селения».

Сказав еще много назидательных слов, Преподобный Онуфрий помолился Богу, лег на землю и, крестообразно сложив руки на груди, преставился ко Господу. Лицо его просияло как солнце и пещера наполнилась благоуханием; послышалось ангельское пение и дивный Божественный глас: «Оставь бренное тело, возлюбленная душа моя, чтобы Мне взять тебя в место вечного упокоения со всеми избранными Моими». Преподобный Пафнутий предал погребению честное тело великого подвижника и возвратился в свой монастырь, прославляя Господа.

СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНЫЙ ОНУФРИЙ ВЕЛИКИЙ

Благословенны все пути Твои
И все Домостроительство Вселенной!..
Твоих Святых от нас не утаи,
Твои дела во век благословенны.

Благословенны край любой и час,
Высоты и полей бескрайних шири,
Пустыни, где нам слышен Божий Глас,
И щедрые цветения Сибири.

Благословен в творении Творец!
Любовь Благую Волю источает,
И человек – творения венец –
Везде к Спасенью помощь получает.

I

РОССИЯ.
СИБИРЬ.
ТОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ.
XIX–XX ВВ.

1

Бароновские Прииски. Тайга.
Но не меха и золотые жилы,
Не вольная разбойная рука
Здесь в памяти, но знают старожилы,

Все служащие Приисков, окрест
Лежащие и дальние селенья
Здесь явленное Чудо – Божий перст –
Особое Его Благоволенье.

Жемчужину как Царства Божья знак
Близь Приисков, вниз по теченью Чалы
Святой Иконы, просветившей мрак
И церкви полагающей начало,

Подвижника Онуфрия… Сей дар –
Явление Божественной Иконы –
Воспринимали все: и мал, и стар –
Как Откровенье. Высшие законы

Являли зримо Небо на Земле
И путь к нему в делах Святых являли.
И, возжигая Свет в духовной мгле,
Людские души в Царство направляли.

По милости творенью Своему
Всегда, во все века без исключенья,
Давал Господь во сне и наяву
Во множестве чудесные явленья.

Лишь только потрудись и разгляди,
Отбросив смело суету мирскую.
– Не сомневайся и по Мне гряди,
Я прежде всех взыскующих взыскую…

Прислушайся и внемли Божий Глас,
И не беги Его благословенья…
Но, как сетями, спутывают нас
И глухота, и лень, и ослепленье.

2

– Доколе же я буду здесь стоять?!. –
Был снова голос баронессе Павле…
Нашли Икону, но не могут взять.
И дивный Образ в пихтачах оставлен,

Чтоб завтра снова к Явленной идти…
Пришли с молитвой, подошли в смиренье,
И Павла Александровна нести
Сподобилась ее в благоговенье.

Семейства радость и не описать,
И в трепете все видевшие чудо!
В сердца сходила Божья Благодать,
Как и не исчезавшая оттуда.

Подвижник Божий Богу предстоял
И на коленях Господу молился…
И каждый – странно! – так же ощущал,
Что тоже к Небу духом устремился!

Что даже притяжение Земли
И тяжести грехов по покаянью
Уменьшились. И люди обрели
Потерянное было достоянье.

Казалось, очищения волна
Смывала камень, увлекавший книзу…
Икона же была облечена
Под золотом в серебряную ризу.

3

С молитвою в сердцах, устах, делах –
Что есть всему блаженное начало –
От Приисков, что в сорока верстах,
В селе Жарковском церковь воссияла.*

И воссияла в душах Благодать,
Как будто к Жизни заново родились!
Чтобы за всех мог Богу предстоять,
Онуфрию Великому молились

И всем Святым, Царице Преблагой.
По вере совершенно исцелялись.
И, к Жизни направляемы Иной,
Молились, и трудились, и спасались.

Не все, конечно… Жили и впотьмах,
И чем самоубийственно кичились:
– Нашли себе Святого на назьмах
И на весь мир, смотри-ка, возгордились!..

Мы не хотим!.. И с вами не пойдем!..
Об этом даже слушать не желаем!..
Хоть разрази нас гром, пали огнем,
Но не мани нас вымышленным Раем!

Свободу нашу вольную не тронь!..
Не понукай!.. Все сами понимаем!..
И гром гремел, разил, палил огонь,
Но дух страстями был обуреваем.

Душа искала сладостей во тьме
И в дебрях человеческих страданий,
Искала Царства Божья на Земле,
Непреходящих, Вечных упований.

Шагала своевольно, широко,
Пути не видя верного, однако,
Забыв, что бремя Божие легко,
Что иго Божье – Истинное Благо,

Что Царство Божье силою берут
Те, кто себя для мира распинают,
И жертвою для ближнего живут,
И милостью Спасенье обретают

* Нынешний районный поселок Яя.

По Благодати Божией. Сладка,
Крепка, желанна тесная Дорога,
Но Цель недостижима высока
Без воли, без смирения, без Бога.

Труждающиеся себя блюли,
Обремененные к Тебе летели…
И Царство Божье в душах обрели,
И то, что им даровано, успели.

Успели Храмы Божии открыть
И Тайн благоговейно причащаться,
Умели умирать и славно жить,
И, как Онуфрий, Господу стараться,

Как Илия, Предтеча Иоанн,
Что были Преподобному порукой…
Но в мир страстей нахлынул океан,
Всенаслажденье обернулось мукой,

Которую представить не могли,
С которой мир дотоле не встречался.
И было: на одной шестой Земли
Ад на поверхность с грохотом прорвался!

Такого взрыва не было в веках,
Включая даже Первые гоненья –
Святые храмы разметались в прах,
И начиналось Светопреставленье.

Но даже революционный смерч,
Под корень животворное разящий,
Не мог прервать молитвенную речь
И плач людей, ко Господу летящий.

Их вера в простоте была чиста,
Хоть бесновались дьявольские силы, –
Стояли во Христе и за Христа
До крови, до распятья, до могилы.

И восходили жертвой в Небеса
Уже Святые в подвиге, по сути,
И повторяли в целом чудеса,
Что Преподобный изложил Пафнутий.

II

ЕГИПЕТ. СКИТСКАЯ ПУСТЫНЯ. IV В.

1

Шел без дорог я по теченью звезд
Во Внутреннюю, Скитскую пустыню…
И путь Отцов вставал суров и прост,
Являя миру Божью Благостыню.

Через гроба на Небо восходил,
Сквозь духов злобы Истиной светился.
Я созерцал Нетленный Свет могил
И трепетал, и Господу молился.

Земная персть земного бытия,
Небесного Сокровища желая,
По их следам приподнимался я
На Небеса, ко Господу дерзая.

2

– Пафнутий, брат, напомни обо мне
И о трудах Пустынников Великих,
Что пребывают в Божием Огне
Среди врагов бесчисленных и диких,

Средь искушений, помыслов и бед,
Непредставляемых для человека,
Немыслимых без Помощи побед,
Без жажды нашей Будущего Века –

Светлейшего Божественного Дня –
Без Благости и Милости Господней…
И ты, сего сподобившись Огня,
Оплачь и погреби меня сегодня.

3

Я сделал так. Все, что он мне сказал,
Смиренный, грешный Божий раб Пафнутий:
Похоронил, оплакал, записал,
Чтоб их трудами вдохновлялись люди;

Чтоб, поднимая непосильный труд,
Благословленный Подвигом Распятья,
Мы помнили, какую жизнь ведут
Святые наши Старшие собратья.

Блажен, кто только Свет их созерцал,
И преблажен, кто Господу старался,
И трижды преблажен, кто воскресал,
Для Бога умирая, и – Спасался.

4

Рожден в семье персидского царя,
Оболганный до своего рожденья…
(Враг, лютой злобой на людей горя,
Безумные всевает наважденья,

Защиты Божьей взламывает бронь…)
Дух Тьмы под видом странника явился:
– Родится сын… Не твой!.. Бросай в огонь –
И он огнем земным не опалится,

Коли я лгу!.. Слова мои верны!..
Явился Ангел:
– Отнеси в Обитель.
Не слушайся наветов сатаны.
Сей – Божий сын, а ты его родитель.

5

Очнувшийся безумия отец,
Взяв из огня дитя, просил прощенья…
Господь простил. Избавил наконец
Его слепого самообольщенья.

В пустыне лань вела, как поводырь…
И ужасался царь, как был безумен!..
Пришли они в далекий монастырь
Близ города Гермополя. Игумен,

Встречая, Бога возблагодарил
Об Извещенном, пламенея сердцем.
…Онуфрий часто в храме подходил
К Иконе Божьей Матери с Младенцем.

6

– А мне, Господь, дал хлебушек ключарь…
Тебе не дал!.. На вот, возьми… Покушай…
Господь взглянул в его святую душу
И взял из рук Свой хлеб Небесный Царь.

– Я принесу еще!.. Хочу Домой…
Хочу к Тебе… С Тобою быть… Стараться…
Господь дал Благо, силы подвизаться
В трудах великих долгий путь земной.

Возрос Подвижник, словно кедр густой,
Плодами всю пустыню осеняя,
И в оный час свершилась Весть Благая:
Воззвал его Господь к Себе Домой.

7

Вертеп пустынный… Зной и хлад…
Подвижник, мира отрешенный…
Расцвел вдруг финиковый сад,
В едином древе воплощенный.

Воды струящийся родник
Под солнцем радостным искрился…
Он сердцем к Господу приник,
О мире Господу молился.

Творить сподоблен чудеса
Во славу Господа Живого…
Всходил Онуфрий в Небеса
Сияньем Духа Пресвятого.

8

Царя земного долгожданный сын,
К Царю Царей Небесному восшедший…
Единое Потребное обретший,
Восставший из погибельных глубин.

Родившийся, прошедший сквозь огонь
И разорвавший вражеские сети.
Он шел Домой, как любящие дети,
Себя влагая Господу в ладонь.

Какое Благо, Господи, Твое
Даруешь нам в Подвижниках Великих!..
Глядят в сердца с Небес Святые Лики,
Земное освящая бытие.

III

РОССИЯ.
СИБИРЬ.
КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ.
XX–XXI ВВ.

1

Молитва… Труд… Смиренье… Крестный ход
Во Славу Божью, во Спасенье людям!..
Очнулся… Пробуждается народ
Безблагодатных, беспробудных буден.

Исчезла Смерти тягостная тень,
И в Небеса душа взлетает птицей!..
Благословен Любви Высокий День,
Благословенна Божия Десница.

Благословенны каждый день и час,
И все Твои дела благословенны!..
По Благодати Бог воздвигнул нас,
И мы во Славе Господа нетленны.

2

Во Славе Божьей – Господа сыны,
Чтоб таковыми в Вечности остаться, –
Своею волей с Божией должны
В Любви мы во Спасенье сочетаться.

Отвергнуть попирающих Закон,
Предавших Божий мир на поруганье…
Конец времен!.. Грядет Армагеддон –
Последнее во веки испытанье.

Затем – Победа и Всеблагий Суд,
И каждому – свое определенье
По тем делам, что совершаем тут
Во времени для своего Спасенья.

3

Да, каждому во Благо. По делам.
По Совести. И – нелицеприятно…
По Милости, так непонятной нам,
По Щедрости, забытой безвозвратно.

Дай претерпеть до самого Конца
И осознать свое Предназначенье...
Дай сил для воспевания Творца
И сил для восхваления Творенья!

Мы – Божий Храм на собственной крови
И на Твоей, поистине Бесценной!..
Благословенны все пути Твои
И все Домостроительство Вселенной!

Евгений ТИТКОВ

«ИСТОРИЮ МЫ ВЫБРАСЫВАТЬ НЕ МОЖЕМ» (К ВОПРОСУ О СТАЛИНСКОМ ПОВОРОТЕ К ЦЕРКВИ)

В последние годы в нашей исторической и публицистической литературе дискутируется вопрос о том, был ли осуществлен И. В. Сталиным поворот к Православной Церкви? Я уже имел возможность высказать свою позицию по этому вопросу в книгах «Патриарх Сергий (Страгородский): подвиг служения Церкви и Родине» и «Первосвятитель Церкви мучеников». Она существенно не изменилась. А недавняя публикация статьи И. А. Курляндского «О мнимом повороте Сталина к православной церкви», опубликованная в журнале «Вопросы истории» (№ 9 за 2008 г.), ее отнюдь не поколебала.

Напомню об обстоятельствах появления указанной статьи И. Курляндского. В 1999 году в журнале «Наш современник» и ряде коммунистических и патриотических средств массовой информации (газеты «За Родину, за Сталина», «Русский вестник» и др.) были опубликованы сенсационные материалы, призванные свидетельствовать, что еще перед войной, в 1939 году, советское руководство радикально изменило государственный курс по отношению к Православной Церкви, прекратило гонения на духовенство и верующих и провело в ноябре-декабре того же года массовую амнистию осужденных по церковным делам, в результате которой «на свободу» из лагерей вышли 12 860 человек и «из-под стражи» – 11 223 человека, то есть 24 тысячи человек. Кроме того, планировалось освободить еще около 15 тысяч человек из числа 50 тысяч продолжавших отбывать наказание. Эти данные приводились в обоснование утверждения о повороте сталинского руководства навстречу Церкви еще до войны.[1]

Однако эти данные и приводимые в их обоснование источники были подвергнуты резкой критике И. А. Курляндским в 2008 году, который утверждает, что указанные документы были сфальсифицированы и вопреки версии о «либеральном повороте» Сталина к Церкви и верующим в 1939 году и прекращении гонений 1940–1942 годы отмечены новыми жестокими репрессиями по церковным делам. «Мнимой версией» назвал Курляндский утверждения целого ряда авторов о повороте Сталина к Церкви в конце 1930-х годов.[2]

Казалось бы, после подобных утверждений нет достаточных оснований говорить, что до знаменитой встречи в Кремле в сентябре 1943 года имел место поворот Сталина к Православной Церкви. Однако попробуем представить некоторые из фактов, свидетельствующие о том, что в мировоззре-

[1] Дудко Д. Он был верующим // Наш современник. 1999. № 12; За Родину, за Сталина. 1999. № 7.

[2] Курляндский И. А. О мнимом повороте Сталина к православной церкви // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 3–16.

ТИТКОВ Евгений Павлович родился в 1951 году в Орловской области. Окончил историко-филологический факультет ГГУ им. Н. И. Лобачевского, служил офицером в Советской армии, работал в Нижегородском госпединституте, окончил аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина. Доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы. В течение 17 лет был ректором Арзамасского госпединститута. Член Союза писателей России, лауреат литературных премий Союза писателей России, Александро-Невской лавры, Нижегородской областной писательской организации. Профессор Арзамасского филиала ННГУ, главный редактор альманаха «Арзамасская сторона», руководитель научно-методического центра по изучению дискуссионных вопросов отечественной истории. Автор монографии об образовательной политике Екатерины Великой, о епископе Дамаскине (Рудневе), Патриархе Сергии. Опубликовал серию научно-публицистических книг о Великой Отечественной войне и истории Русской православной церкви.

нии руководителя советского государства уже в 1930-х годах происходили существенные изменения, качественно ускоренные войной.

Момент встречи Председателя Совнаркома И. В. Сталина с тремя высшими иерархами Русской Православной Церкви был действительно исторический. Правительство страны, допуская избрание Патриарха, открытие православных приходов и духовных школ, откровенно признало несбыточность большевистских планов разгрома Церкви и устранения ее из жизни народа. «По существу, были заключены условия своего рода «конкордата», который в основном государственная власть соблюдала до начала хрущевских гонений» – так подытоживает встречу Сталина с тремя митрополитами 4 сентября 1943 года канадский историк русского происхождения Д. Поспеловский.[1]

Думается, дело не только в том, что власть откровенно признала несбыточность большевистских планов по ликвидации Церкви. Смеем предположить, что в сознании властной верхушки партийно-советского руководства за годы войны произошла существенная ценностная эволюция. Трагическая действительность 1941 года прежде всего воздействовала на сознание Сталина. Именно в его мировоззрении происходили существенные изменения уже в 1930-х годах, качественно ускоренные с войной. К сожалению, мы слишком мало имеем фактов об этой эволюции в мировоззрении, сознании Сталина. Разбросанные в различных источниках отдельные факты и эпизоды из жизни и поведения главы советского правительства, к сожалению, до сих пор не собраны, не систематизированы и должным образом не осмыслены.

Попробуем представить некоторые из этих фактов на страницах данной статьи, надеясь, что они послужат информацией, толчком для рассуждений, размышлений нашего читателя.

Слова «поворот к церкви» нельзя воспринимать как обозначение некоего процесса, обусловленного, так сказать, сдвигами конформистского толка в идеологии Советского государства. В таком случае сам этот процесс будет выглядеть хитроумным ходом Сталина, затевающего лукавую игру с «мнением народным» накануне пресловутых массовых репрессий 1937 года. Подобная позиция, на наш взгляд, глубоко ошибочна, поскольку не учитывает ни культурно-исторических факторов, определяющих значимые идеологические тенденции в Советском Союзе начала 30-х годов, ни последовательных, стратегически сильных и обдуманных шагов Сталина, стремящегося идейный базис «страны победившего социализма» преемственно связать с национальной идеей русского народа, которая не мыслилась вне многовековых традиций православного христианства.

Необходимо в данном отношении подчеркнуть, что Сталин никогда не обладал абсолютной полнотой власти, а в 30-х годах – времени индустриализации и коллективизации страны, к тому же прошедшему в напряженной борьбе с оппозицией, – тем более. А потому эти шаги не всегда были однозначны и полноценны.

Приведем только некоторые свидетельства, подтверждающие наш тезис об особом сталинском видении идеологического курса Советского государства и его политики в этой сфере.

В 1930 году правительство инициировало перенос памятника Минину и Пожарскому с середины Красной площади к собору Василия Блаженного (перенос был осуществлен в 1931 году). Доводы были весьма просты: памятник стал помехой для демонстраций и парадов боевой техники. Однако публичные высказывания и выступления, порожденные этим событием, неожиданно придали этой в общем-то незначительной проблеме значительный по своему цинизму смысл: а нужен ли этот памятник? Так, популярный, особенно среди первого поколения комсомольцев, поэт Джек Алтаузен разразился на этот счет такими виршами:

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить.
Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно им мы не свернули шею.
Им это было бы под стать.
Подумаешь, они спасли Расею.
А может, лучше было б не спасать?[1]

Такого рода «выступление» не было в ту пору исключением из правил. Скорее наоборот. Любопытный факт на этот счет приводится в книге

Г. Марьямова «Кремлевский цензор», в которой автор приводит слова, будто бы сказанные И. В. Сталиным: «Демьян Бедный представлял себе исторические перспективы неправильно. Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и надо забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его «Иваном, не помнящим своего родства». Историю мы выбрасывать не можем».[2]

В отличие от Алтаузена, Д. Бедный тогда считался едва ли не хозяином в советской литературе: для него были всегда открыты двери всех без исключения издательств, его гонорары не шли ни в какое сравнение с гонорарами других советских писате-

[1] Поспеловский Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 299.

[1] Алтаузен Д. Вступление к поэме // 30 дней: иллюстрированный ежемесячник. 1930. № 8. С. 68.

[2] Марьямов Г. Кремлевский цензор. М., 1993. С. 76.

лей и поэтов, в его полном распоряжении находился специальный вагон, который, что называется, по первому требованию «хозяина» прикреплялся к любому составу, и, наконец, обитал Д. Бедный не где-нибудь, а в самом Кремле. То, что он мог выступать за снос памятника Минину и Пожарскому, вряд ли вызывает теперь сомнения. Многие его «творения», среди которых особо стоит назвать «Евангелие без изъяна евангелиста Демьяна», «Слазь с печки», «Без пощады», «Перерва», – убедительные свидетельства открытого глумления над национальными духовными святынями: русской историей, Русской Церковью, русским характером. Не вызывает сомнение и то, что у Бедного была огромная читательская аудитория, воспринимающая его в качестве идейного рупора советского правительства. Свою роль здесь играли и «кремлевская прописка» Д. Бедного, и созданный в начале 20-х годов миф о нем как о поборнике и выразителе правды «трудового народа».

Рубеж 20–30-х годов XX века – это период преобладающего вульгарно-классового отношения к выдающимся представителям отечественной культуры, когда новоявленные «деятели искусства» на своих многочисленных заседаниях и «прениях» разносили Пушкина «в пух и прах» за «белые штаны, за «вперед гляжу я без боязни», за камер-юнкерство и холопскую стихию, вообще за «псевдореволюционность и ханжество», за неприличные стихи и ухаживание за женщинами...».[1] Понятно, что так «доставалось» не только Пушкину: «холопскую стихию» и «псевдореволюционность» видели практически в каждом из деятелей культуры дворянского происхождения. Таким образом, «списывалось в утиль» великое наследие русской духовной культуры.

То, что Сталин в это время лишь в частных письмах (к тому же Бедному) выражает свою озабоченность русофобскими тенденциями, по сути, царящими в общественном сознании, вполне объяснимо. Ему в ту пору нужно было незамедлительно и действенно решать проблемы социально-экономического развития страны, ее внешней и внутренней безопасности.

Только лишь, пожалуй, с середины 30-х годов позиция Сталина в отношении идеологического курса страны начинает реально воплощаться в политических решениях. И точкой отсчета здесь является открытое письмо Сталина членам Политбюро от 19 июля 1934 года «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», в котором подвергалась жесточайшей критике позиция Энгельса по отношению к царской России как «тюрьме народов».

21 января 1936 года в «Известиях» Н. И. Бухарин в связи с днем памяти В. И. Ленина назвал обломовщину «универсальной чертой» русского национального характера, которую смог преодолеть только гений Ленина. Кстати сказать, основные положения этой статьи были обнародованы Н. И. Бухариным еще девять лет назад в памфлете «Злые заметки» (опубликованной в газете «Правда» от 12 января 1927 г.), призванном, по большому счету, очернить память о Сергее Есенине как русском национальном поэте. Вместе с тем «разбором» поэзии Есенина Бухарин не ограничивается, жестоко клеймя прошлое великороссов и глумясь над ним:

«Оно – в темноте.

Оно – в мордобое.

Оно – в пьянстве...

Оно – в матерщине.

Оно – в дряблости, неуважении к труду, в хулиганстве.

Оно – в «ладанках» и «иконах», «свечечках» и «лампадках».

Оно – в остатках шовинизма...

Оно – в свинском обращении с женщиной.

Оно – во внутренней разнузданности, в неумении работать над собой, в остатках обломовщины, интеллигентского самомнения, рабского темпа работы.

И все это наше рабское историческое прошлое, еще живущее в нас, воспевается, возвеличивается, ставится на пьедестал лихой и в то же время пьяно-рыдающей поэзией Есенина...».[1]

И такое вещал ведущий политик партии, входивший в состав ее высшего руководства, в год десятилетия советской власти, и не где-нибудь, а в главной газете страны!

После такой уничижительной оценки русского народа и его исторического прошлого уже не вызывает удивления циничный отзыв о русской классической литературе, которая, по мысли несостоявшегося вождя, являет собой «кокетничанье своей собственной интеллигентской слюнявостью, бессилием, безволием, жалкой дряблостью».

Заметим, что и в памфлете, и в статье Бухарин для большей весомости своих умозаключений обращается к работам В. И. Ленина. Но если «Злые заметки» имели нужное для Бухарина продолжение – многочисленные антиесенинские сборники, фильм С. Эйзенштейна «Против есенинщины», то статья в «Известиях» получила достойный и адекватный ответ.

Спустя три недели, в день памяти А. С. Пушкина, в газете «Правда» была напечатана редакционная статья «Об одной гнилой концепции», в которой явно чувствовалось авторство Сталина: «Вряд ли тов. Бухарин сумеет объяснить с точки зрения своей «концепции», как это «нация обломовых» могла

[1] Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1989–1990. Т. I. С. 480.

[1] Бухарин Н. Злые заметки // О писательской этике, литературном хулиганстве и богеме. Л., 1927. С. 10.

исторически развиваться в рамках огромнейшего государства... И никак не понять, как русский народ создал таких гигантов художественного творчества и научной мысли, как Пушкин и Лермонтов, Ломоносов и Менделеев, Белинский и Чернышевский, Герцен и Добролюбов, Толстой и Горький, Сеченов и Павлов».

Вкупе с открытым письмом Сталина эта статья, по сути дела, определенно свидетельствовала о начавшемся процессе реабилитации русской культуры и русской истории. Последовавший через несколько месяцев известный разгром «исторической школы» академика М. Н. Покровского явился одним из знаковых событий этого процесса.

Год спустя страна с масштабным размахом отметила столетнюю годовщину со дня смерти А. С. Пушкина. В популярных печатных изданиях уже не находится места вульгарно-классовым трактовкам жизни и творчества великого поэта. Наоборот, он признается и в новое время национальным гением, образцовой личностью поэта и гражданина.

В этом же году начались съемки легендарного фильма «Александр Невский». По верному замечанию современного историка П. Мультатули, «мощный образ благородного защитника земли русской, созданный Черкасовым, возвращал России не просто национального героя, но прославленного Церковью святого». Не лишним в этой связи будет заметить, что с января 1935 года по март 1938 года прекращается издание журнала «Безбожник» (с началом войны он и вовсе прекратил свое существование).

На этом фоне во многом показательной предстает история с постановкой в Московском камерном театре оперы-фарса Д. Бедного «Богатыри» (ноябрь 1936 г.), ради запрета которой – беспрецедентный для того времени факт – было созвано внеочередное заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Текст постановления, который мы приводим полностью, убедительно свидетельствует о самой сути жесткой сталинской позиции, позиции русского патриота в отношении истории своей страны и, что особенно важно, значительной роли в этой истории Православной Церкви.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(Б) О ЗАПРЕТЕ ПЬЕСЫ Д. БЕДНОГО «БОГАТЫРИ» 13 НОЯБРЯ 1936 Г.

№ 44. п. 202 – О пьесе «Богатыри» Демьяна Бедного.

Утвердить следующий проект постановления Комитета по делам искусств: Ввиду того, что опера-фарс Демьяна Бедного, поставленная под руководством А. Я. Таирова в Камерном театре с использованием музыки Бородина,

а) является попыткой возвеличения разбойников Киевской Руси как положительного революционного элемента, что противоречит истории и насквозь фальшиво по своей политической тенденции;

б) огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа;

в) дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры, – комитет по делам искусств при СНК Союза ССР постановляет:

1) Пьесу «Богатыри» с репертуара снять как чуждую советскому искусству.

2) Предложить т. Керженцеву написать статью в «Правде» в духе настоящего решения».[1]

Это постановление было немедленно опубликовано «Правдой», «Известиями», «Советским искусством», «Литературной газетой» и другими изданиями.

Платон Керженцев, председатель Комитета по делам искусств, 15 ноября опубликовал в центральном органе ВКП(б), газете «Правда», статью «Фальсификация народного прошлого (о «Богатырях» Демьяна Бедного)», в которой писал: «Для постановки старинной шуточной оперы Бородина Камерный театр заказал новый текст Демьяну Бедному.

Старый текст Виктора Крылова, написанный как пародия на псевдонародную оперу, нуждался в замене...

В новой редакции была добавлена совсем раньше отсутствовавшая тема разбойников... Основная грубейшая ошибка Демьяна Бедного в том, что его пьеса является попыткой возвеличить «разбойничков» Киевской Руси как какой-то положительный и даже революционный элемент в нашей истории...

В народном эпосе героическую линию ведут не «разбойнички», как у Демьяна Бедного, а богатыри, которых огульно чернит и хулит пьеса, с таким захлебывающимся аппетитом поставленная Таировым в Камерном театре...

А между тем образы богатырей выявляют думы и чаяния народа. Они в течение веков живут в народе именно потому, что они олицетворяют героическую борьбу народа против иноземных нашествий; народную удаль, смекалку, храбрость, хитрость, великодушие, находившие особенно яркое выражение в определенные переломные моменты истории народа и его борьбы за свою лучшую долю.

И вот эта героика русского народа, этот богатырский эпос... превращается у Демьяна Бедного в материал для поголовного охаивания богатырей...

Исказив народный эпос, Демьян Бедный не остановился на этом. Ему для чего-то потребова-

[1] Правда. 1936. 14 нояб.

лось исказить также и историю. Крещение Руси он изображает как что-то сделанное спьяна, без всякого толка и разумения.

…Перемену религии, явившуюся одним из крупнейших исторических событий Киевской Руси, Демьян Бедный изображает в виде пьяного шабаша полоумных дуралеев… Достаточно точно установлено, что принятие новой веры проходило через много сложных этапов, после переговоров, обсуждений, сличений разных вер. Известно, что Владимир был крещен за два года до массового крещения Руси. Но главное в том, что ложная, подыгрывающаяся под людей «без роду, без племени» трактовка истории Киевской Руси Демьяном Бедным искажает историческое прошлое.

И достаточно известно, что Крещение Руси было одним из главнейших условий, способствовавших сближению славян с Византией, а затем и со странами Запада, т. е. со странами с более высокой культурой.

Хорошо известно, что духовенство, в частности греческое, значительно содействовало распространению в Киевской Руси грамотности, книжного учения, иностранных языков и т. п…

Таким образом, и в своей исторической части пьеса Демьяна Бедного является искажением истории, образцом не только антимарксистского, но просто легкомысленного отношения к истории, оплевыванием народного прошлого…

Такие пьесы чужды советскому искусству – они радуют только наших врагов».[1]

Откликов на это постановление – и публичных, и официальных, по большей части одобрительных – было немало. Многим из авторов откликов виделся в этом решении Политбюро ЦК ВКП(б) добрый знак грядущих перемен в идеологическом курсе Советской России. Именно так воспринял это постановление русский поэт С. А. Клычков: «Кому дали на поругание русский эпос? Жиду Таирову да мозгляку Бедному. Ну что можно было кроме сатиры ожидать от Бедного, фельетониста по преимуществу? Но кто-то умный человек и тонкий человек берет их за зад и вытряхивает лишнюю вонь. Демьяну Бедному влетело поделом. Этим постановлением реабилитируется русская история, а то все у нас дерьмом называют. Надо было. Теперь начинают признавать прогрессивное значение за многими фактами; пожалуй, поймут, что и кулик мог быть полезен. С другой стороны, постановление как бы реабилитирует христианство; может быть, поймут, что и сейчас верующий не подлец, потому что красть не станет».[2]

Через год Сергей Антонович Клычков по ложному доносу будет арестован и приговорен к расстрелу. И его судьба, как и многих других, разделивших с ним трагическую участь, – это тоже наша история, которую мы «выбрасывать не можем». Расстрел Клычкова был своеобразным ответом Сталину, свидетельствующим, что его курсу сопротивлялись весьма могущественные силы внутри руководящей элиты того времени.

Вместе с тем издевательское отношение Демьяна Бедного по отношению к Крещению Руси после цитированного постановления Политбюро ЦК ВКП(б) навсегда решило его творческую судьбу – он быстро и надолго исчез с арены культурной жизни страны.

О постепенной эволюции взглядов властной элиты страны свидетельствует и другой ряд фактов и событий, имевших место в 1930-е годы. В 1934 году отмечены первые изменения в официальных взглядах на отношение к историческим деятелям дореволюционной России. 22 сентября 1935 года для командного и начальствующего состава Красной Армии и Флота были введены воинские звания – лейтенант, капитан, майор, полковник. Слово «офицер» официально вновь обрело положительный смысл. В обычную жизнь народа была возвращена елка, правда, новогодняя, а не рождественская. С тех именно пор слова «Родина», «Великороссия», находившиеся под запретом, снова вошли в широкое употребление. 20 апреля 1936 года ЦИК СССР отменил существующие для казаков ограничения в воинской службе. Вскоре началось формирование отдельных казачьих частей. При утверждении проекта этого постановления в Политбюро ЦК ВКП(б) по предложению К. Е. Ворошилова восстанавливались казачьи части с их старой традиционной формой – цветными околышами фуражек и лампасами (красными – для донцов, синими – для кубанцев), с папахами, кубанками и бешметами.

В феврале 1936 года практически завершилась работа над проектом новой Конституции страны, инициированная И. В. Сталиным. Эта Конституция была призвана юридически закрепить политические перемены в стране. В «Черновом наброске» проекта Конституции в разделе об избирательной системе впервые были провозглашены всеобщие равные, прямые и тайные выборы. 1 марта 1936 года Сталин принял в своем рабочем кабинете в Кремле одного из руководителей американского газетного объединения Роя Уилсона Говарда и дал ему интервью, в котором речь шла и о готовящейся Конституции. В частности, он отметил, что новая избирательная система обеспечит всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР и новая советская Конституция станет самой демократической Конституцией из всех существующих в мире.[1]

[1] Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. Кн. 1. М.: Пропилеи, 1995. С. 321–323.

[2] Центральный архив ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 121. Л. 102. Копия.

[1] Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Изд-во «Вагриус», 2007. С. 208.

Однако значительная часть партийного аппарата идею всеобщих и равных выборов встретила в штыки. При обсуждении проекта Конституции с мест поступило немало поправок, которые требовали запретить отправление религиозных обрядов и не давать избирательных прав служителям религиозных культов.

На VIII Чрезвычайном съезде Советов, делая доклад о проекте новой Конституции, И. В. Сталин решительно отклонил поправку, требовавшую «запретить отправление религиозных обрядов… как не соответствующую духу нашей Конституции». Он остановился на предлагаемой поправке к статье 135, которая предусматривала сохранение лишенцев, то есть тех, кто был лишен избирательных прав: «Наконец, еще одна поправка, имеющая более или менее существенный характер. Я говорю о поправке к 135-й статье проекта Конституции. Она предлагает лишить избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей и лиц, не занимающихся общеполезным трудом, или же, во всяком случае, ограничить избирательные права лиц этой категории, дав им только пассивное избирательное право, то есть право избирать, но не быть избранными. Я думаю, что эта поправка также должна быть отвергнута. Советская власть лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские элементы не на веки вечные, а временно, до известного периода… Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время. Говорят, что это опасно, так как могут пролезть в верховные органы страны враждебные советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и так далее. Но чего тут, собственно, бояться? Волков бояться, в лес не ходить… Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо и мы вполне заслужили такой позор, если же агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы…»[1]

5 декабря 1936 года съезд утвердил проект Конституции. Статья 124 Основного закона СССР гласила: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Статья 135 констатировала, что выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов…

Это была несомненная победа Сталина и группы его сторонников в высших эшелонах государственной и партийной власти страны.[1]

Другое дело, что в реальной жизни воплотить эти конституционные нормы священнослужителям не дали возможности. Но это уже иной сюжет политической действительности второй половины 1930-х годов. Он самым тесным образом связан с темой так называемых сталинских репрессий.

Обратим внимание на личностные черты руководителя советского государства.

Один из противников Сталина, зарубежный исследователь Л. Регельсон, признавал, что важным мотивом, вызвавшим восстановление Церкви во время войны, могло быть личное чувство Сталина: пробуждение в нем страха Божия под влиянием катастрофических неудач первых месяцев войны. Такому движению души могло способствовать воспитание, полученное в детстве от верующей матери, и семинарское образование Сталина: ведь он окончил духовное училище и почти пять лет обучался в Тифлисской духовной семинарии. Будучи учащимся духовной семинарии, он исповедовался у старца и каждый месяц приступал к Причастию, что тогда было не очень распространено среди православных.

Надо иметь в виду, что уже в предвоенные годы Сталин не выступает лично с антирелигиозными призывами. Тогда же, подбирая библиотеку для дачи, Сталин приписал для сведения исполнителей: «Прошу, чтобы не было никакой атеистической макулатуры».

В конце 30-х годов И. В. Сталин четко и недвусмысленно выражает свое отношение к Церкви и ее служителям. Известна его позиция на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 сентября 1939 года, рассматривавшем некоторые итоги ликвидации храмов в Москве и на территории прилегающих районов, где было полностью уничтожено 150 храмов, а 300 оставшихся были переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников. Планами архитектурных застроек предусматривался снос еще 500 оставшихся строений храмов и церквей.[2]

По настоянию Сталина ЦК принял решение считать невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, которые следует считать памятниками архитектуры древнерусско-

[1] Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Изд-во «Вагриус», 2007. С. 293.

[1] Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Изд-во «Вагриус», 2007. С. 309

[2] Страж Дома Господня. М., 2003. С. 704; Наш современник. 1999. № 12. С. 223..

го зодчества. Органами советской власти за подписью Секретаря ЦК И. Сталина было предписано принимать меры вплоть до дисциплинарной и партийной ответственности по охране памятников архитектуры древнерусского зодчества.

Мы уже отмечали, что даже жестокие репрессии 1937 года по отношению к священнослужителям, преследования православных верующих не дали власти желательного ей результата. Неудача планов искоренения религии становилась все более очевидной. Российский историк Православной Церкви М. В. Шкаровский отмечает, что уже в конце 1938 года появляются первые симптомы намечавшегося нового изменения курса государственной политики по отношению к религиозным организациям в СССР.

После отстранения от руководства НКВД Н. И. Ежова в рамках общего пересмотра многих следственных дел были освобождены сотни священнослужителей, в том числе несколько архиереев: архиепископ Иоанн (Соколов), епископ Иосиф (Чернов) и др. В закрытых циркулярах различных административных органов стали появляться указания проявлять сдержанность в ликвидации храмов.

Как пишет М. В. Шкаровский, «отчасти это было связано с постепенным изменением курса советского правительства с интернационально-коммунистического на национально-патриотический».[1] Подобные перемены начались вскоре после прихода к власти в Германии фашистов, но в конце 1930-х годов они значительно усилились. Это нашло свое отражение в центральной печати. В разгар репрессий 1937 года ведущий советский исторический журнал «Историк-марксист» во втором номере неожиданно для многих опубликовал статью известного академика Сергея Владимировича Бахрушина «К вопросу о Крещении Руси». Он давал положительную оценку этому событию, открывшему для Руси современный ей мир европейской культуры того времени, каким была Византия. Даже журнал «Безбожник» вынужден был пойти по этому же пути и в пятом номере за 1938 год выступил со статьей Ефима Федоровича Грекулова «Крещение Руси», где так же была дана положительная оценка одного из важнейших событий в истории России. С момента этих двух публикаций положительное отношение к христианизации Русского государства стало официальной советской доктриной. В 1938 году вышел в прокат знаменитый фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», прославлявший святого князя, мощи которого оказались вскрыты в 1922 году, а через четыре месяца изъяты из Троицкого собора Александро-Невской лавры и переданы в антирелигиозный музей в Ленинграде.

[1] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. С. 95.

Это были лишь первые симптомы, и вплоть до осени 1939 года серьезных перемен в религиозной политике Советского государства все же не произошло. Стремительно надвигавшаяся Вторая мировая война начинала играть существенную роль. Советское руководство было озабочено единством нации в условиях грядущей войны. Гонения на Церковь раскалывали нацию и угрожали потерей внутренних союзников в борьбе с фашизмом. Переломным моментом стали события сентября 1939 года, когда советские войска вступили на территорию Польши и произошло присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к Советскому Союзу. Советское правительство оказалось перед фактом включения в государственную жизнь страны территорий с нетронутой гонениями религиозной жизнью.

Осенью 1939 года и летом 1940-го в состав населения СССР с присоединением Прибалтийских стран, Бессарабии и Северной Буковины вошло свыше 7 500 тысяч православных верующих, организованных в епархии и приходы. В стране после длительного перерыва вновь появились действующие монастыри, церковные и монастырские земельные угодья, духовные учебные заведения, благотворительные учреждения, церковные библиотеки, редакции газет и журналов. На присоединенных западных территориях располагалось 3 350 приходов.

Таким образом, многочисленные факты свидетельствуют, что в 1939 году началось заметное изменение курса государственной религиозной политики, закончился десятилетний период открытого наступления на Церковь. Положение Церкви временно улучшилось. И следует подчеркнуть, что без Сталина это изменение не могло произойти. И хотя в 1940 году правительство вновь начинает ужесточение курса, свидетельствующее о противоречиях в высших эшелонах власти, Церковь как институт сумела выстоять, выжить. Все планы искоренения религии в СССР терпели неудачу, и это постепенно все больше осознавало советское руководство.

Великая Отечественная война резко изменила ситуацию. Величайшая трагедия весьма обострила религиозные чувства народа, властные верхи страны на мощный всплеск религиозности тружеников тыла и бойцов Красной армии отреагировали спокойно и индифферентно.

Сегодня хорошо известно явление Божией Матери митрополиту Ливанских гор Илии (Караме). После обращения Патриарха Антиохийского Александра с посланием к христианам всего мира о молитвенной и материальной помощи России митрополит Илия стал еще чаще молиться и просить Матерь Божию открыть, чем можно помочь России. Он спустился в каменное подземелье, куда не доносился ни один звук с земли, где не было ничего,

кроме Иконы Божией Матери. Владыка затворился там, не вкушая пищи, не пил, не спал, а только стоял на коленях, молился перед иконой Божией Матери с лампадой. Каждое утро владыке приносили сводки с фронта о числе убитых и о том, куда дошел враг. Через трое суток бдения ему явилась в огненном столпе Сама Божия Матерь и объявила, что избран он, Илия, истинный молитвенник и друг России, для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа российского. Если все, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет.

Это определение было следующим: «Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Священники должны быть возвращены с фронтов, из тюрем, должны начать служить. Сейчас готовится к сдаче Ленинград – сдавать нельзя. Пусть вынесут чудотворную икону Казанской Божией Матери, обнесут ее крестным ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на святую землю. Это избранный город. Перед Казанской иконой нужно совершить молебен в Москве; затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя. Казанская икона должна пройти с войсками до границ России. Когда война окончится, митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена».

Митрополит Илия Караме сумел передать это Определение Божией Матери советскому руководству.[1]

А теперь обратим внимание на некоторые моменты в поведении Сталина в дни войны. Уже 3 июля он выступает с обращением к народу «Братья и сестры». В июле, как утверждают некоторые советские религиоведы, Сталин встречается с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским).

Версия о явлении Божией Матери митрополиту Илии (Караме) ныне также подвергается жесткой критике, в том числе и со стороны православных священников-публицистов (о. Андрей Кураев).[2] Главный аргумент этих авторов – отсутствие надежных документов, свидетельствующих и о явлении Божией Матери митрополиту Илии, и о том, что он сумел Божие Определение передать Сталину. Однако следует заметить, что и критики этой версии не сумели привести достаточных доказательств в пользу своей точки зрения.

Линия Сталина на изменение курса государственной религиозной политики была продолжена в первые же месяцы Великой Отечественной войны. К октябрю 1941 года прекратился выход всех специальных антирелигиозных изданий. Партийный журнал «Под знаменем марксизма» переориентировался на публикацию историко-патриотических статей, а в 1944 году и вовсе прекратил свое существование.

Глава «усыпленного» «Союза воинствующих безбожников» Е. Ярославский с началом войны через помощника И. В. Сталина А. И. Поскребышева получил рекомендацию отметить патриотическую позицию Церкви.

Символична была и сама смерть главного безбожника страны (4 декабря 1943 г.), совпавшая с моментом резкого поворота курса государственной политики по отношению к Русской Православной Церкви. Это, кстати говоря, положило основание упорным слухам о казни, по выражению католиков, «еврейского аптекаря Губельмана».[1]

Нельзя не привести ныне упоминаемый в литературе следующий факт. В библиотеке архиепископа Сергия (Ларина) хранился изданный в Белграде в 1941 году второй том книги И. К. Сурского «Отец Иоанн Кронштадтский» с характерной надписью, сделанной на его полях рядом с напечатанным там известным пророчеством отца Алексия Мечева, что, «когда придет время, Бог пошлет нужных людей, которые спасут Россию. Бог послал Иосифа Виссарионовича Сталина и его сподвижников, который закрыл... «Союз безбожников» и казнил его председателя... приказал открыть православные храмы, учредил Комиссариат Православной Церкви... установил для всех днем отдыха воскресенье; восстановил Патриаршество в полном блеске и сказал Патриарху... что он желает укрепления Православия...».[2]

Как пишет историк Сергей Фомин, «имеются многочисленные церковные предания, по крайней мере предостерегающие от однозначных оценок Сталина».[3] Приведем вслед за автором их на страницах данной статьи.

По свидетельству монахини Сергии (Клименко), за Сталина «молился схиархиепископ Антоний (Абашидзе). Он был инспектором той духовной семинарии, где учился Сталин. И когда Сталина за «проказы» сажали в карцер на хлеб и воду, он его жалел и посылал покушать. А когда времена переменились, когда уже Сталин стал самодержцем, а он архиепископом, его хотели арестовать. И вот Сталину дали знать: «Помните князя Абашизде, который тебе кушать посылал, когда ты в карцере сидел?» И Сталин сказал: «Не трогать его!» И владыка Антоний за него

[1] Перевезенцев С. В. Святорусское царство. Арзамас: Изд-во АГПИ, 2004. С. 292.

[2] Кураев А. Церковь в мире людей. М., 2007. С. 519–520; Кураев А. Война: чудо и сказка // Альфа и Омега. 2003. № 4 (38). С. 191–198.

[1] Страж Дома Господня. М., 2003. С. 705.

[2] Патриарх Тихон и история Русской церковной смуты / сост. М. Е. Губонин. СПб., 1994. С. 426–427; Страж Дома Господня. М., 2003. С. 705.

[3] Страж Дома Господня. М., 2003. С. 705.

молился и что-то ему вымолил. Уж какая судьба Сталина, мы не знаем, это Бог один знает, но все-таки с него началось освобождение».[1]

Были и иные интересные факты. В октябре 1941 года, когда над Москвой нависла трагическая опасность сдачи врагу, Сталин приезжал в Царицыно к святой праведной Матроне (Никоновой), которая сказала ему: «Красный петух победит. Победа будет за тобой. Из начальства один ты не выедешь из Москвы».[2]

Монахиня Сергия (Клименко) вспоминает: «В 1941 году, когда немцы были уже в Химках, из Москвы хотели вывозить мощи святого благоверного князя Даниила. (Мощи преподобного Сергия Радонежского были уже вывезены историко-археологическим обществом для сохранения.) В ночь на 23 ноября по старому стилю князь Даниил Московский сам явился Сталину (при Сталине Кремль был освещен, и все работали) и сказал: «Я хозяин Москвы, не трогайте меня, а то вам плохо будет...» О том, что Сталин видел князя Даниила, рассказал мне архимандрит Иеремия (Лебедев), казначей Патриарха Алексия, когда я после войны приехала в Москву».

Как гласит современное московское предание, «зимой 1941 года изрядно смутившийся Сталин... призвал к себе в Кремль духовенство для молебна о даровании победы; тогда, продолжает легенда, чудотворная Тихвинская икона Богоматери из Алексеевской церкви была на самолете обнесена вокруг Москвы и Москву от врага спасла. А 9 декабря после первого успешного контрнаступления, предшествовавшего московскому, был освобожден Тихвин».[3]

Несомненный интерес представляет следующий факт. По воспоминаниям бывшей кремлевской медсестры (они были опубликованы в «Комсомольской правде» в начале 90-х годов), дежурившей «на всякий случай» во время ночных заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) в годы войны, И. В. Сталин после разъезда членов ПБ по домам и дачам один, без сопровождающих, заходил в Успенский собор Кремля и оставался там наедине со святыми иконами довольно долго – до 40 минут. Мы не можем сегодня точно сказать, что влекло туда руководителя сражавшегося государства, но ведь 40 минут – это время для нормальной молитвы.

Многие даже в наше время склонны обвинять священноначалие Русской Православной Церкви в преклонении перед богоборными властями. В «доказательство» они приводят иногда сказанные в 1944 году слова митрополита (впоследствии Патриарха) Алексия I (Симанского) о «богодарованном» Верховном Вожде нашем Иосифе Виссарионовиче Сталине. Но такие обвинители, как правило, сочувствуют тому религиозному сообществу, которое во время войны на территории Германии ежедневно молилось о «Боголюбивом вожде народа Германского», или же сами принадлежат к этому сообществу. Но «Боголюбивый» и «Богодарованный» совсем не одно и то же, если вдуматься в смысл этих понятий.

По словам весьма осведомленного келейника Патриарха Сергия, Святейший, разумеется, «не мог одобрять методов Сталина», «они были ему органически чужды, как глубоко верующему христианину и как исключительно доброму, мягкому по натуре человеку. Однако митрополит Сергий во время войны приветствовал Сталина, и эти приветствия были вполне искренни»...

«Как реально мыслящий человек митрополит Сергий понимал, что только единая, сплоченная Русь может противостоять германскому фашизму, поэтому он, как и большинство русских людей в то время, считал, что следует отложить до других времен всякие внутренние счеты и разногласия», – писал архиепископ Иоанн (Разумов).[1]

Отношения митрополита Сергия с советской властью, вопреки тому, как их пытаются представить некоторые, не были ни столь тесными, ни столь желанными. По свидетельству известного впоследствии архиепископа Зарубежной Церкви Леонтия (Филипповича) Чилийского, Святитель «не терпел, когда кто-нибудь в своих личных интересах пользовался услугами советской власти». Неслучайно ведь Сергий решительно отказался от финансовой поддержки митрополитов со стороны Правительства во время беседы в кабинете Сталина 4 сентября 1943 года. Максимум, на что он согласился, это покупка продуктов питания по государственным ценам, да и то только после вторичного предложения со стороны Сталина.

Оценивая позицию Сталина в годы Великой Отечественной войны по отношению к Церкви и, в частности, согласие на проведение Архиерейского Собора и избрание Патриарха, а также прекращение гонений на Церковь, вряд ли правильно, как это иногда показывается в литературе, представлять Сталина чистым прагматиком. Например, современный исследователь М. В. Шкаровский считает, что «атеизм был для вождя народов лишь политическим средством, элементом в общей системе формирования людей в нужном направлении». На первый взгляд, для этого есть достаточные основания. Так, 5 ноября 1943 года Государственный Комитет Обороны утвердил постановление «Об утвержде-

[1] Сергия (Клименко). Минувшее развертывает свиток. Самара: Самарский дом печати, 2008. С. 119–120.

[2] Сказание о житии блаженной старицы Матроны / сост. З. В. Жданова. Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993. С. 26–27.

[3] Страж Дома Господня. М., 2003. С. 706.

[1] Цит. по: Страж Дома Господня. М., 2003. С. 707.

нии мероприятий по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР», в котором религиозные организации впервые были отнесены к категории интересов советской внешней разведки.

Но не следует забывать и необходимо должным образом оценивать и другие группы фактов. Те, например, крупные изменения в части идеологического аппарата, который занимался антирелигиозной работой. Во-первых, они не могли быть осуществлены без ясно и четко выраженной воли Сталина. Во-вторых, они не были связаны с краткосрочными интересами, поскольку совершались в то время, когда победа над фашистской Германией уже не вызывала никаких сомнений.

К такого рода действиям следует отнести ликвидацию антирелигиозной секции при Институте философии Академии наук СССР. В 1944 году оказался фактически выброшенным на улицу созданный Емельяном Ярославским Центральный музей истории и атеизма.

Закоренелые безбожники высших инстанций отнюдь не были этакими покорными овечками. Например, Б. П. Кандидов, в 1937 году печатно обличавший митрополита Сергия в шпионаже в пользу Японии, весной 1945 года обратился к секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, напомнив о своем сотрудничестве с Емельяном Ярославским в Союзе воинствующих безбожников, с предложением «развернуть антирелигиозную работу». Официальный отзыв Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) на это послание оказался резко негативным. Кандидову указали на то, что он «живет старыми взглядами». Однако старый безбожник не унимался, не собирался складывать оружие, беспощадно клеймя в своих лекциях «реакционную роль церковников». За это он получил изрядную взбучку. Центральный орган партии большевиков газета «Правда» 23 июня 1945 года в назидание другим подобным «активистам-безбожникам» на своих страницах разоблачила методы «этого вредного лектора». Кандидову было запрещено выступать с лекциями по антирелигиозной тематике.[1]

Выходя за хронологические рамки данной работы, отметим, что в 1946 году профессиональные и воинствующие атеисты решились еще раз прощупать почву. В октябре исполняющий обязанности председателя Центрального Совета Союза воинствующих безбожников Ф. Олещук и ответственный секретарь этого же Союза Е. Тучков, тот самый, который «вдохновенно» душил Церковь в 20–30-е годы и «курировал» Патриаршего Местоблюстителя по линии НКВД, ссылаясь на полученное приглашение от чешского Союза свободомыслящих на съезд, предлагали возродить деятельность своей организации. Однако они получили через А. Жданова официальный отказ. Не помогла и международная интрига: на заседании Всемирного союза свободомыслящих, проходившем в Брюсселе, советским безбожникам предоставили заочно целых три места, в том числе даже вице-председателя. Но запрет был оставлен в силе. Более того, такая международная активность привела к весьма неожиданным результатам. Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) 17 января 1947 года, подтвердив отказ, выразил через М. А. Суслова секретарю ЦК А. Кузнецову «сомнение» в «целесообразности дальнейшего существования» Союза воинствующих безбожников. В феврале 1947 года ЦК ВКП(б) принял решение о прекращении деятельности этого Союза. Все это означало слом богоборческого аппарата. Аппарат же Совета по делам Русской Православной Церкви составляли люди, принципиально по-другому ориентированные, нежели атеисты 1920–1930-х годов.[1]

Конечно, не следует думать, что такие новшества в отношении Церкви не вызывали сопротивление партийного аппарата. Оно, несомненно, было, и Сталин учитывал это в своей деятельности. Постановление ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1944 года было, как утверждает историк В. А. Алексеев, данью именно такого настроения партийного аппарата. Инициатором этого постановления В. А. Алексеев считает лично И. В. Сталина: «Сталин не мог не осознавать, что партийные, комсомольские кадры, идеологические работники и активисты плохо понимали весь замысел его новой линии в области церковно-государственной политики. Некоторым из них казалось, что «братание с попами» есть измена заветам основоположников марксизма-ленинизма... Он и решил совершить определенный маневр – напомнить партии и комсомолу о важности борьбы с предрассудками и суевериями... И вместе с тем, старательно избежав... конкретных упоминаний об антирелигиозной борьбе... Сталин продолжил свою линию на дальнейшую «легализацию» церковных институтов в стране».[2] Постановление ЦК было сформулировано очень осторожно, говорило о вреде суеверий, предрассудков, необходимости борьбы с пережитками прошлого, но совершенно не упоминало о задачах антирелигиозной работы.

Безусловно, Сталин был вынужден считаться со своим окружением. Видимо, совершенно не случайно, но вполне искренне и с большим смыслом было сказано митрополиту Сергию (Страгородско-

[1] Страж Дома Господня. М., 2003. С. 708; Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2005. С. 211–212.

[1] Страж Дома Господня. М., 2003. С. 708–709.

[2] Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? М., 1992. С. 196–197.

му) после знаменитой беседы в Кремле: «Это все, что я в настоящее время могу для Вас сделать».

Историк С. Фомин аргументированно считает, что именно сопротивлением партийного аппарата, считавшего уступки Церкви чрезмерными, следует объяснить отклонение уже от составленного текста постановления Совнаркома о создании в Москве Православного центра (резиденция Патриарха, духовные учебные заведения, типография), сооружение которого было обещано Сталиным на встрече с Патриархом Алексием I (Симанским) 10 апреля 1945 года. Неудачей завершилось и дело с типографией. Во исполнение личного распоряжения Сталина 17 марта 1945 года Совнарком дал соответствующее предписание. Патриархия смогла закупить необходимое полиграфическое оборудование, на котором предполагалось печатать Священное Писание, богословские труды и церковные календари. Но дальше это дело так и не продвинулось. Закупленное оборудование ржавело на территории Новодевичьего монастыря, здание же для типографии так и не было выделено.[1]

Подтверждением того, что Сталин не был полностью свободен от своего окружения и вынужден был считаться с позицией партаппарата, силу которого он ведал как никто другой, косвенно могут служить данные о пророчествах святой праведной Матроны (Никоновой). По рассказам очевидцев, еще во время войны святая праведная Матрона часто показывала в лицах, что происходит и что произойдет. «Как-то она сказала: «Кто знает, может, Господь и простит Сталина! Он сам пленник». Я спросила: «У кого?» Она: «У Кагановича и всех тех!» Показывала, как Сталин перед смертью будет кричать: «Что вы, что вы!». А по одной стороне будет стоять Каганович, а по другой стороне сестра его. «Что вы хотите делать со мной?» А они положат подушку на него». Это сказано было матушкой Матроной в 1943 году.[2]

Об отношении Сталина к религии и священству свидетельствуют некоторые его современники. Приведем и мы некоторые из этих воспоминаний.

«В 1945 году, – вспоминал А. Б. Свенцицкий, – я работал артистом в театральной студии Малого театра в Кинешме. Пасха в этот год была в апреле – еще до Победы. В городе прошел слух, что отец Михаил Василевский, отец прославленного маршала Василевского, будет служить утреню на берегу Волги, так как ни одного действующего храма в Кинешме не было. Иногда отец Михаил совершал литургию в своей малюсенькой квартире. Военный мой друг, полковник, рассказывал мне, что будто бы маршал Василевский поведал ему о своей беседе со Сталиным.

В 1945 году И. В. Сталин неожиданно сказал Василевскому: «Отца плохо уважаешь, почему бы тебе его не навестить?» Василевский тщательно скрывал свое «духовное» происхождение и испугался... «Не бойся, съезди к отцу, – сказал Сталин».[1]

Эпизод беседы Сталина с маршалом Василевским об отце последнего дополняет В. В. Молотов, рассказавший об этой беседе писателю Ф. Чуеву: «Мне Александр Михайлович рассказывал, как Сталин пригласил его и стал расспрашивать о родителях. А у него отец – сельский священник, и Василевский с ним не поддерживал отношений. «Нехорошо забывать родителей, – сказал Сталин. – А Вы, между прочим, долго со мною не расплатитесь!» Подошел к сейфу и достал пачку квитанций почтовых переводов. Оказывается, Сталин регулярно посылал деньги отцу Василевского, а старик думал, что это от сына. «Я не знал, что и сказать», – говорит Василевский».[2]

Весьма интересный факт воспроизводится в книге ученого-византолога А. Венгера. По рассказу Д. Шостаковича, услышав по радио 23-й концерт Моцарта для фортепиано в исполнении Марии Юдиной, Сталин попросил запись этого произведения. Такой пластинки еще не было, и поэтому запись сделали за одну ночь, а на следующий день отправили ее Сталину. Позже он послал Юдиной 20 тысяч рублей, на что та ответила: «Отныне я буду денно и нощно молиться за Вас и просить Господа простить Ваши тяжкие грехи перед народом и нацией. Господь милосерд, Он простит Вас. Что же касается денег, то я пожертвовала их приходу на реставрационные работы в храме». Этим письмом, полагал Шостакович, Юдина подписала себе смертный приговор. Однако с ней ничего не произошло. Когда Сталин умер, на его проигрывателе нашли именно эту пластинку. Шостакович, сам человек неверующий, подумал, что Сталин расценил поступок как юродство Христа ради, а юродивым на Руси разрешалось говорить царям правду».[3]

Монахиня Сергия (Клименко) вспоминала со слов казначея Патриарха Алексия архимандрита Иеремии, что на упреки за служение панихиды по Сталину-безбожнику Святейший Патриарх Алексий, будучи за границей, ответил: «Я служил не за безбожника». Краткий, но весьма многозначительный ответ.

У зарубежного историка Русской Православной Церкви Л. Регельсона, который ничего положительного ни в натуре, ни в действиях Сталина не находит, есть тем не менее весьма интересное суждение: «Церковное предание запрещает вершить суд

[1] Страж Дома Господня. М., 2003. С. 709.

[2] Сказание о житии блаженной старицы Матроны / сост. З. В. Жданова. Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993. С. 113–114; Страж Дома Господня. М., 2003. С. 711.

[1] Страж Дома Господня. М., 2003. С. 709–710.

[2] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра-TERRA, 1991. С. 448.

[3] Страж Дома Господня. М., 2003. С. 710–711.

над человеческой душой: глубочайшие тайны сердца ведает только Бог, и лишь на всеобщем суде, когда все «тайное станет явным», будет вынесено справедливое соборное суждение, скрепленное Божественным Приговором. При жизни человека никто не может быть уверен в себе или в комнибудь другом, что он будет осужден или что он избежит этого суда».[1]

Нам импонирует в этом вопросе позиция историка С. Фомина. В своей статье «Восстановление патриаршества» он пишет: «В справедливости этого суждения мы можем убедиться на примере «всесоюзного старосты» М. И. Калинина, чьим русским именем, как мы помним, Ленин пытался прикрыть свою безумную борьбу против Церкви».

В своих неопубликованных пока что воспоминаниях А. А. Арцыбушев записал рассказ известного московского священника, протоиерея Александра Васильевича Толчевского, настоятеля храма Илии Пророка, что в Обыденном переулке, который тот поведал своей духовной дочери: «В свое время под строжайшим секретом отец Александр рассказал ей один случай из своей жизни. Как-то к подъезду его дома подъехала машина, и в квартиру к нему вошел некий человек. «Батюшка, – сказал он, – возьмите с собой все необходимое, чтобы посетить умирающего». Батюшка взял все необходимое: крест, Евангелие и запасные Дары, и они вышли на улицу. Машина с темными занавесочками была правительственной. «К кому же меня повезут?» – подумал батюшка. Занавесочки темные, дороги не видно. Подъезд, лифт, коридор. Провожатый идет впереди и открывает перед ним дверь. В комнате на постели, протянув к нему руки, со словами: «Батюшка, как я Вас долго ждал», – лежал «всесоюзный» староста Михаил Иванович Калинин, тот самый, который в каком-то своем выступлении утверждал, что нет смысла уничтожать церкви, поскольку они сами скоро исчезнут, когда умрет последняя дореволюционная старуха».[1]

Другой ближайший сотрудник И. В. Сталина – Георгий Максимилианович Маленков закончил свои дни псаломщиком в церкви, как утверждает Д. Поспеловский.

Примечательно, что и дочь Сталина Светлана Иосифовна Аллилуева в конце концов пришла к Богу. Весной 1962 года ее крестил в Москве протоиерей Николай Александрович Голубцов. «И я счастлива, что со мною это произошло», – писала С. И. Аллилуева в своих мемуарах.[2]

Небесполезно напомнить также пророческие слова Сталина, сказанные им после возвращения с Тегеранской конференции: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории все это безжалостно развеет». «Кучу мусора» на могилу Сталина наносили не одно десятилетие и добились в этом немалых успехов. Однако настало время, когда начала осуществляться вторая часть этих пророческих слов и ветер истории начинает безжалостно развеивать нанесенный мусор. Мы же сегодня с полным основанием можем повторить утверждение вождя: «Историю мы выбрасывать не можем...».

[1] Регельсон Л. Л. Церковь и сталинизм / Просветитель. Вестник духовного просвещения. М., 1995. № 2–3. С. 157.

[1] Страж Дома Господня. М., 2003. С. 711–712.

[2] Аллилуева С. И. Двадцать писем другу. М.: Известия, 1990. С. 68.

Сергей ЧЕПРОВ

МАТУШКА-ЗЕМЛЯ

Размышления по прочтении очерков Анатолия Байбородина

Родом я с Алтая, где прожил более шестидесяти лет. Край с прекрасно-разнообразной природой, щедрой на урожаи землей и мужественным, надежным людом с исконно сибирским характером. Хлеборобный край. Крестьянский. Потому и стихи мои все больше о земле да о мужике-пахаре, заброшенных ныне деревнях да полях, поросших бурьяном, затюканном и спивающимся от безысходности крестьянине, коему, кроме как упования на Бога, не оставили ничегошеньки, лишив последнего – вековечной мечты жить достойно и честным трудом. И на эти вот «больные» стихи, как я их называю, приходят не слишком приятные отклики: «Чего, мол, ворошить давно прошедшее, чего плакаться по бревенчатым халупкам с лучиной да полатями, по лошаденке с плужашком да пахаре в лаптишках, когда нынче вон какие фермы да агрофирмы, вон какие махины-комбайны, враз заменяющие цельные табуны лошадок и деревеньки со всем их населеньицем... Кто, мол, старое помянет – тому и глаз вон... Проехали... Жизнь невозможно повернуть назад...». Вот и начинаю сомневаться порой: «Действительно ведь – проехали... Прошлого не вернуть... Да и не иду ли я вперед с головой, повернутой назад? Какой смысл выковыривать занозу из отрубленного пальца? Не зазря ли весь сыр-бор?» Но, наткнувшись в очередной раз на литературные произведения, подобные очеркам, сказам да и книгам Анатолия Байбородина, вновь и вновь утверждаюсь в мысли: «Нет, совсем не зазря! Есть и в моих мыслях правда, есть резон. Ведь не по кленовой сошке, не по потрескивающей лучинке на выскобленной столешнице печалька та. Вовсе нет. И дело здесь совершенно в другом».

1

«В испоконной красе хранили русские крестьяне любовное, обрядово-поклонное отношение к земле. Хотя земля числилась и третьей в череде языческих поклонений (первый – царь-огонь, вторая – вода), но лишь землю крестьяне величали матерью. И в земледельческом таланте крестьян, кроме вселенского природознания, трудолюбия и терпения, кроме обереженных многовековых земледельческих навыков, таилась неизбывная, всепоглощающая, обрядово-поклонная, жертвенная любовь к матери-сырой-земле – любовь, увы, порой впадающая в духовную прелесть – языческое одухотворение земли» (*А. Байбородин. «Мать-сыра-земля»*).

Вот в чем дело – в поклонном отношении к земле, в одухотворении ее и жертвенной материнской любви к ней. Вот что утрачено. Может, еще не навсегда. И пускай очерк «Мать-сыра-земля» о древних обрядах и обычаях, их изменениях во времени, методах земледелия в суровом Забайкалье, он все одно о земле как душе крестьянской, без которой тот уже не есть человек, а разве что зомби. Как только мы возомнили себя «царями природы» и двинули лозунг «Не надо ждать милостей от природы. Взять их у нее – вот наша задача!», так и начали пилить тот сук, на котором еще пока сидим. Пока... Но русский человек, он – «земляной». Таким сотворил его Бог. Есть народы – воины, есть – кочевники, есть народы – торгаши, для которых вся жизнь – сплошной базар. Русский же мужик – пахарь. Но пахарь, не снимающий с пояса меча. Ведь ратник от слова «ратай» – пахарь, способный в любую минуту встать на защиту своей семьи, своей земли и своей Родины. Вот почему нас никогда не победить. И Анатолий Байбородин во всех произведениях говорит именно об этом: не терять корней, не забывать прошлого, жить ни где-то над природой, а в ладу с ней, относясь к природе, словно к могучему и доброму сотоварищу. Пока жива в нас тяга к земле и не оборвалась вконец связь с землей. А связь, видит бог, еще не оборвалась. В любом городишке, как ни посмотришь, тянутся по весне толпы народа на дачи. Нескончаемые потоки. Все торопятся к земле. Ни у одного народа нет столько дач, столько земельных участков, огородов, наделов. Я не бывал в «европах», но слышал, что могут там на пикник в парк выбраться, кое-кто клумбочку с розочками развести, но чтоб вот так, поголовно, семьями да городами садить картоху, выращивать сотни кустов помидор да перцев, а потом месяц делать заготовки на зиму... И ведь не только от нужды. Нет. В крови это. В генах. По себе знаю. Прожив почти полжизни в благоустроенной квартире, в конце концов исполнил свою мечту – купил домишко с участочком. И лишь тогда по-настоящему понял, чего мне не хватало всю жизнь. Когда в огороде появятся первые проталинки, выйдешь в телогрейке нараспашку, вдохнешь полной грудью вешний дух, подойдешь к покосившемуся заборчику, а рука сама чешется – так за зиму наскучилась по молотку да топору. Подтюкаешь чего-нибудь, присядешь перекурить и размечтаешься: ну вот еще недельки две, а там и за

лопату. Побыстрее бы уж. Вот чего мне так не хватало. Не вытравишь этот дух из народа. Кажется, он вечен. Дай-то бог, чтоб так и было всегда.

«Перед посевом ранешние крестьяне парились в бане, выгоняли из себя тяжелый, грешный дух, надевали в поле чистую посконную рубаху, чтобы чистыми были всходы. При выезде на сев, когда уже были запряжены кони, возжигали на божнице свечи, клали поклоны и просили благословения...» (*А. Байбородин. «Мать-сыра-земля»*).

Вот ведь как было! Никто не призывает сейчас перед каждым выездом мыться в бане да оболокаться в чистое. Но выйди ты в поле с радостью, с чистой душой да светлым лицом, поклонись землице-матушке, и работа будет спориться, да и землица тебя потом урожаем не обидит. Дело-то все в подходе, в отношении, а не в том вовсе, на лошаденке ты пашешь или на тракторе. А чтоб такое случилось, надобно поставить землепашца в соответствующие условия и работу его оценивать по заслугам. Все ж он на земле – кормилец. Первый человек. Не какой-то там маклер-брокер, дилер-килер.

«Где в семье достаток, обретенный праведным трудом, где крепок домострой и чисты нравы, там и люди красивы не только душой, но и статью; и путешественники, этнографы, писатели восхищались: мол, девки и бабы семейские (*«поляцкие»*) красивы и дородны, напоминая донских и малороссийских казачек, что старики похожи на библейских пророков, – все так и просятся на живописные полотна» (*А. Байбородин. «Мать-сыра-земля»*).

...Девки и бабы красивы и дородны... А тут, глядишь, идет такая молодица, разукрашена вся, разнаряжена. Ну, красавица вроде... А как повернется да как глянет, так меня, старика, оторопь и берет: я же еще и слова не сказал, денег в долг не брал вроде... Раньше баба ли, девка «поглядит – рублем одарит», а ныне поглядит-поглядит да еще обматерит... И откуда в человеке такая злость? Красоты душевной меньше стало. Больше пустой да внешней красивости. Да и мыслишки-то лишь о деньгах, ни о чем другом...

...Старики похожи на библейских пророков... И вот сразу вспомнилось... Приезжал к нам в город году в восьмидесятом на своей лошаденке из деревни дед Наум, родной брат моей бабушки. А это километров около ста наберется. Адреса точного не помнил. Остановил свою повозку посередь трех пятиэтажек, сложил руки рупором и во все четыре стороны трубно: «Сина! Сина-а-а!». Люд не только с окон повысовывался, а и из подъездов выбегать начал поглядеть на такое чудо. Народ подумал: верно, кино снимать будут. Старик двухметрового росту, в рубахе навыпуск, подпоясанной кушаком, в сапожищах. Огромная белая голова и такая же борода чуть не по пояс, а из бороды красным солнцем улыбающееся розовощекое лицо. Былинный богатырь.
Да и приехал на коне, запряженном в бричку. Лошадь-то о ту пору за диковинку в городе уже была, даже цыгане давненько ездить перестали. Стоит красивый такой пожилой русский мужичина посередь двора, а вокруг люди. И дедом не назовешь, хотя было ему уже где-то под девяносто. Бабушка моя с 1903-го, а он старшим был в семье.

Бабушка, Ксения Еремеевна Плотникова, тоже была женщиной удивительной. Невысокая, сухонькая, юркая, как мышь. В тяжелые, голодные годы войны одна вытянула троих детей (средний, Василий, мой отец), потом вырастила троих внуков (здесь середнячком был я), а там еще выняньчивала и правнуков. Выйдя из кержацкого рода, бабушка, насколько помню, строго блюла веру православную. Всегда вспоминается такая картина... Последние дни поста ноги уже не носят. Она лежит на кровати. Из-под белого платка седые пряди и заостренный нос. Глаза прикрыты. «Бабусь, тебе плохо? Давай врача вызову», – беспокоится внучка, моя сестра. «Не-е. Все ладно». Наконец, после нескольких подобных «бесед» прибывает врач. Посмотрел, послушал, повздыхал и отозвал сестру в сторонку, шепча: «Готовьтесь. Сильно слаба. Вряд ли неделю протянет». Пост кончился. Бабуля поднялась, походила малость по стенке, а через пару дней уже снова мельтешила беспрестанно у плиты. Семья-то большая. На следующий пост история повторяется. Врач, осмотр, шепот: «Готовьтесь. Вряд ли неделю протянет». И так вот эту «неделю» баба Сина тянула где-то лет семь, ежели не более. И за всю свою многотрудную жизнь ни разу не бывала в больнице. Даже с зубами. И всегда с усмешкой говорила: «Чего тама... у меня ж болести всего тока две: одна – это хлобышшет, – клала руку на сердце, – а друга – не пушшат», – и гладила рукой поясницу. Вот так с этими «хлобышшет» и «не пушшат» бабушка дотянула почти до девяноста. Да и то лишь потому, как «заташшыли ее на четвертый итаж, а ноги-от без земли долготь не проходют». А вот братовья ее, Наум и Федул, да сестра Фина так и жили по-кержацки, своим хутором, подальше от деревни и поближе к лесу. Имели свою землю, коров, лошадей, свою пасеку. Сколько прожила Фина – не помню, врать не буду, а вот Федул с Наумом до ста лет дожили.

Вот ведь и холод, и голод, и нужду, и войну – все приходилось выносить на своих плечах, через все это пройти, – а жили поздоровей и подольше нынешних мужиков и баб. Отчего это? Воздух чище да пища лучше? Возможно. Но и духом были крепше. Цельнее. С верою жили. С Любовью.

2

«Фреска в храме может жить немеркнучи до скончания света, если храм любовно обихаживать, не давать воли гибельному запустению, а тем паче разрушению и переделу-новоделу; так и слово народное не запустошивать бы, не уничижать заемными речениями, но чередой из уст в уста бережно передавать. Вот о какой родной речи порадеть бы государевым людям и смердам, не токмо лишь в Год русского языка, а отныне и довеку, покуда русские во житье и здравии» (*А. Байбородин. «Слово о русском слове»*).

Забота о чистоте и сохранности русского народного языка – одна из главных тем творчества Анатолия Байбородина. И всеми своими произведениями он еще и еще раз доказывает читателю, какое это все-таки необозримое, мощное и удивительно тонкое явление – русский народный язык. Говорить об этом можно до бесконечности, но вот рассказать – нельзя. Нужно просто взять и читать Анатолия Байбородина. А здесь можно лишь подомысливать, попадая иль нет в струю с автором.

Народ не может существовать без языка, как и язык без народа. А ежели народа уже нет, то и язык называют «мертвым». Каков народ, таков и язык. И если английский – «студеный», французский – «панталонно-розовый», немецкий – «грузный и обильный» (*определения А. Байбородина*), то русскому языку, добавь сюда еще хоть сотню эпитетов, определения не подобрать. Он – РУССКИЙ. Недаром говорят, что если какая страна – сердце, иная – печень, то Россия – душа. А душу, по сравнению с прочими органами, не опишешь и не обрисуешь. И пускай со всех трибун да кафедр, надрываясь, кричат, что неча искать, мол, у русского народа какой-то особливости, наш язык еще одно из доказательств – ЕСТЬ! Если у американца ни исконной своей земли, ни родового языка, то и проживает народ этот подобно. Там – каждый за себя, всяк мнит себя лучше да умнее, все прут в лидеры, как, впрочем, и само государство – с вечной претензией на мировое господство. Я вот не представляю себе, чтоб американцы собрались такой ватагой да отстроили дом соседу-погорельцу. За бесплатно. Лишь за столование. Ну не представляю, хоть убей. А у нас, слава богу, до сих пор еще такое встретишь.

Потом Анатолий Григорьевич пеняет еще, что язык стал засоряться тюремным жаргоном, а музыкальные просторы – блатными песнями. С «феней» – да, беда, и не только в среде молодежи, но и в более высоких кругах. И там могут «замочить в сортире». И с этим нужно бороться. Беда эта не такая уж давнишняя, советской эпохи или чуть ранее, когда в тюрьмы стало попадать больше интеллигенции, которая в основе своей чуралась всегда языка народного, считая его пошлым и низким. Не имея своего языка, она вечно что-то выдумывала, подыскивала, вот и «изобрела» этот приблатненный говорок.

А вот насчет песен я бы хотел поспорить. Конечно, много наносного здесь и полностью извращенного. Останавливаться не буду, приведу лишь один примерчик. Давненько услышал я во дворе тонюсеньким голоском под нервное треньканье гитары такой перл:

Слишком рано я матерью стала.
Слишком рано я стала гулять.
Полюбила отца (?) – наркомана
За его раскумареный взгляд.

Мне по сю пору хочется выловить этого исполнителя и разузнать в конце концов, кого она полюбила. Или своего отца-наркомана, или отца какого-то наркомана, или все же отца своих детей? (Вот, кстати, богатство нашего языка: всего-то два слова, а толкований уже три.)

А тюремная лирика – это вообще что-то особенное. Это – пласт нашей культуры, причем не только последних лет. Когда мои деды и бабушки устраивали у нас застолья, а я еще под стол пешком ходил, то оттуда, из-под стола, я постоянно слушал «По диким степям Забайкалья», «Бежал бродяга с Сахалина», «Я помню тот Ванинский порт», и, каким бы светлым ни был повод для празднования, пение почему-то оканчивалось извечным плачем. Ну не могли они без слезы, коли запели. Я другой такой страны не знаю, где бы еще существовали подобные песни. Откуда так повелось? Во-первых, и страна наша особенная, где сами над собой горько посмеивались: половина страны пересидела, вторая половина ждет своей очереди. И это почти правда. Во-вторых, уж очень русский человек «жалостлив», уж очень достает его чье-то горе и неустройство, более, чем свое собственное... Кстати, на этом, по-моему, основывается и миф о русском пьянстве. Да не пьянее мы других вовсе. Просто мы сами – другие. Мой сосед, проживший лет семь в Германии, рассказывал, что если и напиваются там, то дома да за семью запорами. Не дай бог, увидят другие. Мало того – осудят, так еще и сообщат, куда следует. И гордиться этим будут: поступили как законопослушные граждане. У нас же, коли выпил человече, непременно покрасоваться на миру надо, поделиться радостью либо поплакаться в жилетку, непременно чтоб пожалели, посочувствовали. И ведь пожалеют, поплачутся вместе, да еще и похмелят непременно. У нас человечнее, по-христиански, оттого и все на виду. Уж очень жалостливый мы народ. Даже когда по улицам проводили колонны немецких военнопленных, то женщины наши своим врагам, извергам, выносили стакан воды да краюху хлеба. Человек ведь все-таки... Иначе мы не можем... Или вот совсем свежий пример. Мертворожденная страна, где ни единой родовой земли, ни

общего языка. Идет гражданская война. С одной стороны пленных кормят и лечат, с другой – добивают. Не знаю, насколько верно доносят до нас информацию, но мне почему-то верится, что все именно так. А верится потому, что с одной стороны – русские, с другой – западники. Разные народы и разные подходы.

А вот засилье иностранщиной – это величайшая глупость. Особенно, когда смотришь рекламу, до слез становится обидно. Да окунитесь вы в наш родной словарь – эту неиссякаемую сокровищницу. Чего сверкать чужими стекляшками, когда своих алмазов за глаза! Россыпи! Я вот взял за привычку, ежели кто из знакомых брякнет при расставании, мол, пока, отбываю в свой «пентхауз», тут же скромненько так замечаю: «Ну а я – в свою светелку». Он непременно остановится и оглянется. Действительно, ни один народ не сподобился еще назвать так свое жилище – СВЕТЕЛКА. Скажешь – и душа засветится добром и теплом. И пускай потолок низок да окна маловаты, а от слова такого непременно потянет домой. Ну не чудо ли это – моя светелка! Так что лиши нас нашего бесценного языка – и нас можно называть «мертвым» народом.

3

«Парнишка с деревенскими огольцами греется у костерка, на тальниковых рожнах жарит окуньков и, черствыми ступнями ощущая надежную земную твердь, дивится безунывно штормовому валу, а детство замирает навек в остывающей памяти тоской по счастью, безвозвратно укрылившему на озерном ветру, истаявшему в зеленой мгле» (*А. Байбородин. «Путевые вехи»*).

А вот это, действительно, песня. Хвалебная ода отчему дому и родимой сторонке, что слились воедино в этом удивительном озере детства. Сколько б лет ни пролетело, в какие б дали нас ни забрасывало, но всегда и везде со светлой печалью будем вспоминать мы тот чудесный уголок земли, где сделали первый шаг, где исторгли первый возглас удивления, где почувствовали первую боль и пережили первую обиду. Там не только наше детство и холмики родительских могил, там, на этом клочке земли, таится та великая сила, что будет вести и поддерживать нас на всем дальнейшем жизненном пути.

«А я толком и не знаю, где родился. Отец был офицером, и мы постоянно переезжали», – признался один знакомый. И мне стало до горечи жаль этого человека, человека, которому некуда стремиться, пусть даже душой, которому никогда с таким теплым трепетом не вспомнить о своем детстве. Человек без Родины. Это великое несчастье.

Мне повезло. Дом, где я родился, стоял на берегу Бии, а в ста метрах за дорогой шумел вековыми деревьями-великанами ленточный сосновый бор. Радость от каких-либо побед или покупок, горечь от обид, заслуженных или не очень, давно осыпались из прохудившейся памяти и трухой развеялись по ветру, а вот шум сосен над головой или медленный наплыв пенной волны на прибрежную гальку всегда заставляют вздрогнуть и вновь погрузиться в те далекие и незабываемые радости и тревоги детства. Там я и тонул, и блуждал не единожды, и получал за все это добрую взбучку от родителей, но всю жизнь снова и снова тянет в эти дивные места, если и не прямой тропкой, то хотя бы душою окунуться… Так рождается чувство малой родины, чувство единения с землей, тебя породившей и напитавшей своими соками. Теперь же, когда детство проходит средь однообразных многоэтажек на обшарпанной скамеечке в таком же безликом скверике, загаженном собаками и пустыми пивными банками, когда купаешься раз в неделю в пропахшем хлоркой бассейне и представления не имеешь, из-за какого пригорка появляется вдруг радостное утреннее солнышко, – так откуда же взяться чувству родины? Вот и мотаются людишки по свету, словно неприкаянные, и родина для них там – где больше платят. И за какую такую землю он может встать грудью на защиту или даже лечь в смертельном бою? Ан нет ее, землицы такой, для него. То ли Бог не дал, то ли сам не взял. Обидно как-то…

4

«О деревенской судьбе мы беседовали с главой сельской администрации, старостой здешнего церковного прихода Юрием Климовым. А судьба Тамира, как и прочих российских сел и деревень, словно жизнь, когда хоть помирай ложись: молодежь бежит из села в город прытче, нежели в добрые советские времена, ибо нет работы – почти все колхозы, совхозы рухнули. Доживают тоскливый век пенсионеры – маломальская пенсия есть на хлеб и чай, да огородина и подворная скотина выручают. Иные молодые, коим некуда бежать из села, пьют беспробудно, не вем на какие гроши; впрочем, как и во всех российских деревнях и селах, шинкарки, наживаясь на великом русском горе, бойко торгуют дешевым контрабандным спиртом, в народе прозванным «паленый, катанный; паленка, катанка». Другие молодые пашут от темна до темна, не разгибая спины, абы свести концы с концами; держат полное подворье скота: десять… пятнадцать… двадцать коров, телок, бычков, с пяток, а ино и десяток лошадей, что летом пасутся в долинах рек, зимой копытят на полях, где ветер выдувает снег. За тридцать лет супостаты, фармазоны, полонившие Россию, до нитки ограбили страну и ныне, бесом избранные, с жиру бесятся, а простолюдье, тем паче крестьяне, с кваса на хлеб перебиваются…» (*А. Байбородин.*

«Мать-сыра-земля»). Я неслучайно взял такую длинную цитату у автора. Есть, есть еще от чего болеть сердцу да печалиться душе настоящего русского писателя! Криком надобно кричать от подобных картин, слезами горючими умываться. Никогда не забыть мне в одну из тяжелых годин на окраине алтайского села огромную гору гниющего зерна. Ну не нужно оно было тогдашним властям почему-то. И весь труд – псу под хвост. И вот представляю: бредут на работу каждое утро горемыки-работяги мимо страшной горы со слезами да матюками, кляня начальство и власти... И с каким желанием будут они работать? А куда денешься – выживать-то надо! Сравните только зарплаты депутатов или банкиров с крохами этого бедолаги – представить страшно. Ох, совсем не по совести! Не по-божески это! А ведь он, хлебороб-землепашец, – ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК на русской земле. Он – КОРМИЛЕЦ! А все остальные – так, с боку припека. Не хлебом единым, говорят. Но вот уж без хлеба-то – точно никуда!

И абсолютно прав А. Байбородин в своих заметках и книгах тоже. Не к лошаденке с сохой призывает вернуться. Вовсе нет. Он докричаться до всех пытается, что русский человек – ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ. Богом так предназначено. И пока еще не поздно, пока до конца не выдернули эти корни из земли, не вырвали и не вывернули наизнанку его душу-землю, не превратили его в пустопорожнее перекати-поле, верните ему заслуженное уважение, верните радость труда и гордость за свой труд, верните справедливость, верните, наконец, пусть пока только извечную мечту, которую у него отняли, – жить достойно своим честным трудом. Не мешайте ему работать. А там уж он своего добьется, не сопьется – не затрется. Мужик-трудяга, он дюжой и гордый: на колени ни перед кем не встанет. Кроме как перед Богом-Батюшкой да землей-матушкой.

* * *

Вот на такие не слишком веселые размышления натолкнули меня очерки и заметки Анатолия Байбородина. Редки теперь книги, что пишутся не пером, а сердцем. И дойдут ли они до читателя? А так хочется, чтоб дошли! И мои нынешние записки – одна из попыток обратить внимание читателя на произведения, до краев наполненные русским духом и исконно русским слогом. Совсем не зря здесь приведены такие большие авторские отрывки. Во-первых, они дают мне возможность оттолкнуться от столь необычного материала, а главное, все-таки это – показать «сам сад». Что толку водить человека вокруг да около, расписывая прелести старинного сада, когда проще и важнее завести его хотя бы на самый краешек этого сада. И он сразу все поймет.

И как бы подтверждая правоту и отнюдь не зряшность замечательно-своеобразного писательского таланта Анатолия Байбородина, да, извините, и своих «больных» стихов, напомню слова мудрого и честного человека Валентина Распутина: «Я все-таки писатель, который не может писать о цветочках и ягодках, когда за окном тяжелая для моего народа жизнь».

Владимир КРЮКОВ

ТОМСКАЯ КЛАССИКА

На улице Белинского сохранился редкий для Томска усадебный памятник XIX века – деревянный дом с парком доктора Грацианова. Слава богу, он не только сохранился, но и взят под надежную опеку – сегодня здесь Дом приемов администрации Томской области.

Именно в этом доме за круглым столом состоялась в начале лета знаменательная встреча. С одной стороны были представители творческих союзов, с другой – вице-губернатор А. Ф. Кнорр, мэр города И. Г. Кляйн, начальник областного департамента по культуре и туризму П. Л. Волк.

Андрей Филиппович Кнорр, сказав о том, что Год культуры обязывает еще ближе узнать планы и заботы творческих работников, дал им слово. Они стали поднимать большие и малые проблемы своего существования. Дошла очередь и до писателей. Председатель Томской областной писательской организации Геннадий Скарлыгин вместо привычных просьб предложил рассмотреть, как нынче принято говорить, проект инициативной группы литераторов. Задумано сформировать и издать девять томов серии под названием «Томская классика». И критерии для произведений, достойных войти в серию, были определены: книги, написанные писателями-томичами (желательно на местном материале), должны быть известны за границами области.

Это предложение заинтересовало всех собравшихся. А главное – проект был поддержан на самом высшем уровне. И руководители области предложили перейти к делу немедленно.

Писатели работали с энтузиазмом и в достаточно напряженном режиме. Уточнялось содержание, кое-где потребовалась текстологическая работа. В результате к концу октября девять томов получили издательское воплощение.

Первый том открывается приветственным словом губернатора Сергея Жвачкина, который надеется, что изданная в год 70-летия Томской области «Томская классика» поддержит интерес и любовь читателей к родной земле.

Серия открывается отцами-основателями томской литературы Иваном Кущевским и Николаем Наумовым.

Иван Афанасьевич Кущевский учился в томской гимназии. Но не окончив ее, отправился в Петербург получить в качестве вольнослушателя университета «подлинные знания». Средства к существованию пришлось добывать физическим трудом, однако, выкраивая время, он написал роман «Николай Негорев», который был напечатан в авторитетном издании – журнале «Отечественные записки». Критик-современник отметил, что Кущевский был «прекрасным нравоописателем и психологом». Но работа урывками не дала развиться таланту писателя. Помешала и ранняя смерть – Кущевский умер в нищете 29 лет от роду от отека легких.

Один из самых известных писателей-народников Николай Иванович Наумов – коренной сибиряк, в Томске он селился несколько раз, здесь и скончался на 64-м году жизни. Последние годы жил почти затворником, писал в столицу о «глубоком разочаровании во всем». Изредка печатался в «Сибирской газете». А когда-то его картины из крестьянской жизни охотно печатали солидные журналы России, о нем похвально отзывались крупные литературные критики. И сегодня проза Наумова привлекает знанием народной психологии, быта, замечательным воспроизведением речи своих героев.

За ними следует Георгий Гребенщиков, крупнейший сибирский прозаик первой половины XX века.

Есть в жизни встречи, которые во многом определяют дальнейшую судьбу, помогают выбору пути. Для 25-летнего Георгия Гребенщикова это была встреча с Григорием Николаевичем Потаниным.

В 1913–1914 годах выходят два тома его рассказов «В просторах Сибири». В сибирский же период Гребенщиков начинает писать самое значительное свое творение «Чураевы» – роман-хронику одной старообрядческой семьи. Автор и не подозревал, что заканчивать многотомную эпопею придется далеко от родной Сибири – в Америке. Участник Первой мировой войны, Георгий Гребенщиков вынужден был в 1920 году отправиться в эмиграцию. Ностальгия владела им до конца жизни. Одна из глав книги «Моя Сибирь», написанной в Америке, начинается словами: «Когда я вспоминаю о своей Родине, то мои мысли о ней складываются, как псалом...».

Америка стала для Гребенщикова второй родиной, которую он искренне полюбил, природа некоторых мест напоминала ему Сибирь. Там, за океаном, он прочел в университетах серию лекций. О чем? О разном. Но главная их тема – Сибирь как страна великого будущего.

Далее – Вячеслав Шишков. Вот уж кто не нуждается в особом представлении. Достаточно сказать: «Угрюм-река», и сразу отзовется масса поклонников книги и фильма.

Свои занятия писательством Вя¬чеслав Шишков связывал с появлением в его жизни Потанина: «Он узнал, что я пишу, и просил прочесть что-нибудь. Я прочел рассказ «Ванька-Хлюст». Прослушав рассказ, Потанин сказал мне, что надо по-настоящему начать работать, так как у меня неплохо выходит, посоветовал связаться со столицами, дал письмо к Короленко... С этого времени моя жизнь как

бы приподнялась над обычной средой и стала наполняться иным содержанием».

Впечатления от своих сибирских изыскательских экспедиций, беседы с этим разносторонним человеком стали первоосновой шишковской прозы. В том включены произведения, напитанные Сибирью, – повесть «Тайга» и роман «Ватага».

А затем – современники читателей старшего и среднего поколения Георгий Марков, Мария Халфина, Виль Липатов, Владимир Колыхалов, Виктор Колупаев.

Георгий Мокеевич Марков постоянно подчеркивал, что творческие силы дала ему томская земля. И он не забывал земляков: в 1963 году помог созданию томского отделения Союза писателей, передал Ленинскую премию за роман «Сибирь» на создание библиотеки в родных местах, в селе Ново-Кусково. Марков стал большим партийным функционером (в 1971–1986 годах был первым секретарем Союза советских писателей), и это не лучшим образом отразилось на его творениях. Нельзя без неловкости и даже стыда за него пролистывать романы «Сибирь» или «Грядущему веку». В раннем романе «Строговы» (он и вошел в «Томскую классику»), хоть и скроенном по лекалам социалистического реализма, Маркова выручает изобразительный дар и то, что, по его словам, для него «начальной школой и жизни, и искусства была среда охотников, промысловый труд, таежный костер и охотничий стан».

Мария Леонтиевна Халфина была известна далеко за пределами нашего досточтимого города. Ее печатал «Огонек», хорошими тиражами выходили книги. А уж фильм «Мачеха» по ее повести точно посмотрела вся страна. А многие зрители и не по одному разу. Убедительна и правдива была эта история. Потом по экранам прошел не столь знаменитый, но тоже собиравший зрителя фильм «Безотцовщина».

Мария Леонтиевна называла себя писателем для семейного чтения. Ее герои были живые, не одномерные, ситуации не разрешались авторской волей и не завершались моралью. «Простые истории» Халфиной (так называлась одна из книг) прошли испытание временем.

Работая в 1950-х журналистом в томской газете «Красное знамя», Виль Липатов пробовал писать первые рассказы. Один из них – замечательный «Самолетный кочегар» – появился в журнале «Юность». Слава настигла Липатова в 1968 году, когда в «Роман-газете» был опубликован «Деревенский детектив» – повести и рассказы об участковом уполномоченном Федоре Анискине. Прототипом персонажа был реальный человек – участковый милиционер из поселка Тогур Колпашевского района, где прошли детские годы писателя, где он окончил среднюю школу.

Дальнейшая писательская карьера Виля Липатова известна – «правильные» производственные произведения «Сказание о директоре Прончатове», «И это все о нем», «Игорь Саввович» принесли ему и признание, и деньги. Но, слава богу, этим не исчерпывается творчество писателя-сибиряка. И кроме «Деревенского детектива» в томский том Липатова вошла пронзительной силы повесть «Серая мышь», в центре которой алкогольное вырождение личности, и элегическая история «Еще до войны».

Детство Владимира Колыхалова, воспитанника Усть-Чижапского детского дома, пришлось на годы Великой Отечественной войны. И постоянно голодные мальчишки, и женщины, взвалившие на свои плечи мужской труд в меру сил – и даже через силу – работали для фронта, для Победы, поставляя и пихтовое масло, и огромное количество болванок для прикладов винтовок и автоматов. Много лет спустя, став писателем, Владимир Анисимович Колыхалов рассказал о подростках, взрослевших в предвоенные и военные годы. В романе «Дикие побеги» жизнь сурового нарымского края предстала без прикрас, без лишнего пафоса, оттого вызвала доверие и встречное душевное движение многих тысяч читателей.

Колыхалов после этого написал немало. Но, пожалуй, «Дикие побеги» так и остались его главной книгой.

Виктор Колупаев был – и остался! – самым переводимым автором из Томска. Его книги выходили в США, Чехословакии и Германии, его рассказы печатались в различных антологиях в Японии, Китае, Корее, Швеции, Франции, Польше. И при всем этом он до конца жизни оставался скромным человеком. Кстати, вспоминают его ученики, Виктор Дмитриевич любил выражение Декарта: «Хорошо прожил тот, кто прожил незаметно».

Он работал в жанре фантастики, и эта фантастика пребывала ***в области литературы***.

Увидеть чудо в обыкновенном – один из главных писательских приемов Колупаева, мастера лирической прозы. Умение передать малозаметные движения человеческой души – свойство для фантаста нечастое, но это было дано Виктору Колупаеву в полной мере. Нередко чудесное, фантастическое становится для человека испытанием его личности, его нравственной составляющей. Составителем этого избранного стала дочь писателя Ольга Викторовна.

Так что действительно критерии отбора были соблюдены: многие произведения переведены на иностранные языки, удостоены серьезных премий, экранизированы, а главное – заслужили любовь читателей, которые связывают эти имена с Томском.

В конце октября в конференц-зале областной библиотеки имени А. С. Пушкина состоялась презентация девятитомника. Большой зал был полон. Понятно присутствие старых книгочеев, помнящих встречи с некоторыми авторами серии, приятно, что пришло немало молодежи.

Взволнованно и умно говорил об осуществленном замысле вице-губернатор Андрей Кнорр. И начал он с благодарности спонсорам проекта – руководителям ООО «Межениновская птицефабрика» за финансирование издательского проекта. Он же вручил сертификаты на полу-

чение издания внучке Георгия Маркова Марине, дочери Виктора Колупаева Ольге, брату Владимира Колыхалова Вениамину, а также гостям праздника – литераторам из Кемерова, Омска, Иркутска. Продолжилась встреча вполне празднично, звучала музыка, романсы, на экране возникали фрагменты «Мачехи» и «Деревенского детектива», «Строговых» и «Угрюм-реки».

«Томская классика» начинает свой путь к читателю. Решено, что книги будут переданы в библиотеки города и области, районные администрации. Причем в каждом районе устроят свои мини-презентации с участием томских писателей.

А девятитомником дело не ограничится. Издание серии будет продолжено. Томску есть еще, что предъявить читающему миру России.

В порядке постскриптума

И на презентации, и даже до нее возникал резонный вопрос: почему в составе авторов нет Григория Потанина? В Томске в поле притяжения Потанина попадали молодые люди, делающие первые шаги в литературе. И Григорий Николаевич, своим замечательным чутьем распознающий еще не окрепший талант, всегда поддерживал и направлял по верному пути обладателя творческого дара.

Однако проект «Томская классика» состоял из художественных произведений. А ***собственно художественное*** наследие самого Потанина очень невелико. Потанин задумывал цикл «Лютые дни (Очерки шпанки)», основанный на тюремных впечатлениях. Но из задуманного опубликовано лишь четыре рассказа в «Камско-Волжской газете». В 1872-м он работал над рукописью под названием «Тайжане», определяя ее как повесть. Его друг и единомышленник Николай Михайлович Ядринцев в 1885 году завершил редакцию потанинских «Тайжан». К сожалению, эта рукопись утеряна.

И все-таки том Потанина выйдет. Он примкнет к этой серии, и представлены в нем будут статьи великого сибирского ученого и путешественника.

Виктор АРНАУТОВ

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ЯНВАРСКОГО ЛЕТА

(из тайской записной книжки)

Однажды случайно я попал вместе с женой Людмилой на презентацию турфирмы семейного отдыха «Времена года». И там нам подарили путевку в Таиланд на бесплатное проживание в отеле турфирмы в течение десяти дней.

Отправившись из зимнего международного аэропорта города Новосибирска в 30-градусные крещенские сибирские морозы, через семь часов полета мы оказались в тропическом лете, где температура окружающей среды была порядка плюс тридцати градусов. Впрочем, ненамного отличалась и температура воды в Сиамском заливе Южно-Китайского моря и в открытом бассейне четырехзвездочного отеля «OASIS WORLD»!

Через четыре дня к нам присоединилась и наша младшая дочь Настя, прилетев из Питера. Каждый день с утра пораньше, уединившись и устроившись в уютном плетеном кресле на лоджии, я делал дневниковые записи дня прошедшего. Некоторые впечатления от увиденного там в виде фрагментов дневниковых записей я предлагаю и вам, мои читатели.

Однако, прежде чем перейти к своим впечатлениям, в самых общих чертах нужно сказать немного о самой стране. Таиланд, он же Сиам, – одно из древнейших государств в Индокитае, омываемое водами Сиамского залива с юга и Андаманского моря с запада. Его географическая широта – примерно с 8-го по 18-й градус северной широты, приближается на юге почти к экватору. Что касается меридиана, то Таиланд находится в одном часовом поясе с нами, сибиряками: кузбассовцами, томичами, алтайцами и новосибирцами. Так что адаптация ко времени этой страны у нас, сибиряков, проходит практически безболезненно и незаметно.

По территории Таиланд равен примерно пяти Кузбассам или двум Томским областям. А вот население зашкалило уже за 60 миллионов человек, растет стремительными темпами, в определенной степени и за счет иностранцев, принимающих гражданство этой страны, в том числе и немалого количества россиян. Таиланд – страна самодостаточная. В ней имеется изобилие практически всего: сельскохозяйственной продукции, природных ископаемых, леса, морепродуктов. Здесь автомобили японских марок не только собираются, но и производятся от начала и до конца, а некоторые модели этих автомашин вывозятся даже на рынок самой Японии. Народная медицина поставлена на промышленную основу и обладает очень высоким качеством. Изделия из кожи (включая крокодилью, слоновью и даже змеиную) могут конкурировать с западными фирменными. Подушки и матрасы из натурального латекса пользуются очень высоким спросом как у местного населения, так и у туристов. Добыча драгоценных и полудрагоценных камней, их обработка и доведение до ювелирных кондиций не уступают мировым. Градостроительство осуществляется грандиозными темпами и масштабами, при этом цены на готовое качественное жилье раза в полтора-два ниже, чем в России. В Паттайе строится русский поселок. Таиланд – страна с богатым культурным наследием. Здесь много уникальных музеев, парков под открытым небом, буддистских храмов и прочих достопримечательностей, занесенных в Книгу рекордов Гиннесса. Туристический бизнес развит на самом высоком уровне. Ко всему прочему, климат, там никогда не бывает зимы и заморозков, а температура окружающей среды не опускается ниже плюс двадцати градусов...

Таиланд – страна конституционно-монархического правления. Здесь уже на протяжении двух с половиной веков правит король из династии Рама. Издревле Сиам – воинственное государство. Ему немало приходилось воевать за свою независимость и территории с соседями: Бирмой, Камбоджей, Вьетнамом, Лаосом.

Национальным героем новой истории Сиама считается генерал Таксин, который в 1767 году освободил страну от гнета бирманцев, собрал воедино разрозненные племена и народы, стал отстраивать новую столицу Таиланда Тхонбури (ныне – один из районов Бангкока), так как прежнюю – Аюттхайю – полностью разрушили бирманцы. И уже в 1768 году генерал провозгласил себя королем Сиама. Однако непомерные налоги, которыми он обложил народ для усиления

мощи государства, привели к недовольству и огромному народному восстанию, в результате которого Таксин был свергнут и казнен.

Ему на смену пришел подавивший восстание в 1782 году Пья Чакри, ставший первым королем-правителем династии нынешних монархов Рама.

При короле Чулалонгкорне (Раме Пятом), который в свое время окончил пажеский корпус в Санкт-Петербурге и был женат на русской знатной женщине, Таиланд становится конституционной монархией. Так что у нынешнего короля и его отпрысков есть и русская кровь. При нем было отменено рабство. Король Рама Пятый был одним из самых уважаемых и почитаемых правителей среди своих подданных. За свои деяния среди народа он снискал себе славу и титул Великого любимого короля. Из 58 лет жизни он правил страной 42 года. Еще его называют Пхра Буддахачао Луанг – Королевский Будда. Его приятельские отношения с последним императором России Николаем Вторым сблизили наши страны, находящиеся так далеко друг от друга, именно Россия помешала в свое время колониальной экспансии Таиланда Францией.

Нынешний король Таиланда Пхумипон Адульядет (Рама Девятый) – один из самых долгоправящих. Ему уже за 85 лет, а время его правления страной перевалило за шесть десятков. У него четверо детей: сын и три дочери. С недавних пор правительство Таиланда возглавляет впервые за всю историю страны женщина – премьер-министр Йинглак Чинават – сестра некогда изгнанного из этого кресла брата-премьера.

К сожалению, из-за не очень дальновидной политики нашего государства королевство Сиам во время Второй мировой войны выступало союзником Японии. А во времена войн в Корее и Вьетнаме (50–70-е годы прошлого века) Таиланд союзничал с американцами. Почти все короли династии Рама, в том числе и нынешний, Рама Девятый (и его сын), являются еще и военными в немалых чинах. Они все очень любят быть на официальных фотографиях и портретах в военном облачении со всеми регалиями и орденами. Сын нынешнего короля – летчик, у которого более шести тысяч часов налета.

Таиланд – страна культа Будды и короля!

Что касается простого народа – тайцев, то они весьма доброжелательны и даже гостеприимны в отношении русских, до миллиона которых ежегодно посещают эту страну.

***17 января 2012 г.* 13:30. Бангкок. Аэропорт Суварнабхум**

Бангкок, как известно по рекламным роликам даже детям, – столица Таиланда.

Международный аэропорт Бангкока Суварнабхум (Суваннапум) – основные воздушные ворота Таиланда. Впрочем, имеются и другие аэропорты международного уровня, например на острове Пхукет, куда есть прямой рейс из того же Новосибирска. Оказывается, недалеко от Паттайи – Утапао.

Новосибирский аэропорт Толмачево, показавшийся мне еще вчера вечером достаточно большим, просто игрушка по сравнению с аэропортом Бангкока.

Бангкок расположен в самой северной оконечности Сиамского залива, примерно на 14 градусах северной широты. В его районе впадает в залив крупнейшая река Таиланда – Менам-Чао-Прая. Многочисленные дельтовые рукава, протоки, ерики и искусственные каналы снискали Бангкоку славу Тайской Венеции. В современном мегаполисе проживает порядка десяти миллионов человек! Здесь находится самый крупный по количеству студентов университет мира.

Наш «Боинг» еще только выруливал к приемному модулю, а на посадку заходил очередной авиалайнер, несколько самолетов готовились к взлету... Вот где работка авиадиспетчерам!

Вдоль взлетно-посадочной полосы тянулась довольно широкая сточно-ливневая бетонная траншея – на случаи наводнений и сезона дождей. Газонная трава, если где и встречалась, была пожухлой и выгоревшей – как в степях Хакасии знойным июлем.

Аэропорт для международных линий Суварнабхум был введен в эксплуатацию не так давно, в 2006 году. До этого времени местные и международные линии обслуживал старейший аэропорт Таиланда Дон Мыанг, история которого уходит аж в 1910 год.

По выдвижному трапу пассажиры нашего рейса стали спешно покидать салон самолета. И вот мы оказались в самом здании. Оно поразило меня своими размерами! Все из бетона и стекла, с невероятно высоченными потолками, просторное – хоть футбол гоняй и устраивай мировые состязания по бегу; множество всяких стоек, коридоров, переходов. Пассажиры двигались по широченному коридору, едва ли не в километр длиной, с тремя последовательными стометровыми двусторонними бегущими дорожками. Вы-

страивались в очереди перед будочками паспортного контроля. Слева – китаец, справа – малаец, позади – совершенно черные, синеватые и кофейного цвета африканцы. Пристроились мы за молодым человеком, русским, в красной майке с двумя приметными крупными белыми семерками на спине – с нашего рейса. На стенах, у потолков, возле стоек и будочек – везде витиеватые надписи на тайском. Оказывается в их алфавите аж 72 буквы, внешним видом напоминающие арабско-грузинскую вязь.

Местные чиновники, сидящие за стеклом будочек, в черной униформе с погончиками и желтыми лычками на них, меланхолично сверяли паспорта и гостевые карты с их оригиналами. Пройдя процедуру паспортного контроля, на что потребовалось минут сорок, мы ринулись искать свой багаж. Сообразив, что нужен транспортер с обозначением номера нашего рейса, мы с облегчением увидели знакомые нам цифры: 859. На транспортерной ленте сиротливо, едва ли не единственным, лежал наш чемодан с приметной красной ручкой.

Поплутав по длинному и широкому коридору с багажом в руках, раздумывая, куда же двигаться дальше, наконец-то заметили надпись «Exit» (выход). Миновали еще один пропускник и оказались в просторном тамбуре. Там наши глаза выхватили среди толпы встречающих темнокожего мужчину-тайца в белой рубашке с табличкой в руках, на которой красовалась эмблема фирмы: на фоне круглого оранжевого солнца вздыбленный слон с поднятым хоботом и надпись: «OASIS WORLD»!

Таец вывел нас из тамбура аэровокзала. Сразу дохнуло влажным зноем – вот оно, настоящее лето! До этого везде работали кондиционеры и духоты не ощущалось. Встретивший нас мужчина подвел нас к микроавтобусу марки «Тойота», помог погрузить багаж, открыв дверцу, пригласил в салон. На переднем сиденье, рядом с водительским, сидела молодая, лет двадцати пяти, стройная, смуглая темноволосая женщина.

– Вика, – представилась она нам. – Я – ваш куратор-консультант.

Вика оказалась общительной, живой, миловидной дамой с хорошим русским языком и едва уловимым украинским акцентом, из Киева. Предложила нам по бутылочке холодной воды, чем мы не преминули тут же воспользоваться.

Едва мы покинули территорию аэропорта и миновали огромную красочную орнаментальную арку в виде Триумфальных ворот, как тут же по обеим сторонам трассы стали попадаться золоченые статуи стоящего Будды и транспаранты с цветными изображениями короля – в гражданском и военном одеяниях.

Выехали на скоростную автотрассу, ведущую на Паттайю. Движение здесь, в отличие от наших трасс, левостороннее. Виртуоз-водитель, все тот же встретивший нас таец, лихо гнал машину с постоянной скоростью в 130 километров, обгоняя большегрузы и маломощные машины. Дважды на трассе ему пришлось притормозить и заплатить, не выходя из машины, по 50 батов за проезд по платной скоростной автомагистрали.

До места нашего назначения, Паттайи, порядка 150 километров. В глаза бросалось обилие всевозможных пальмовых деревьев. Они росли и выстраивались вдоль дороги, как привычные нашему глазу тополя или карагачи. Помимо них попадались и прочие деревья и незнакомые нам цветущие кустарники.

Вика без умолку вводила нас в курс предстоящего отдыха. Я частенько перебивал ее, задавая всякие вопросы – о стране, природе, пальмах, цветущих кустарниках, прямоугольных искусственных водоемах, что поблескивали по обеим сторонам дороги. Возле таких водоемчиков (оказывается, в них разводят и выращивают креветок, рыбу, мидии, устрицы и прочую живность, в том числе и лотосы) виднелись лачужки на четырех опорных столбах, крытые пальмовыми листьями; причаленные к берегу узкие и низкобортные лодчонки. Очень редко возле таких хибарок и водоемов копошились темнокожие люди.

Сначала трасса, прямая, как стрела, шла по равнине. Кое-где высились различные строения – от аккуратных, в два-четыре этажа домиков коттеджного типа до примитивнейших хижин-времянок. Порой вдали громадились и настоящие небоскребы, этажей в сорок. Ближе к Паттайе, слева появились невысокие горы, похожие на дальневосточные сопки, все покрытые густой зеленой растительностью. Южное полуденное солнце светило тускло. Все небо окутывали легкая облачная дымка и смог. Настроение – тревожно-восторженное. Все еще верилось с трудом, что нахожусь в такой дали от своего дома, в совершенно незнакомой южно-тропической, загадочной стране Таиланд. Лишь одно напоминало нашу далекую Родину – привычный вид захламленных обочин автотрассы.

17 января. **Паттайя. Вторая половина дня. Вечер. Ночь**

Паттайя – курортная зона Таиланда. Расположился этот город вдоль побережья Сиамского залива на десятки километров. В нем несколько основных продольных улиц-проспектов вроде прибрежных – Наклуа, Пляжная, Волкин, Джомтьен, Таппрайя, Вторая, Третья, магистральная улица Сукхумвит, поперечные улицы, типа Теппразит и множества поперечных улочек (сои, или обрусевших «соек») под номерами, метров по 300–500 длиной. По некоторым данным, в городе проживает порядка 400 тысяч местного населения и до миллиона приезжих туристов. Паттайя переводится с местного как «ветра, дующие с северо-запада на юго-восток». В обиходе слово это произносится как с ударением на предпоследнюю, так и на последнюю гласные буквы.

До недавнего времени (середины 60-х годов) на ее месте находилось несколько рыбацких деревушек. Когда американцы начали войну во Вьетнаме, правительство Таиланда предоставило небольшую бухту и побережье для американской военной базы, куда прибывали солдаты из США для подготовки ведения войны в условиях тропических джунглей и на реабилитацию после военных действий. Расстроились казармы, военный городок базы. Вокруг него стали стихийно формироваться сопутствующие питейно-увеселительные заведения – с обслугой из провинциальных молодых аборигенов и аборигенок. Ночь с молодой красивой аборигенкой для американского солдата по тем временам стоила всего два доллара – по твердой устоявшейся таксе. Американский военный министр даже внес в Правительство США предложение о выпуске двухдолларовой купюры – с известной целью. И министерство финансов пошло навстречу этому беспрецедентному предложению. С окончанием войны во Вьетнаме бывшие американские солдаты и офицеры стали возвращаться в этот благоприятный уголок на длительный отдых, уже со своими семьями. Стал застраиваться городок вблизи военной базы, американизируясь и разрастаясь с невероятной быстротой, превращаясь в современный сити американо-европейского образца.

Паттайя – город контрастов, так охарактеризовала бы его героиня Нонны Мордюковой из любимой кинокомедии «Бриллиантовая рука». На фоне высотных коробок-небоскребов в 30–40 этажей немало двух-пятиэтажных зданий и сооружений и даже одноэтажных халупок.

Весь город утопает в зелени кокосовых и других пальм и разнообразных цветущих кустарников. Иногда встречаются и экзотические деревья с длинной и мягкой хвоей. Повсюду: на улочках, обочинах, вдоль дорог и тропинок, на пляжах, в многочисленных скверах и на пустырях – неисчислимое количество бытового и строительного мусора!

Особый аромат придает Паттайе благоухание цветущей плюмерии! Темно-зеленый ствол плюмерии у основания напоминает дерево, диаметром сантиметров до десяти. Примерно на высоте 70 сантиметров он начинает узловато ветвиться и формироваться кроной с продолговатыми жесткими листьями, похожими на домашний фикус. Верхушки веток образуют кустистое шаровидное соцветие, на каждой цветоножке сантиметров в 15–17 располагается по три-пять отводов. На каждом таком отводе – по три крупных цветка, уже на собственных цветоножках. Сам цветок – с загнутыми наружу пятью лепестками, белый с нежно-желтой сердцевиной. Размером каждый такой отдельный цветок – до семи сантиметров. В целом же соцветие напоминает круглый шар с футбольный мяч. И вот таких шаров висит на каждом отдельном кустарнике высотой до трех метров по десятку-полтора, а то и больше. Цветет плюмерия до четырех месяцев в году. Встречаются иногда розоватые и даже пурпурные плюмерии, но здесь преобладают белые.

Весь этот цвет источает такой тонкий специфический аромат, что его невозможно спутать ни с каким другим. Он напитывает знойный воздух, насыщает собой улицы, дома и даже квартирные помещения, охлаждаемые кондиционерами. От него невозможно ни отделаться, ни привыкнуть к нему и не замечать. Особенно густо аромат плюмерии ощущается с наступлением сумерек и темноты...

Четырехзвездочный отель, куда нас доставили встретившие представители фирмы, располагается в районе Джомтьен, на пятой «сойке» между улицами Таппрайя и Джомтьен-роуд. Семь этажей Г-образного, окрашенного в бежевый цвет строения с широкими лоджиями.

На открытой площадке второго этажа располагался бассейн размером 7 на 16 метров, полутораметровой глубины, с «лягушатником». Голубая плитка его стенок и дна придает неповторимый лучезарный цвет чистейшей воде бассейна. Наши апартаменты находились на четвертом

этаже, с лоджии которых был хорошо виден этот бассейн, располагающийся ниже.

В наших апартаментах на круглом столе с прозрачной столешницей была ваза, аппетитно манили своим видом экзотические фрукты: желтовато-зеленые вихрастые ананасы, глянцеватые оранжевые мандаринки, баклажанного цвета, похожие на помидоры мангустины, ощетинившиеся ежиками бордовые рамбутаны, продолговато-яйцевидные золотистые манго и прочие диковинки.

В холодильнике стояли запотевшие стеклянные и пластиковые бутылки с обычной, минеральной и газированной водой, несколько банок пива и даже трехсотграммовая плоская бутылочка местного коричневатого рома «Sang Som».

Пока Людмила оговаривала с гидом Викой программу нашего отдыха, экскурсий и мероприятий, я спустился лифтом на второй этаж и плюхнулся в воду бассейна.

Боже, какое это блаженство! Из тридцатиградусной сибирской снежной зимы, которая еще вчера морозила нас даже в рейсовом новосибирском автобусе, да оказаться в теплой воде под открытым небом и палящим солнцем...

После купания в бассейне и легкого ланча из фруктов и колы, оставив в номере Людмилу отдохнуть после долгого пути, я подался ознакомиться с близлежащими окрестностями. И, разумеется, первым делом к морю – по сои номер пять.

По неширокой улочке, казалось, хаотично, тарахтя и маневрируя, навстречу друг другу сновали разноцветные мотороллеры и самые различные легковые автомобили-иномарки. Поскольку на этой «сойке» не было никаких тротуаров и разметок для пешеходов и транспорта, приходилось лавировать между движущимися байкерами и автомобилистами. Впрочем, я был здесь далеко не одиноким пешеходом.

О байках и байкерах тут надо сказать несколько слов особо. Их средства передвижения байками и назвать-то трудно. Это невероятно огромное множество мотороллеров самых различных моделей, конструкций и раскрасок! Такие «байки» и их наездники, словно муравьи, проникают всюду! Мотороллер – это основной вид индивидуального транспорта Паттайи. На нем ездят все местные и туристы (поодиночке, вдвоем и даже втроем) безо всяких водительских прав и правил. Здесь почти не встречаются продольные дорожные разметки, поперечные пешеходные «зебры» и светофоры. Не увидишь на улицах и таких привычных для нас ревнителей дорожного движения в форме, как гаишники-гибэдэдэшники.

Мотороллеры здесь не только ездят, но и стоят безо всякой «привязи» буквально повсюду – рядами и скученно. В любом месте можно взять, заплатив весьма приемлемую сумму, на прокат такой мотороллер на любой срок – от суток и далее. Они очень экономичны, не требуют больших расходов бензина. Бензин для них продается не как у нас на автозаправках, а прямо в уличных лавках и ларьках – в пластиковых бутылках от литра и более.

Мотороллеры здесь выполняют и еще одну важную для местных жителей роль: они являются необходимым атрибутом уличных торговцев. К обычному мотороллеру кустарным способом приваривают сбоку третье колесо – под коляску. Из тонких, но прочных трубок изготавливается каркас с плоской крышей-навесом. И вот готова передвижная торговая точка. Мелкие торговцы, маневрируя по людным улочкам и вдоль пляжей, предлагают, как некогда наши коробейники-офени, самый различный ширпотреб, в том числе и фрукты. Мало того, подобные мотоколяски приспосабливают и под передвижные кухоньки. Прямо в присутствии клиентов варятся, парятся, пекутся и готовятся всевозможные довольно вкусные блюда тайской кухни и предлагаются тут же – по весьма умеренным ценам.

Основным видом общественного транспорта являются тук-туки. Первоначально тук-туком называли трех- или четырехколесную мотоколяску, предназначенную для перевозки двух-четырех пассажиров. Позднее этот термин перенесли и на переоборудованные легковые автомобили. С легкового автомобиля-пикапа или джипа снимается кузов. Вместо него наваривается и крепится каркас из никелированных трубок, а на месте заднего борта – откидная открытая широкая подножка. Вдоль бортов кузова приспосабливаются две лавочки для сидения пассажиров. В такой тук-тук умещается до дюжины пассажиров – на лавочках, а два-три человека еще и стоят-висят во время езды на задней подножке. Останавливается тук-тук по требованию пассажиров в любом месте, для этого нужно нажать кнопку. Проезд на этом распространенном виде транспорта по городу стоит сравнительно дешево – всего-то десять батов.

Море! Точнее Сиамский залив Южно-Китайского моря. Оно – зеленовато-лазурное. Почти штиль. Все побережье – в крупном желтом песке.

Между улицей и пляжем – в два ряда высятся и тянутся пальмы, на которых вверху маняще висят зеленые глянцеватые шары созревающих кокосовых орехов.

Повсюду: на песке, между рядами шезлонгов – остатки бытового мусора, какие-то шкурки и огрызки фруктов, окурки, пластиковые и стеклянные бутылочки, обрывки полиэтиленовых пакетов, бумаги и прочего. И даже прибойные волны выплевывают из моря на берег следы присутсвия человека-туриста.

Вдоль рядов шезлонгов меланхолически, но непременно с улыбкой передвигаются мелкие пешие торговцы-аборигены, предлагая всякий ширпотреб в виде косметики, бижутерии, кепок-шляп, платков и парео, маек, наборов дешевых часов на разноцветных пластмассовых ремешках, сувениры, альбомы с образцами татуировок. Будто на коромыслах, носят в корзинах экзотические фрукты, цельные и уже очищенные, предлагают вареные креветки, печеную рыбу, какие-то пончики и много чего еще. Стоит задержать взор на ком-либо из них, босоногие торговцы тут же останавливаются и начинают навязчиво предлагать свой товар.

Вода в море, несмотря ни на что, довольно чистая и прозрачная. Невдалеке от берега резвятся стайки мелких рыбешек. Их гоняют хищники покрупнее, и тогда рыбешки, выскакивая, алмазным дождем падают в гладкую воду. Там и тут головы пловцов, будто темные мячи, плавно передвигаются по поверхности. В полукилометре от берега застыла на якоре двухмачтовая каравелла – то ли прогулочная двухпалубная яхта какого-нибудь бизнесмена или олигарха, то ли плавучая гостиница. С невероятной быстротой и ревом носятся по морю водные мотоциклы, разнообразные катера и моторные лодки. Слева, справа и прямо до самого горизонта виднеются вдали в синеватом мареве гористые острова, покрытые темно-зеленой растительностью.

Я снимаю майку, шорты, обувь и медленно, наслаждаясь ласковой теплой водой, все глубже погружаюсь с каждым шагом, бреду от берега. Вот вода уже достигла груди. Я, оттолкнувшись ото дна, ложусь на воду и плыву от берега подальше – сначала вразмашку, саженками, потом по-морскому. Невольно вода попадает мне в рот, и я чувствую ее вкус. Нет, здесь она совсем не такая, какую мне приходилось пробовать в других морях. Во-первых, она почти не пахнет морем – специфическим запахом йодистых водорослей и свежей рыбы. Во-вторых, она совсем не горькая от концентрации соли. Здесь, оказывается, из-за впадения в залив какой-то реки, морская вода сильно разбавляется пресной.

Температура воды здесь почти в течение всех суток примерно одинаковая – в районе 25 градусов. Я в полном восторге! Наверное, именно тут и находились первозданные сады рая, из которых Создатель за грехи изгнал Адама и Еву...

Солнце садится в это время года (в другие – не знаю) в начале седьмого вечера. В семь часов уже наступает настоящая южная ночь. Вернувшись в апартаменты, наспех изготовили ужин, присовокупив к нему кое-что из оставшегося аэрофлотовского. Откупорили ром, приняли за приезд. Раза три еще спускались в бассейн и предавались блаженству, даже в темноте, примерно все с такой же дневной температурой воздуха и воды.

Теперь несколько слов об апартаментах и интерьере, в коих нам предстоит прожить все десять дней. Итак, кухня-прихожая. Обставлена она всевозможными разделочными кухонными столами с раковиной для мытья посуды и навесными шкафами и шкафчиками. Оснащена электрической четырехконфорной плитой, микроволновкой. В шкафах и шкафчиках – вся необходимая посуда. Так что, если не нравится тайская кухня, готовь сам, чем мы и не преминули воспользоваться.

Зала – квадратная, с двумя большими окнами, выходящими на лоджию. В ней, помимо стола и стульев, угловой кожаный диван, односпальная кровать-софа, большой телевизор, на стенах – две картины в стиле абстрактного авангарда. В спальне – широченная кровать, плательные шкафы (в одном из них – даже небольшой сейф для хранения документов, денег и прочих ценностей), две тумбочки с настольными лампами, зеркало-трельяж, телевизор на тумбочке-подставке. Над кроватью – картина, изображающая лежащего Будду. Одно окно-дверь, ведущее на лоджию. И, естественно, кондиционер.

Ванная комната, со входом из спальни, оснащена, как уже отмечал, ванной, по размерам напоминающей джакузи. Стойка-столик для туалетных принадлежностей с раковиной и большим зеркалом, душевая, санузел. Картина, изображающая стройную женскую фигуру в стиле ню. Множество различных полотенец и белых халатов из вафельной ткани.

В общем, живи – не хочу!

18 января. **Таиланд, Паттайя. День второй**

Несмотря на дорожную усталость, спалось на новом месте плохо. Часто выходил на лоджию, смотрел на ночной незнакомый город и южное темное небо. Нигде на небе не мог с обзора лоджии узреть знакомые мне созвездия: Большую и Малую Медведицы с Полярной звездой, Кассиопею, Орион. Вообще-то небо тут какое-то мутноватое, хотя и темное, и звезды как будто меньше и светят не так ярко, как у нас. Никак не мог надышаться ароматами Паттайи, а особенно усилившимися запахами плюмерии. За день воздух успевает настолько напитаться зноем, что ночью он практически не остывает, разве что понижается градуса на два-три – до самых комфортных для меня +25.

Проснулся окончательно около семи утра. В это время здесь уже наступает рассвет. Спустился вниз, к бассейну – никого. Ну разве можно пренебречь и упустить такую возможность – с раннего утра вместо душа искупаться в настоящем бассейне! Вода за ночь в нем практически не остыла. Замечательно!

Как и советовала Вика, с утра пораньше отправился на базарчик, что находится совсем рядом, через улицу Таппрайя. Там, на прибазарной площади, уже устраивали свои передвижные столики и жаровни уличные повара и кондитеры. К ночным ароматам стали примешиваться запахи древесного дымка и специфических тайских соусных приправ к горячим блюдам. Сразу за площадью кулинаров начинались торговые ряды базара под общей крышей. Здесь уже вовсю были выложены на столы и прилавки овощи с фруктами. В другом конце рядов – рыба и морепродукты, мясо и мясные полуфабрикаты. Все свежайшее, и всего такое изобилие! К тому же весьма сопоставимые с нашими и приемлемые цены.

Денежной единицей Таиланда является бат. Он почти равен нашему рублю (обменный курс его был в это время 32 бата за один доллар), поэтому ориентироваться в местных ценах было совсем просто. Так, для сравнения: десяток яиц – 30–45 батов, свежее мясо (говядина, свинина) – от 120 до 200 батов за килограмм, курятина (уже разделанная и разложенная по видам в отдельных лоточках) – 80–90 батов. Рыба свежая, живая – от 60 батов за килограмм. Креветки свежие – от 130 до 250 батов за килограмм. Свежее молоко – от 30 батов за литр. Фрукты: ананасы, бананы, манго, папайя, мангустин, рамбутан, драконий глаз – все в пределах 20–50 батов за килограмм, яблоки – 10–15 батов... То же касается и овощей, включая знакомые нам картофель, помидоры, огурцы, лук, чеснок, сладкий и острый перец, капусту, зелень кинзы, петрушки, укропа... Много всякой зелени и приправ чисто тайских, мне неведомых.

Всю продукцию взвешивают здесь при тебе на весах, правда, частенько старых, механических и даже со ржавчиной. И рассчитывают все в килограммах и нормальных литрах, а не в пресловутых наших торгашеских фасовках по 460, 800, 840 граммов или по 860–900 миллилитров.

«Хау мач?» – самый ходовой вопрос на всех рынках (да и в маркетах), что означает «Сколько это стоит?» В ответ на него тебе показывают цену за килограмм (штуку) или стоимость взятых продуктов на табло микрокалькулятора.

20 января. **День четвертый. Резервация**

Из окон и с лоджии нашего номера хорошо просматривалась «сойка-5» – в сторону моря.

Слева – иммиграционная служба, а напротив нее – своеобразная резервация, обнесенная глухим высоким бетонным забором. Из окон наших апартаментов и с лоджии было видно, что резервация представляет собой три ряда сплошных бараков под двухскатными крышами из рифленого профильного железа или шифера.

Вот она – еще одна сторона многоликого современного капиталистического сити! Сторона нищеты на фоне роскошного блеска!

Оставив Людмилу у бассейна купаться и загорать, решил один немного побродить по окрестностям. Мое любопытство занесло меня в резервацию, что маячит перед нами, портя вид и впечатления.

Хижина негра дяди Тома по сравнению с тем, что я там увидел, выглядела бы, наверное, настоящим дворцом. В этой резервации жил и существовал всякий обнищавший сброд – из местных безработных тайцев, всевозможных метисов, китайцев, малайцев и прочих «гастеров», прибывших сюда в погоне за счастьем и лучшей долей. Возможно, именно потому и поместили эту резервацию напротив иммиграционной службы, чтобы было удобнее контролировать этих обездоленных. Клетушки-перегородки из все тех же листов жести и шифера, с опорными столбами из стволов пальмовых деревьев, верхушки которых в иных местах прорастали сквозь жалкую кровлю, кишели малолетней полуголой ре-

бятней, тощими стариками и старухами со слоноподобной сморщенной смуглой кожей, бродячими флегматичными отощавшими и облезлыми собаками и кошками... В квадратном открытом бетонном водоеме размером метра четыре на четыре люди брали воду для своих нужд, тут же умывались и стирали...

Вся территория резервации захламлена бытовым мусором. Однако и тут, как в приличном жилом квартале, я обнаружил две-три общественных «столовки»-кухоньки – с убогими столиками, такими же седушками, с непременными жаровнями, котлами-кастрюлями и специфическим соево-соусным запахом. Правда, все эти запахи перебивались духом смердящей антисанитарии и даже не бедности – самой настоящей болезненной нищеты.

Покинув резервацию, перешел на параллельную нашей, четвертую, совсем узенькую «сойку». Разумеется, и тут нет никаких пешеходных дорожек и тротуаров. По обеим сторонам ее поднимаются пятиэтажные коробки довольно облезлых и обшарпанных зданий, напоминающих наши (еще советских времен) рабочие и малосемейные общаги. По всему видать, здесь преобладают так называемые комнаты-студии для малообеспеченных людей. Первые этажи этих строений занимают всевозможные прачечные, химчистки, парикмахерские, торговые точки, зачуханные закусочные забегаловки и прочее. Все это – явно для бедноты. И тут – повсюду очевидные признаки антисанитарии и зловония. Отрадно однако, что вопреки всему здесь не видно ни мухоты, ни крыс с мышами. Зато, говорят, водится несметное количество крупных тараканов!

Вечер. Ночной рынок

С наступлением темноты подались с Викой на тук-туке от «Фудмарта» по улице Теппразит к ночному вещевому рынку. Теппразит в это время представляет собой сплошной нерегулируемый поток автомашин и мотороллеров. Из автомашин преобладают заполненные людьми тук-туки. Самые отчаянные байкеры на своих мотороллерах снуют, как камикадзе, лавируя между отдельными машинами, подрезая и подставляя себя, казалось, под их колеса. Но тут не пришлось наблюдать ни одного ДТП!

Ночной вещевой рынок – это огромная площадь, состоящая из торговых рядов под двухскатными крышами. С каждой стороны ряда – сплошные бутики и лавчонки, отделенные друг от друга тонкими картонными или матерчатыми перегородками. Признаться, обилие товаров и их разнообразие мало нас удивило. Привыкли уже к этому и мы, россияне, благодаря китайским и своим рынкам.

Отличается этот рынок от наших разве что некоторым национальным колоритом – специфическими орнаментами с изображениями слонов и драконов, покроем женской одежды, кожаными, ювелирными и сувенирными изделиями. Их тут и впрямь превеликое множество. Цены тоже могут показаться несколько своеобразными. Так, за большинство вещевых изделий, будь то платье, шляпа, кепка, мужская или женская обувь из искусственной кожи, сувенир-безделушка или что другое, просят 129, 159, 199 или 259 батов! Торговаться можно до круглой суммы, но вряд ли уступка будет больше чем на девять батов. Дороже всего здесь стоят вещи для детей. Ну и изделия из натуральной кожи и камней, а также оригиналы и отличные копии-дубликаты произведений народного промысла.

Побродив по рядам и больше приглядываясь, нежели приценяваясь, Людмила купила несколько вещей из одежды и обуви для нашего внука, майку с шортами для зятя да какое-то женское платье из тайского шелка. За 70 батов я сторговал себе темные очки. Как и повсюду, на этом вещевом рынке можно купить различные экзотические тропические плоды, откушать блюда национальной тайской кухни, побаловаться фирменным мороженым или ледяным коктейлем, приготовленным у тебя на глазах из свежих фруктов.

Возвращались с рынка на тук-туке, набилось в него аж пятнадцать человек. И все – исключительно русские.

22 января. **День шестой. Парк «Нонг Нуч»**

Сегодня у нас запланирована экскурсия в тропический парк «Нонг Нуч».

Выезжаем в половине десятого все тем же микроавтобусом турфирмы: мы втроем в сопровождении Вики. Попетляв по городу, выехали на Сукхумвит, миновали комплекс Амбассадор-сити. Сукхумвит – магистральная улица-трасса – самая длинная улица в мире. Ее длина – более 400 километров. Она соединяет Таиланд с Камбоджей и едва ли не с Бирмой (Мьянмой). Она прямая, широкая, многополосная и скоростная. Вдоль нее по обочинам все также насажены

пальмовые деревья и цветущие кустарники, а за ними сопровождают улицу-трассу всякие строения, дома и домишки, вплоть до примитивных хижин.

Минуем небоскребы Амбассадор-сити, в котором, по некоторым данным, предоставляется иностранным туристам порядка четырех тысяч апартаментов.

Тропический парк «Нонг Нуч» – визитка Паттайи! Он старше самого города Паттайя лет на пятнадцать. Занесен в Книгу рекордов Гиннесса. И волне заслуженно! Могу с уверенностью утверждать: тот, кто побывал в Таиланде и Паттайе и не посетил парк «Нонг Нуч», потерял едва ли не половину.

Еще в 1954 году некие мистер Писит и мадам Нонг Нуч Тансака решили в провинции Чонбури, на 163-м километре трассы Сукхумвит, приобрести у правительства 600 акров земли (порядка 250 гектаров) – под сельхозугодья. Позднее они перепрофилировали эти земли с учетом интересов туристов. Более 30 лет потребовалось мадам Нонг Нуч на то, чтобы собрать здесь уникальную коллекцию тропической флоры и фауны, а также разместить несколько десятков оригинальных образцов буддистских тайских храмов. Уже в 1980 году тропический парк, получивший в официальное название имя его создательницы, был открыт для посещения туристами. В настоящее время его ежедневно посещают до трех тысяч туристов и школьников. Его директором с 2001 года стал сын Нонг Нуч – Кампон Тансака, который ревностно бережет все богатство и вносит в дело матери свой вклад. Так, в павильоне автомобилей представлено более 40 экземпляров легковых авто из его личной коллекции!

В этом тропическом парке собрана уникальная коллекция из 1 300 видов пальм! Всего же, по утверждению гида Васи, в мире насчитывается порядка двух тысяч видов пальм. Термин «уникальный» применим здесь практически ко всем другим собраниям и коллекциям.

Итак, уже почти сразу от с Сукхувит к парку стали заметны ухоженность и порядок. Вдоль дороги, ведущей в парк, стояли в бетонных кадках (размером от ведра и до полукубометра) выращенные на продажу молодые пальмовые деревья. Квадраты придорожных полей тоже представляли собой пальмовые питомники.

Въехали на территорию парка. И опять приятно удивили чистота и порядок кругом. А по левую сторону – террасками – исключительно зеленые насаждения-кустарники, сформированные и подстриженные под различные фигурки птиц и животных: зайцев, лис, коз, слоников, жирафов, фламинго, орлов... Территория парка расположена в долине, окруженной горами. По каньону парка даже протекает не то небольшая речушка, не то довольно широкий ручей, образуя в местах запруды зарыбленные водоемчики.

Национальное тайское шоу

Парк «Нонг Нуч», помимо своего прямого назначения, выполняет сейчас еще и функции зрелищного учреждения, здесь проходят разнообразные шоу.

На входе в парк нас встретило скульптурное сооружение в виде трех пятиметровых початков кукурузы. А само оно выполнено из огромного количества настоящих зрелых желтых кукурузных початков.

Наши консультанты советовали не останавливаться у фермы с черными африканскими слонами. Поторапливали в просторный зал, похожий на арену цирка, вмещающий не менее полутысячи человек. Выдали каждому по бумажному номерку на клейкой основе – проходной билет на все аттракционы и шоу парка. Свой номерок я прилепил на оголенное правое предплечье.

Мы вошли в это помещение едва ли не первыми. Зал был еще совершенно пуст, и мы устроились на низких лавочках в самом первом ряду, отгороженном от арены невысоким парапетом.

Сцена-арена представляет собой два яруса: первый, дальний ярус – статичная широкая площадка, второй, нижний – выдвижной ярус на рельсах, приближающийся почти вплотную к первым рядам зрительного зала.

Минут через десять зал заполнился почти до отказа, и началось сорокаминутное национальное тайское шоу потрясающей зрелищности!

В зале медленно гаснет свет, и под звуки национальной тайской музыки на манеж выбегают ведущий и извивающийся, танцующий «дракон», которого изображают два тайца. За ним дефилируют молодые, красивые, очень пластичные, с лучезарными улыбками тайки в ярких национальных костюмах.

Не менее роскошны и декорации задников сцены. Они очень яркие и красочные! С каждым номером, длящимся пять-семь минут, они меняются, изображая то роскошные золоченые двор-

цы и храмы, то их внутреннее национальное, поистине королевское убранство, то природу.

Постепенно нижний ярус выдвигается тремя полосами, приближаясь к зрителям, образуя единую сцену, и на нем разворачивается представление. Отличная хореография, движения исполнителей настолько пластичны и гармоничны, что только диву даешься. Зачаровывают не только движения танцующих в ярких национальных костюмах, но и живая музыка: всевозможные барабаны, бамбуковые флейты и свирели, струнно-щипковые инструменты. В музыке преобладает восточно-индийский колорит, но в современной обработке. На головах танцующих – золоченые уборы в виде куполов тайских храмов. Длинные веерообразные шелковые платья, разного цвета на каждой танцующей, скрывают босые ноги.

В шоу, почти как и в цирке, нет перерывов между самостоятельными номерами. Хореографические номера выполнены в традициях отдельных сиамских провинций, передают их колорит.

Вот на нижний ярус арены выносятся (опять сравнение с цирком) металлические штанги с канатами, закрепляются в полу арены. Минутное дело – и уже готов манеж для тайского бокса. Два бойца в двух раундах тайского бокса искусно имитируют настоящие бои – со всеми приемами, ударами, увертками, нокдаунами и нокаутами. И это – очень зрелищно и захватывающе. Наш гид Вася сказал, что тайский бокс возник первоначально не как спорт, а как способ оберегать самые уязвимые места боевых слонов – колени. Для этих целей были подготовлены специальные пешие сиамские воины. Потом эти приемы (удары руками и ногами) были перенесены на спортивные состязания.

Тайский бокс сменяется номером барабанщиков. На сцене – девять огромных барабанов. В них колотушками стучат музыканты, создавая живую ритмическую музыку.

После этого выходят несколько человек с пятиметровыми бамбуковыми палками, выстраиваются попарно и начинают, взявшись за концы палок, ритмически постукивать по полу, то сдвигая палки, то раздвигая их, все время убыстряя темп. Выходят еще несколько пар (парни и девушки) и начинают скакать через эти палки – нечто похожее у нас можно увидеть на детских площадках, когда ребятишки прыгают через скакалку.

Этот номер сменяется номером сражения на мечах. От скрещенных в ударах мечей раздаются громкие металлические лязги и разлетаются настоящие снопы искр. Нижний передний ярус сцены медленно задвигается назад. На арену с бетонно-насыпным полом выезжают всадники на слонах. К пешим воинам с мечами присоединяются всадники с пиками, и разыгрывается нешуточное сражение.

Завершается все шоу номером конкурса красавиц. Дефиле красавиц в великолепных нарядах. Королеву красоты с короной и широкой лентой на платье выносят на троне. Все под музыку, восторженные аплодисменты восхищенных зрителей!

Сцена-арена пустеет, в зале загорается яркий свет, кондиционеры-вентиляторы гонят свежий холодный воздух. Представление окончено. Все зрители встают с мест, поторапливаемые служителями зала, и – лавиной на выход. А там уже ожидает всех очередное шоу – шоу слонов.

Шоу слонов

Наши гиды-консультанты умудряются снова занять нам места в самом первом ряду на стадионе, где предстоит посмотреть шоу слонов. Открытый стадион размером едва ли не с футбольное поле. Трибуны зрителей располагаются ярусными рядами под навесами.

В принципе, шоу слонов можно безо всяких скидок отнести к цирковому жанру. Правда, номеров здесь со слонами значительно больше, чем в любой цирковой программе.

Под звуки осовремененного эстрадного исполнения вступления к Сороковой (сольминорной) симфонии Моцарта начинается парад-алле 16 африканских слонов с наездниками-хозяевами по периметру стадиона.

В одной руке каждого наездника полуметровый стек с металлическим острым крюком-наконечником, в другой – узда из никелированной цепи для управления слоном. Сидят все наездники почти на массивных головах слонов, так как шеи у слонов совсем короткие.

Парад-алле сменяется танцами слонов под звуки начала Первого фортепианного концерта с симфоническим оркестром П. И. Чайковского.

Далее идут номера из спортивных состязаний.

Слоновий дартс. С расстояния метров в пятнадцать-двадцать два слона поочередно мечут дротики в мишени из надутых разноцветных шаров. Зажав дротик в хоботе, с размаха бросают его довольно ловко и метко. При попадании шарик лопается, слон получает зрительские аплодисменты.

Футбол. Один слон стоит в воротах, два других поочередно с разбега пинают мяч ногой в ворота. Каждый забитый мяч сопровождается ревом и аплодисментами «болельщиков», а слон, довольный, раскланивается, машет головой и хоботом или делает книксен.

Баскетбол. Зажав хоботом мяч, с разбега кидают его в кольцо. Весьма успешно и результативно.

Боулинг. Опять-таки с размаха, хоботом, метров с двадцати пяти, слоны попеременно кидают катящиеся шары по кеглям, стоящим в ряд.

Слон-мотоциклист, стоя на трехколесной мотоколяске весьма внушительных размером, катается по периметру стадиона.

Эффектно выглядит номер, когда слоны шагают через лежащих на циновках зрителей или хоботом и ногой делают «массаж» лежащему человеку, обычный или даже эротический.

«Гвоздем» слоновьего шоу можно считать номер, где четыре слона рисовали на чистых белых майках-футболках, натянутых на подрамники, масляной краской. Хоботами они брали кисти, макали их в краску и прикладывались точечными мазками к полотнам. В итоге получались то пальма, то цветок, то еще какое-нибудь изображение. Такие слоновьи художества тут же предлагались желающим зрителям приобрести всего 300 батов. Кстати, на выходе со стадиона в одном из павильончиков были развешены такие майки со слоновьими рисунками для продажи по цене 250–350 батов.

Павильоны парка «Нонг Нуч»

Парк представляет собой множество относительно самостоятельных павильонов. Сначала мы попали в зоопарк. Помимо туристов, сюда на экскурсии практически ежедневно привозят несколько автобусов со школьниками в бело-синей форме. Есть чему здесь поучиться и увидеть собственными глазами, а не узнавать со слов учителя.

Зоопарк – это комплекс вольеров и вольерчиков – все с теми же повсеместными пальмами и искусственными нагромождениями камней. Кроме павильонов с живыми экзотическими представителями фауны, здесь довольно много площадок с терракотовыми фигурками в натуральную величину: пингвинов, фламинго, игуан, варанов, панд, зебр, жирафов, коз, овец и прочего.

Огромные змеи в закрытых стеклянных серпентариях самой разной расцветки и размеров лениво и апатично взирают на туристов, причудливо свившись и даже свисая с ветвей деревьев и лиан.

Черепахи, едва ли не с метровым панцирем, дают погладить себя всякому желающему. Тут же и черепашки поменьше, и даже совсем небольших размеров.

Вверху на пальме, на небольшой искусственной площадочке устроилась маленькая обезьянка, на цепочке и с грустными глазами.

Довольно разнообразен в парке птичий двор. Встречаются даже миниатюрные (японские) курочки с пестрыми петушками. Разноцветные яркие попугаи ара с толстыми клювами и длинными хвостами издают крики, имитируя человеческую речь. Розовые фламинго и ширококлювые пеликаны подпускают к себе людей на вытянутую руку. Кургузые киви, с длинными загнутыми клювами, церемонно вышагивают на тонких длинных ножках. У небольшого ручейка с озерцом сидят и плещутся в нем пекинские белоснежные уточки.

В ухоженных вольерах, куда можно войти посетителям, много разнообразных копытных животных. С десяток овечек тянутся своими доверчивыми мордашками к людям, разрешая погладить себя. Козочки и маленькие грациозные косульки с рожками покорно жмутся к ограждениям. Пони и ослики соседствуют вольерами с рыжими лошадьми, полосатыми зебрами, дымчатыми мулами, рогатыми буйволами...

Сад-павильон бабочек обнесен мелкой сеткой. В нем на кустах и растениях – тысячи бабочек, как в огромном калейдоскопе, самых причудливых расцветок и узоров.

Вся территория ботанического сада изрезана ухоженными узкими дорожками и тропинками, галереями, открытыми и под стеклом, переходами, мостиками, лестницами. Заблудиться здесь – пара пустяков.

Ботанический сад, как и зоопарк, сгруппирован по видам растений. Повторюсь, пальмы здесь повсюду. Некоторые из них покорно донорствуют растениям-паразитам, в том числе и орхидеям. Встречаются такие пальмы-гиганты, что ствол их в несколько обхватов, а по срезанным нижним ветвям, как по приступкам или лестничным полкам туристы взбираются на три-пять метров вверх и фотографируются на них. Листья отдельных пальм напоминают огромные, метра в полтора, зеленые плиссированные веера. Вперемежку с пальмами встречаются и бамбуковые растения.

Сад кактусов – сотни видов этих колючих зеленых сочных растений! Есть и продолговатые, и круглые в метр диаметром. И совсем малюсенькие, будто ежики мангустина. Некоторые из них цветут, выбрасывая из пазух и макушек свои нежные причудливые цветы.

По лестницам и галереям поднимаемся вверх. С семиметровой высоты галереи хорошо видно, как вдоль парка проходит довольно широкая асфальтированная дорога. По ней проезжают редкие служебные автомашины и вальяжно шествуют слоны, катая на себе туристов.

Отсюда видно, как островерхие зеленые сопки обрамляют территорию парка. Проходим на самую верхотуру галереи, откуда открывается замечательная панорама. Почти на самой верхней обзорной площадке, чуть в сторонке, – четырехскатная крыша-звонница. На ней подвешен колокол, по которому можно всякому желающему ударить деревянной твердой бумерангоподобной колотушкой, загадав желание. Чистый звон, как православный благовест, разносится по долине.

А в долине – истинное чудо света! Так называемый Французский сад. Дух захватывает от его красоты и великолепия! По самому низу – идеально ровная площадка размером в три футбольных поля. Вся она покрыта аккуратно подстриженной ярко-зеленой газонной травой. Три ряда плотнорастущих, абсолютно розового цвета кустарников «расчерчивают» эту огромную клумбу на геометрические фигуры-узоры. По полю вразброс, но симметрично высятся темно-зеленые трех-пятиметровые четырехгранные пирамиды-кустарники. Ярусом выше – шарообразные деревья.

Это поле-клумбу, как огромный стадион, опоясывают пять рядов-ярусов, на которых выстроились самые настоящие беломраморные уникальные буддистские мини-храмы, с сотню, не меньше. Все они не повторяют друг друга ни своей архитектурой, ни скульптурными группами – из Будды, драконов, змей, слонов, ни орнаментами и украшениями. В основании каждого храмика – площадка метров пять на пять. Каждый из них с острыми шпилями-иглами и высотой от трех до пяти метров.

И повсюду на всей многогектарной территории парка поражают образцовая чистота и порядок!

Мы посещаем уже упомянутый автосалон – личную коллекцию современных автомобилей директора этого заведения.

Вход в оранжерею орхидей предваряет Сад горшков. Это тоже уникальное творение рук человеческих – гончаров-ремесленников, художников-дизайнеров и строителей-декораторов. Из сотен тысяч керамических светло-коричневых цветочных горшочков диаметром сантиметров в пятнадцать здесь выстроены целые архитектурно-скульптурные группы, начиная от «триумфальной» арки-ворот и до весельно-парусной лодки-шлюпки.

В стеклянной оранжерее собраны сотни видов благоухающих цветущих орхидей! Помимо орхидей, здесь немало цветущих кактусов, тоже в горшочках, каких-то незнакомых мне цветов. В небольших водоемчиках – розовато-фиолетовые лотосы, а в мутноватых прудах и прудиках безбоязненно плавают рыбы, которых даже разрешают покормить специальным кормом....

За всю нашу многочасовую экскурсию по парку «Нонг Нуч» мы не встретили ни одного рабочего, садовника или уборщика. Говорят, что уходом за животными и наведением порядка занимаются здесь в то время, когда парк закрыт для посетителей, то есть в вечерние и ночные часы...

23 января. **День седьмой. Итальянский ресторан. Волкин-стрит**

Вчера вечером, уже потемну, ходили к морю вдвоем с дочерью Настей. Побродили босиком по мокрому отливному песку. Видели двух рыбаков, что прямо у пляжных боковых буйков, забредя по пояс в воду, втихаря в темноте ловили спиннингами.

Вечернее побережье моря – особенное. В нем есть что-то тревожно-завораживающее. Множество прибрежных огней отражаются в черноте моря. Вздымаются в мглистую высоту огни небоскребов и башен. Решили дойти побережьем до башни. На отливном песке встретили несколько морских звезд и выброшенных снулых рыбешек, пособирали мелкие зеленые створки раковинок.

День провели на пляже и в бассейне – беззаботно, в неге и истомной лени. Сегодня освоили иное пляжное место – огражденное буйками. Дальние буйки – метров за сто от берега. Несколько раз с Настей плавали до них и обратно. Она плавает уже лучше меня. Изрядно поджарились, особенно Настя.

Все чаще появляется мысль, что все это благолепие может закончиться так же внезапно, как

и началось. Что через какие-то три дня уже придется возвращаться к себе на Родину – в морозы и снежные метели. Признаюсь честно: соскучиться по сибирской зиме не успели.

Сегодняшний вечер принес мне сплошное разочарование и скверное настроение. А причиной тому – поход в ресторан.

Турфирма «Времена года», помимо путевки, подарила нам еще и несколько бонусов. Один из них – бесплатное (точнее, за счет фирмы «Oasis world») посещение ресторана. Правда, оговорена сумма – полторы тысячи батов. А там – доплачивай сам, если не уложился.

Принарядились все, сменив шорты, майки и шлепанцы на вечерние наряды. Около семи часов вечера Вика подъехала к отелю на микроавтобусе, и, прихватив еще одну семью со своим консультантом, двинулись в центр.

Не избалованы мы, нынешние россияне-пенсионеры, ресторанами, не то что наша младшая дочь Настя! Лично мне как-то все меньше и меньше стала нравиться колготня больших компаний. Люблю посидеть с приятелями или родней узким кругом, кулуарно – где-нибудь дома, на даче или у рыбацкого костра на бережку. А в ресторане чувствую себя скованно и даже как-то виновато, будто на поминках. К тому же у меня с детства ослабленный слух, шумовые помехи совершенно лишают меня возможности вести беседу даже с визави.

Итальянский ресторан, куда привезла нас Вика, находится практически в центре, на берегу моря, на Пляжной (Beach Read) улице, перерастающей в Волкин-стрит. Это довольно просторное двухэтажное помещение. Вчетвером мы заняли свободный столик на втором этаже ресторана. Официант принес нам меню, которое долго изучали мои дамы. Я решил полностью довериться их вкусу, тем более что ни шиша не разбираюсь в тонкостях итальянской кухни.

Заказ наш выглядел более чем скромно: по фирменному блюду пасты (лапши-спагетти) и пицца на всех. Из напитков Настя с Викой заказали фирменное тайское пиво, Людмила – красное вино, мне – светлый ром.

Принесли напитки, один вид которых уже поверг меня в замешательство. Моего рома оказалось в стопке граммов тридцать, что называется губы помочить. Правда, к нему подали еще и стакан колы с колотым льдом. Насте и Вике принесли мутновато-оранжевое пиво в расширяющихся к верху тонкостенных полулитровых бокалах. Хоть и не в правилах ресторанного этикета, но сделал на пробу глоток этого пива из Настиного бокала. Это пойло с большой натяжкой можно было назвать пивом. Чем-то напомнило оно мне вкус маринадной водички из баночки кукурузы «Бондюэль».

Еще больше разочаровало принесенное блюдо. По широкой тарелке довольно жалкой кучкой, похожей на извивающихся белых длинных червей, расползлась лапша, присыпанная сверху какими-то коричневатыми ошметками. У нас даже в общественных столовых такое можно увидеть лишь как гарнир ко второму блюду из мяса или рыбы. При пережевывании не ощущалось никакого вкуса. А присыпанные сверху крошки напоминали мелко нарезанные (или даже тертые) шкурки от сырокопченой колбасы. Да-а-с...

Шум за соседними столиками и обрывки какой-то музыкоподобной какофонии, доносящиеся с нижнего этажа, совершенно лишали меня слуха. Я был не в состоянии разобрать слов сидящей рядом со мною Людмилы.

Принесенная нам пицца выглядела внешне довольно эффектно: на огромном деревянном блюде в полметра диаметром лежал плоский блин, художественно украшенный тонким слоем из нарезки свежих красных помидоров, бордовых колбасных кружочков, зеленоватых оливок, черных бусин маслин, бесформенных серых кусочков консервированного тунца, полосок красного перца и чего-то еще. Весь этот художественный пищевой конгломерат напоминал мне сваленные в одну тарелку остатки салатов от вчерашней сытной вечеринки – как полупрокисшая закуска к опохмельной рюмке.

Разрезать этот круг пиццы принесенными столовыми ножами на порции было весьма проблематично – из-за тупости ножей и окаменелой черствости блинной основы. Рецепторы моего рта с трудом улавливали вкус начинки, а зубы того и гляди грозились попасть на прием к дорогому местному стоматологу...

Мое настроение упало еще ниже, когда нам принесли счет, по которому, помимо лимитированных полутора тысяч батов, нужно было доплатить еще пятисотенную. Официант сдачу в сто батов не вернул, посчитав, видимо, за чаевые. И за что, спрашивается?!

Абсолютно трезвым и голодным, в скверном расположении духа часа через полтора я покидал фирменный итальянский ресторан, выказывая свое недовольство моим спутницам.

Потом мы попали на Волкин-стрит. И пешими двинулись по ней, параллельно берегу моря. Все участки прибрежного моря расцвечивались огнями от стоящих на приколах и якорях разномастных судов и плавучих ресторанов.

Волкин-стрит – это центр ночной жизни Паттайи. Вся жизнь здесь начинается с наступлением темноты. Толпы народа разного возраста и национальностей, казалось, хаотично бродят по этой улице. По обеим сторонам Волкин-стрит – сплошные ресторанчики, бары, открытые кафешки, бильярдные, лотки и стойки со столиками и спиртными напитками... И повсюду – рекламные зазывалы! Моложавые тайцы объявлениями в поднятых вверх руках предлагают посетить их заведения и отведать блюда по указанным ценам. Молоденькие, стройные и красивые тайки (а может, и трансвеститы) в фирменных легких одежках предлагают «гоу-гоу» – заглянуть к ним в стриптиз-бары с дальнейшим продолжением утех и сладострастия. Вот народ столпился возле чего-то. Оказалось, почти немыслимое. Дама-аборигенка средних лет сидела на табуретке посреди улицы – вся облепленная сотней ползающих по ней черных скорпионов! Метров через сто – еще одна, такая же. Наперебой – десятки желающих сфотографироваться рядом с нею.

Раздались какие-то громкие звуки национальной музыки. И под них из ближнего ресторанчика или бара извиваясь стал пробиваться сквозь толпу людей огромный, метров пятьдесят длиной, красный дракон на десятке пар человеческих ног – символ наступающего по восточному календарю Года Дракона! Вверх с грохотом стали взмывать разноцветные огни петард и фейерверков.

По мере продвижения по Волкин-стрит нарастали скученность и хаотичность не только движения, но и безумства всей толпы, превращающейся в единый организм. То из одного, то из другого полуоткрытого ресторана доносились звуки немыслимых децибелов рок и рэп-музыки с ревущими в микрофоны музыкантами и беснующимися на танцполах посетителями, разогретыми спиртным и массовым психозом.

Боже, куда я попал?! Сплошной дурдом! Не за это ли Ты, Господи, так жестоко и назидательно покарал библейские Содом и Гоморру?! И конец света, предрекаемый уже в декабре этого года, показался мне не таким уж мифическим и нереальным...

Свернули налево, попали на улочку Арабского квартала, где уже было не так многолюдно, но и там в барах и ресторанчиках повсюду тоже сидели люди. Вульгарно развалившись на мягких креслах и диванах, млела сильная половина, куря благовонные кальяны, а вокруг них, исполняя танцы живота, вились наложницы и одалиски...

Доехав на тук-туке до отеля, я оставил жену и дочь у входа, а сам метнулся за угол, в «7-Eleven», взял за 95 батов бутылочку рома – снять стресс, полученный на Волкин-стрит, и добрать у себя в номере то, чего не получил в ресторане...

25 января. **День девятый. Остров Ко Лан**

Проснулся рано от того, что увидел во сне погибшего почти восемь лет назад своего друга-корейца Юру Ли. И вспомнил: сегодня же у него день рождения! От этой мысли стало немного тревожно. Надо же! Таким вот образом напомнил друг о себе. Надо бы непременно помянуть его – со спиртным и рисом. Кстати, что-то со спиртным было связано и в сновидении... Ну а рис – это их, корейцев, национальная еда, в том числе и поминальная.

На завтрак Людмила отварила рис – к свежим креветкам и печеной ставридке, что я взял на рынке. Распечатали бутылочку рома «Hong Thong». Помянули Юру. Да, почти восемь лет прошло уже, как он нелепо погиб в автокатастрофе, а до сих пор мне его не хватает. Светлая память о нем...

После обеда мы с Настей решили отправиться самоходом на остров Ко Лан, расспросив коечто у русских и рассмотрев карту.

От Фудмарта (нашей точки отсчета и ориентира) поехали с ней на тук-туке до гостиницы Сиам Бэйшор. Выйти пришлось немного раньше. Взяв направление к морю, точнее к пирсу Бали Хай, двинулись по узенькой улочке, которая метров через четыреста завела нас в тупик. Пришлось вернуться. Немного поплутав, попали на знакомую уже улочку Арабского квартала, а через нее – на окончание Волкин-стрит. А там – рукой подать и до пирса.

Успели на паром, отбывающий с пирса на остров Ко Лан в 15:20. Остров Ко Лан расположен на западе, в десяти километрах от береговой Паттайи. Он – холмист, с джунглевой растительностью и живностью. Длиной до пяти километров и в ширину – более километра. Рядом с ним еще островок, метров на триста, покры-

тый растительностью с одной стороны, и скальный – с юго-западного берега.

Пирс Бали Хай расположен в довольно просторной бухте, вдается своими причалами метров на 350 вглубь залива Паттайя. Посмотрев по схеме, откуда отчаливает паром на нужный нам остров, едва ли не бегом поспешили к нужному месту. У причальных площадок много катерков с зазывалами, которые на русском языке предлагали всего за 20 минут и за 300 батов доставить нас на остров. Мы отказались.

Добрались до причала, где пара двухпалубных судов лениво покачивалась на небольшой волне. По надписям (на английском) мы догадались, что оба они курсируют до острова и обратно. Один из этих паромов-катеров довольно быстро заполнялся пассажирами. Убедившись, что мы не ошибаемся, взяли билеты по 30 батов и через носовой трап поднялись на верхнюю палубу судна. Устроились на боковых сиденьях по правому борту, почти рядом с рубкой кормчего.

Паром-катер вмещал на двух палубах пассажиров триста. На креслах-сиденьях и сверху – на каждого пассажира – разноцветные спасательные жилеты, которые, впрочем, надевать никто не предлагал. К причалам пирса то и дело приставали и отчаливали похожие на наше судна с туристами. По бухте носились водные мотоциклы и катера, лавируя между судами и стоящими на якорях плавучими ресторанами, которые своими рекламами зазывали клиентов.

Вода в бухте, у пирса, значительно чище, чем на пляжах Джомтьена. Море спокойно, почти штиль. В назначенное время отошли от причала.

По мере углубления в море и удаления от пирса все живописнее и шире проступала панорама Паттайи, всех ее побережных районов. По башне-шпилю с наклонными подъемными канатами и кабинками-фуникулерами на них легко угадывался наш район Джомтьен. Еще южнее высились два жилых и два строящихся небоскреба Ambassador-city (обтянутые зеленой строительной сеткой). За жилыми районами громадились зеленые сопки, опоясывающие город и уходящие своими мысами в заливы. А от них, морем, удаляясь, убегали темнеющие горные острова.

Паром шел ровно, качки почти не было. Встречный ветерок ласкал нас, оберегая от зноя. Мы с Настей попеременно фотографировались – то на фоне моря, то удаляющегося города, то приближающихся островов. Здорово! Как давно не приходилось мне бывать в открытом море.

Минуем совсем небольшой островок, прибрежными скалами похожий на тот, где снимал свой фильм «Десять негритят» Станислав Говорухин.

Как и указывалось в расписании, минут через 45 мы причаливаем к пирсу острова Ко Лан – самого крупного вблизи Паттайи.

Повсюду в бухточке на якорях колышутся рыбацкие моторные шхуны и даже весельные шлюпки, ощетинившиеся спиннинговыми удилищами. Прямо по пирсу шныряют мотоциклисты, наперебой предлагая туристам за 30–50 батов свои услуги по доставке на выбранный пляж. Согласно рекламным проспектам, на Ко Лане есть пять организованных пляжей со всеми удобствами и даже пляжными кафе и ресторанчиками.

Еще на подходе к пирсу, по правому борту, с северной оконечности острова я заприметил желтоватую полоску берега и фигурки купальщиков. Предложил Насте пройтись до того места пешочком, немного ознакомиться с островом и искупаться на виденном пляже. До отхода последнего парома назад в город у нас было два с половиной часа.

Сразу от пирса нас встретили оживленные узкие и извилистые улочки с одно-двухэтажными строениями. Как и в Паттайе, первые этажи и пристройки к ним занимались всевозможными бутиками, павильончиками, закусочными и питейными заведениями – с улыбчивыми и приветливыми лицами их хозяев. Специфические запахи тайской кухни перемешивались с ароматами плюмерии, орхидей и других кустарников и цветов. Порой их перешибало амбре гниющих бытовых отходов.

Добротные дома коттеджного типа с ухоженными огороженными двориками и белокаменными буддистскими храмиками в них перемежаются и здесь убогими домишками и хижинами. Обочины улочек, пустыри и подступающие вплотную джунглевые заросли, как и в городе, невероятно замусорены и портят впечатление.

Песчаная тропинка со следами от мотоциклов вскоре вывела нас к огражденным металлической сеткой домикам. Здесь между двумя десятками безлюдных аккуратных одноэтажных домиков с верандочками по газонам проложены бетонно-асфальтовые дорожки. Одинокий таец-садовник поливал траву из шлангов, перемещаясь к кустам плюмерии и невысоким пальмам. Мы явно попали на территорию какой-то небольшой туристической базы.

Минут через тридцать оказались в уютной бухточке, на территории пляжа длиной всего метров в двести. К этому времени пляж уже почти полностью обезлюдел. Опустели и торговые ряды – длинные деревянные столики и лавочки под примитивными самодельными пальмовыми навесами. Лишь две пары купающихся да мы с Настей оказались сейчас на этом пляжике. А вода здесь – чистая-чистая и совершенно прозрачная! Не настолько, как в городе, захламлен и пляжный песок. Поплавали, пофотографировались, подышали чистым морским воздухом. Настя предупредила меня, чтобы я был поосторожнее: в глубине, на дне, она через очки разглядела множество темных шариков морских ежей, уколы которых очень болезненны и даже опасны. А я их нигде даже и не заприметил.

Минут пятьдесят на пляже, и мы, немного обсохнув, уже идем обратно к пирсу, но не вдоль моря, а асфальтовой дорогой с пешеходной обочиной. По дороге навстречу нам попадались редкие мотоциклисты, парочка тук-туков и пешие аборигены, возвращающиеся с покупками. То там, то тут нам встречались небольшие разработанные и огороженные участки земли, засаженные топинамбурами, ананасами и какими-то незнакомыми огородными растениями и овощами.

Последний паром с острова заполнился быстро и до отказа. Мы опять устраиваемся на боковой лавочке-банке, смотрим на море и удаляющийся остров Ко Лан. К вершинам его сопок стремительно падает раскаленное солнце. К пирсу Бали Хай подходим, когда спускаются сумерки и зажигаются первые огни города. Справа, на склоне сопки, огромными латинскими буквами высвечивается розовыми огнями надпись: «PATTAYA», а чуть правее – буквами поменьше, курсивом «city». А выше над ними и верхушками сопок улегся на спину тонюсенький серпик желтоватого молодого месяца.

В отель вернулись на тук-туке, когда в городе совсем стемнело, – довольные и в хорошем настроении. А обошлась нам такая поездка со всеми транспортными расходами всего в 160 батов на двоих. Экскурсионная же, организованная на остров, стоит 500 батов на каждого...

26 января. **День десятый. Храмовый комплекс «Вихарнра Сиен». Скала Большого Будды**

По пути наш гид Николай сказал, что мы едем не с обзором по городу, а в Королевский храмовый комплекс, священное место. Предупредил, чтобы мы там вели себя поскромнее.

Территория Королевского храмового комплекса «Яннасангварарам» располагается невдалеке от парка «Нонг Нуч». Это святое для всех аборигенов-буддистов место. По преданию, тут находится отпечаток стопы самого Будды. Для иностранных туристов Королевский храмовый комплекс с замечательными действующими храмами, высокими островерхими пагодами, зарыбленными водоемами и цветущими в них лотосами закрыт.

Зато доступен китайский храм «Вихарнра Сиен», расположенный на территории этого комплекса.

«Вихарнра Сиен» – храм-музей. Это тоже целый самостоятельный оригинальный комплекс сооружений с замечательными и уникальными собраниями и коллекциями экспонатов.

По одной из легенд, некоему богатому военному-китайцу, жившему в Таиланде, приснился сон, будто бы на него рассердился сам Будда и грозился отвернуться от него. Чтобы этого не случилось, китаец решил вложить все свое состояние в строительство китайского буддистского храма и подарить его нынешнему королю Таиланда Раме Девятому.

Такой храм было разрешено построить на территории Святого места. Началось воздвижение. Однако на строительство у китайца денег не хватило. Тогда недостающие средства ему выделил сам король, который приезжал лично на открытие храма. После возведения потребовалось еще несколько лет на то, чтобы собрать здесь различные экспонаты, заполнив ими огромные и просторные внутренние помещения, веранды и прилегающую территорию.

Территория «Вихарнра Сиен» ограждена и охраняется полицией и военными. Здесь и в самом деле собраны уникальные экспонаты. Но сам храм – оригинальное архитектурное сооружение, выполненное в стиле китайских традиций.

Внешне «Вихарнра Сиен» представляет собой кубообразное многоуровневое каменное сооружение с плоской крышей и загнутыми кверху краями, карнизами, украшенными различными яркими орнаментами, золочеными драконами, божествами и прочим.

Позолота вообще характерна для изображения Будды и храмовых сооружений. Тем контрастнее выделяются на ее фоне абсолютно черные скульптурные бронзовые фигуры все-

возможных правителей, военачальников, служителей культа, которые расставлены здесь повсеместно, как по отдельности, так и группами, на террасах, ярусах храма внутри него и даже во дворе.

Узорчатые решетки створок входных ворот в храм украшают черно-белые метровые круги, разделенные каплеобразно – китайско-буддистские символы мужского и женского начала – инь и янь.

Сразу за воротами, во дворе храма, стоят скульптурные изображения львов-сигхов, драконов; на возвышениях-пьедесталах – черные фигуры китайских правителей и воинов в национальных костюмах, прическах, головных уборах, с холодным оружием в руках.

Широкая мраморная лестница ведет на террасу. И тут полно всяких черных скульптур, среди которых выделяется сидящий в кресле на просторном пьедестале упитанный китаец – основатель и строитель этого храма. «Толстопузость», видимо, возводилась китайцами в некоторое достоинство – потому-то большинство скульптурных фигур правителей и монахов гипертрофированно полнотелы и полнолицы. Чего не скажешь о простых воинах: через худобу и мимику в них подчеркивается удаль, ловкость, жертвенность и преданность. Мимика в китайско-буддистских изваяниях потрясающе выразительна! Кажется, через нее можно передать все: не только сиюминутное состояние, но и характер, натуру конкретного человека.

История Китая в правителях и династиях – опять-таки через скульптурные изображения: их внешний вид, одежду, головные уборы.

Многочисленные залы и зальчики храмово-музейного комплекса можно условно сгруппировать по некоторым основным направлениям: история Китая и его правители; история, культура и этнография Таиланда и его правители; история буддизма и три его основных направления; король Пхумипон Адульядет Рама Девятый, его жена и дети.

Итак, история Китая. Представлена она скульптурами целого ряда правителей, воинов, монахов, а также уникальными археологическими находками, картинами, поделками. В одном из залов находится восемь терракотовых оригинальных скульптур из знаменитого терракотового войска в пятьдесят тысяч воинов. Помимо этих скульптур (каждая – в отдельном стеклянном саркофаге) – макет самого захоронения этого войска. Разумеется, представлена и Великая Китайская стена – в макетах и фотографиях. Воины в музее – вообще особая категория экспозиций. В одном из залов находится черная бронзовая конная статуя Чингисхана.

Будда и буддизм занимают основное место в храме. Помимо золоченых статуй Будды – сидящих, стоящих, лежащих, панорамные панно на всю стену, представляющие историю трех основных направлений буддизма: индуизма, брахманизма и даосизма.

Забыл упомянуть, что вся экскурсия по внутреннему храму совершается без обуви – в носках, а чаще босыми посетителями. Идеальная чистота на всей территории храма и внутри него просто поражает!

История Таиланда дана в настенных панно, в том числе и рельефных, портретах правителей, сценах из жизни тайцев, большим собранием артефактов – в виде терракотовых фигурок, костей животных, украшений, поделок из цельного тикового дерева, атрибутов королевской власти, убранства дворцов и храмов...

Поскольку последний король, Рама Девятый, внес весомый вклад в строительство и оснащение этого храма, ему и его семейству здесь отведено значительное место в экспозициях. Неисчислимое количество его скульптурных и портретных изображений в гражданском одеянии и форме военного. Много панорамных живописных полотен маслом, где король предстает в самых различных ипостасях и со своим семейством. Он не только отец четырех детей, но и почитаемый здесь, пользующийся огромным авторитетом (не менее, чем Рама Пятый) Отец нации!

Экскурсоводы и консультанты сразу же предупреждают туристов, чтобы они лишний раз не упоминали имя короля, тем более в негативном контексте. За это можно попасть в полицию и нажить себе немало неприятностей. Видимо, это проявление культа.

На открытой террасе второго уровня храма в боевых позах национального у-шу застыли два десятка черных скульптур бойцов-монахов монастыря Шао-Линь.

Отсюда же с террасы, с западной стороны, хорошо видна скала с изображением Большого Золотого Будды. Со стороны востока – высятся над зеленью пальм остроконечные пагоды храмов королевского комплекса. А вообще в храме-музее «Вихарнра Сиен», к радости туристов, разрешается снимать на фото- и видеоаппаратуру все, что здесь экспонируется. Что мы и делаем.

Покидая музей, помимо состояния неописуемого восторга, возникает чувство сожаления и ничтожности: как же мало мы знаем о Востоке, его культуре, истории, религии. И как бы хотелось вернуться сюда еще и еще раз – внимательнее рассмотреть каждый экспонат, постоять около него подольше, поизучать, узнать подробнее, пропитаться духом времени и национальной культуры этой замечательной страны и ее народа....

...Десять минут езды по асфальтовой дороге, вдоль которой на небольших полях вызревают повсеместные топинамбуры и ананасы, и мы подъезжаем к еще одной святыне и достопримечательности Паттайи, расположенной в двадцати километрах от города, – скале Кхао Чи Чан (скале Золотого Будды).

По словам гида Николая, сын короля Рамы Девятого задумал сделать отцу подарок к пятидесятилетию его правления Таиландом (1996 год). И решился на двухсотметровой скале, сняв с нее лишние камни и выровняв, изобразить золотыми пластинами Будду, сидящего в позе лотоса. Порядка 150 килограммов чистого золота ушло на этот шедевр! Тонкие золотые пластины изрядной ширины на фоне серовато-темной каменной глыбы! Ниже изображения Будды – золотая вязь тайской письменности, а чуть в стороне – стела, на которой указывается, по какому случаю и когда было выполнено сие изображение.

У подножия скалы разбито несколько огороженных сеткой прудиков, в которых цветут белоснежные крупные лотосы – символ буддизма.

Ухоженные скверики с подстриженными газонами и формованными кустарниками, дорожки из плитняка и асфальта, очищенные обнаженные переплетенные корни шагающих деревьев, площадки, уютные беседочки и скамейки представляют собой релаксационный парк, где многочисленные паломники и туристы могут совершить свои культовые обряды или расслабиться.

Передохнув и пообедав в отеле, искупавшись в бассейне, идем с Людмилой на рынок закупать фрукты, сувениры и кое-что еще – уже домой.

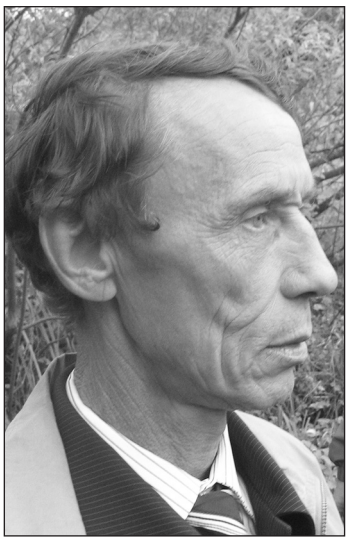
Вечером пригласили к себе в номер Вику – на прощальный семейный ужин.

Ну, вот и закончилась наша сказка, наше январское лето. Грустно, конечно. Так быстро пролетело оно. И столько оставило впечатлений!

Столько повидали! А сколько еще осталось вне нас. Не говорю уже про Бангкок – в той же Паттайе. Взять хотя бы такие ее достопримечательности, как Храм Истины, Мини-Сиам (где в уменьшенной форме собраны копии архитектурных шедевров мира, в том числе и Пизанская башня, собор Василия Блаженного, Эйфелева башня...), океанариум и крокодилова ферма, обзорная площадка, шоу трансвеститов и многоемногое другое.

Очень жаль. Хотя, говорят: чтобы почувствовать вкус супа, вовсе не обязательно съедать полную тарелку. Что ж, вкус Таиланда мы почувствовали... Но очень хотелось бы хотя бы однажды ощутить этот вкус еще разок.

17 января – 17 февраля 2012 г. Паттайя – Кемерово



Виктор КОВРИЖНЫХ

ПОДНЯЛОСЬ МОЕ СЕРДЦЕ В НЕБЕСНУЮ СИНЬ

ПО ГРИБЫ, ПО ЯГОДЫ...

Ветер забиякою
треплет нам чубы.
Мы идем по ягоды,
ягоды-грибы!

Дедушка с корзиною,
с фляжкой для питья,
Братик Коля с баночкой,
со стаканом я.

Но зато на курточке
есть большой карман!
И туда насыпалось
ягоды стакан.

– Вон грибная рощица,
стройная на вид.
Там лисички прячутся, –
деда говорит.

Это просто здорово!
Если не обман.
Я лисичку хитрую
посажу в карман!

Но иду и думаю:
«Нет, в карман – ни-ни.
Ведь лисичка скушает
ягодки мои...».

КАРТИНКА ИЮЛЯ ДЛЯ ЮЛИ

«Я работаю пером»:
я рисую Юльке дом.
Дом с крылечком и трубой,
небо – зонтик голубой.
Нарисую мост над речкой,
лес, собачку и овечку,
в небе ласточек полет,
а потом дорогу в гору,
по которой Юлька в школу
за пятерками пойдет.

ДЕТСКИЙ РАЗГОВОР О ЛУНАТИКАХ

– А лунатики с Незнайкой
на Луне живут всегда!
И на синих парашютах
к нам спускаются сюда!

КОВРИЖНЫХ Виктор Анатольевич *родился в 1952 году в поселке Старобачаты Беловского района. Служил в армии. Работал на разрезе, электросварщиком, машинистом железнодорожного крана, составителем поездов. Сейчас начальник караула в пожарно-спасательной части. Публиковался в журналах «Смена», «Наш современник», «Рабоче-крестьянский корреспондент» (Москва), «Бег» (Санкт-Петербург), «Литературный свят» (Болгария), «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Барнаул», «Начало века» (Томск), «Бийский вестник» (Бийск), «Огни Кузбасса».*

Альманахи «Поэзия» и «Истоки» (Москва). Автор поэтических сборников «Я, наверно, родился не зря...», «Непонятно куда мы спешим...», «Зеленая дудка», «По токовинской дороге» и «Избранное время». Член Союза писателей России. Живет в селе Старобачаты, Беловского района.

– Ну а как они отсюда
поднимаются назад?
Мож, им лестницу спускают
иль какой-нибудь канат?..

– Ух, какой ты недотепа!
Вечно думаешь не так –
улетают на РА-КЕ-ТЕ
с остановки «Лунопарк»!

ДЕТСКИЙ РАЗГОВОР О КАПЕЛИ

– Улетели в даль метели,
и сосульки там и тут,
словно кАпельниц капели
во хрустальные купели
слезки радостные льют.

– А мне нравится – капЕльница!
В небе солнышко, как мельница,
у сосулек мелет лед,
и капЕльки выдает! Вот.

– А я вижу тут такое:
солнце так коровку доит.
– Тут сосульки. Скажешь тоже...
На коровку не похоже.

– Подними глаза повыше
и поймешь наверняка,
что корова – это крыша
и антенною рога!

АБРАКАДАБЕРКА

По дороге проходил
пучеглазый крокодил.
Пасть разинул что есть сил
и ворону проглотил.
И пошел на речку Нил.
Не рычит и не острит,
и всем встречным говорит:
– Не Тотоша, не Кокоша,
Кроко-Кар я! И – хороший.
А ворона, что есть мочи
закричит: – Да врет он очень!
Это я иду до Нила
и зовусь я Кар-Кар-Дила!

НА СКЛОНЕ ЗЕМЛЯНИЧНОМ

Мы сидим с Саньком на склоне,
где березовый лесок.
И поет в зеленом звоне
земляники голосок.

В зеленях свистят о всяком,
кто в дуду, а кто в свирель.
Будто сверлят железяку
дрелью с жужелицей шмель.

Бубенцы с колокольцами
в незабудках, васильках.
Стрекоза звенит над нами,
стрелки синие в крылах.

Звонко ласточка запела
и отправилась в зенит.
Земляника то и дело
нас зовет к себе, дразнИт.

(Знаю, это безобразно –
говорить так. Надо – «дрАзнит».
Но «дразнИт» звучит с задором,
если все вокруг звенит.
Это Санька Колмогоров
так все время говорит).

Мы спешим домой к обеду
по тропинке полевой.
Звон летит за нами следом
и кузнечиковый зной.

ДРАЗНИЛКА

На крыльце поет Гаврило,
у него хмельное рыло.
Рядом с ним Михеич воет,
тоже рылице кривое.

Самогонный дух витает,
муха пьяная летает.
И забор их деревянный
покосился, будто пьяный.

МОЙ ГОРОД НОВОГОДНИЙ

Я люблю первоклашку Петрову,
карусель, Новый год, конфетти.
А еще – городок наш, Белово –
в мире лучше его не найти!

В парке елка огнями искрится,
где мороженое продают.
Детвора там вовсю веселится,
позабыв про домашний уют.

Городок наш снежком припорошен,
птицы песни поют во всю прыть.
Вот какой у нас город хороший,
даже птичкам в нем нравится жить!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Поднялось мое сердце в небесную синь
и смотрело оттуда на лес и полынь.
На дорогу вдоль речки, на домик с крыльцом,
где стояла она с ненаглядным лицом.
Вся в лазоревом свете небесных высот,
будто родом из тайны, где счастье живет.

ПОСЛЕ ДОЖДИКА

Дождь прошел над нашей школой,
вспыхнул радугой веселой.
И повисла над рекой
раскрасавицей дугой!

Песня птичкина под нею
колокольчиком звенит!
Жаль, летать я не умею,
чтобы с ней лететь в зенит.

Марина ТАРАНЕНКО

Я СТАНОВЛЮСЬ МАЛЮСЕНЬКОЙ

Я СТАНОВЛЮСЬ МАЛЮСЕНЬКОЙ

Я становлюсь малюсенькой,
Как семечко, как бусинка,
Как носик у карандаша…
Не шевелясь и не дыша,
Сижу заметная едва,
Как в марте первая трава.
И жизнь моя
На волоске,
И слышу я:
«Идет к доске…
К доске идет…
Петрова!»
И я кричать готова:
«Ура! Ура! Не я иду!»
Теперь я дух переведу,
И со спокойною душой
Я снова сделаюсь большой!

ПРОПАЖА

Во дворце у нас беда,
Во дворце пропажа,
Целый день туда-сюда
Ходит-бродит стража:

– Потерялся?
– Нет! Сбежал!
– Правда? Это же скандал!
– От каких таких обид
Нас покинул Аппетит?

ТАРАНЕНКО Марина Викторовна *родилась в Краснодаре в 1978 году.*

В 2000 году окончила Кубанский государственный университет, факультет истории, социологии и международных отношений. Работает в Государственном архиве Краснодарского края.

С 2010 года – член Международного творческого объединения детских авторов и Товарищества детских и юношеских писателей России.

В 2011 году стала серебряным лауреатом конкурса «Национальная литературная премия «Золотое перо Руси» в номинации стихи для детей, в 2012 году – лауреатом Международного конкурса детских поэтов «От 7 до 12», в 2014 году награждена дипломом лауреата I степени IV Всероссийского фестиваля-конкурса «Хрустальный родник», стала победительницей конкурса «Новые сказки-2014» и золотым лауреатом конкурса «Национальная литературная премия «Золотое перо Руси».

В 2014 году вступила в Союз писателей России.

В 2014 году участвовала в семинаре молодых писателей, пишущих для детей, и форуме молодых писателей, по результатом которого рекомендована на соискание государственной стипендии Министерства культуры Российской Федерации.

Публикации: «Мурзилка», Всероссийская еженедельная литературно-развлекательная газета «Школьник» (Москва), журнал «Шишкин лес» (Москва), белорусский журнал «Рюкзачок», украинский журнал «Литературный детский мир», «Волга XXI век», «Кубань сегодня», «Краснодар литературный».

Участие в сборниках: сборник стихов русскоязычных авторов, вышедший в Челябинске, «Если ветер запереть»; сборник сказок, вышедший в Ужгороде, «Ах, если бы»; сборники стихов и сказок авторов Международного творческого объединения детских авторов «Режимкина книжка» и «Пижамкина книжка», сборник «Кубанская библиотека»; сборник «Кубань в зеркале поэзии».

Сборники стихов для детей «Чистюля», «Царство послушания», «Где вешают носы».

Королева причитает,
Плачет, бедная, навзрыд:
– Тут мороженое тает!
Где же этот Аппетит?

А король без Аппетита
Смотрит грозно и сердито.
Аппетит, как воздух, нужен.
Без него какой же ужин?

Не нанес ли Вам визит
Королевский Аппетит?

ЭСКИМО С АНГИНОЮ

Я под деревом сидел,
Отдыхал на лавочке,
Полтора десятка съел
Эскимо на палочке.

А теперь горячий чай
Дома пью с малиною.
Видно, съел я невзначай
Эскимо с ангиною!

ГДЕ ВЕШАЮТ НОСЫ

Часто слышу я вопрос:
Почему повесил нос?
Где повесил? Как же так?
Нос – не шляпа, не пиджак.

Я смотрю, смотрю кругом,
Обошел уже весь дом:
Вот картина на стене,
Занавеска на окне,
Надо мной висят часы...
Где же вешают носы?..

ЧТО КЛАДУТ В ПОРТФЕЛИ

Что кладут в портфели
Дети-непоседы?
Ролики, качели
И велосипеды!

Что кладут в портфели
Наши силачи?
Гири и гантели
Или кирпичи!

Что кладут в портфели
Модницы из класса?
Тоники и гели,
Ленты из атласа!

Что кладут в портфели
Главные обжоры?
Пончики, тефтели
Или помидоры!

Что кладут в портфели
Школьники с фантазией?
Бури и метели,
И Европу с Азией!

ТРАНШЕЯ ДЛЯ ШЕИ

Целый день играли в прятки
И мартышки, и утятки,
И козел, и крокодил.
А жираф один грустил…

Аж до слез ему обидно,
Ведь его повсюду видно,
Где жирафу спрятать шею?
Может, выкопать траншею?

МЫ ИДЕМ ВСТРЕЧАТЬ РАССВЕТ

Мы шагаем по горам,
Улыбаемся ветрам.
По тропинке след в след,
Вот кроссовка, вот – кед.
Мимо кленов и дубов,
Мимо ягод и грибов,
Где лесочек густ-густ,
Вот пенечек, вот – куст.
По завалам из камней,
Где подъемы все трудней.
Не жалея наших кед,
Мы идем встречать рассвет!

ХРОМОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Хромое поведение
Под партою сидит,
Оно, как привидение,
Имеет бледный вид.

Оно, как привидение,
Тайком приходит в класс,
И сразу настроение
Меняется у нас.

И сразу оживление,
Движение,
Падение,
Учебникотрясение
И даже чье-то пение...

Проделки наши скверные.
Скажу вам тем не менее:
Ребята мы примерные,
Хромает По-ве-де-ни-е!

ЗАПИСОЧКА

Записка от девчонки,
Ажурные края,
По классу хохот звонкий,
И весь краснею я…

Совсем учитель близко,
Он смотрит на записку!
Что делать? Может, съесть?
Как сладкую ириску…
А хочется прочесть!

СЕМЯ ЗРЕЛОЕ ВЫСЕЮТ КЕДРЫ…

Леонид Гержидович… Его творчество, активное, плодотворное, началось в 60-е годы минувшего века. Но отнести его к шестидесятникам не получится. Нет в его стихах, написанных в то далекое время, социальной остроты, прорывной энергии, освобождающей подступы к новому развитию человеческого духа, способному и без ракеты достичь космических высот.

Рождественский тогда даже в любовной, казалось бы, лирике обозначал одну из центральных тем:

– Скажу тебе: убей!
– Убью.
– Скажу тебе: умри!
– Умру.
.....
– Любовь тебе отдать?
– Любовь.
– Не будет этого!
– За что?!
– За то, что не люблю рабов.

Евтушенко негодовал, выступая почти газетным публицистом-обличителем:

Отечественное болото,
самодовольнейшая грязь,
всех мыслящих, как санкюлотов,
проглатывает, пузырясь.

Вознесенскому хотелось такого… такого, чтобы опрокинуть всю серость:

Все поздно, поздно, поздно.
Кроме твоей свирельки,
нарядны все, но постны,
и жаль, что не смертельны!

А что у молодого, сильного, поэтически одаренного Гержидовича?

Мне не зрелую грушу
И не спелую вишню.
Застегнуть бы мне душу
Желтой пуговкой пижмы,
Чтобы взятое в вожжи
Это легкое лето
Сохранить в себе дольше
И не выронить где-то.

Да, это возле шестидесятников не стоит совсем. К чему сравнения? Это же региональная поэзия, далекая от политического центра страны, глобальных тем, социальных страстей. Не было, наверное, до них дела сибирякам, строившим новые города, выдающим на-гора рекордные тонны угля, увлеченных хариусиной охотой… Раздольная жизнь – вот сердце и поет:

Как строчка яркого стиха,
Своя, ни в чем неповторима,
Хариусовая уха
С приправой талового дыма.
В ней и воды, и неба сплав.
Она земли вобрала соки,
И запахи прибрежных трав,
И нежность утренней протоки.

Изначальное, вечное вбирают стихи молодого поэта. Он стоит на родной, здоровой и прекрасной земле. Произрастает из нее, как ель, кедр, береза, так же естественно, просто. И стихи рождаются не натужные, а полные простора, любви и своеобычной гармонии:

Где-то по соседству у костра
Вдохновенно и разноголосо
Соловей лютует до утра.
В тихих водах месяц серебрится,
И не слышен шорох камыша.
Кажется, поет совсем не птица,
А тайги стозвучная душа.

Подобное цветение поэзии, вызванное таинством природы и души, чистой, неосквернённой грубостью цивилизующегося мира, мы находим у Есенина. Но там звучит песня срединной, лесостепной Руси, а здесь – глухоманно-таежной:

Коростель, товарищ мой давнишный,
Вновь всю ночь не спится нам в тайге.
Что в затихших травах говоришь ты
На своем скрипучем языке?
Знаю, ты влюблен в березы эти,
В звон кедровый, росные лога.

Первые книги Леонида Гержидовича – признание таежному краю в любви. И эта земля становится родиной не только бродяжного, непоседливого барзасского Леньки, но и его творчества.

– Поэзия без родины – сирота несчастная, – говорил мне поэт в минуту откровения. – Скитался я и все найти себя не мог. А вернулся в места, где вырос, где облазил, шишкуя, все кедры, и понял, что сердце оставалось здесь, что обрел я его снова…

Тайга медовым запахом
Напоена
И каждой травкой махонькой
Пьяным-пьяна.
Ах, таволга, ах, таволга,
В звенящий зной
Мне в душу влилась надолго
Ты белизной.
Люблю тебя я, Родина,
В моей крови,
Гляди, заколобродили
Меда твои!

Пожалуй, с книги «Таволга» и началась трогательная популярность поэзии Леонида Гержидовича среди земляков. Он как-то естественно, непринужденно

высказал копившееся у таежников, сибиряков благоговение перед хвойной, неувядающей, вечно молодой и новой родиной. Кажется, сама эта земля заговорила устами поэта.

Таежная мелодия Гержидовича не могла родиться ни в каком другом месте, сибирская речка Барзас – ее начало:

Пушисто-белою метелицей
Через овраги и цветы
Пусть мягкие туманы стелются,
Чтоб снова вспоминалась ты.
И от туманов, и от донника
Пусть будет ночь белым-бела.
Пусть, как часы на подоконнике,
В ней застучат перепела.
И я тропинкою прибрежною,
Где елей контуры остры,
Сбегу в туманы белоснежные
Зажечь высокие костры.

Барзасская земля родила его, чтобы обрести слово, чтобы было посредством кого говорить. И собрал он «свиристелей стеклянную россыпь… на рассветном снегу, переливчатый посвист синицы, что в морозе застыл на весу». Собрал бережно, любовно все эти звонкие дары родной стороны.

Чтоб, звеня и сверкая, при встрече
Мой язык был и ярок, и нов.
Ни к чему мне пустячные речи
Да убогость изношенных слов.

Самобытный язык Гержидовича насыщен «свиристелями», каких «цивилизованный» поэт с эллиническими завитушками и экзистенциальными протуберанцами и не слыхивал. Вот они: «В тальнике за увалом», «Ой, ты, торопкая речка Никольская», «Забилась копалуха в тень. По дуплам белка цокот прячет», «На крутояре возле речки». Вот еще: «Как язык от весенней цикуты, вспыхнул я от избытка огня», «Ветер тычется в спину, лезет холод в пимы», «Чтоб забыл я туманов кудели», «От мира на отколе», «Наш мальчишеский разгул оглашал урему», «Верни нам птиц, летящих всклень», «Там в урочище таежном», «Выжгу пару иголок – и сошью торбоса», «Под пичужье колготье», «И веслом врезаюсь в пенный стреж».

Можно и словарь Гержидовича составить, хорошее было бы подспорье для молодых местных поэтов. Язык-то и в глубинке уже пообветшал и замусорился: стал рыночно-базарным и англо-сетевым. Народность из него выветривается с навешиванием глобальной информационной паутины, с уходом поколения малых городов и деревень, самодеятельных традиционных сообществ. Трепетный, стозвучный язык, воплощающий духовную жизнь, превращается действительно во вторую сигнальную систему: нажал кнопку – «пуск», нажал вторую – «файл», нажал третью – «выход».

Поэзия Гержидовича бережет родной язык, которым мы умудряемся еще жить, относя себя к русскому народу. Поэтическая речь его нередко выходит за пределы словарно-литературной речи, в ней богатая россыпь «свиристелей», взятых из звучного мира тайги, таинственного говора ельников, кедровников, тревожного лепета березников и осинников, из перезвона ручьев и речек, из запредельного, еле слышного шепота трав. Гержидовичу от каких-то волхвов передалось умение все это слушать и слышать, а потом передавать любому открытому сердцу…

Учебником его языка, его понимания мироздания, жизни и смысла человеческого существования является сборник стихов разных лет «Пихтовая родина», за который Леонид Гержидович получил Федеровскую премию. Книга эта – и высокое признание творчества поэта…

Как-то не то в шутку, не то всерьез он сказал: «Благодаря журналистике ты где-то пошел дальше меня». «А зачем тебе туда идти?» – ответил я. Политико-литературный ор разве не набил еще оскомину? Да, шестидесятники высказались мощно, оставили немало шедевров. Их работа предшествовала последующим социальным движениям и переменам. Но противоречивые последствия указали и на противоречивость влияния обличительного слова.

Гержидович избежал этого, хотя очень ярко сказал о своей тревоге, об уничтожении наших природных корней и духовном обнищании человека. Он и об этом говорил и говорит языком земли, на которой живет, ему чужды искусственные формы выражения тревог и переживаний.

Еще в своей «Таволге» поэт воскликнул:

Тайга!
Ненастится огнем
Твое волшебное величье.
Становишься ты день за днем
И беззвериней, и бесптичей.
Теряешь ты свои черты.
Не хлебом стала, а половой.

Ощущая тонкою душой, какое идет разрушение, поэт все громче говорит о своем несогласии:

Как вола, засупонил
Сам себя человек.
Ничего он не понял,
Хоть и прожил свой век.
Словно в камере душной,
Прозябал в немоте,
Хоть бы раз равнодушный
Взгляд поднял к красоте.

Однажды Леонид Гержидович ушел от людей в тайгу. Не выдержала его внутренняя природа. Вырос он в поселке Барзас с простым общинным укладом жизни, с бесхитростными по теперешним меркам людьми. Были среди них и добрые, и злые, но не было в них нынешней изощренности, извратности при достижении своих целей. Вольная воля да безотцовщины доля были наставниками Леньки. Немало пришлось побродяжничать ему. Главной его кормилицей, утешительницей и в отрочестве была тайга. И когда, созрев, он столкнулся с миром, зараженным

завистью, карьеризмом, приспособленчеством, он отверг его. Школьный учитель физкультуры стал охотником, которому не нужно было ни перед кем кланяться.

Суета и гонор власти,
Безнадега, как дожди,
Каждодневные напасти –
Все осталось позади.

Но еще острее издали он взглянул на мир суетный, загнивающий, истощенный борьбой за никчемные цели. Пустопорожние высокие слова, «гонор власти» обмануть его не могли:

Обрезают тополя:
Лишнее в стороночку,
Как детей учителя, –
Под одну гребеночку.
Под единый под ранжир
Деревца подогнаны.
Стынет день, убог и сир
Под моими окнами.

Гержидович неизбежно вышел на те же темы, что и шестидесятники, не разрывая пуповины, соединяющей его с землей. В его стихах мало громогласности, но много душевной боли: за себя, близких людей, пихтовую родину и державу обидно:

Норовом слепым и загрубелым
Дыбится промышленный прогресс.
Я забыл, что снег бывает белым,
Небо синим и зеленым лес.
.....
А утрами черная синица
(Не поймешь, быть может, воробей)
Мне в окно затравленно стучится
И кричит: «Убей меня! Убей!
.....
Ничего я птице не отвечу,
Хоть шепчи мне в уши, хоть ори.
Наслоился смрад нечеловечий
Толстым слоем у меня внутри...

Отсюда, от пичуги малой, до судьбы большой страны путь обыкновенен, прост, как водный сплав от Барзаса до Томи. Поэт преодолевает его в мгновение в стихотворении «О, Русь!»:

О, Русь!
Гробы,
Опять гробы
Качаются над пепелищем.
И снова каменные лбы
Меня вымысливают нищим.
Чтоб был я немощен и слаб.
Чтоб не прозрел я ненароком –
Надежен бессловесный раб
Перед возвысившимся оком.
И по дорогам вновь и вновь
Стрекочут гусеницы ржаво,
Чтоб растоптать мою любовь
К тебе, бесправная держава...

Это уже ближе к классике с ее искренностью, тревогой, нежели к трескучему вызову последователей 60-х. Нет в поэзии Гержидовича ни грамма фарса. Ему, живущему в глухомани, он не нужен вместе с дешевой славой и литературным лидерством. Нынешние литературоведы не найдут у него небывалых форм построения стиха, выражения мыслей, не найдут и образов, от которых едет «крыша». Не потащится бомонд от его песен, кулуарной публике будет от них скучно. Но обычные сибиряки Леонида Гержидовича любят, читают, берут с собой в зарубежные поездки, чтобы рядом на полке плескался родной Барзас, шумела и хвойно дышала тайга и чтобы душа не была в сиротстве и безнадеге:

На холмах успокоятся ветры.
По распадкам уснет снеговей.
Семя зрелое высеют кедры
На просторах Сибири моей.
И, быть может,
Под памятным небом
В тальниках, у светлеющих вод,
Из земли зеленеющим древом
Отзвук жизни моей прорастет.

Юрий Михайлов

ИЗ ВЕЧНОСТИ С ЛЮБОВЬЮ

О книгах серии «Молодые поэты Кузбасса»:
Сицуно Арисава «Особый случай вечности»,
Виктора Бровикова «Слова и очетания»,
Татьяны Кравченко «Просто стихи»,
Агаты Рыжовой «Путеводитель для сталкера»
(ЦДЛК, Кемерово, 2014 г.)

Четыре маленькие книжки стихов, напечатанные на обыденной, «негламурной», стилизованной под оберточную бумаге, в неказистых картонных обложках. Четыре разных, совершенно не похожих друг на друга молодых автора. Но существует объединяющее НЕЧТО, что, как осенний солнечный луч сквозь голые ветки деревьев, проникает сквозь строки этих сборников, пронизывает их, сплавляя в мощный энергетический сгусток, способный пробить мертвое уныние обыденности. Это НЕЧТО – общее, взаимопроникающее и взаимодополняющее ощущение жизни как дороги из вечности (***«вечное «когда-то»»*** *– А. Р.*) в вечность (в небо, в бессмертие) сквозь вечность (***«за окном всегда время года – вечность…»*** *– С. А.*). Дороги, по которой суждено идти, желаешь ты этого или нет (ибо жизнь – ***«длиннейшая из неволь»*** *– В. Б.*), любому из нас в отдельности и всем вместе. Смерть же воспринимается здесь как окончание тяжелого пути и переход из одного состояния в другое (из одной вечности в другую, очень хочется надеяться, более комфортную для существования души):

«Безвозвратно к небу ведет дорога,
Нам по ней идти, догоняя смерть». *– Т. К.*

«Все ближе рай, все ближе ад,
Все тяжелей дышать меж ними…» *– В. Б.*

«Нам для бессмертия осталось только лечь,
взойдя на смерть, как на Эльбрус, и флагом
у смерти требовать – меня увековечь!» *– А. Р.*

Каждый из упомянутых авторов по-своему преодолевает обозначенный нами опасный, непредсказуемый и полный неожиданных поворотов путь (***«А дорогу – дай поизвилистей, о Верховный Зодчий! / Я в пути разберусь, непременно пойму – как дальше…»*** *– А. Р.*): ***наугад***, по опыту зная, что ***все дороги*** все равно пройдут ***мимо Рима***, как В. Бровиков; с ***путеводителем для сталкера*** в руках, как А. Рыжова; ***в броне из весенних ветров*** со ***щитом из обсидиана*** и ***осенней мерцающей алебардой***, как девушка-воин С. Арисава; собрав силы и – ***вброд, через зиму***, как Т. Кравченко. И все, что встречается им на пути: человек, кошка, собака, птица, дерево, скамейка во дворе, снежинка (***«Жалко каждую снежинку – / насколько им страшно разбегаться / и прыгать вниз»*** *– С. А.*) – все является ***особым случаем вечности*** (***«Кошка тоже вечность, / наравне со злом, добром, / вечным счастьем и вечной мерзлотой»*** *– С. А.*), который хочется обнять (***«Я обнимаю планету…»*** *– А. Р.*), к которому хочется прикоснуться, почувствовать его (***«Так хочется лучи ловить руками, / не выбирать слова, а доверять / дождю, что падает на нас стихами…»*** *– Т. К.*), потому что сердце переполняет свет любви (***«Над унылой землей вместо сердца несу мячик солнечный…»*** *– А. Р.*), и без этого света оно существовать не может (***«Ты знаешь, а на самом деле нет / Без света… ничего на белом свете»*** *– В. Б.*):

С воробьиным гнездом, со скрипучим полетом качелей,
Со столом и скамьей, от дождей окосевшим грибком,
Томом «Юности» у ночника в изголовье постели,
Опустевшее сердце бессрочно сдается внаем.

С листопадом, туманом, тропинкой, нечесаным садом,
Мягкой лапой сосны,
сеновалом у задних ворот…
Кому надо – живите. Оно без хозяев умрет. *– В. Б.*

Вечности, как известно, субстанции туманные. Ни начала, ни конца, ни верха, ни низа, ни краев не разглядеть. Жутковато, но интересно:

Жизнь и смерть:
шаг и пустота.
Не страшно, что будет там,
страшно, что там – не будет.
Хотелось бы знать… *– С. А.*

«И в кармане бряцая сомненьем – затертою мелочью» (*А. Р.*), невольно задаешься вопросом: а туда ли идем? Есть ли что-нибудь за этой пеленой и нужно ли вообще куда-то двигаться, ***«если мир не имеет ни крыши, ни стен»***, а ***«все дороги огромной земли ведут в никуда»*** (*В. Б.*)? Да к тому же в пути без конца теряешь любимых (***«…я имя твое уронила в холодную воду молчания»*** *– Т. К.*), друзей (***«Медлительный отходит пароход / В кромешный холод – дальше, дальше, дальше. / Друзья, что никогда не станут старше…»*** *– В. Б.*), значимые для себя предметы (***«Носила колечко модница – / не свое, и малое, и не на своей планете»*** *– Т. К.*), время (***«время становится тоньше, время играет в прятки»*** *– Т. К.*), смысл происходящего (***«притворяясь моей судьбой, / дни проходят, не зная толку»*** *– Т. К.*), (***«Висят на небе облака / И ничего не означают»*** *– В. Б.*) да самого себя, наконец (***«Я пугаюсь себя, и давно я не ведаю, кто я»*** *– В. Б.*)! Как тут не впасть в отчаяние (***«сквозь линзы холодных окон мир показался серым»*** *– Т. К.*), не разувериться во всем (***«Как рассказать, что в каждом доме / Лишь одиночество и боль?»*** *– В. Б.*)! И только кошки (отдельное спасибо тебе, Сицуно, за это) остаются с нами навсегда:

Каждому кошка дается на всю жизнь, меняя свой облик
от облачка с мягкой шерсткой, помещающегося в ладонь,
до существа, которое уходит, познав девять жизней,
и снова возвращается беззащитными шагами, едва
открыв глаза.

Кошку создали маленькой и легкой,
способной ходить туда и сюда по прозрачной стене,
отделяющей одну жизнь от другой. *– С. А.*

А еще с поэтом остаются слова, как последняя надежда, как соломинка для утопающего, как глоток воздуха перед смертью:

«Буква кровавым побегом растет на бумаге,
Чтоб хиросимно и ярко цвести по весне» *– А. Р.*

«Только что придуманное на лету застывает.
Вода в решете твердеет, и даже малость
не будет потеряна. Так бывает,
когда ничего-ничего не осталось,
даже пробелов между тобой и словом» *– Т. К.*

«Спешу дышать и жить спешу,
И знаю – не успеть,
И второпях стихи пишу,
Отодвигая смерть…» *– В. Б.*

«Год тяжелых испытаний и мрачных пророчеств
Все-таки прошел навылет.
<…>
Может, стала злее, может – сильнее,
но не разучилась двум вещам:
мечтать и писать стихи» *– С. А.*

Поэт говорит, черпая вдохновение из бездонно-бесконечного пространства жизни, и заново создает и самого себя, и смысл мироздания, и вектор движения, и красочный мир вокруг:

«Каждая буква – горсть земли под ногами,
Каждое слово в небо глядит травою…» *– Т. К.*

«Терзала лист – и гул в душе стихал.
И жизнь проста, как рубище стиха» *– А. Р.*

«Меня терпела бледная бумага,
и расцветала, и запела вдруг,
каракули мои в себя вбирая» *– А. Р.*

Он прорастает корнями в сие пространство-вечность, пьет его соки, тянет к нему ветви, оставляет для него плоды, становится с ним единым целым и в результате этой мучительной метаморфозы наконец обретает так долго искомую почву под ногами:

«Бывает, живешь, словно в стволе дерева,
пытаешься пить эту жизнь корнями сухими…» *– Т. К.*

«О чем мне писать, если вкопаны в землю деревья.
<…>
…А деревья скрутило от боли в потерянных крыльях» *– В. Б.*

«Но рвется флаг из ослабевших рук…
Мы для бессмертия творим и умираем» *– А. Р.*

«А потом древко от знамени оказывается ростком,
который вытягивается и прозрачными корнями
удерживает землю под тобой…» *– С. А.*

Так ***просто стихи, слова и очетания*** складываются в ***путеводитель для сталкера***, который становится ***особым случаем вечности***. Так я увидела и почувствовала эти четыре сборника молодых кузбасских поэтов. Возможно, кто-то не согласится (спорьте!) и найдет в них что-то свое, противоположное обнаруженному мной. И это правильно, потому что чтение стихов – это сотворчество поэта и читателя. Сотворчество, как и творчество, – занятие нелегкое. Открывший книгу должен приложить определенные усилия, чтобы оказаться вовлеченным в поэтический энергетический поток, пропустить его через себя и встроиться в него, привнеся что-то соответствующее личному жизненному опыту и мировоззрению. В свою очередь, автор должен суметь вовлечь читающего в этот поток (задеть, «зацепить» за что-то «живое», личное). И тогда из подобного слияния возникает совершенно новая, пусть крошечная, но особая и неповторимая, как каждый из нас, «вечность». Виктору Бровикову, Агате Рыжовой, Татьяне Кравченко и Сицуно Арисава удалось подвигнуть меня к сотворчеству, результатом которого явилось все изложенное выше. За что я им премного благодарна.

Елена Елистратова,
г. Кемерово

ПЕРЕВОД: МОСТЫ И СКРЕПЫ

Текст доклада на XV конференции ассоциации писателей Урала и Сибири
6 ноября 2014 года. г. Сургут

Славное пятнадцатилетие АсПУр и тема юбилейной конференции: «Проблемы и перспективы многонациональной литературы Урала и Сибири», и, в частности, литературно-переводческая деятельность совпали не случайно.

Разве случайно то, что сегодня повсюду расползаются трещины цивилизационного кризиса, которому в высшем смысле своего существования и повседневного труда АсПУр и противостоит?

Конечно, в сугубой повседневности мы не всегда осмысливаем ситуацию столь масштабно, но упускать ее из виду нельзя ни на мгновение. Потому что слово писательское, как зерно, восходит, взрастает и хлебом сочувствия и добра питает наше будущее. Мы должны беречь эти зерна в погоду и особенно в непогоду.

Урал – плавильный котел народов и культур, но в том и только в том случае, если у нас есть желание жить на этой удивительной земле вместе, обихаживая ее и воспевая красоту и щедрость, сохраняя свою индивидуальность и любуясь теми, кто на нас не похож укладом, обычаями, характером… Главным источником энергии для этой плавильни может быть только высокая воля добрососедства – именно она гасит взаимные обиды, которые в силу особенностей истории любого народа можно ведь и набрать, и накопить, и умножить – но в этом случае благословенная плавильня становится миной незамедлительного действия и чудовищной разрушительной силы.

Трудно сосчитать, сколько языков, народов, культур развиваются сегодня на Урале и в Сибири. Их очень много. И не только коренных. Глобальные миграционные процессы, разворачиваясь во времени и пространстве, неизбежно приводят к тому, что человек как за соломинку хватается за родной язык, родную веру, родные обычаи, иначе жизнь стирает не только эти черты, но и саму личность. Поэтому сегодня, когда, казалось бы, все национальные приметы должны обесцениваться, бледнеть и исчезать, они, наоборот, становятся дороже, видятся ярче.

Говорить о современном состоянии национальных культур Урала и Сибири можно с двух позиций, взаимосвязанных, но все-таки различных. Первая – это состояние самих национальных культур, проблематика их сохранения и развития. Вторая – разворачивание диалога культур. И если в относительно благополучные годы в приоритете первое направление, то в кризисных ситуациях – безусловно, второе. И как раз сегодня – именно второе. Развитие диалога культур становится жизненно необходимым, потому что сценарии разделения, разрушения России абсолютно реальны, и одна из главных ставок делается именно на национальный вопрос.

Ассоциативная основа делает содружество писателей Урала и Сибири мощным инструментом противостояния агрессивному сепаратизму. Во-первых, потому, что слово, в принципе, главное средство, инструмент выстраивания взаимопонимания. Во-вторых, литературное, художественное слово обладает особым смысловым потенциалом и глубокой убедительностью. Ну, и в-третьих, за пятнадцать лет своей плодотворной работы ассоциация на огромной территории восстановила и вновь создала столько теплых, дружеских, сердечных писательских связей, в том числе и межнациональных, что в этом поле живого общения культурный диалог в целом и конкретно художественный перевод возникают уже из потребности поделиться своим личным открытием национального писателя.

На встречах АсПУр постоянно звучат стихи на удмуртском, башкирском, грузинском, азербайджанском, башкирском, все мы с радостью слушаем нежные детские песенки и мудрые стихи первой хантыйской поэтессы Марии Кузьминичны Вагатовой… И задал это направление деятельности Ассоциации ее бессменный координатор Александр Кердан, почти в каждой поэтической книге которого хоть несколько переводов своих земляков-современников, но есть.

И если такие поэты, как Андрей Расторгуев, занимались переводческой деятельностью еще до прихода в Ассоциацию, то автора этого доклада, например, на эту деятельность сподвигла именно работа в АсПУр, именно желание поделиться своей радостью общения с поэтическим миром современной азербайджанской и башкирской литературы.

Переводческая деятельность важна не только как знакомство и общение культур, литератур, поэтических миров, но и как инструмент развития каждой культуры. Ведь осознание себя и движение в будущее всегда происходит в диалоге с «другим» (и здесь мы делаем необходимую отсылку к трудам М. М. Бахтина).

Характер межкультурного диалога имеет для будущего определяющее значение. Это может быть культурная экспансия или культурное донорство, а в зависимости от выбора модели общения различны и результаты.

Разные диалоги приводят к разным, диаметрально противоположным результатам, и в этом мы воочию убедились в конце XX – начале XXI века. Культурная экспансия значительно сужает возможности развития обеих сторон взаимодействия, потому что внедряет и поддерживает культурные модели только одной стороны, приводя все разнообразие не к единому, а к одному-единственному знаменателю. Культурное донорство эти возможности умножает многократно, поскольку поддерживает, «подставляет плечо» культурам малых народов, делает их произведения широким достоянием – но и питает их «большими смыслами» большого культурного пространства.

Проблематику культурной экспансии можно пояснить на маленьком примере вестернизации нашей поэзии в верлибристике. В форме верлибра мысль очевидно доминирует над чувством, а в традиционном русском стихосложении именно чувство является волновой, ритмической, музыкальной основой и обретает форму благодаря четкому осмыслению. Мыслеформы при этом приобретают гибкость, а чувствование – логику и завершенность. Заимствовав западный рационализм, поэтическая среда начала двухтысячных захлебнулась бесконечной верлибристикой, в которой не только оказалась утраченной генетически родная музыкальная основа, но и не прижи-

лось заимствованное жесткое рацио. Получилось этакое «горизонтальное письмо, уходящее в дурную бесконечность». Стала ли культурно богаче при этом противоположная сторона диалога? Конечно, нет, ибо с кем же ей этот диалог вести? Разве что самоутверждаться в собственных исключительности и превосходстве – вопреки логике развития самой жизни.

Диаметрально противоположен принципам экспансии мощный позитивный опыт советской цивилизации. Он показывает, как активизируется в диалоге развитие национальных литератур и сколько социальных и политических проблем при этом решается ненасильственными, исключительно культурными средствами. Русская культура выступала здесь как культура-донор, культура-посредник, но она при этом обогащалась всеми привносимыми в нее смыслами и формами.

Едва ли нужно уточнять, какой диалог нам сегодня необходим. За минувшие четверть века в нашем литературном мире, лишенном не только господдержки, но и жизнеспособной идеологии, больше всего пострадала именно зона диалога национальных культур. Разрушились связи, цементирующие многонациональное государство, истончилось высокое поэтическое взаимопонимание, искусство перевода отошло на задний план, межлитературные контакты стали частным делом переводчиков.

Но вот вдруг – как страшно буквально на наших глазах откололась от славянского, от русского мира Украина! Как быстро заплыла живой кровью роковая трещина! А ведь все прекрасно знают, что сначала (чаще целенаправленно, третьей стороной) разрушается культурное взаимопонимание, потом – закономерно и неизбежно – льется кровь.

И любая «горячая» точка возникает вначале как культурный разлом, люди перестают ценить общее, предпочитают отделять и отграничивать свое индивидуальное и свое национальное до такой степени, что бывших собеседников уже не считают не только собеседниками, но и вообще людьми. Да, конечно, нельзя убивать людей, но ватники и укры – это ведь уже не люди, и значит – можно?..

Стратегия и тактика культурных войн разработаны сегодня во всем своем чудовищном совершенстве. Мало того, ставка на сепаратизм и межнациональную рознь внутри России делается противниками вполне открыто. В огромной степени циничная незамаскированность этой агрессии рассчитана на объективную хрупкость культурных мостов и опирается на точное знание «трудностей перевода».

«Культурная» война против России щедро финансируется с расчетом на стремительную многократную окупаемость. Потому и либеральная общественность уже давно развернула шумную кампанию по очернению русской – базовой, объединяющей страну культуры-донора. Но от ударов по ней трещины идут и вдаль, и вглубь всей цивилизации. И в этом трагическом развороте современных событий пятнадцатилетняя бескорыстная подвижническая деятельность Ассоциации писателей Урала приобретает особый охранительный, державный смысл.

Уже само по себе существование АсПУр, целенаправленное и спонтанное возникновение профессиональных и личных контактов между писателями вызывает искреннее желание слышать и понимать друг друга, делиться находками и творческими открытиями, порождает столь востребованные жизнью растущие объединительные процессы. Хотя так остро не хватает конкурсов переводов именно с языков народов Урала и Сибири, нет творческих семинаров, где бы воспитывались бы молодые переводчики...

В мире, где агрессия внедряется, разжигается и распространяется целенаправленно и массированно, искусство жить в мире – это искусство перевода. Образы «почтовых лошадей просвещения», «кораблей, соединяющих между собой острова» дают зримые очертания самой сути переводческой работы. И мы все должны отчетливо понимать те самые «трудности перевода», на которые делается ставка разрушителей. Но сама духовная природа культуры такова, что живые связи возникают сами по себе, из потребности добрососедства и живого человеческого сочувствия.

Вот в промышленный город Челябинск приезжает из пылающей Грузии прекрасный азербайджанский поэт Аслан Герархылы и, чтобы прокормить семью, торгует на рынке обувью. Неисповедимы пути поэтической судьбы – через каких-то третьих-четвертых лиц мы знакомимся, и даже за кривым ломаным подстрочником я ощущаю, насколько сильна и чиста его философская поэзия. Переводы выходят отдельной книгой. И полгода спустя в каком-то паспортном столе какой-то неизвестный мне чиновник, оформляя очередные документы Аслана, говорит ему: «Спасибо за книгу, я понял, я почувствовал, что переживают мигранты. Я вас понимаю». Год за годом и азербайджанская, и грузинская пресса начинают следить за судьбой поэта, за его переводами на русский, за нашими литературными праздниками, публикуют наши культурные новости...

Одно из совещаний молодых АсПУр познакомило нас с башкирской поэтессой Ларисой Абдулиной. Она тогда перевела на башкирский наши стихи, уфимская газета выделила им целый разворот. И я вслед за Светланой Чураевой начала переводить стихи Ларисы. А потом случилось большое маленькое чудо. Решая свой труднейший жилищный вопрос (семья с двумя маленькими сыновьями ютилась в комнатке общежития), Лариса отправила президенту Башкортостана письмо-просьбу и приложила книгу переводов своих стихов на русский. И поскольку башкирскую поэтессу оценили в России (так сказал президент), ей выделили двухкомнатную квартиру, куда она переехала из общежития с двумя детьми и сейчас растит уже третьего сына.

Недавно в Челябинске вышла книга «Острова и корабли». Ее составитель Юрий Брызгалов, технический переводчик, просто для себя переводит с западноевропейских языков и издает малоизвестных поэтов. И вот он решил собрать всех челябинских переводчиков поэзии – это оказался большой коллектив, в том числе и молодые, двадцатилетние...

Так культура сама выстраивает живые нити взаимопонимания, не дающие земле разорваться и заплыть огнем и кровью большой беды.

Но разве 15-летняя деятельность Ассоциации – не перевод? Перевод хаоса чувств в гармонию слов и мыслей,

перевод непостижимого Божиего замысла в драматические коллизии и эпические сюжеты, перевод непонимания в понимание, презрения и равнодушия в живое горячее сочувствие? По какому же принципу он происходит? Да, конечно, по единственно возможному принципу восхищения и любви. Когда понимаешь это, переводить становится легко. Начинаешь со-чувствовать еще вне мысли, вне логики. Ищешь со-ответствия. Отвечаешь... И открываешь для себя мир собеседника, и понимаешь, что при всем внешнем различии в нем есть глубокое, необыкновенно сильное и притягательное, неразрушимое родство...

В предельном бытии, видимо, именно так происходит перевод из непонимания, страха, вражды и ненависти – в любовь. И поэтому у Ассоциации впереди много работы: бесконечно и неустанно переводить сегодняшний день на язык любви.

Нина Ягодинцева,
Челябинск

ЧТО ЧИТАТЬ ТУНГУСУ И КАЛМЫКУ...

Думаю, понятно, что таким названием я вспомнил бессмертные слова А. С. Пушкина.

И в самом деле, что ныне читать на своем родном языке представителям не русского народа, так называемых национальных меньшинств в Свердловской области, в Челябинской области, да и в любой из областей России? Каково состояние национальной литературы вне национальных республик через четверть века постсоветского нашего бытия?

К сожалению, приходится сказать: состояние национальной литературы вне национальных республик никакое.

Российская империя не являлась тюрьмой народов, как было принято считать при советской власти. Национальный вопрос в Российской империи был гораздо на большей высоте, чем в странах Запада, где он попросту вообще не ставился, ибо страны Запада, исключая Австро-Венгерскую империю, были по преимуществу моноциональные. В Австро-Венгрии же господствовала политика полного онемечивания всех населяющих ее народов. Национальная политика в Российской империи была гибкой и, несмотря на принцип русификации, учитывающей национальные своеобразия народов, входящих в ее состав. Польша и Финляндия имели свои конституции. Среднеазиатские народы имели свою судебную систему, язык их не запрещался. Народы Закавказья и Прибалтики подлежали общеимперской юрисдикции, но пользовались своим родным языком, имели свою национальную литературу, национальные журналы, газеты, театр и так далее.

И большое влияние на национальные литературы России оказывала могучая русская литература, хотя она сама не была предметом внимания государства в плане ее финансовой поддержки. Финансово не поддерживало государство литературу. Но сколько заботливо было оно в плане морали, в плане воспитания литературой молодого поколения!

Лучшие традиции отношения к литературе старой России взяла на вооружение советская власть, прибавив к ним полный государственный контроль, как, впрочем, полный государственный контроль вообще за всем. И советская власть дала огромный стимул для развития именно национальных литератур. Уже в первые годы советской власти книги в стране издавались на 20 языках населяющих ее народов. К середине 30-х годов количество таких изданий выросло до 50, а к концу 80-х оно приблизилось к 90. И при наличии хорошо отлаженной государственной системы межобластного и межреспубликанского книгообмена представитель любой национальности, где бы он ни жил, имел возможность читать литературу своего родного народа на своем родном языке. И большинство малых народов, населяющих СССР, могли читать русскую классику и образцы современной литературы в переводе на свой язык. А русский читатель с любовью читал переводы литераторов этих малых народов. Наверняка каждый из нас сходу вспомнит аварца Расула Гамзатова, башкира Мустая Карима, чукчу Юрия Рытхэу, манси Ювана Шесталова, татарина Мусу Джалиля, кабардинца Алима Кешокова, калмыка Давида Кугультинова, балкарца Кайсына Кулиева, ногайца Иссы Капаева, адыгейца Тембота Керашева, осетина Нафи Джусойты и многих других.

Система взаимообмена была столь хорошо отлажена, что мнилось, будет вечной. Но оказалось, что и сама вечность далеко не вечна. На зернышко нашлась мышка. На мышку нашлась лиса. На лису нашелся охотник. На охотника нашелся егерь. На егеря нашелся чиновник. На... нет, на чиновника никто не нашелся. Чиновник оказался вечен. И зернышка нет, и никого нет. Ему хорошо.

Советской власти уже нет четверть века. И никто никого не издает четверть века. Четверть века никто ни с кем не обменивается. Чудо, как хорошо!

И все наработанное и проверенное поколениями тружеников, подвижников, мыслителей в одночасье было оболгано и запрещено. Запрещена была даже государственная идеология! Но ведь запрещай ее не запрещай – она все равно будет, как запрещай не запрещай белу свету быть белым, а утром он все равно придет. И полезла она, идеология, вопреки запретителям из всех щелей да такая, что хоть святых выноси. И родила она тотчас же от запретителей их общих детишечек: проституцию, наркоманию, стяжательство, межнациональную рознь, безграмотность, жестокость, продовольственную зависимость от зарубежа, глумление над веками, овеянными идеалами, образованием, армией... И как-то нравится она, что ли, такая идеология – не хотят ее запретить. Стала она, такая идеология, нормой жизни. И не стало в этой норме места литературе как носительнице идеалов, как одной из составляющих и, вопреки расхожему мнению, далеко не последней составляющей обороноспособности страны.

Состояние русской литературы нам более-менее известно.

А вот что читать в Свердловской, Челябинской да в любой другой области России нерусскому человеку, если он захочет почитать на родном языке?

В Свердловской области читать ему есть вот что.

Из 56 районных библиотек только 20 указали наличие в своих фондах литературы на языках народов России. Еще

14 библиотек показали наличие литературы на немецком языке, который уже пора называть языком народов России, так как в некоторых районах области немецкое население довольно значительное. Всего же в фондах библиотек области насчитывается 17,6 тысяч экземпляров.

При этом на татарском языке – 14,8 тысячи экземпляров (84 %), марийском 1,65 тысячи, башкирском – 0,8 тысячи, чувашском – 66 экземпляров, идише – 35 экземпляров, удмуртском – 19 экземпляров, балкарском – 15, мордовском – 2. А на языках народов бывшего СССР, и теперь живущих самостоятельными государствами, есть 41 книга на армянском языке, 24 книги на украинском, 23 на грузинском, 9 на киргизском, 8 на казахском, 2 на латышском и 1 книга на литовском языке. Периодических изданий на все языки – 193 экземпляра. Четверть всех книг – это художественная литература времен СССР, и лишь небольшая часть художественной и иной литературы – нынешнего времени, принесенная в библиотеки читателями.

Чуть лучше дело обстоит в Областной межнациональной библиотеке в Екатеринбурге. Здесь насчитывается около 11 тысяч экземпляров на всех языках народов бывшего СССР, исключая, конечно, русский. И здесь впереди по численности идет татарская литература – 3,7 тысячи экземпляров, затем башкирская – 2,4 тысячи, марийская – 800 экземпляров, удмуртская – 670. Народ манси представлен 15 книгами, якуты – 79 книгами, цыгане – 2 книгами. Быстро растущие кавказские диаспоры – 58 книгами. Для таджиков здесь имеется 19 книг, для киргизов – 3. Есть 2 книги на греческом языке, 2 книги на уйгурском. И если бы отыскался эвенк, он бы тоже смог подержать в руках книгу на родном языке, одну-единственную.

При этом надо сказать, что пятую часть населения области представляют национальные меньшинства. До недавнего времени, по словам работников библиотеки, спроса на эту литературу почти не было. Но что-то в обществе произошло. Такие книги становятся все более востребованы. И все более растет спрос на новинки. Но дать их нет никакой возможности. В прошлом, 2013 году при поддержке Министерства культуры Свердловской области вышел альманах под названием «Литературный альманах народов Урала», где несколькими стихотворениями на родном языке или в переводах оказались представлены башкиры, грузины, евреи, корейцы, марийцы, поляки, татары, удмурты. На презентации и потом в правительстве области шел нелегкий разговор о том, как выходить из положения, ибо спрос на родные языки и литературу стал расти, стали открываться воскресные школы изучения родного языка в среде армянской, грузинской, татарской диаспор, а предложить в ответ на этот благородный порыв нечего. А, как известно, свято место пусто не бывает. Его активно занимают другие учителя – только преподаваемый ими язык трудно назвать для кого-нибудь родным. Результат их преподавания становится все более заметен. В Уральском федеральном округе, по официальным данным, количество преступлений на межнациональной почве выросло в три раза. Конечно, этот рост можно отнести на счет волны гастарбайтеров, но от этого, наверно, легче станет только тому чиновнику, который бьет егеря, вместо того, чтобы уберечь зерно от мыши. Четверть века разгульной идеологии дала свой результат на несчастной Украине. Четверть века и мы без идеологии, без государственной политики в области не только межнациональных отношений, но политики в области русского языка и литературы.

– Какова рентабельность от вашего мероприятия? – спросил как-то совершенно конкретный чиновник нашего координатора Александра Кердана о конференции АсПУр.

– А вот если вашего сына посадят на иглу, а дочь подастся в проститутки – вот такова будет рентабельность от непроведения нашей конференции по вашей инициативе! – сказал Александр.

Зерно бросают в землю весной и ждут до осени, если даже очень хочется кушать.

Затурканный ныне Ленин не стыдился признавать, что надо пойти на выучку к капитализму. И, пока еще не поздно, следовало бы вернуться к проверенной поколениями системе отношения к литературе, к духовному миру народа, все еще желающему жить единой семьей народов России. Нужен государственный подход к литературе и языку этой семьи.

Арсен Титов

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

30 октября 2014 года в Центральной городской библиотеке имени Н.В. Гоголя МБУ «МИБС» (г. Новокузнецк) состоялась презентация книги «Элимай» (Стихи о мире природы Горной Шории. Стихи-загадки для детей и их родителей на шорском и русском языках). А втор книги - Т.В. Тудегешева, член Союза писателей России, лауреат премии Кузбасса, дипломант Международного литературного конкурса имени П.П. Ершова.

Перед началом презентации заместитель начальника департамента культуры и национальной политики Т. Акимова зачитала правительственную телеграмму Губернатора области А.Г. Тулеева и поздравительное письмо Л.Т. Зауэрвайн, где были отмечены значительные заслуги Т.В. Тудегешевой перед отечественной литературой.

Участники презентации познакомились с выставкой иллюстраций художника Р.Р. Ибадулина из книги «Элимай», посмотрели замечательную концертную программу с участием национальных ансамблей области.

Много теплых слов было высказано в адрес председателя Совета директоров ЗАО «ТопПром» Николая Владимировича Королева за финансовую помощь в издании сборника «Элимай».

***

Член Союза писателей России В.М. Неунывахин встретился с депутатами Киселевского городского Совета народных депутатов. Он рассказал о своих литературных достижениях в Год культуры, прочитал отрывки из произведений, поделился творческими планами на ближайшее время.

В конце встречи писатель подарил народным избранникам свои книги с автографами. А депутаты, в свою очередь, отметили труд Владимира Максимовича почетной грамотой горсовета и денежной премией.

Николай Ничик,

В Новокузнецке 14 декабря сего года в Центральной библиотеке им. Н.В. Гоголя состоялось представление книги Виктора Коняева “Непогасимая лучинка”.

16 декабря в областной библиотеки им. В.Д. Фёдорова состоялась встреча читателей с поэтом и прозаиком Михаилом Тарковским. Писатель представил слушателям возобновлённый альманах «Енисей», свою новую книгу «Избранное» и фильм «Замороженное время».

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Владимир Иванов. Что душу волнует – тем память живёт. Проза. Кемерово. 2014.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

Альманах «Чаша круговая» (г. Екатеринбург) за 2014 год дал подборку стихов поэта **Дмитрия Мурзина.**

В сборнике «Новые писатели»-2014 (г. Москва) напечатана подборка **Дмитрия Хоботнева** «Как не хочется жить по правилам...»

Журнал «Балтика» (г. Калининград) в № 3 за 2014 год в рубрике «Литература Россия» напечатал подборки стихов **Е. Елистратовой, Д. Мурзина, Ю. Сычовой,** рассказ **Д. Хоботнева** «Клуб неухоженных могил» и рассказ **В. Рукосуева** «Прыщ»

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru**

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru**

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40. В Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Металлургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

Свидетельство № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор ***В. И. Труханова***
Корректоры: ***Е. В. Фефелова, Т. Э. Панибратова***
Компьютерная верстка ***П. Б. Исакова***

Подписано к печати 15.12.2014. Формат 60×84 ⅛. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 373. Цена свободная

Адрес издательства и типографии «Кузбассвузиздат»: 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7.
Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77. E-mail: 58293469@mail.ru